

Машков Александр

**Отклонение от нормы,
или приключения
томбоя, обыкновенные
и невероятные**

Книга первая

Издательские решения
По лицензии Ridero
2017

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

- Александр Машков**
А46 Отклонение от нормы, или приключения томбоя, обыкновенные
и невероятные : Книга первая / Машков Александр. — [б. м.] :
Издательские решения, 2017. — 404 с. — ISBN 978-5-4483-9586-4

Мужчина 60 лет после смерти попадает в тело девочки, которая считает себя мальчиком, но затем сама влюбляется в мальчика.

**УДК 82-3
ББК 84-4**

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

Отклонение от нормы

Или приключения томбоя, обыкновенные и
невероятные

h666

Что делать. Если попадаешь в тело избитого и униженного ребёнка? Надо во всём разобраться и наладить жизнь. Во что бы то ни стало.

В КУДА Я ПОПАЛ?!

Летнее утро выдалось замечательное. Солнышко вставало в бездонную

синь неба, на котором пока не наблюдалось ни облачка.

Увидев меня, выглядывающего в окно на чистое небо, жена утвердительно

сказала:

— На пляж.

— Сейчас кофе полью и поеду. Тебе ничего не надо?

— Нет. Езжай, мешать не будешь, приберусь немного дома.

Приобняв слегка пискнувшую жену на прощанье, я налил себе чашку кофе,

достал конфет, поставил книжку на подставку, приготовился приятно

провести эти прелестные утренние часы.

Сердце у меня слегка пошаливало, даже иногда появлялось ощущение, что

оно останавливается, но через секунду оно запускалось

вновь. Давно уже на такие мелочи не обращал внимания, однако, на этот

раз почему-то мотор не захотел работать.

Мне стало очень «хорошо» и я потерял сознание...

...Удар я получил конкретный. «Это так нынче из комы выводят?» мелькнула мысль, вслед за чем удары по чему попало посыпались градом. Свернувшись клубком, я постарался прикрыть всё самое ценное и получил завершающий удар чем-то тяжелым по затылку.

«Аж искры из глаз!» — крикнул я мысленно и приоткрыл один глаз. Нападать на меня больше никто не спешил и, осмелев, я приподнял

голову. Обнаружил себя валяющимся на какой-то пыльной траве, группа подростков удалялась от меня, выкрикивая что-то обидное.

«Это что такое делается? Какие-то пацаны...» — сфокусировав зрение, увидел в группе подростков даже пару девчонок — «Нападают на деда, избивают его, да ещё и говорят нехорошие вещи?!» Всё тело болело, но, преодолевая боль, я уселся на траве и огляделся.

Рядом с собой увидел ещё одного мальчика, который стоял, понурившись, исподлобья украдкой поглядывая на меня.

— Ну что смотришь, помоги — просипел я. Мальчишка, бросив взгляд на удаляющихся врагов, подбежал и, вместо того, чтобы помочь мне, сам уселся рядом прямо в пыль и начал разглядывать моё лицо.

— Что ты там увидел? Узоры? — спросил я, а у мальчика почему-то из глаз потекли слёзы, он достал (у меня!) из кармана носовой платок,

послунывил его и начал что-то стирать у меня с лица.

Я невольно дёрнулся.

— Тебе очень больно, Саш? — спросил он.
— Есть немного, — скосив взгляд на платок, увидел, что он в крови.

— Сильно они меня?

Мальчик утвердительно покивал.

— Помоги подняться, что ли — попросил я и, с трудом опираясь на его тонкую руку, встал на ноги.

— Тебя как зовут, мальчик? — спросил я, не обратив сразу внимания, что мальчик оказался со мной почти одного роста.

Мальчишка опять заплакал.

— Что ты ревьешь? Не можешь толком сказать?

— Я же Толик, — сквозь слёзы проговорил мальчик, они что, гады, всю память тебе отбили?

В гудящей голове замелькали разные весёлые мысли и глупые вопросы.

— ?

— Ну, ты Саша, я — Толик, мы друзья.

— Друзья?

Толик потупился

— Ты из-за того, что не заступился за тебя? Извини, но я совершенно не умею драться...

— А я кто такой?

Толик посмотрел на меня как на сумасшедшего.

— Я же говорю, ты Саша, мы с тобой учимся в одном классе, даже сидим за одной партой.

— В каком классе, за какой партой!? Я же... — я осёкся и посмотрел на свои руки. Нет, не так. На ручки. Маленькие, с гладкой, почти чистой кожей, розовыми ладонями. Впал в ступор. Ненадолго. «Я умер? Это бред? отчего тогда так болят ушибы?»

Мальчик опять захлюпал носом, начал размазывать грязь по щекам.

Я задумчиво отобрал у него свой платок и попытался вытереть ему лицо. Получилось ещё хуже, появились ещё и кровавые разводы.

- Ты знаешь, где я живу? — спросил я. Толик кивнул.
- Проводи меня, что-то я себя плохо чувствую, — и взял его за руку. Мне показалось, что мальчик перестал дышать.

Пока мы шли, я потихоньку огляделся повнимательнее. Позади нас стояло здание, по — видимому, это и была пресловутая школа, в которой мы (!) учились в шестом классе. Стоп! До меня, наконец дошло. Мне что, двенадцать лет!? Или одиннадцать?.. — рассеянно подумал я, провожая взглядом высокого прохожего. Спросить Толика? опять расстроится. Переживает. Крыша у меня, по — моему, действительно поехала. Саша... Да, я Саша, мне шестьдесят лет, работаю в... В общем неважно. Кстати, что это за город? Мой родной Владивосток?

Кажется, нет. Ни сопок, ни знакомых зданий. Не буду пока ничего спрашивать, нечего шокировать ребёнка, он и так в шоке.

Как говорится, долго ли коротко, дошли до уютного двора, окружённого несколькими двух — трёхэтажными домами и одной пятиэтажкой. Во дворе на небольшой площадке гоняли мяч ребята, на бельевой площадке какая-то женщина возилась с бельём.

Увидев нас, мальчишки лет восьми-девяи подбежали к нам.

— Что, опять? Ух, ты! — толи восхищённо, толи сочувственно воскликнул симпатичный встрёпанный мальчишка без верхнего зуба.

— Дома у Саши кто есть? — спросил Толик. Мальчик отрицательно помотал головой:

— Не, они к шести...

— Помоги его рюкзак донести?

— Угу. А кто его? Вовчик? — «Здесь всё про меня знают, только я не в курсе»

— Вовчик. — угрюмо пробормотал Толик, подходя к подъезду пятиэтажки — Сань, где твои ключи?

— Не знаю, поищи, пожалуйста.

После недолгих поисков нашли ключи висящими на моей тонкой шее. Ребята открыли дверь и осторожно потащили меня наверх.

Жил я, оказывается, на третьем этаже в двухкомнатной квартире.

— Ну, я побежал! — сказал мальчик и умчался вниз по лестнице. Как зовут? Не знаю, не познакомились..., Или знакомы были ранее, да я забыл. Выбил из головы нелёгкий бутс неведомого футболиста Вовчика.

В прихожей Толик усадил меня на банкетку и тоже собирался уходить, но я попросил помочь мне раздеться.

Толик отчего-то покраснел и стянул с меня пыльный пиджак, снял галстук. Немного помявшись, встал на колени и стянул с меня полуботинки. Я понял его смущение по-своему и пробормотал:

— Извини, Толь, мне действительно плохо.

— Саша, я для тебя всё сделаю, мы же...

— Да-да, слышал уже — лучшие друзья. — Толик закусил губу и отвернулся. Зачем я его так. Старый циник... в молодом побитом теле.

— Толик, перестань, не обращай внимания на дурака, мне умыться надо. Поможешь? Потом чай попью.

— Нет, пойду я... — отчего-то сглотнул Толик. И ушёл. Я осмотрел свой пиджак, помятый и пыльный, темно-серый, в еле видимую светлую полоску, такие — же брюки (какие маленькие!) галстучек в тон верхней одежде (такой же костюм был на Толике, наверно это школьная форма). Рубашка была в моём вкусе — светло — серая, с накладными карманами и клапанами, с погончиками и с коротким рукавом. Я поднялся на ноги, расстегнул брюки и снова сел, стянул их с ног, затем взял одежду в охапку и, оставшись в трусах и майке, понёс её в ванную. «Интересно, у нас есть автоматическая стиральная машинка?» Оказалось, есть. Тоже LG. Ванная маленькая, у меня больше, лучше отделка, и... привычнее. «Стоять! Теперь ЭТО — твой дом» Загрузил в машинку костюм, рубашку, носки.

«Майку — трусы надо? А костюм не потеряет форму? Может, почистить?» Беда в том, что я давно не носил костюмов, любил то, что попроще, что можно сразу снять и бросить стирать. Джин-

сы, рубашку, поло.... Да и бельё на сменку сначала найти надо, вот здорово, приходят родители (!), а я тут такой голый...

Отчего-то меня затошнило, и я прошёл в туалет, оставив всё, как есть. Наклонился над унитазом и меня вырвало.

К чему бы это? Отравился? Сотрясение? Никогда не было, а сейчас есть! Спустил воду. Развернулся, сел на унитаз, не глядя, стянул трусы и с облегчением пописал. По привычке оторвал кусок туалетной бумаги, чтобы промокнуть писю. Сунулся достать. Писю не было.

Я похолодел.

Окончательно потеряв трусы, я побежал в ванную, где видел зеркало, лихорадочно стянул майку и уставился на отражение.

На меня смотрел перепуганный ребёнок с симпатичной, но попорченной мордашкой, с карими, почему-то глазами, под которыми уже наливалась синева. Русые волосы. Дальше — хуже. Худющие руки и ноги, впалая грудь с торчащими рёбрами, а между ног... ничего не было! То — есть сначала показалось, что ничего нет, что — то там определённо было. Я наклонился вперёд, но голова закружилась, я упал на подогнувшиеся руки и дальше — лбом об кафель.

Придя в себя на холодном полу, я уселся и снова рискнул исследовать свой новый организм. Да, пися была, но девчоночья.

Я недоумённо уставился перед собой. Ничего не понимаю. Меня называли Сашей... Что это я? Саша и есть Саша! Но мальчишеский костюм, во дворе меня тоже пацаны называли «он». Всё-таки, наверно я здорово треснулся, надо привести себя в порядок. И тело, и мысли.

— Куда пропали мои трусики? — спросил я у своего отражения и пошёл их искать. Они валялись в коридоре, между ванной и туалетом.

Заглянул в туалет, вроде порядок, затем вернулся в ванную, хмуро взглянул на непонятное отражение в зеркале и залез под душ.

Открыл воду и взвизгнул от ледяной воды. Но... сколько я ни сливал воду, теплей она не стала. Найдя какое-то полотенце,

яростно растёлся, нежно вытерев между ног. Не привык ещё. Мне надо привыкать?! Мне захотелось заплакать. За что меня так? Я девочка или мальчик? То есть я мужчина, но как себя вести на людях? Надо осмотреться, сказаться больным, впрочем, я и есть больной.

Так, пока я в ванной, тут есть мои вещи, к примеру, зубная щётка? Зубных щёток оказалось четыре. Одна маленькая.

У меня есть маленький брат или сестра? Надел майку и трусы, окончательно забыв про стирку, прошёл на кухню.

Метров шесть. Холодильник, стол. Прочая мебель, поттер. Поискал кружку, заварной чайничек, налил себе чай, нашёл печенье и, усевшись за стол, задумчиво прихлёбывал чай, загрызая печеньем.

Честно говоря, я чувствовал себя не в своей тарелке. Впёрся в чужую квартиру.

Да что там квартиру, в чью-то жизнь, возможно забрав чужую, вот этого непонятного девочки-мальчика. Где он сейчас?

Счастлив ли был? Наверяд ли.... Читал я про них, в основном такие ребята не в восторге от такой жизни.

Что же случилось? Там я умер, а здесь? Сашу убили? Нет ответа.

Я, наверно, задремал, потому что вздрогнул, услышав, как открывается дверь. Сердечко ёкнуло: сейчас кааак войдёт хозяин, кааак погонит в три шеи... Что я несу? Но всё равно страшно. Затравлено оглянувшись, я увидел довольно молодую женщину лет 30–35.

— Ты уже дома? — спросила женщина. Станный вопрос. А как посмотреть: ведь я уже не я. Тьфу ты, запутался.

Женщина взяла меня за подбородок и повернула к себе.

— Хорошо! Это когда-нибудь прекратится, или пойдём в полицию? Тебя же могут убить.

Я машинально кивнул.

— Что, хорошо сегодня досталось? Голова кружится?

Я снова молча, кивнул.

— Я сейчас схожу за Юриком (всё-таки братик) сказала (мама?), — а ты ложись, потом тебя посмотрю, — и очень быстро ушла.

Допив чай, я собирался пойти поискать свой угол, но тут опять кто-то пришёл. Снова опустившись на стул, мрачно уставился на стол, дожидаясь решения своей судьбы. Увидел я свою судьбу в виде мужчины, прошедшего мимо меня в туалет. Сделав там свои дела, мужчина зашёл в ванную, что-то там начал ругаться, затем вышел и сердито спросил меня:

— Это что за свинство ты развела в ванной? Опять всю форму изгаздала, не напасёшься на тебя, так ещё и по всей ванной разбросала грязную. Всё-таки я куплю тебя подходящую. Всё мама. Где она, кстати?

Я, молча встал и хотел тихо проскочить мимо разгневанного мужчины, но...

— Я тебя спрашиваю.

Мне ответить было нечего, я, молча пытался пробраться в коридор, но получил весьма ощутимую затрещину.

В голове сначала вспыхнуло, а затем погасло, как будто перегорела и лопнула электрическая лампочка. «Всё!» — успел подумать я и отключился.

Очнулся я в лежачем положении, приоткрыв глаза, увидел озабоченное мужское лицо и зажмурился.

— Ладно, нечего притворяться. Вижу же, что очнулась.

Я снова открыл глаза и попытался приподняться. Тут мне стало совсем плохо и, согнувшись к полу вытошнил весь чай прямо на ноги мужчине. Тот чертыхнулся и вышел из комнаты.

Я огляделся. Лежал я на двухъярусной кровати в небольшой комнате. Не пришлось искать свою кровать и на том спасибо.

Надо мной была кровать брата, туда вела лесенка. Возле окна стоял письменный стол со стулом. Вероятно, моё рабочее место.

На полу разливалась вонючая лужа, которую никто не спешил убирать. В углу стоял небольшой шкаф.

Скоро изучение комнаты мне наскучило, и я снова закрыл глаза. Всё тело болело, голова кружилась, даже думать не хотелось.

Наконец открылась входная дверь. Послышались голоса, и в комнату вошёл мальчик лет шести.

Увидев лужу, он остановился.

— Мама! — закричал мальчик.

— Что тебе?

— Иди сюда!

Через некоторое время вошла мама.

— Что это? Саша, тебя стошнило? Почему ты молчишь?

Я поднял руку и покрутил над головой.

— Голова кружится? У тебя сильное сотрясение. Надо вызвать врача. Ваня! — крикнула она — Вызови «скорую», у Саши сотрясение мозга.

— Было бы чему сотрясаться, — буркнул Иван (папа?), посмотри, что она наделала. Теперь лежит. Притворяется.

— Иван... — мама, молча, вышла из комнаты, потом пришла с ведром и тряпкой.

— Ну чего стоишь? Я попросила позвонить в «скорую».

Папа вышел. Мама закончила уборку и тоже ушла. Юрий присел на мою кровать и спросил:

— Тебе очень больно, Саша?

— Терпимо, Юр.

— Ты никогда так меня не называл.

— А как?

— Ну, Юриком, Юрасиком.

— Это голову я ударил, ничего не помню.

— Ты отодвинься к стенке, я уберу одеяло, потом переляжешь, а я тебя накрою.

В груди потеплело. Малыш заботится обо мне. Но тут моё внимание привлёк громкий голос мамы:

— Ты с ума сошёл! Может, ты её совсем убьёшь!?

— Она мне постоянно грубит, не хочет говорить со мной!

— Ты уж определись — грубит или не разговаривает.

Я с трудом встал с кровати, Юрий расправил постель и помог мне улечься.

— Юрий, иди кушать! — мама.

— А Саша?

— Ему не до еды.

Мне действительно было не до еды, даже мысли о еде вызывали отвращение. Да, адаптация в новом мире оказалась пыткой, хотя,

если вспомнить некоторые книги, то там...

Но, как говорится, своя рубашка всегда ближе к телу. Провалялся я так довольно долго, не прислушиваясь к разговорам в квартире,

поняв, наконец, что разговаривает больше телевизор.

Раздался звонок в дверь и ко мне зашли врач и медбрат с медицинским кофром.

— Ну, где тут больной? О! Какой красавчик! Сесть можешь?

Превозмогая слабость, сел, стыдливо прикрываясь одеялом.

— Майку сними, — я послушался.

— Он у вас что, под машину попал? Из окна выпал?

— Нет, просто подрался с мальчишками — сказала мама.

«Если бы подрался» — подумал я «Меня тупо били»

— Как тебя зовут, мальчик?

— Саша его зовут, — ответила мама.

— Почему ты не разговариваешь? — спросила врач — Голова болит?

Я осторожно кивнул.

— Хорошо, — протянула она, — сейчас посмотрим твою голову.

Ощупала мою многострадальную головёнку, она покачала своей головой:

— Надо везти в стационар. На затылке огромная шишка, возможно и большая гематома, на лбу тоже шишак, — прощупав рёбра на моём вздрагивающем тельце, спросила: — дышать не больно?

Я, опять молча, отрицательно покачал головой.

— Могут быть трещины в рёбрах... Да что это за ребёнок! Тебе случайно язык не оторвали? Скажи: а-а-а!

— А-а.

— Ну вот, хоть что-то живое осталось, — она достала молоточек и поводила им у меня перед глазами, потом попросила положить ногу на ногу и постучала по коленке.

— Присутствует расфокусировка зрения, слабая потеря ориентации (слабая ли?), но реакции нормальные. Ну что, будем оформлять? — повернулась она к маме.

Мама беспомощно посмотрела на меня, а я отрицательно затряс головой, рискуя расплескать мозги.

— Нет, мы полечимся дома.

— Смотрите, надо бы сделать рентген... хотя завтра суббота, всё равно ждать специалистов до понедельника, не в реанимацию же определять. Ладно, пишите отказ от стационара, я сейчас поставлю герою укол и выпишу рецепт. Ну, герой, подставляй свою попку.

Врачи покопались в кофре, позвякали инструментами и, наконец, я дождался успокаивающую инъекцию в филейную часть.

— Обязательно вызовите своего участкового врача! — на прощание сказала врач СМП.

В квартире наступила относительная тишина, слышно было только, как мама что-то выговаривает отцу, отец вяло оправдывается.

— Юра, не беспокой Сашу! — мама.

— Ему, наверно, скучно.

— Врач сказала, полный покой.

Послышался горестный вздох.

— Это Юрке скучно, — сказал папа, — иди сюда.

— Пап, почему ты не любишь Сашу? — напрямик спросил Юрик. Я затаил дыхание.

— С чего ты это взял? — возмутился отец.

— Я же вижу...

— Мал ещё, видит он. Иди к своей Саше, тебе уже пор спать.
— Ещё девять часов! «Уже девять?» Я лучше поиграю...
— Только тихо, мы с мамой посмотрим передачу... о семье
и школе, — с некоторым сарказмом в голосе добавил отец.

А мама на кухне звякала посудой.

Скоро я услышал осторожные шаги и тихое сопение:

— Саша, ты не спишь?

— Нет ещё.

— Давай я тебе что-нибудь расскажу.

— Расскажи.

В пол уха я слушал его рассказ о событиях в садике, о какой-то Маше, Мише и прочих друзьях, думая о своём.

...Сейчас мы с женой досматривали бы какой-нибудь сериал, затем я отправился бы спать, а жена, по своей пенсионной привычке смотрела бы политические дебаты. Затем... — я вздохнул, — я бы проснулся, повернулся бы с боку на бок, проклиная бессонницу, и поплёлся принимать снотворное. Благодать.

— Ты меня совсем не слушаешь, — обиделся Юра.

— Извини, мне поставили какой-то укол, я, наверно, сплю.

— Тогда я тоже... а ты дашь мне поиграть на компьютере?

— Почему ты спрашиваешь? я не разрешаю?

— Папа с мамой ругают, особенно тебя, говорят, надо больше уроками заниматься, а не в стрелялки играть.

— Тут они правы, конечно.

— Да? — вредным голосом спросил он.

— А в чём дело?

— Ни в чём.

— Ну не хочешь говорить, иди спать.

— Мы никогда так рано не ложились.

— А что мы делали?

Братик с подозрением посмотрел на меня.

— Зачем ты меня разыгрываешь?

— Юрик, я, правда ничего не помню, только маме не говори.

— А папе?

— Папе можно, по — моему ему всё равно.

— По — моему тоже. Но мы ведь его все равно любим? — пытливо глядя мне в глаза, спросил Юрик.

— Конечно. Он же папа. А если сердится, значит, мы в чём — то виноваты.

Юрик даже открыл рот от удивления:

— Ты же... Ты думаешь, это из — за того, что ты захотел стать мальчиком?

— Может быть, но теперь я не могу отступить, уже поздно.

— Да, все подумают, что ты трусил, и будут тебя презирать.

— Я тоже так думаю. Юрик, а все знают, что я, э-э...

— Кому интересно, знают, а для остальных ты пацан и пацан. Мы с мамой и с ребятами во дворе решили поддержать тебя и считать мальчишкой. Тебя тут никто не обидит, пусть попробуют. А этим мы ещё покажем!

— Ты не знаешь, чего они меня бьют?

— Да ерунду всякую говорят, только я не верю, наверно просто они плохие люди, поймают, кого и побьют просто так.

— А что за ерунда?

— Да... Говорят, Вовчик влюбился в тебя, а ты его послала... Ой! — закрыл он ладошкой рот.

— Ладно тебе. А что касается меня, довольно странный метод он выбрал для ухаживания!

— Ведь, правда ты никого не любишь? Потому что я тебя люблю!

Я еле удержался от смеха:

— Ты очень хороший... брат. Давай спать, а то глазки уже закрываются.

Братик молча разделся и полез на свой ярус, поворочался там немного и затих.

А у меня глазки, несмотря на укол, вовсе не закрывались. Они усталились на кровать Юрки и в голове начали гулять разные мысли.

Кое — что стало ясно, хорошо меня брат просветил, бесхитростно поверил в мою амнезию, не заметил другого человека в своём брате.

Что делать? — вечный вопрос. Поплыть по течению немного, адаптироваться понемногу. Нельзя и резко менять имидж: если я играю вздорного парня, надо так и вести себя. Вот школа... Я скривился. Когда я был взрослым, почти пожилым, я даже мечтал о таком приключении, а попав в такую интересную ситуацию — оробел.

Попаданцы бывают разные. Одни бывшие десантники, знают кучу приёмов, раскидывают врагов налево и направо, другие попадают на фронт, где героем вынужденно становится любой, тем более зная будущее. Бывали и обычные мальчишки, и девочки, которых судьба забрасывала в разные жуткие места, и они выживали, да ещё становились то баронами, то графами, а то... Да и оруженосцем быть неплохо — дворянин!

А каков мой расклад? Не знаю, какой нынче год, но, похоже, век 21. недалеко я переместился. Тело досталось хоть и костлявое, мелкое, но молодое, хоть и побитое. Молодость своё возьмёт и через недельку буду, как новенький... новенькая... если снова не навешают плюх. Интересные эти люди — трансгендеры. Они что — садомазохисты? Раньше молча страдали внутри себя, не вынося свою беду на общее обозрение, а сейчас упрямо доказывают свою сознательную половую принадлежность, стойко, а иногда и не очень перенося неприязнь со стороны окружающих людей, переживая оскорбления и насилие. Видел я фотографии, где их раздевают догола и фотографируют, выкладывая в интернет, а, чтобы не подумали, что это фотошоп, заставляют пихать в себя разные муляжи, а может и не муляжи, — меня передёрнуло. Нет, это мужественные люди, достойные уважения.

Мысль перескочила на женскую сущность моего нового тела, и я поёжился. Месячные... Как много в этом слове.

Я сам отец двоих, теперь уже взрослых, дочек и помню, как младшая плакала от боли, а мама уверяла её, что это ещё не самое страшное. Потом беременность, роды. Мама! Куда я попал!

Успокойся, надо решать проблемы по мере их поступления. Во — первых надо укрепить своё новое тело, а то в свои 60 я

выглядел вполне спортивно, а сейчас скелет скелетом. Прежний владелец этого тела испытывал немалые стрессы? Куда же без них.

А всё-таки, почему папа так нервничает? Тут таится какая — то загадка, напрямую не спросишь, сославшись на забывчивость, надо всё это выяснить самому.

И потом, я ещё не привык жить среди чужих людей. А что я скажу?! Что забрался в тело их сына-дочки и хозяйничаю в нём? Врагу не пожелаю такого знания. Куда же он делся? Может снова родился, ведь он был ещё маленьким и его отправили на переделку? А меня отправили что-то здесь исправить за мои грехи? Какие грехи? Мало, что ли.

Видимо, моя чёрная меланхолия достигла до Юрика, он спустился по лесенке на пол, качаясь со сна, ушёл. В туалет?

Вернувшись, он не полез наверх, забрался ко мне со стороны стенки, отвоевал себе место и тихо засопел, пригревшись.

Ощувив его чистое дыхание, я уткнулся носом в его волосы, вдыхая мальчишеский аромат, и почувствовал в груди счастливую теплоту, которая постепенно разлилась по всему телу. Я обнял брата, куда-то поцеловал и провалился в счастливый детский сон без сновидений.

ДОМАШНИЕ ЗАБОТЫ

Утром меня разбудила мама. Она присела ко мне на кровать и положила ладонь на мой лоб.

— Холодный. Значит, воспаления нет, жить будешь. Нам с папой надо съездить по магазинам, мы и Юрку с собой заберём, чтоб не докучал тебе.

— Да он и не докучает.

— С каких это пор? — удивилась мама, — вечно из вашей комнаты вопли раздаются, вчера только тихо было.

— Ну, так дело — то житейское, развлекаемся, как можем.

— Развлекаются они. Всё вверх дном.

Я счастливо засмеялся.

Мама улыбнулась, наклонилась и поцеловала меня в щёку. От неё пахло... Мамой. Я совершенно по-детски обрадовался и постарался не отпускать её, обняв.

— Тебе уже лучше? — с улыбкой спросила мама, высвобождаясь из моих объятий.

— Да, я прекрасно выспался.

— А по физии не скажешь. Совсем фиолетовая. Учебный год только начался, а ты уже на «больничном». Да и куда тебя отпускать? Народ пугать? Встать то сможешь? не упадёшь? Участковый врач обещала подойти. Встретишь, да, и голым не ходи.

Я недоумённо посмотрел на маму.

— Ну как вчера, в трусах, майке. Что, надеть больше нечего? Вон полный шкаф всяких шорт.

— Розовых? — дёрнуло меня за язык.

— Папа купил тебе. Мог бы и порадовать отца, дома походить, на руках у него посидеть, а то смотрите друг на друга волком.

— Мам, а почему, не знаешь?

— Вам лучше знать, ну всё, побежала, а то мои мужчины сейчас меня съедят.

- Подожди, мам, ты телефон Толика не знаешь?
- Какого Толика?
- Моего друга. Он же заходил к нам?
- Разве что без меня. Ну, всё, мне некогда.

Хлопнула дверь, и я остался один. Надо вставать, мочевого пузырь зовёт в туалет. Странное ощущение, кстати, у мальчика была бы эрекция, а тут — никакой тяжести внизу живота.

Поднявшись, я закрыл глаза и попробовал попасть указательным пальцем в нос. Попал в глаз. Вот чёрт! Ну ладно, переживём, побежали на процедуры.

Сев на унитаз, задумчиво глядел на струйку, извергающуюся из моего организма, и думал о преимуществах мужского и женского тела. Вот женский тип. Я в нём уже почти сутки. Внизу живота ничего не мешает и не чешется. Всю ночь проспал в трусиках и не почувствовал неудобства. С другой стороны, в чистом поле в мороз я предпочёл бы мужской орган — ничего не отморозишь и очень удобно. Ещё половое созревание. Да, мальчики иногда переносят его очень тяжело, когда тело начинает расти взрывом, кости и мышцы обгоняют друг друга, кажется, что всё болит и кожа лопается и суставы болят. Потом наступают поллюции. Сначала немного пугают, но ощущения-то очень приятные — секс во сне. А девочки? Поживём — увидим.

И что? У меня есть выбор? Ребёнком что ли стал, под воздействием химии нового тела. Кстати, а как дело с памятью? Она же (память) хранится где-то в подкорке, значит, затаилась где-то здесь. И почему я помню свою прежнюю жизнь?

Так не должно быть, сознание, по моему пониманию — это электрическое поле, вырабатываемое головным мозгом, то- есть и принадлежит мозгу. И если перенести сознание, то идентификация своего «Я» останется, а память будет другой, которая накопилась в этом мозге. Хороший пример — рождение нового человека: отрывки памяти новорожденного никто не принимает за чистую монету, считают их за детскую фантазию. Однако ребёнок видит сны, чему-то радуется, чего-то боится, плачет не только от голода и холода, радуется чему-то.

Я помню из детства такие картины, которых не мог видеть в действительности, сон у меня сливался с явью, недаром говорят, что сон-это тоже жизнь, только в другом измерении.

Так я в другом измерении и всё это мне снится? Я вернусь? Куда? В другое тело? Какой смысл? Я и так в другом теле...

А если? Волосы стали жёсткими, представив, как я очухиваюсь в гробу. Надо было сказать, чтобы сожгли! Хотя, какое завешание в такие молодые годы!

Досидев положенное время, я смыл воду в унитазе и пошёл в ванную.

Ура, сегодня горячая вода! Тщательно вымывшись, осмотрел зубные щётки. Три сырые, вот эта розовая — моя. Интересно.

Из зеркала на меня смотрела страшная харя, с фиолетовыми кругами вокруг глаз, синим носом и распухшими губами.

Показав ей язык, я почистил зубы и отправился на поиски одежды. В нашей с братом комнате я видел шкаф и, открыв его, был не разочарован. Одежды было не много, а очень много, меня, по — видимому, баловали. Были здесь и платишки, юбки и кофточки, которые даже мне понравились, висел здесь и школьный костюм, вычищенный и выглаженный. И когда только успела? Ох уж эти мамы...

Стопкой лежали разноцветные джинсы, отдельно — шортики, тоже разных цветов, футболки, просто майки, рубашки поло, на плечиках висели другие рубашки, тщательно выглаженные.

Первым делом я передел трусики-танго с маечкой, потом выбрал короткие трикотажные чёрные шортики (интересно, какой размер?).

Выйдя в большую комнату, где ночевали наши родители, я, наконец, увидел большой ЖК телевизор, хотел его включить, но передумал — сильно захотелось есть.

На кухне я порылся в холодильнике, нашёл какой-то суп. Подумав, поискал овощи. Есть картошка, капуста, свекла, морковь. Сварить борщ? Скучно бездельничать, но сначала что-то надо съесть! Найдя в холодильнике кусок колбасы, сделал бутерброд и кинул его заурчавшему желудку. Давно у меня не было такого аппетита!

Мясо я обнаружил в морозилке, поставил его размораживаться в «микроволновке», стал мыть и чистить овощи.

Руки уже хорошо слушались меня, большой опыт готовки позволял всё делать автоматически, позволяя подумать о будущем.

Ну, выпишут меня, что делать? я даже не знаю, где находится школа. Попросить маму отвести меня туда за ручку и представить классу? Точно в больницу отправит. То же и с папой. Хоть бы Толик пришёл, а то что-то странное, говорит, что мой лучший друг, а здесь его никто не знает.

Есть ещё выход: отпросить у мамы брата, и он всё покажет и расскажет. Вспомнив Юрика, я не мог не улыбнуться. Надо же, брат. Хороший, внимательный, чуткий.

Я ещё не знал, какой он чуткий.

Всё, мясо в самой большой кастрюле, порезанные морковь и свекла тушатся на сковороде, нашёл и зелень и даже паприку, томат-пасту. А фасолька есть? Есть. Но сухая, а не консервированная, готовая к употреблению. Сбегать в магазин? Во! Вжился в роль. Где деньги, какие деньги, какой магазин?

Тут прозвенел звонок, и я пошёл открывать.

С трудом разобравшись с замками, я открыл дверь и уставился на девочку, стоящую за порогом.

— Ничего себе! — не удержалась она от восклицания. — Вот негодяй! Вот я расскажу Антонине Павловне!

Я стоял и не спешил пропускать гостью в квартиру.

— Меня Антонина Павловна послала узнать, почему ты в школу не пришёл, теперь мне всё понятно. А у тебя кто-то дома есть? А что это там пахнет?

Я молча развернулся и побежал на кухню. Мясо закипело, и я шумовкой стал снимать пенку.

Следом зашла девочка.

— Ты что, сама умеешь готовить? — шёпотом спросила она, когда я, оставив в покое мясо, начал деревянной лопаткой помещивать овощи в сковородке.

Я бросил на неё злой взгляд, и она смутилась.

- Ой, извини...
- Ладно, понял я уже, что все в классе меня считают девочкой.
- И вовсе не все. Сейчас ты как никогда похожа на мальчика, с такими- то синяками, а девочкой, между прочим, если хочешь знать, зовут Зверева.
- Ну, Толика. Толя-Оля, Сашина подружка... Его бы переодеть...
- Ты что, пришла сюда, поиздеваться над больным человеком?! — вскипел я — Вот иди и скажи в школе, что Сашка сошёл с ума от побоев, торчит на кухне и варит борщ!
- Ой! Ты, правда борщ варишь? А попробовать можно?
- Ему вариться ещё часа полтора.
- А я подожду и посмотрю, как ты это делаешь. Может, научусь,
- мечтательно сказала незваная гостья.
- Кстати, а почему тебя отправили ко мне, а не позвонили маме, или мама, наверняка сообщила в школу обо мне. И где Толик?
- Толик боится твоих родителей, твоя мама действительно сообщила в школу, а я вызвалась провести больную. Звонок звонком, но увидеть такое в натуре!
- Извини, конечно, но после травмы у меня потерялась память и не помню, как тебя зовут.
- Девочка внимательно посмотрела на меня:
- Ты так прикалываешься, да? Мы с тобой с первого класса учимся. Я Ленка Зудина, помнишь?
- Я развёл руками:
- Леночка, сейчас придёт врач меня смотреть, последишь тут? — немая сцена.
- Да тут ничего сложного нет, помешивай иногда овощи, чтоб не пригорели, огонь я убавил.
- Лена, наконец, закрыла рот и произнесла:
- Овощи мешать, конечно, круто, но «Леночка!» Ленка я!
- Неловкую паузу разбил звонок во входную дверь.

— О! Это ко мне. Ну, ты посмотришь за плитой, или осмотр будем проводить на кухне?

— Да ладно, иди, лечись. Посмотрю я за твоим борщом.

Открываю дверь, вижу молодую девушку.

— Я ваш участковый врач из детской поликлиники, ты Саша Денисова? Мне сказали, что у тебя травма, нужно тебя осмотреть.

— Да, я вас жду.

— Тебя так разукрасили, что я тебя и не узнала. Кто это тебя? Я махнул рукой:

— Это наши детские разборки.

— Ничего себе, детские, как ты себя чувствуешь то?

— Сносно, — ответил я, провожая врача в большую комнату и устраиваясь на диване так, чтобы видеть дверь на кухню, — майку снимать?

— Снимай... — в этот момент на кухне что-то упало и загремело, я опрометью кинулся туда.

К счастью, ничего страшного не произошло, это Ленка уронила горячую крышку от сковородки и теперь дула на обожжённую руку.

— У тебя посуда горячая! — гневно сказала она мне.

— А тряпочку взять не судьба? — я взял полотенце и подобрал с пола крышку. — Теперь мыть надо.

Бросив крышку в мойку, я помешал овощи на сковородке и, засыпав в кастрюлю, нарезанную ранее капусту и почищенную цельную картошку, добавил огонь и вернулся к врачу.

Осмотрев меня, врач удивилась:

— С таким сотрясением люди лежать должны.

— Скучно очень. Вчера належался. Чуть не завыл.

— А что это там, на кухне?

— Девочка пришла, одноклассница, помогает мне борщ варить.

— Борщ? Вы варите борщ?

— А что здесь странного?

— Дети сами варят борщ!

— Мы уже не дети.

— Я вижу.

Проводив врача, вернулся на кухню.

— Ну, что тут у нас?

— Сама вари свой борщ, я пошла.

— Ты же хотела...

— Уже не хочу.

Ленка собралась и ушла, не попрощавшись. Я опять остался один.

Доварив борщ, сел за стол дегустировать. Ничего так получилось, даже майонез нашёлся.

Через некоторое время, когда я уже допивал чай, вернулись мои новые родственники.

— Чем-то так приятно пахнет! — принялась мама.

— Да, мы здорово проголодались, — сказал папа, заноса кучу пакетов с покупками.

— Как волки! — подтвердил Юрик.

— Тогда проходите на кухню и кушайте.

— А что кушать? — поинтересовался Юрик.

— Борщ! — наперёд зная их реакцию, гордо сказал я.

— Кто нам сварил борщ? — удивилась мама.

— Сначала попробуйте, потом расскажу. Если понравится.

— А ты?

— Я уже поел и чай попил.

— Без нас? — Юрик

— Тебя не тошнило? — мама

— Отвечаю: голова не кружится, врач был, аппетит отменный, приходила Ленка из школы проведать.

— Ладно, иди, отдыхай.

Я решил посмотреть, что же там со школой и пошёл искать свой рюкзак.

Нашёл его в прихожей, куда его бросил тот мальчик без верхнего зуба.

Устроившись за своим столом, открыл рюкзак и достал учебники.

Внимательно их осмотрел. Ничего похожего на наши нормальные учебники 60- 70-х годов.

Физика, математика, русский язык. Достал дневник. Да, ремень по мне плачет. Только начался учебный год, а уже двойки. Причём по английскому, по литературе.

Я начал листать учебники, с трудом вспоминая школьный курс.

Увлёкся так, что не заметил, как сзади подошла мама. Она положила руки мне на плечи, и я задохнулся от нежности, прижавшись щекой к её руке. Кажется, я влюбился в собственную маму.

— Мозги не закипят?

— По сравнению с тем, что было вчера, я совсем здоров, хочу разобраться с учёбой.

— Давно пора. Ты же обещал, не помнишь?

— Ничего я не помню. Когда меня выпишут?

— А что сказала Аня?

— Сказала зайти в поликлинику в понедельник.

— Вот и узнаешь. Что-то ты про компьютер забыл, даже не включил.

— Включу, когда потребуется.

— Ты меня пугаешь.

— Я сам себя боюсь. Мам, не уходи, я подумал, почему я такой хилый? Мне надо чем- то заниматься, повесить турник, купить гантельки. Мы бы с Юриком занимались...

Мама потрогала мой лоб:

— Кажется, я твоим обидчикам должна сказать спасибо.

— Я им сам скажу, когда поправлюсь.

— Не надоело ещё?

— Назвался груздем... Так что с тренажёрами?

— Поговори с папой. Да, чуть не забыла. Борщ был замечательный. Как ты это сделал? Ты же с презрением относился к готовке, считал это женским делом.

— Я притворялся. Самое сложное дело — почистить овощи. Я хотел сделать тебе приятно.

— Мне очень приятно, поцеловала она меня, сегодня мне не придётся торчать у плиты.

— Ты не помнишь, где мой телефон?

— Я нашла его в пиджаке, хорошо, что ты его не постирал, сейчас принесу.

Не успела выйти мама, зашёл Юрка:

— Спасибо, Саша, мне очень понравилось, я сразу понял, что это ты сварил, а папа две тарелки съел!

— Две тарелки? Такой голодный был?

— Да.

— А борщ не стал?

— Что ты смеёшься надо мной! Две тарелки борща! — рассердился брат.

— Ладно, не пыхти. Что-то хочешь?

— Если тебе не нужен компьютер, можно я поиграю?

— Играй...

Юрик залез под стол, включил компьютер и пристроился рядом со мной. Маленько посопел и залез мне под руку.

— Я соскучился.

— Я тоже.

Пришла мама и положила на стол розовый мобильник.

— Какая у вас тут идиллия.

— Просто мне нельзя беситься, — сказал я.

— Да, для меня это будут самые счастливые дни.

Юрик заулыбался и крепче прижался ко мне. Я дёрнулся:

— Ты же хотел играть.

— Я не хотел сделать тебе больно, — отодвинулся Юра.

— Ну ладно, играйте, пойду, разберу покупки, — мама ушла, а я попытался включить телефон.

— Юр, где наша зарядка, — Юрка уже нашёл какую — то игру и бодро гонял кого — то по минному полю.

— Поищи в столе.

Выдвинул ящик стола. Мама дорогая... Какой — то клубок проводов, сцепившиеся зарядники, всевозможные флешки и прочая ерунда.

Кое- как разобрав этот клубок, ворча себе под нос непечатные слова (ишь, как уши навострил),

Я всё — же победил телефон, и, оставив его заряжаться, принялся наводить порядок в столе.

Юрка сделал вид весьма увлечённого игрока, усердно стараясь не смотреть в мою сторону.

— И кто здесь навёл такой бардак? — спросил я в пространство. В ответ молчание. Я не стал выяснять, не исключено, что я сам так себя вёл.

Наведя относительный порядок, я, наконец, открыл в телефоне список абонентов.

Списка не было. Только номера. Не было даже номера мамы и домашнего. Он что, всё помнил наизусть?

Что — то мне это напоминает. Снова открыв дневник, я пробежался по отметкам. По математике — пять!

Это я влип! Лучше бы он был круглым двоечником...

Настроение несколько испортилось. «Папа у Васи силен в математике, учится папа за Васю весь год!» Катастрофа. Что я помню из математики? Мало, надо учить и учить. Читаю в дневнике задания с начала года. Немного. Пока болею, можно осилить, но нужен Толик. Допросив его с пристрастием, можно многое узнать.

— Юрик. Ты знаешь кого — ни будь из моих друзей? — Юрик кивнул, не отрываясь от игры.

— А где они живут?

— Ну, Саша...

— Ты же видишь, мне нельзя выходить. — Слукавил я, — а скоро в школу, надо подготовиться.

Юрка даже играть перестал и уставился на меня:

— Здорово ты головой треснулся.

— А что, смотри, у меня одни пятёрки, — показал я дневник.

Юрик хихикнул:

— Ты думаешь, я маленький, читать не умею?

— Тем более.

Юрик задумчиво поковырял в носу.

— Меня мама не отпустит. А кто тебе нужен? Позвонить нельзя?

— Да тут одни номера, — смущённо пробормотал я, краснея.

Юрик долго задумчиво смотрел на меня.

— Сашка, это правда? Ты всё забыл? — я кивнул. — Всё — всё? — я снова кивнул. — И меня? — я подтвердил.

Юрка вдруг часто — часто заморгал и заплакал.

— Юр, ты чего?

— Ты не мой брат, да? — я оторопел:

— Может, сестра? — осторожно спросил я.

Юрка заревел в голос и, конечно, на плач пришла мама.

— Что тут у вас? Поссорились? — Юрик замотал головой так, что слёзы брызгами полетели во все стороны.

— Просто у меня ретроградная амнезия, а Юрика это пугает.

— Ретроградная амнезия? Откуда ты такие слова знаешь?

— Ну, ... наверно, из кино.

— Почему ты не сказал врачу?

— Думал, всё пройдёт. Мама, скажи Юрке, чтобы перестал плакать, он разрывает мне сердце. Я не забыл его, я очень вас люблю! Я забыл номера телефонов своих друзей.

— У тебя есть друзья?

— А у кого их нет? Юрик тоже подтверждает. — Юрик всхлипнул и размазал слёзы по щекам:

— Толька каждый вечер сидит вон за теми кустами, думает, не видно.

— Зачем он там сидит, а не зайдёт? — удивилась мама.

— Ну, мама, — протянул Юрик, — он боится вас.

— Почему?

Братик пожал плечиками.

— Заходил он к нам, — встрял я, — привёл меня тогда, ему помог этот, без зуба.

— А, это Тёма, — сказал Юрка, успокаиваясь, — мама, можно, я пойду на улицу, найдём там Тольку и приведём его Саше, если уж он так ему нужен.

— Он мне нужен кое- что вспомнить.

— Иди, погуляй, только ненадолго, и умойся! — вдогонку крикнула мама, затем повернулась ко мне.

— Давай, рассказывай.

— Юрик преувеличивает.

— Что он преувеличивает?

Я молчал, глядя в окно. Невдалеке действительно росли кусты и в них что-то шевелилось.

— Что молчишь?

— Пожалуйста, мама, позволь не отвечать! — взмолился я, — Постепенно всё вернётся.

— А если нет?

— Ты же не выгонишь меня?

— Какие глупости ты говоришь! — рассердилась мама, — тем более таким ты мне больше нравишься. — Интересно только, что ты не забыл, что ты — мальчик.

— Кхм. Но я действительно мальчик, сознание ведь находится в голове, а не в штанах, тем более что базовые инстинкты всё равно сохраняются... — я замолк, чувствуя, что всё более прокалываюсь.

— Я, кажется, теперь понимаю, чего испугался Юрик. — медленно произнесла мама. — Если ты забыл, то твой брат — сенсор, он чувствует людей.

— Не надо его втягивать в эти дела, он очень хороший мальчик и очень ранимый. Вчера он признался мне в любви. Мама, пожалуйста! Ничего плохого не произойдёт, я клятвенно обещаю! — я упал на колени и склонился перед мамой.

Мама задумчиво поворошила мои волосы:

— Что с тобой происходит? Взрослеешь, что — ли. Стричься будешь?

— У меня там шишка, — невнятно пробухтел я, зарываясь лицом в мамину юбку.

— Ты лжец, подлиза и подхалим. И за что я тебя люблю?

— У нас взаимная любовь...

Мама рассмеялась.

— Какой ты, всё — таки! Ну, всё, пусти, не буду я тебя пытать, когда-нибудь ты всё расскажешь сам.

— Всенепременно! — воспрянул я духом.

Пока мы разбирались с мамой, мой братец притащил всё-таки Толика. Тот был в серой футболке, и каких — то бесформенных трикотажных шортах.

— Юрка сказал, я тебе нужен, — сказал Толик угрюмо, но, к своему удивлению, в его глазах я заметил радость.

— Ты куда пропал? Мне нужна помощь по школе, по урокам, телефон твой я забыл, — я протянул ему мобильник, запиши себя.

Пока Толик забивал свои данные, я исподтишка разглядывал его. Довольно симпатичный, даже красивый мальчишка со светлыми растрёпанными волосами и синими глазами, но жутко замурзанный.

— Пойдём, помоешься, потом поговорим.

Я провёл его в ванную, ещё раз критически осмотрел Толика с ног до головы. Во мне снова проснулся дед.

— Давай я тебя помою, бельё стираем в машинке, а пока переоденешься в моё.

Толик отшатнулся: — Нет! — вскрикнул он.

— Ну, нет, так нет. Ладно, умывайся, я пока тебе борща налью.

— Нет!

— Вот тут ты не угадал, борщ я варил сам, и, если ты его не попробуешь, сильно меня обидишь.

Толик распахнул на меня свои синие глазищи с длиннющими ресницами:

— Сам варил?

— Да что вы все удивляетесь? — возмутился я, — неужели я произвожу впечатление такого тупого?

— Нет, что ты! Просто раньше ты никогда,... а я тоже всё сам готовлю. Если есть что.

— Толик, неужели я был такой скотина, что не поинтересовался, как ты живёшь?

— Не говори так! Ты самый лучший! Интересовался ты, только я не говорил, и сейчас не скажу, а теперь выйди, помоюсь.

— Ты меня стесняешься!? — Толик густо покраснел:

— Просто места мало.

Я, молча, вышел на кухню, где мама уже разогревала борщ в «микроволновке».

Я заглянул в родительскую комнату и увидел там отца, отгородившегося газетой.

«Газета!» — воскликнул я мысленно «Из неё же можно много почерпнуть! Что за город, какой год, да и новости.»

— Что, Сашка, что-то хочешь спросить? — заметил меня отец.

— Да, — сказал я правду. — Какой сегодня год и в каком городе мы живём.

— Балда! — обиделся отец и снова уткнулся в газету.

— Мама, а что вы дома сидите в такой чудесный день?

— Мы хотели с папой погулять, да ты болеешь. Ты, кстати, выпил таблетки, что мы купили?

— Нет.

— Всё ясно. Ретроградная амнезия.

Я покаянно опустил голову.

— У кого там амнезия? Если у Сашки, то я начинаю прыгать от радости.

— Начинай, — буркнул я, глотая пилюли.

— Ну, ты и язва, Саша, — прошептала мама.

— Но это правда!

— Лучше вам молчать обоим, не поругаетесь.

Отец хмыкнул, я промолчал, жестом застёгивая рот на замок.

— Смотрю, наш больной не так и больной, пойдём, папа, погуляем, заодно посмотрим, где наш пострелёнок.

— Пойдём, — поднялся отец, — с нашей милой доченькой если не амнезию, то мигрень точно заработаешь.

Я замычал и замахал руками.

— Не кричи на отца, сам знаю, что был неправ... на этот раз.

Мне опять пришла в голову мысль о какой-то тайне, кошкой пробежавшей между нами.

Между тем родители покинули квартиру, произнеся перед уходом целую лекцию о правах и обязанностях подростка, и Толик выбрался из ванной с всклокоченной головой.

— Я помылся под душем, — доложил он.

— Давай я тебя всё-таки переодену, — попросил я, — а то сам чистый, а одежда грязная. Знаешь, сколько завалов одежды я обнаружил, не успею её износить, вырасту.

Толик сдался. Мы прошли в мою комнату, и я открыл шкаф:

— Переодевайся. Трусики тоже. А свои вещи тащи в ванную, постираю.

Толик вытаращился:

— Ты постираешь?

— А что такого, у нас машинка-автомат, забросил, кнопку нажал и всё, давай скорее, а то опять всё остынет.

Вернувшись на кухню, я вытащил из микроволновки Толькину тарелку и налил себе. Включив печку, оглянулся и поперхнулся, увидев Толика, не в силах прокашляться, я только мог показывать на Толика пальцем.

— А что, — оглядывая себя, сказал Толик, — ты это всё равно носить не будешь, а мне нравится.

Я, наконец, справился с кашлем и захохотал: Толик надел ненавистные мною розовые шортики и футболку, даже раскопал где-то розовые носочки с белыми полосками.

— Чё ржёшь? — надулся Толик, — иди лучше стирай мои вещи.

Вздрагивая от смеха, я завёл машинку и вернулся к гостю, вспоминая Ленку Бузину.

Толик уничтожил тарелку борща со скоростью звука и не отказался от добавки, а я разглядывал своего друга. Не удержавшись, я снова фыркнул, и борщ разлетелся по столу.

— Поросёнок, — буркнул Толик.

— А ты красивый мальчик, сказал я, убирая посуду. Ты знаешь об этом?

— Знаю, — нагло заявил Толик, вставая.

— Погоди, ещё чай будем...

Потом мы пошли учить уроки и просидели, пока не вернулись родители.

Как раз к этому времени начал закрепляться школьный материал, да и про школу я узнал достаточно.

— Ой! — сказал Толик, а мы мою одежду не просушили!

— Да ладно, завтра заберёшь.

Глаза у Толика засияли:

— Правда, можно?

— Нужно. Обязательно приходи, — мы вышли из комнаты.

— О! — у отца брови полезли вверх. — Что это за розовое явление?

— Это Толик! — давась от смеха, сказал я.

— Толик, ты знаешь, что в этом наряде ты похож на девочку? Тебя Сашка нарядила?

— Нет, это я сам. Если Саша хочет быть мальчиком, то я буду девочкой!

— Сильно сказано, а ты чего хохочешь, бестолочь? Это, между прочим, прямой упрёк тебе!

Я подавился смехом. Мне это не приходило в голову. Удивлённо посмотрел на Толика новым взглядом.

— Толька... — я быстро шагнул к Юрке и зажал ему рот.

— Правду не задушишь, — сказал папа, — отпусти ребёнка.

Я отпустил красного Юрика и спросил:

— Можно мы с Толиком завтра погуляем? А то, пока болею, холода начнутся.

— Тебе дать пистолет? — спросила мама.

— А что, есть? — спросил я с надеждой.

— Я пошутила.

Проводив Толика, я развесил его бельишко на балконе и посмотрел вниз.

Толик не ушёл. Он стоял внизу и терпеливо ждал, когда я помашу ему рукой на прощание,

После чего вприпрыжку побежал домой — стройненький, красивый в своём розовом костюмчике.

И весь как на пружинках.

Я вернулся на кухню, где застал маму и сказал:

— Мы с Толиком поели, позанимались. Ты придёшь ко мне перед сном?

Мама широко улыбнулась (у меня перехватило дыхание):

— Какой ты ещё совсем ребёнок!

— А может, наоборот? — хитро прищурился я.

— Признаюсь, я совершенно не знаю своего ребёнка.

— Ты даже не представляешь, насколько, — проворчал отец, входя. И снова, будто холодком повеяло.

Юрка опять играл на компьютере.

Я сел рядом.

— Хочешь поиграть?

— Нет. Я тебя сильно напугал?

— Я представил, что Саша умер, а вместо него пришёл кто-то другой, чужой.

У меня перехватило дыхание и сжалось сердце. Если скажу правду, навсегда потеряю брата,

А я уже успел привязаться к нему и к маме. А с папой мы всё выясним и будем лучшими друзьями.

Как прежде.

— А какой я тебе больше нравлюсь? Прежний или нынешний?

Юра задумчиво посмотрел на меня и огорошил:

— Ты мне нравишься настоящим.

— А ты часто спишь вместе со мной? — ушёл я от скользкой темы. Юра помотал головой:

— Только когда тебе плохо.

— Это часто бывает?

— Всегда! — и засмеялся, падая мне на руки. Я поцеловал его и спросил:

— А сегодня придёшь?

— Да, — сказал, обвисая у меня на руках, маленький злодей.

— Так мне сегодня не худо.

— Худо... Только ты об этом ещё не знаешь! — и звонко рассмеялся.

- Как у вас тут весело! — сказала мама, входя к нам.
- Мама, тебе ничего не надо помочь на кухне, а то мы готовы! Юрка сразу заскучал.
- Нет, спасибо, завтра воскресенье, мы пойдём в ресторан.
- Ура! — закричал Юрка.
- А я — в парк с Толиком.
- Твой Толик какой-то странный.
- Он не странный. Он влюблённый, — коварным голосом констатировал Юрка.
- В кого?
- В нашу Сашу, конечно. Он у нас под окном все кусты вытоптал.
- Сашка! Это правда!?
- Откуда мне знать!? Он мне не признавался, — пожал я плечами, розовея.
- Зато сегодня он заявил это всем нам открытым текстом, — задумчиво сказала мама.
- Какие вы, женщины, деревянные! — вступил в разговор папа, вам обязательно надо преподнести обручальное кольцо и встать на колени!
- Как будто я смогу полюбить мальчика! — жутко краснея, воскликнул я.
- Да куда ты денешься, природа возьмёт своё! Тем более Толик сам готов ради тебя обернуться красной девицей.
- Розовой, — буркнул я.
- Ну, розовой.
- Да ну вас! Пойду, помоюсь да спать лягу лучше, чем слушать, как меня женят.
- В соседней комнате что-то забулькало. Папа смеялся?

Ночью ко мне в постель снова забрался Юрка

Разговор с отцом. Детские войны.

Проснулся я довольно поздно. Детское тело хотело отдыха,

с трудом я согнал его с кровати и оно, ворча, отправилось по утренним делам.

Осмотрел своё лицо в зеркале. Синяки начали желтеть, опухоли — спадать.

— Надеюсь, никого не напугаю до обморока, — проворчал я. Открыл рот, пересчитал зубы. Штук тридцать, и все целые. Запаха не будет.

Тут я разозлился. Я что, на свидание с Толиком иду? Просто погулять со школьным другом по парку.

Надоели эти подколки. Надо купить себе тестостерон да поколоть куда-нибудь, может, вырастет то, что надо.

А что, где-то в Южной Америке даже такой термин есть: «мальчик после 12», в смысле, до 12 лет девочка, а после — мальчик! Это было бы здорово! Хотя мне уже 12... Ну после 13-ти. А деньги где взять?

Пойти поторговать своим телом, так и оно не моё...

Ну ладно, пусть ничего не вырастет, зато можно остальное тело запустить по мужскому типу: усы, борода...

Как они мне надоели в своё время!

Какое счастье сейчас! Как я люблю своё гладкое молодое тело...

И как ненавижу эти торчащие кости!

Надо что-то делать. Я начал разминочный комплекс и тут зазвонил где-то в комнатах телефон.

— На! — сделал я выпад ладонью.

— На! — обозначил я удар ногой с поворотом направо и добивающим обратным движением ребром ладони.

Вчера ночью Юрик мне шепнул, чтобы я был осторожнее. Я поверил ему, когда-то я занимался самбо, надо вспомнить хоть что-то.

Телефон не умолкал, я побегал по квартире и нашёл свой розовый у себя на столе.

— Да! — крикнул я.

— Что орёшь, не проснулся ещё? — спросил Толик, — я тебя на лавочке подожду.

— Хорошо, жди.

Я кинулся к шкафу и начал перебирать одежду.

Выбрал красные плавки на случай купания или загорания, синие джинсы и холщовую рубашку, белую, с тёмными швами и длинным рукавом. Сверкать синяками на тощих руках и ногах что-то не хотелось, довольно и помятого лица.

Когда я в прихожей зашнуровывал полукеды, дверь открылась и у меня перед глазами появились большие ботинки.

Медленно выпрямившись, поднимаю голову. Отец с хмурым лицом.

— Я гулять, с Толиком, — пискнул я.

— Я знаю, видел. Я специально пришёл поговорить с тобой как...

— ...мужчина с женщиной.

— Пусть будет так, если тебе нравится. — И замолчал.

— Саша, — ты же девочка...

— Нет!!!

— Сними штаны и посмотри.

— Я уже говорил, что сознание не в штанах, а в голове.

— То, что в голове, не видно.

— Я не хожу голым.

— Ты не век будешь ребёнком, тебе придётся ходить в женскую консультацию и... ну много мест, где всё видно.

— Это мои проблемы.

— Надо мной все смеются, мне нелегко сознавать, что моя дочь — ошибка природы.

Я вскинул голову, на глазах невольно вспыхнули злые слёзы:

— Тебе нелегко?! А мне легко? Кого унижают и бьют? Из-за кого всё это? Кто меня таким родил?!

А может вы мне приёмные родители?! То-то я смотрю, у вас у всех глаза серые, а у меня — карие?!

Отец даже отшатнулся:

— Что ты несёшь! Как ты смеешь так говорить, мерзкая девочка?!

— Что, опять изобьёшь?

— Тебя исправит только могила.
— Так убей, обоим будет легче! — я явно нарывался на скандал.

— После того, что ты устроила, стоило бы! — вскричал отец.
— Что я устроила?

— Сама прекрасно знаешь. Устроила тут спектакль: отец избил до потери сознания, амнезия у неё. Ненавижу! — скрипнул отец зубами и ушёл, хлопнув дверью.

У меня подкосились ноги, я опустился на пол и застыл без мыслей.

Вывел меня из ступора телефонный звонок. Звонил Толик.

— Тебя папа не пустил?

— Нет, всё нормально, — прохрипел я.

— Тебе плохо? — забеспокоился он. Мне прийти?

— Не надо. Сейчас я выйду.

Я поднялся на дрожащие ноги, прошёл, не разуваясь, в ванную и умылся.

Почему-то появилось чувство, что я только — что избежал смерти.

— Вот так-то, Саша, сказал я своему отражению.

Немного успокоившись, вышел во двор. Увидев меня, подбежал обеспокоенный Толик, который был одет в защитного цвета шорты и такую же рубашку, на ногах были надеты серые кроссовки.

— Что случилось?

— Был с отцом разговор.

— О чём?

— О своём, о девичьем.

— Понятно.

«Понятно? Ах да, шутка попала в точку».

— Ну что, пойдём, развеемся. Ты не удивляйся, но сначала покажи мне дорогу до школы, нашу детскую поликлинику, куда мне завтра надо сходить, детский сад, куда ходит Юрий, потом в парк.

— Я уже устал удивляться. С тобой не соскучишься.

— Да, скучать нам некогда. Кстати, как называется этот город?

— Краснослободск.

— Это где такой?

— Тамбовская область.

Я присвистнул.

— Закинуло меня.

— Комментируй про себя.

Действительно, ещё странно, что Толик не сбежал от меня. Наверно, не верит.

Мама дала мне денег на прогулку, целую тысячу. Мы гуляли по парку, ели мороженое, которое оказалось чрезвычайно вкусным. Наелись чебуреков, запив их минералкой. Толик хотел газировки, но я отговорил.

Зашли в тир, постреляли. Повеселились на аттракционах. Как ни странно, народу в парке хватало.

За моей спиной я слышал хихиканье, а мамыши крепче держали своих чад за руку, принимая меня за хулигана.

Наконец мы дошли до большого озера, на берегу которого был небольшой песчаный пляж, стояли урны под мусор и красивые скамеечки.

— Как давно я не купался! — воскликнул я, расстёгивая рубашку. Было довольно жарко, и я запарился в плотной рубашке и джинсах. Я огляделся, вокруг никого не было, никто не рисковал лезть в воду.

— Ты умеешь плавать? — удивился Толик.

— А то!

Я аккуратно сложил одежду на лавочку и, оставшись в красных узких плавках, подбежал к воде.

Вода, на первый взгляд, была чистая, и я с разбега ухнул в неё.

Сначала показалось холодно, я радостно возопил и поплыл саженками подальше от берега.

Пресная вода держит хуже солёной, да и тело, костлявое и без капли жира плоховато плавало, объём лёгких ещё мал, поэтому пришлось поработать руками.

Наплававшись, я выбрался на берег.

— Здесь есть кабинки для переодевания? — спросил я Толика. Толик не отвечал. Он кого-то высматривал.

— Это они, — упавшим голосом сказал он.

— Кто?

— Вовчик и компания.

Трое ребят подошли к нам, скабрёзно улыбаясь. Одеты были в джинсы и футболки.

— А! Наша сладкая парочка!купаются.

— Нет, мальчик купается, а девочка боится.

— Смотри, какой мальчик красивый!

— Да нет, что-то макияж сошёл, надо подправить.

— Сейчас подправим.

— Не трогайте его, у него сотрясение! — крикнул Толик.

— О, Оля заговорила. Сейчас у тебя тоже будет сотрясение.

— Мальчик! А где твоя пиписька? — и один из них кинул в меня шариком на резинке.

Я перехватил шарик, оторвал от резинки и сунул его в плавки.

— Так лучше?

— Ах ты, гад! — мальчишка кинулся на меня, но я выбросил вперёд руку и основанием ладони впечатал ему в нос.

— Ха! — и мальчишка без звука упал на песок.

Второго я подловил на выпрямленную ногу и, развернувшись, ударил его ребром ладони под ухом.

Третий почти достал меня, я еле увернулся, и, схватив его за руку, ускорил его движение, затем потянул на себя, и, взлетев, он со всего маха впечатался в песок лицом.

Бой продолжался несколько секунд, Толик, где стоял, там и стоял.

— Кто из них Вовчик? — спросил я.

— Которого ты в живот ударил.

Я подошёл к лежащему мальчику, пошевелил его ногой.

— Живой?

— Ты мне что-то порвал в животе, — плачущим голосом сказал Вовчик.

— А ты о чём думал, когда бил меня по голове ногой? Понимаешь, дура, что я могу ослепнуть?

— Почему? — удивился Вовчик, открыв глаза.

— Потому что человек смотрит затылком. Именно там обрабатывается информация, а ты грязной ногой. Открой рот.

— Зачем?

Я нажал левой рукой под нижнюю челюсть, вынул шарик из плавков и засунул ему в рот.

Вовчика перекосило, и он поспешил выплюнуть шарик.

— Как здоровье, сами дойдёте, или «скорую» вызвать?

— Вызови, больно очень.

— Толик, позвони в «скорую», мне их не жалко.

Сам я взял одежду и пошёл в обнаруженную кабинку для переодевания.

Там я снял мокрые плавки и надел джинсы на голое тело. Ой, что-то жестковато...

Плавки я выжал и запихал в задний карман.

— Пошли домой, Толик! — окликнул я друга.

Толик шёл рядом со мной и мрачно молчал.

— Тебя проводить до дома? — спросил я.

— Саша, как это противно...

— Надо было подставить свои морды?

— С их стороны это не менее противно, я говорю вообще о драках.

— Я тебя понимаю, сам против насилия. Но они сами напросились, назвали тебя девочкой, а меня мальчиком, а мальчики всегда защищают девочек.

На это Толик ничего не ответил.

— Толик, я так и не отдал тебе твою одежду, забыл после утренней встряски.

— Сильно досталось?

— Не то, чтобы сильно, скорее, непонятно, что-то отец от меня скрывает.

Толик вдруг остановился.

— Саша, если ты всё забыл, может, тебе и не надо копаться

в прошлом? Я иногда тебе завидую, хотелось бы что-то забыть, да не получается.

— Возможно, ты и прав, Толян, ошибки мы умеем делать, но исправить мы их можем, только зная об этом. — Толик опустил голову:

— Есть такие ошибки, что легче не жить.

— Но-но, Толька, держи голову выше! Что ты можешь натворить в свои годы?!

— Ох, много чего. А к тебе домой я сегодня не пойду, лучше завтра после уроков, заодно домашние задания принесу. Дома много дел.

— Ладно, Толик. У меня дома, наверно, тоже не всё так просто.

Однако грудь уже раздувалась от радостного предчувствия встречи с мамой и братиком.

Мы скомкано попрощались, и я побежал домой. Непередаваемое ощущение лёгкости и прыгучести юного тела переполняло меня, травмы нисколько не беспокоили, я нисколько не удивлялся этому, относя на быструю регенерацию ребёнка. В голове загудел ветер...

Дома стояла тишина, хотя все уже пришли. Мама что-то делала на кухне, папа смотрел телевизор, Юрик, скорее всего, оккупировал компьютер.

Никто не вышел мне навстречу.

Сначала я не придавал этому значения, да и избавиться от мокрой и жёсткой одежды, которая прилично натёрла мне одно место, надо быстрее.

Быстро пробежав мимо папы в свою комнату, в шкафу нашёл свободные трусики и шорты а-ля джунгли и лёгкую маечку на тонких бретельках.

— Купался, что — ли? — спросил Юрка, — вода уже холодная, простудишься.

— Вода ещё нормальная, а мокрые плавки — вот. Почему в доме так мрачно?

— Не знаю, хмуρο сказал братик, — не глядя на меня.

У меня такой брат, не захочет, не скажет. Я с чистой одеждой прошёл в ванную, забросил сырые джинсы и плавки в машинку и встал под душ.

Затем, найдя мамин крем для рук, натёр им промежность. Ощутимо защищало.

Шипя от боли и пританцовывая, оделся и пошёл на кухню.

— Есть хочешь? — спросила мама. Я прижался к маминой спине, обхватив маму руками.

— Не мешай. Какой же ты подлиза.

— Не подлиза я, а соскучился.

— Точно у тебя мозги встали набекрень.

— Мама, мы с Толиком классно погуляли, наелись чебуреками, есть я не хочу. А что ты собралась делать?

— Видишь, картошку чищу, пюре сделаю.

— Курица есть? Давай запекую в духовке.

— Моему удивлению уже нет предела. Я как раз хотела этим заняться. Вон она лежит, купили сегодня, охлаждённую.

— Уступи мне место возле мойки.

Помыв тушку, я попытался её порезать на куски, взяв самый большой нож, но, то — ли нож был тупой, то — ли я слишком лёгкий, но, сколько бы я ни прыгал, упрямая птица не поддавалась.

Посмотрев на мои мучения, мама сказала:

— Папу попроси помочь.

Я сопел, будто не слышу, продолжая жестокую борьбу с курицей.

— Ладно. Ваня, подойди, не можем курицу разделать.

Я бросил нож и отошёл в угол.

Вошёл папа, молча и ни на кого не глядя, наточил бруском нож, даже не пройдясь по безруким девочкам, и быстро порубил курицу.

Мама растерянно наблюдала за нами.

— Вы опять поругались?

— Нет! — одновременно ответили мы.

— Тогда зачем у меня на нервах играете? Между вами разве только искры не сыплются.

Папа молча ушёл, а я занялся курицей, посолил, поперчил и, густо залив майонезом, сунул в разогретую духовку.

Делать ничего не хотелось, я присел за стол и задумался.

— Как у Толика дела? — спросила мама. Я пожал плечами:

— Не знаю, он не пускает меня в свою жизнь, а я не люблю лезть в чужую душу, и не люблю, когда лезут в мою.

— Всё это правильно, но иногда нужно проявить настойчивость, мне кажется, у него не всё в порядке дома.

— Я согласен. Вокруг меня все разводят какие-то жуткие тайны, не веря, что я могу что-то не помнить, Толик прямо мне сказал, что, если я всё забыл, то и не стоит ворошить прошлое.

— И сколько скелетов в шкафу ты спрятал за двенадцать лет?

— Не знаю, я не могу их найти. А между тем, многие знают, где они стоят, но кто щадит меня, кому-то противно об этом говорить.

Мама, наконец, дочистила картошку, поставила её варить и присела передо мной, взяв меня за руки.

— Запомни раз и навсегда, ты ничего не мог натворить такого, что нельзя было бы исправить.

— Чтобы исправить что-то, надо знать, что исправлять.

— Это так, — нехотя согласилась мама. А я молча смотрел и не мог насмотреться на её молодое лицо.

— Но папе с мамой ты всё равно дорог и любим, — она чмокнула меня в щёку и отвернулась к плите.

Скоро поплыл запах запекающейся курицы и на кухню проник Юрка.

— Уже собираются, — проворчала мама, а Юрий молчал и смотрел на меня непонятно своими глазами.

Курица превзошла все мои ожидания, все жевали, забыв про разговоры, только хруст стоял, папе только успевали подкладывать.

Когда мы с Юриком ушли в свою комнату, он сказал:

— Я сегодня опять буду спать с тобой, только майку не надевай. Хорошо бы ещё трусики снять, да мама заругает.

Я только похлопал глазами.

— Что смотришь? просто нужен хороший контакт с телом.
— Ты, что ли кот, который снимает отрицательную энергию?
— Они не только снимают, но и отдают.
— Маленький мой! ты собрался меня лечить?
— Называй это как хочешь. У тебя энергетика тела неправильная.

— Ты видишь ауру?
— Кто-то называет это аурой, кто-то чакрой.
У меня глаза полезли на лоб:
— Откуда ты...
— Из интернета. Там не только игрушки.
Я перестал удивляться. Играет мальчик и пусть его.
— Когда тебе надо вставать? — спросил братик.
— К восьми мне надо в поликлинику.
— Понятно, ложись, — я послушался, подыгрывая малышу, разделся и лёг.

Юрик забрался ко мне под одеяло, я обнял его тёплое тельце, прижал к себе, хотел перед сном поговорить, но тут же уснул.

ШКОЛА

Утром я проснулся в прекрасном настроении, ничего нигде не болело, хотелось бегать и прыгать. Быстро вскочив, я побежал в ванную. В зеркале я увидел чью — то незнакомую мордашку, к моему изумлению, лицо приобрело почти нормальный цвет, а тело перестало быть похожим на леопардовую шкуру.

Я не мог поверить, что это сделал Юрик.

Потом меня посетила неприятная мысль: если Юрка меня лечил своей энергетикой, в каком он сейчас состоянии?

С другой стороны, если он сейчас не валяется без сознания, значит, жив — здоров.

Помывшись, я отправился в поликлинику.

Первый неприятный сюрприз ожидал меня в регистратуре.

Я был записан, как Саша Денисова, а я сказал, что Денисов Саша. Еле выкрутился, сказав, что я брат-близнец, пришёл записать больную сестру.

За моей спиной в очереди несколько подростков давились от смеха, они, видать, знали меня.

Второй сюрприз ожидал меня в холле перед кабинетами. Там отирались вчерашние бойцы Вовчика. Они хмуро посмотрели мимо, сделав вид, что меня нет. Вид у них был неважный. Почти как у меня в прошлую субботу. Сначала я тоже хотел притвориться пеньком, но не удержался и спросил:

— Эй вы, а где Вовчик?

Ещё более хмуро, не глядя, они удостоили меня ответом:

— В больнице Вовчик. На тебя написали заявление в полицию, так что жди.

— Стукачи, — с презрением сказал я.

— Мы отказались писать, это мама Вовчика.

— Понятно, вернее, ничего не понятно, не мог я со своим бараньим весом нанести серьёзные травмы.

- Нанёс.
- Вы что, на меня обижаетесь?

Пацаны промолчали и отвернулись. Наверно, всё-таки обиделись.

На приёме у знакомой уже Ани меня раздели до трусов, повертели вокруг своей оси, устроили несколько тестов, и Аня недоумённо развела руками:

— Если бы не видела тебя позавчера, я бы подумала, что прошло не менее недели. Чем ты лечилась?

— Исключительно любовью и заботой близких.

— Что же ты такая худая? Плохой аппетит?

— Был совсем плохой, надеюсь к зиме потолстеть.

— Ну, толстеть не стоит, а скрыть кости надо. Смотри, у тебя даже зачатков груди нет, как мальчишка. Без жировой прослойки может быть задержка развития, а это скажется в будущем.

— Что вы всё обо мне. Как дела у тех мальчишек?

— Знакомые? Ничего страшного, небольшое сотрясение да синяки на лице. На то они и мальчишки, а тебе пора взяться за ум. Стиль стилем, а здоровье превыше всего.

— Я буду аккуратен.

— Хотелось бы верить. Принимай до конца лекарства, что тебе выписали, завтра можешь идти в школу. Сейчас выпишу справку.

Забрав справку, я вышел из лечебного учреждения и направился домой, но далеко не ушёл.

— Денисова, подожди.

Оглянувшись, я увидел побитых мною ребят.

— Покажешь нам приёмы?

— Прямо здесь?

— Можно на том же пляже как-нибудь. Только не так жестоко.

— Я подумую, только вы же будете ребят обижать?

— Мы не хулиганы, нас Вовчик попросил.

— И вы втроем на беззащитную девочку...

Мальчишки засопели.

— Вы мне дали хорошую идею, запишусь я в секцию самбо и дзюдо. Всего хорошего.

Дома я разогрел себе обед, поел и отправился долбить учебники, дожидаясь Толика.

Взялся за историю средних веков, с интересом читал учебник, сопоставлял с тем, что знал по книгам Дюма и Скотта. Единственно, что напрягало, так это необходимость запоминать даты.

Вспомнил по прошлой жизни, что учитель истории предлагал делать большие таблички из ватмана, на одной стороне крупно писать дату, на другой — событие. Кому надо это? А! Для попанданцев!

Вот забросило бы меня в средние века, ничего бы не знал, когда началась та или иная война, где будет твой враг в нужное время. Прекрасный стимул не учить, а зубрить учебники, хотя не факт, что автор данной книги не написал отсебятину. Особенно из фонда Сороса...

Но то, что попаданцы существуют, я прочувствовал на собственной шкуре. Почесав шкуру на спине, я собрался читать учебник дальше, но тут раздался звонок, и я побежал открывать.

Пришёл Толик. Отправив его умываться, я разогрел ему обед и сел напротив, с чаем.

С удовольствием я смотрел, как он поглощает сначала борщ, затем пюре с курицей.

Потом уже лениво он пил чай с сахаром и печеньем.

Я хотел сначала пошутить, но вовремя прикусил язык, подумав, что потом будет не затащить Толика к себе домой.

— Что там, в школе? — Толик пожал плечами: что там может быть?

— А я в поликлинике встречал пацанов, знатно мы их отдела-ли. Не помнишь, как их зовут? А Вовчик в больнице.

— Их зовут Генка и Тимка, отделал их ты. Саша, они же совсем ещё пацаны.

— Они, вообще-то не в претензии, но заяву в милицию нака-тали. Пошли, перепишу домашнее задание.

Мы зашли в нашу с Юркой комнату, Толик открыл свой рюкзачок и достал дневник.

— Где моя одежда?

— Посмотри в шкафу, пока я переписываю.

Я открыл дневник и порадовался за друга. Всё было записано ровным, аккуратным почерком, отметки все положительные. Перевёл взгляд на свой дневник и скривился. Начав писать, я с удивлением увидел, что почерк мой не отличается от прежнего владельца моего тела, такой же корявый.

— Толик, нашёл свою одежду?

— Я не буду рыться в твоих вещах.

— Ладно, посмотрим, мама должна была сюда положить.

— Ты счастливый, Саша, — сказал вдруг Толик.

— Я?!

— У тебя большая семья, вы любите друг друга.

— А у тебя?

— Мои родители разошлись, мама уехала с Катей в Тамбов, я с папой живу.

— Тебя мама отпустила?

— Нет, но как я папу мог оставить одного?

Вот тебе и Толик, права была мама, с первого взгляда определила.

Открыв шкаф, я увидел выглаженные вещи Толика.

— Останешься? — спросил я, — позанимаемся вместе.

— Извини, мне надо домой.

— Ты на меня обиделся?

— Что ты?! — вскинул он испуганные глаза. — Я бы навсегда остался у тебя,

согласен спать у порога, рвать твоих врагов!

— А мне не разрешаешь?

— Тебе нельзя, вдруг озлобишься.

— Вот что, Толик, — подумав, сказал я, — Давай запишемся в секцию самбо, никто нам не будет страшен,

— С тобой хоть куда, только сейчас мне надо домой, папе помочь.

Проводив Толика, я снова засел за учебники.

Прозанимался до вечера, пока в прихожей не раздался голоса мамы и Юрки. Я кинулся к ним навстречу, обнял обоих и буквально затанцевал от радости.

— Соскучился? — засмеялась мама, — Толик у нас?

— Нет, ушёл, дома какие-то дела. Он сегодня подтвердил твоё предположение, у него действительно нелады в семье. Родители развелись, и он живёт вдвоём с папой. Надо будет сходить, посмотреть, как он там.

— Правильно, Саша, наконец-то ты начал думать не только о себе. Помоги отнести покупки.

Я отнёс пакеты и пошёл искать брата, который куда-то тихо испарился.

Нашёл я его в своей комнате и с первого взгляда убедился в своих подозрениях. Был он бледен, под глазами появились круги.

— Юрик, зачем ты так делаешь? — братик засопел и полез под стол включать компьютер, — ничего бы со мной не случилось, посидел бы дома ещё недельку, поучил бы уроки самостоятельно.

— Мне надо проверять свои способности, а тут такой случай.

— Тогда иди, покушай.

— Я уже поел в садике.

— Ну что там за еда!

— Нормальная еда.

— Лучше моей?

— Лучше твоего ничего нет.

— Спасибо. Можно тебя подержать на руках?

— Держи, мне не жалко.

Я держал СВОЕГО брата на руках и думал, что окончательно врос в эту семью.

Вечером мы опять все собрались на кухне поужинать.

— Когда в школу? — спросила мама.

— Завтра.

— Уже? Даже не верится, в пятницу тебя хотели отправить чуть ли не в реанимацию.

— Дома и стены помогают, тем более дома тебя так любят.

Папа крикнул, но промолчал.

Укладываясь спать, я спросил брата, — а можно мне тебя полечить?

- Тебе меня нельзя, ты ещё очень слаб.
- Так ты можешь все свои силы расходовать.
- Можно, надо уметь вовремя остановиться.
- А откуда ты берёшь силы?
- Она везде, ну и кушать надо хорошо и разнообразно.

Сильные эмоции тоже выделяют много энергии.

- Я никогда не верил в экстрасенсов, а тут — родной брат.
- Ты тоже не совсем обычный человек.
- Это моё наказание.
- Не говори так, мы тебя очень любим!
- Особенно папа.
- Особенно папа.
- Ладно, давай спать, — слегка обиделся я.
- Я снова с тобой лягу. Мне хорошо с тобой, спокойно.
- Не растворяйся во мне.

Юрик громко рассмеялся.

Утром я пошёл в школу.

Сказать, что я волновался, значит, ничего не сказать.

Я весь дрожал. Мы договорились с Толиком, что пойдём вместе, и он встретил меня на нашем дворе.

Без приключений мы добрались до школы, вошли в класс и заняли свои места. Наши места были за третьей партой в среднем ряду.

— О, Сашка пришла! — кричали одноклассники и протягивали руки.

— Бузыкина рассказала, что у тебя всё лицо синее, а ты, как всегда, красавчик.

— Ничего, — сказал я, — теперь они синие.

— Теперь держись, Алевтина тебе покажет.

Потом прозвенел звонок, и начались занятия. Меня щадили и не спрашивали в мой первый день.

За мной пришли на уроке математики, который вела наша классная руководительница Антонина Павловна.

В класс зашла завуч и отвела меня в кабинет директора.

Войдя, я увидел в первую очередь майора полиции, мужчину около сорока лет. Во главе стола сидела довольно молодая женщина, примерно ровесница моей мамы.

— Садись, — показала мне завуч, усталая женщина где-то за сорок, на стул у стены. Сама, молча, уселась, напротив.

— Ну что, все в сборе, — начала директриса. — Сегодня мы разбираем вопиющий случай, который произошёл в воскресенье в городском парке.

Малолетний хулиган избил троих мальчиков, гуляющих в парке. Двое лечатся амбулаторно, третий, Вова Ковалёв находится в больнице.

Я слушал и не мог понять, что это за полицейская сводка. Посмотрев по сторонам и не обнаружив хулигана, я с удивлением уставился на директора.

Меня опередил майор.

— Так, где хулиган?

— Вот он сидит, встань, Денисов, пусть на тебя посмотрит полиция.

«Вау! Она признала меня мальчиком! Для этого стоило похулиганить!»

Я встал и поклонился уважаемой публике.

— Погодите, — сказал майор. — Фамилия Ковалёв мне знакома.

— Да, это мой сын, — с вызовом сказала Алевтина Андреевна, — у него частично разошёлся шов на животе после недавно проведённой операции, о чём Денисову было прекрасно известно. Он специально ударил ногой его в живот, чтобы вызвать у Вовы шок. Я думаю, хулигана надо примерно наказать вплоть до исключения из нашей школы.

— Слово тебе, Денисов, — сурово сказал майор. Мысленно я ему поаплодировал. Обычно на детей дают до слёз и раскаяния и потом, морально подавив, принимают любые решения.

Я достал справку из поликлиники и, молча, передал её завучу.

— Что это? — спросила директриса у завуча.

— Справка из больницы. Дана Денисовой Александре об освобождения от школы на три дня... Так, сильное сотрясение мозга, множественные ушибы тела, подозрения на переломы рёбер, опасная гематома на затылке.

Завуч посмотрела на меня.

— Ты не похожа на смертельно больную.

— Я лечился, — скромно сказал я, — и у меня есть свидетели.

Лена Бузыкина,

Толя Зверев, врач СМП, медицинская сестра, то есть брат, участковый детский врач, о папе-маме и брате я не говорю.

— Я ничего не понимаю, — взял слово майор, — это мальчик или девочка?

— Он считает себя мальчиком, вот и пусть отвечает, как мальчик.

— Он у вас что, гермафродит?

— Да какой он гермафродит, обыкновенная девочка.

— Вы меня совсем запутали, давайте разберёмся. Подозреваемый, ответьте, каков ваш пол? — в его голосе я услышал веселье.

— По свидетельству о рождении — женский.

— А на самом деле?

— Я идентифицирую себя мальчиком.

— Так ты готов отвечать за свои поступки как мужчина?

— Всегда готов.

— Будем разбираться дальше. Зачем ты предоставил справку?

— Данные побои совершили Ковалёв и компания. Побои они наносили мне регулярно из-за личной неприязни. Они, так же, как и вы, считают, что я должен вести себя, как мужчина. Администрация школы в курсе.

В результате полученной травмы я частично потерял память, и, при нападении на меня трёх молодых людей, я не помнил, чем они больны и защищался, как мог. У меня всё.

— Хорошая речь, — сказал майор, — что скажет обвинение?
— Ничего нам не известно об избиении Денисова, жалоб не было, — сказала директриса.

— Жалоб в полицию действительно не было, но сигналы поступали, — признала завуч. Саша не позволяла родителям жаловаться.

— Подозреваемый может удалиться. Мы вас вызовем.

Я откланялся и вышел. Надо признать, спокойствие мне удалось нелегко. Спина была мокрой, да и терпел я долго. Поэтому, отыскав ближайший мужской туалет, я зашёл в него и быстро присел на унитаз. Только я успел застегнуться, в туалет зашёл старшекласник, настоящий верзила, «мальчик лет шестнадцати».

— Прогуливаешь? — грозно спросил он. Я попытался подойти к умывальнику:

— Дай умыться, — пропищал я.

— Так, — приподнял мой подбородок верзила, — а я тебя знаю, ты девчонка,

а похожа на пацана. Дай посмотреть, ни разу не видел пацана с п...

Я сопротивлялся, с ужасом понимая, что моих сил не хватит даже на побег.

— Меня сейчас разбирали за избиение трёх пацанов, — прохрипел я, — я очень сильный...

— Но лёгкий, — сказал старшекласник, без усилия усаживая меня на подоконник.

— Где тут у тебя... -вцепился он в ремень, шумно сопя мне в ухо.

Я стойко держал оборону, но силы были на исходе.

— Да не цепляйся ты, дай посмотреть!

— Знаю я вас, — пыхчу я. — сначала посмотреть, потом потрогать, потом...

Верзила справился с ремнём, помяв мои пальчики, оставалось только оторвать пуговицу и расстегнуть «молнию»! и вдруг...

— Что здесь происходит? — послышался знакомый голос и в туалет вошёл майор.

Мой враг стремительно оглянулся.

— Да он сам... — вякнул он.

— Идите за мной.

Мы вернулись в директорский кабинет.

— Этот парень сейчас в туалете пытался раздеть Денисова. Что у вас в школе происходит? Я буду вынужден зафиксировать попытку изнасилования.

Парень стал белым, как полотно:

— Он сам! — заорал он, — посмотри, говорит, посмотри!

— Я тебе верю, Арсений, иди на урок, — сказала директриса.

Арсений пулей вылетел из кабинета и куда-то умчался.

— Ну что, Денисов, достукался? Уже в школе совращаешь товарищей?

Майор полиции стал красный, как рак:

— Вы меня за идиота считаете?! — рявкнул он.

— Можешь идти, — кивнула мне директриса. — А мы сейчас займёмся обсуждением твоей судьбы.

Я тихо вышел в коридор, сильно обескураженный. Что за бред? Я виноват в том, что меня били, хотели раздеть.

На цыпочках, постоянно оглядываясь, я добрался до дверей своего класса и осторожно вошёл, красный и растрёпанный.

— Саша! — воскликнула Антонина Павловна, — что с тобой?

Я обвиняюще показал пальцем на дверь:

— Это не школа! Это минное поле! Сначала меня хотели посадить в тюрьму за превышение самообороны, затем какой — то бугай по имени Арсений в туалете пытается снять с меня штаны. Товарищ майор меня освобождает из плена, тащит насильника к директору, директор его отпускает, а меня обвиняет в разврате.

Я оглядел класс. Все молчали потрясённо. Толик весь покрылся пятнами и уставился в парту, Антонина Павловна сказала:

— Иди сюда, никто тебя здесь не обидит.

Я доверчиво подошёл.

— Сними пиджак, — я повиновался. Антонина Павловна поставила меня между колен, невозмутимо расстегнула мне брюки и аккуратно заправила рубашку. Я украдкой кидал взгляды в класс, но насмешек не видел, а видел зависть.

— Что ты такой встрепанный, Саша? — попеняла она, поправляя мне причёску, — Всегда такой был такой аккуратный, приятно посмотреть. Тебе надо всегда быть выдержанным, как дипломату. На тебя смотрит вся школа, без преувеличения.

В классе встал один мальчик:

— Можно, Антонина Павловна?

— Говори Дима.

— Если тебе, когда надо будет в туалет, скажи, я тебя провожу, — кто-то прыснул, Толик встрепенулся, но промолчал.

— Саша, ты настоящий пацан, приходи к нам в секцию бокса.

— Спасибо, у меня уже есть сотрясение мозга.

Класс взорвался хохотом, Дима покраснел.

Я опомнился:

— Правда, Дима, я очень благодарен тебе за приглашение, но я не шучу,

я даже временно потерял память, а насчёт туалета большое спасибо, кто не знает, как мучительно терпеть весь день, пусть смеётся.

— Эти, безусловно, важные вопросы будете решать на перемене, а мы ещё не

закончили урок. Саша, ты как, готов? Или сошлѐшься на потерю памяти?

— Скорее, на сложные обстоятельства.

Тут дверь открылась, и заглянул майор:

— Разрешите поговорить с Денисовым?

Все загремели, вставая.

— Куда вы его? — нахмурилась Антонина Павловна.

— Через пять минут верну.

— Я с ним! — закричал Толик.

— Разговор, слишком конфиденциальный, — сказал майор.

Эх, если б он разрешил...

— У нас есть максимум десять минут, отойдём к окну.

Мы отошли к окну, и майор спросил меня:

— Ты помнишь адрес той фотостудии?

— Какой фотостудии? — уставился я на него.

— Где ты провёл фотосессию.

— Что за фотосессия?

— Я понимаю, тебе неприятно об этом вспоминать, но пойми, от твоих слов

зависит жизнь и здоровье некоторых детей.

— Я ничего не понимаю.

— Я прошу тебя, вспомни, я знаю, что ты там был.

— Вынужден вас огорчить, это какая-то ошибка, даже если я где-то и был,

я ничего не помню, могу поклясться на библии, или на пионерском галстуке.

— Это не повод для шуток!

— Какие могут быть шутки?! Мне нечего скрывать.

— Хорошо, — майор достал из папки фотографию, распечатанную на принтере.

На фотографии мальчик, похожий на меня, в костюме ковбоя, широко улыбался. Я пожал плечами:

— Это доказательство?

Майор повернул лист к себе и поморщился:

— Да, сходство сомнительное, особенно на такой копии.

— У вас всё? Скажите лучше, что там с моим делом.

— Придётся поставить тебя на учёт.

— Зачем? Теперь следят за пострадавшими?

— Что делать, от тебя заявлений не было, а от них было.

— Я надеялся, в душе, что хоть детей не будут наказывать вместо бандитов,

ещё бы, за них вы горой, попробуй, девочка, окажи хулигану сопротивление, увидев хулигана, ты должна сразу лечь и раздвинуть ноги,

а уже потом обращаться в полицию, в состоянии трупа, или близко к тому.

У майора заиграли желваки:

— Обвинять вы все умеете, а помочь не хотите, или боитесь?
— Я сожалею, вы не верите ни одному моему слову, вы потережали моё уважение, разговор считаю бессмысленным.

— Кто тебя сегодня спас?

— Преступник наказан? Торжествует добро? Да завтра он затащит меня в любой угол и сделает со мной всё, что захочет, и никто ему слова не скажет. Зачем ломать жизнь хорошему мальчику из-за неизвестно кого!

А если я его порежу ножом, моя судьба будет пряма, как полёт пули: колония. Прощайте, на нас уже смотрят.

Я круто повернулся и пошёл к классу, откуда действительно вышла

Антонина Павловна.

— Что с тобой, Саша, ты весь дрожишь?

— Поговорите с полицией, и вас затрясёт.

— Ты не во всём прав, Саша Денисов, — майор шёл следом за мной, — возьми

визитку, как говорится, если что вспомните, или по другим каким делам.

— Честь имею!

— Антонина Павловна, следующим уроком физкультура, у меня освобождение. Можно, я пойду домой? — я машинально засунул визитку в карман рубашки.

— Замучили бедного ребёнка. Что он от тебя хотел?

— Спрашивал про какое — то фотоателье, фотосессию. Мы были на фотосессии?

— С классом нет, но вы могли ходить с родителями, с друзьями.

— Что-то мне это не нравится, — сказал я, — может быть, я зря погорячился?

— Я всегда настаиваю на выдержке, семь раз подумай, один раз скажи.

Ладно, иди, лечи свои нервы.

Я зашёл в класс и начал собирать свой рюкзак.

— Ты куда? — поинтересовался Толик.

- В тюрьму! Ладно, не бледней, домой отпустили.
- Можно, я провожу Сашу? — спросил Толик Антонину Павловну.
- У тебя тоже освобождение от физкультуры?
- Толик опустил голову.
- Ладно, заходи после уроков, — сказал я и вышел из класса. Зазвенел звонок.

На футбольном поле нашего двора ребята гоняли мяч.

Я сел на лавочку и с удовольствием стал наблюдать за весёлой вознёй.

Наконец они забили единственному вратарю гол, и, шумно пытаясь, расселись по лавочкам.

— Саша, выходи в футбол играть, а то мы всё проигрываем, — попросил Тёма, который без верхнего зуба.

— Классно, — сказал я, — от физкультуры освободили, побежал играть в футбол.

— Чё, нельзя?

— Да нет, сейчас переоденусь, да выйду, настроение хоть подыму, на свежем воздухе побегаю.

Я поднялся домой, быстро переоделся в трикотажные шортики и открытую маечку, прошёл на кухню, сделал бутерброд с колбасой, взял бутылку минералки и побежал на улицу.

Положив пакет с бутербродом и бутылкой на лавочку, подошёл к ребятам:

- Как играть будем?
- Вот наша команда, — указал Тимка на разновозрастную толпу, а вот противники.
- А как отличать, когда бегать будем?
- Мы же знаем всех.
- Некогда в лицо смотреть, за мячом надо следить.
- Но формы у нас нет.
- Об этом надо подумать, создать дворовую команду, летом футбол, зимой хоккей. А сейчас наша команда играет без маек, другая в майках, побежали.

Мы посбрасывали майки на лавку и ринулись в бой. Играли мы в одни ворота, и вратарь не отдыхал, прыгая между штанг.

Я был одним из старших, и легко обыгрывал противника, не чувствуя усталости. Наконец сделали перерыв. Тяжело дыша, подошёл к лавочке с пакетом. Пакета на лавочке не было. Он лежал под лавкой, а моим бутербродом занималась собачка.

— Надо было выше класть, — сказал кто-то из ребят. — забыл, что — ли про Тузика?

— Ладно, вода, зато осталась, — полез я под лавку. Оттуда я увидел зрителей.

Напротив нас на лавочке сидели девчонки. Вылезев из-под лавки, я внимательнее рассмотрел зрительниц. Девчонки десяти-двенадцати лет.

Наверно, у нас уже кончились занятия, скоро должен подойти Толик.

— Девчонки! — крикнул я, — в футбол играете? Замените мелких, попинаем мяч!

Мелкие завозмущались, но я цыкнул на них:

— Дайте и девчонкам побегать.

Девчонки, как ни странно, кобениться не стали и подошли к нам.

— Давайте, быстро замещайте вон тех троих, а вы посмотрите, как надо играть.

Вопли малышей мы проигнорировали.

— Кто за нашу команду, снимает футболки.

Десятилетки быстро скинули свои футболки, оставшись в шортиках, те, которым по двенадцать, замялись.

— Если стесняетесь, идите в другую команду, побежали!

Девчонки себя не жалели, бегали не хуже мальчишек, тощие тела лоснились от пота, туда-сюда мотались косички и хвосты, а кое у кого и

грудки под футболкой, которые были уже мокрые от пота.

Насовала наша команда 8—5.

Под радостные вопли болельщиков мы подошли к лавочкам с одеждой.

Моя бутылка с водой пошла по кругу и вернулась ко мне пустой.

Девчонки постарше обмахивались полами футболок и с завистью смотрели на нас, голых по пояс.

— Хорошо мальчишкам, — проворчала одна из старших девочек.

— Эт точно! — громко сказал я, и все засмеялись.

— Ребята, — предложил я, — давайте дворовую команду создадим, сражаться будем с соседними дворами, девчонок наберём!

— Тренер нужен! — крикнул кто-то.

— Форма! — подсказал кто-то.

— Будем решать проблемы по мере их поступления. Сначала тренер.

— Может, у кого-то есть знакомый тренер?

Никто не ответил.

— Будем искать. Только одно условие: не разбегаться. Сделаем младшую и старшую команды, разбавим их девочками, а потом соберём сборную.

Ребята восторженно взвыли.

— Ты что это, Сашка, нас позвала? Мы же никогда не дружили, — спросила одна из девочек.

— Так я к девчонкам всегда со всей душой.

Та посмотрела на мои шорты, потом на меня и отвернулась, хмыкнув.

— Мы здесь не в любовь играть собираемся, а в футбол, кому не нравится, не держим. Насчёт формы, кстати, девчонки могут помочь.

— Что, шить будем?

— Зачем же шить? Надо будет зайти в спортивные магазины, найти подходящую, и размеры с ребят снять. А мы родителей попробуем потрясти, когда узнаем сумму, может, мяч ещё приобретём. Давайте, попробуем.

— Скоро зима, — сказал кто-то.

— Зимой можно шайбу погонять. Теперь осталось выбрать капитана.

— Ты предложил, ты и будешь капитаном.
— Всё же надо голосовать, да и подойдут ребята постарше, будут бурчать.

— А они пусть свою команду собирают!

— Справедливо. Ладно, давайте пока каждый вечер просто играть, когда найдём тренера, там он решит, что кому делать.

Я и не сразу заметил Толика, который стоял в стороне, уже переодетый.

— Ну, всё, сказал я, — подбирая свою майку, — пора уроки учить. Пошли, Толик, — и, так, полуголый, пошёл домой, не надевать же чистую майку на мокрое от пота, да и пропылившееся тело.

Бабки на лавочке очень неодобрительно посмотрели на меня, но промолчали.

— Смотри, не простудись, — озаботился Толик, — скучно без тебя в школе будет.

— Ничего, тепло ещё.

— Странно, середина сентября, а так сухо и тепло, обычно в это время идут дожди, холодно, сыро.

— Это, наверно, потому, что я здесь. Знаешь, какой у нас в Приморье сентябрь?!

— Сашка! — со звоном в голосе воскликнул Толик, — Прекрати!

Я смутился. Наверно, перевозбудился за сегодня, путаю уже свои жизни.

— Ладно, извини, Толик, просто пробиваются чужие воспоминания.

Дома я сразу убежал в ванную, бросил в машинку пропотевшую одежду и долго, с наслаждением, натирался мочалкой.

Вытеревшись полотенцем, я обнаружил, что надеть мне нечего.

— Толик! — завопил я.

— Что? — подошёл к двери Толик.

— Подай мне бельё, там, в шкафу.

— Сам не можешь, что — ли?

Я же голый! — возмущился я.

— Я не знаю, что тебе надо, — дрогнувшим голосом ответил Толик.

— Любые трусики, только не Юркины. На себя прикинь.

Толик отправился на поиски, а я, обмотавшись полотенцем, встал перед зеркалом, разглядывая, насколько сошли синяки, потрогал затылок, ещё было немного больно, подёргал себя за волосы, решив, что пора бы подравняться, а то вон, торчат во все стороны.

В дверь поскреблись. Я открыл, смотрю, стоит Толик, отвернулся, зажмурился и протягивает в мою сторону трусы.

Я не мог удержаться: — Что жмуришься, голых пацанов ни разу не видел?

Толик дёрнулся, выронил трусы и бросился в прихожую.

Пока я, давясь от смеха, натягивал трусы-шорты, Толик в прихожей, похоже, обувался. Я выскочил из ванной:

— Стой! — Толик уже взялся за ручку. — Куда? От меня так быстро не убежишь!

— Пусти! — вырывался Толик.

— Бежишь, друг? — зловеще прошипел я. А кто обещал прикинуться ковриком перед дверью?

Толик обмяк, стоял и молчал.

Я решил довершить разгром: — Хочешь, я тебя поцелую?

Толик распахнул ресницы и неверяще посмотрел на меня:

— Правда, что — ли?

Мне стало стыдно за насмешки над невинным ребёнком, и сказал:

— Правда, только закрой глаза.

Толик закрыл глаза, губы тронула мечтательная улыбка.

Он действительно был похож на переодетую девочку, и я, несколько не тушуясь, прикоснулся к его губам, хотя намеревался чмокнуть в щёчку.

Толик погрузился в нирвану. Я внимательно посмотрел на него и подпрыгнул от неожиданности: кто-то отпирал дверь.

Меня будто ветром сдуло. Никогда не думал, что способен к телепортации.

Когда опомнился, на мне уже были длинные, красные шорты, и я натягивал майку. Только теперь я услышал мамин голос: — Толик, почему не проходишь? — Толик молчал. Пришлось его выручать, и я крикнул:

— Толик пришёл ко мне позаниматься, а я здесь переодеваюсь, — всё-таки я не удержался пустить шпильку: — Толик очень стеснительный.

— Не то, что некоторые, бегают голышом по двору и не краснеют.

— Бабки наябедничали?

— Не бабки, а бабушки. Проходи, Толик, на кухню, сейчас Саша выйдет. Если выйдет.

— Отчего же мне не выйти? — с опаской спросил я, неужели знает про мои приключения?

— Знаю-знаю, — ответила мама на мои мысли, — так что, выходи, подлый трус.

Я с невинным выражением на лице (а чё я сделал?) зашёл на кухню.

Мама готовилась кормить Толика. Толик всё ещё пребывал в нирване.

— А Сашек мы кормить не будем, сегодня не заслужили.

— Мне снять майку?

— Не надо, твои мослы и сквозь майку прекрасно видны.

— Сегодня мне звонили из школы...

— И?

— Приглашали на разбор дела некоего хулигана.

— И?

— Я сказала, что ты большой мальчик и сам способен отвечать за свои поступки. — Мама достала из микроволновки тарелку и поставила её перед

Толиком. Сунула в одну руку ложку, в другую хлеб.

— Ешь! — приказал я.

Толик стал аккуратно кушать.

— Что это с ним?
— Мы играем. А что ты так рано?
— Пришла убедиться, что моё чадо ещё живо, о здоровье я не говорю. Что будешь есть?

— Что есть, то и буду. Рассказывай дальше.

— Мне сказали, что ты избил мальчиков, которые гуляли в парке... — Толик поперхнулся, не переставая, однако, кушать. Мы посмотрели на него, но ничего больше не дождались.

— Мама, у меня был сегодня тяжёлый день. Вернее, тяжёлая неделя. Давай подведём итоги. Если я буду говорить правду, Толик будет кивать, если вру, встанет и скажет. Итак. В пятницу меня пытались убить, — кивок.

— в воскресенье меня пытались добить, — кивок, — я не дался, — кивок, — за что был вызван на суд тройки. Должен сказать, нарушений не было, полиция допрашивала меня в присутствии завуча, директор был обвинителем. Меня обвиняли, чуть ли не в преднамеренном убийстве, за пару разбитых носов мне грозит немалый срок... учёта в детской комнате милиции и исключением из школы. Затем я был удалён из зала, и, пока они решали мою судьбу, в туалете на меня напал какой-то бугай, решивший заменить мне гинеколога, — и это подтвердил Толик, — но и это ещё не всё, — я выдержал паузу и трагическим голосом сказал: — его представили, как жертву, а меня представили сексуальным маньяком! — кивок.

Мама растерялась.

— Так что, мама, твоя шутка насчёт пистолета перестает быть шуткой. Но

последняя новость, боюсь, тебя добьёт, — отойдя поближе к двери, я сказал:

— Мы решили создать пару дворовых команд, нанять тренера, купить форму.

— Будем стремиться выходить на городские соревнования! — кивок.

Мама со стоном опустилась на стул:

— Ты действительно меня в гроб загонишь, молодую. Ну, что стоишь у двери? Думаешь куда-то от меня убежать? Иди за стол.

Я покаянно подошёл и сел рядом с мамой. Мама слегка шлёпнула меня по затылку. Я уронил голову и со стуком ударился лбом о столешницу. Замер.

Мама с криком вскочила.

— Мам, ну больно же! — поднял я голову. Даже Толик осуждающе покачал головой.

— Моё терпение кончилось! — воскликнула мама, схватила меня за ухо и, не слушая моих протестующих воплей, поволокла в свою комнату и поставила в угол. Всё, стой, пока папа не придёт! — у меня громко заурчало в животе. — И не урчи, не разжалобишь!

— А как же уроки?

— В углу поучишь. Толик, допивай чай, поставишь стул рядом с наказанным, и будете читать учебники, а письменные, — она повысила голос, — будешь делать ночью! Пойду, схожу за Юркой. — Мама пошла в прихожую, обуваться, а Толик тихонько проник ко мне с печенкой. — Зачем ты это делаешь? — спросил он.

— Переходный возраст наступает. Чувствую, наплачетесь вы все со мной, — произнёс я, хрустя печенкой, — и вообще, что ты меня печеньем кормишь, принеси мне бутерброд с колбасой.

— Сходи, сделай сам, мама уже ушла.

— Не могу. Ты слышал, меня поставили в угол, тебя ко мне приставили. Захочу писать, принесёшь горшок.

— Ты опять?

— Толик, скучный ты человек! Жизни радоваться надо! Смотри, сколько со мной произошло. Если бы я унывал, сошёл бы с ума. Потому что уныние-смертный грех. Запомни, Толик, если я впаду в уныние, можешь заказывать по мне панихиду.

— Санька!

— Такова цена уныния! — тащи бутерброд, мой Тузик съел.

— Может, пойдёшь, да поешь нормально.

— Нет, вечером все соберутся, поужинаем, голодным не оставят, и я пропел:

«Родители плачут, пропал аппетит у детей»

— Какой у тебя голос, Саша!

— Сам не ожидал, как-то не до пения было.

— Саша, у меня есть гитара, я немного играю, давай как-нибудь соберёмся, споем.

— Сделаем. Вот где тренера найти...

— Что его искать, мой папа бывший тренер.

Я аж подпрыгнул на месте:

— Ну вот кто из нас двоих больше издевается над людьми?

— Это не так просто. — Толик замолчал, принёс стул, табурет, на табурет поставил чай, бутерброд с маслом, сыром и толстым куском варёной колбасы. Я, так и не сев, с урчанием и чавканьем набросился на еду.

Когда я справился, Толик решился на продолжение разговора:

— Мой папа сильно пьёт, его уволили.

— На что же вы живёте? — у меня даже засосало в груди.

— Папа был футболистом, получил травму ноги, теперь получает пенсию по инвалидности.

Повисло тяжёлое молчание.

— Ему сколько лет? 36—37?

— 37.

— Ещё можно всё исправить, — задумчиво сказал я. Толик скептически покачал головой:

— У него столько друзей было, лечили, устраивали на работу, потом всё начиналось сначала. Я с ним остался, от мамы сбежал, ухаживаю за ним, кормлю, он мне доверенность написал, сейчас я пенсию получаю, это после того случая, когда мы решили зарабатывать.

— Что за случай? Я его знаю?

— Должен был знать, но, если забыл, не скажу, просто мой папа об этом узнал, вот и написал доверенность, получаю по свидетельству, правда, приходится давать на водку, на пиво.

— Сам покупаешь?

Толик кивнул.

— Это упрощает дело.

— Как это?

— Всё, разговор прекращаем, буду составлять план. Думаю, в воскресенье приступим к операции «тренер», — я засмеялся: — знаешь, раньше тренером называли гранёный стакан! Это знаменательно. Неси учебники, убирай следы преступления, скоро мама придёт.

— Скажи, Саша, зачем ты пугаешь маму, ты же её так любишь!

— Запомни, Толик, самую страшную боль мы причиняем любимым.

Толик отшатнулся, будто его ударили, и с ужасом посмотрел на меня.

— Всё, Толик, лирику побоку, начинаем создавать одесский шум.

Через некоторое время, упёршись носами в стену, мы увлечённо штудировали учебники. Я, к примеру, погрузился в чудный мир цифр и многочленов, Толик кайфовал с географией.

Когда пришла мама, не поверила своим глазам.

— Выходите уже, — простила она меня.

— За что ты их в угол? — открыл рот от удивления Юрик.

— Не их, а нашего хулигана, Толик за компанию.

— Саша не мог провиниться, он хороший.

— Хороший, — согласилась мама, — когда спит зубами к стенке.

— Возле стенки я сплю.

— Не в том смысле.

— Я всё понял, — сказал Юрик и пошёл переодеваться и мыть руки.

— А квадрат, плюс Б квадрат... — бубнил я.

— Ладно, стойте, скоро папа придёт, он вас выпустит.

— Если не оставит до утра на горохе.

Толик с укоризной посмотрел на меня. Мама ничего не ответила, уйдя на кухню. Там она чем-то загремела. Мне страшно

захотелось к ней, прижаться щекой к щеке, вдохнуть запах её волос... Я застонал.

— Устал? — отвлёк меня Толик.

— Нет, замечтался. Что ты там читаешь?

— Про Африку.

— А-а, в Африке горы — вот такой высоты, а-а в Африке реки — вот такой ширины, а-а косогоры-горы-горы, буераки-реки-раки, а-а и зелёный попугай! — пропел я в голос.

— Рано птичка запела, — донеслось из кухни.

— Мама! — крикнул я, — мне деньги нужны!

На кухне воцарилась тишина, затем мама подошла ко мне и потрогала лоб:

— У тебя опять сотрясение?

— У меня планы на мою тушку.

— ?

— Мне надо турник, гантельки, эспандер, или попроси папу, тем более турник я не смогу повесить, а папа тоже будет им пользоваться.

— И сколько всё это удовольствие будет стоить?

— Думаю, тысяч в пять уложимся, но это на первый случай.

— А на второй?

— Об этом поговорим за ужином.

— Ты рассчитываешь на ужин?

— Я рассчитываю дожить до утра.

— С таким языком это очень проблематично, — наконец мама не выдержала, засмеялась, и, взяв моё лицо в ладони, нежно поцеловала.

Толик рядом сглотнул. Я подумал, что ему бы хотелось одно-временно быть

и на моём и на мамином месте.

Через некоторое время я начал приплясывать, сжимать ноги: выпитый чай просился наружу.

— Где у вас горшок? — прошептал Толик. Юморист, блин! От меня нахватался, что — ли?

— Спроси у Юрки, — ответил я, тоже шёпотом.

— Юра! — позвал Толик.

— Что вам? — недовольно отозвался Юрка.

— Иди сюда.

— Ну! — подошёл к нам мой брат.

— Где твой горшок?

Юрка запыхтел от ярости.

— Не пыхти, сейчас Саша описается.

— Мама! — закричал маленький мерзавец, — Саша описался!

— Возьми тряпку и вытри.

— Не буду я вытирать, — возмутился Юрик, отпусти лучше его на минутку в туалет.

— Пусть сбегает.

Я опрометью метнулся в туалет. Ух! Какое облегчение! Всё-таки, как прежний Сашка выкручивался в школе? В женский туалет не пускали, в мужской — тоже... Бред! Мне-то предложили охрану. Я вспомнил сильные руки Арсения. Какая охрана... Мазохисты мы, одним словом.

Когда вышел из туалета, меня оглушил умопомрачительный запах жарящихся котлет. Рот наполнился слюной. Бутерброд где-то растворился без остатка.

— Саша, — ты котлеты жарить умеешь?

— Я всё умею.

— Иди, пожарь, я гарнир приготовлю.

— Не буду, — буркнул я, мне уроки учить надо.

— Ну иди, учи, — вздохнула мама.

Толик тоже пускал слюнки.

— Хорошо-то как, — сказал я, забирая у Толика «географию», ещё бы пожрать... — Ты сегодня не торопишься?

— Сегодня не тороплюсь.

— Это хорошо, мне будет веселее, да и тебе интересно.

— Мне совсем не интересно слушать твои тупые шутки, — сердито прошептал

Толик, — Ой! Извини.

— Ладно, не извиняйся, называй вещи своими именами. Что-

то отец задерживается.

Мы уже прочитали все домашние задания и даже поспрашивали друг — друга, когда загремела дверь, и вошёл папа.

— Какой дивный пейзаж! — воскликнул он, увидев нас, упёршихся носами в угол, — просто бальзам на раны!

— Что ты так поздно? — спросила мама из кухни.

— Ходил на родительское собрание, — мы с Толиком переглянулись.

— Ну и что? — напряжённо спросила мама.

— Сейчас умоюсь, переоденусь.

— Детей отпустишь?

— Подумаю.

Мне показалось, прошла вечность, пока дождался папу.

— Ты знаешь, мать, нашего э-э ребёнка хотят исключить из этой школы за злостное хулиганство! Поставить на учёт в полиции!

— Да, хулиган во всём признался.

— Я был против.

Мы, молча, с удивлением ждали продолжения.

— Интересно получается, когда сын директора школы избивает нашу дочь до потери сознания — это нормально, а когда она даёт отпор троим зарвавшимся недорослям, нашу девочку сразу называют преступником и оторвой. Хорошо, на собрании присутствовал майор полиции, мы потом с ним побеседовали. Он, кстати, не инспектор по делам несовершеннолетних, а оперативник по особо тяжким, — обещающий взгляд в мою сторону, — что-то наша любимая доченька знает. Знаешь? — я отрицательно покачал головой, не обратив внимания на побледневшего Толика. — Ну да ладно, это его дела — всех подозревать. Рассказал он и про неприятный случай в туалете. Страшно было?

— Скорее противно.

— Майор был свидетелем, так что не верить я не могу. Пока ставить на учёт Сашку не будут, до следующего раза. А вообще, Сашка себя повела, как мужчина, — Папа внимательно посмотрел на меня, — так что, может быть, в скором времени она добьётся

этого звания. Ты понял? Главное не сознавать, что ты мужчина, а поступать по — мужски!

— Йес! Сэр! — Толик только вздохнул.

— Ну что, мать, можно выпускать узников совести?

— Выпускай. Пусть уберут за собой свои завалы и идут на ужин, а то Саша сейчас упадёт в голодный обморок. С обеда не ела.

— С утра.

— Как с утра? — испугалась мама, — почему?

— В школе не захотелось, пришёл домой, позвали играть в футбол, бутерброд мой съел Тузик, воду выпили игроки, дома был поставлен в угол, грызть гранит науки.

— За что поставили в угол, ты понял? — спросила мама.

— За мой длинный язык, — вздохнул я.

— Хотя это понимаешь, — но и свои цирковые номера брось!

— Но мама! Во-первых, если хулиганю, значит, выздоравливаю, а во — вторых, голова всё ещё болит.

— Да я слегка!

Всё! Я не выдержал, кинулся к маме, обнял, прижавшись к её груди.

Кто меня осуждает, пусть сначала потеряет свою маму...

— Ну хватит уже, — растрепала мои волосы мама, — иди, помогай Толику, и за стол.

За ужином, когда я немного наелся, папа спросил:

— Ты что, играл сегодня в футбол?

— А что, сегодня нельзя было?

— Ты, обычно, только болел.

— Позвали, проигрывали без меня. Сегодня очень весело было, мы пригласили девчонок, бились изо всех сил и всех победили со счётом 8—5!

— Саша девчонок уговорил играть полуголыми, как и сам, — обвиняющим тоном сказала мама.

— Правда? — спросил папа, — я кивнул.

— Ты видел? — спросил папа у Толика.

— А что такого? Они такие же, как пацаны.

— Зато знаешь, как весело! — Вклинился я, — девчонки совершенно отмороженные, сбивали пацанов с ног! Да, папа, хорошо, что ты завёл этот разговор. Мы решили создать нормальную дворовую команду, для этого нам надо нанять нормального тренера, купить форму, мяч...

— О-о-о, — воздел руки папа.

— А что? Меня выбрали капитаном будущей команды, теперь я как администратор...

— Тебя? Капитаном? — папа захохотал, — Ты футбол даже по телевизору не смотришь!

— Причём здесь телевизор! — возмутился я, — Мы сами хотим играть, а не сидеть с пивом у телевизора!

— Но-но, покритикуй ещё! Скоро наступят холода, и вы забросите свой футбол, вырастите из формы и всё.

— Папа, — терпеливо сказал я, — зимой можно играть в хоккей. Нет коньков и льда, можно играть в хоккей с мячом, зальём коробку, купим коньки, клюшки, шайбу, вытащим вас, замшелых стариков, из затхлых квартир! Давай, а? — Толик тоже смотрел с надеждой.

— Хорошо ты сказал про замшелых стариков. Но есть ведь детские спортивные школы, отделы горono, районо, которые обязаны этим заниматься, — я махнул рукой.

— Ладно, не спеши отмахиваться, попробую я заняться этим делом, коли мой сын капитан команды.

— Ура! — закричал я.

— А поцеловать папу? — спросила мама.

— У него щека колючая, — отшутился я, — а как насчёт домашних тренажёров?

— Каких ещё тренажёров? — изумился папа.

— Турник, гири, штанги, беговая дорожка, велотренажёр...

— Сашка, может, я что-то проглядел, и ты действительно мальчишка?

— А когда ты последний раз глядел? — невинным голосом спросил я.

— Выпорю, — пообещал мне папа, — там и поглядим.
— Спасибо, папочка, за доброе слово, пойду, провожу Толика, а то поздно.

Пока Толик раздувался от возмущения, папа сказал: — А Толика провожу я.

Действительно поздно, а ты притягиваешь все приключения на свой тощий зад, как магнит.

Я потрогал себя сзади:

— Действительно, тощий. Надо заняться собой.
— Давно пора, всё лень тебе было. Неужели это наш ребёнок? — повернулся он к маме, — та пожала плечами:
— То ластиться, то дерзит, то смеётся, то плачет... Это наступает страшный переходный возраст. Наше дитя выросло, папа.

Папа ушёл провожать Толика, а мы с Юркой стали укладываться спать на нижней кровати. Юрик бросил вниз свою подушку: наверху ему, видители, душно. К нам на кровать присела мама, погладила наши головы:

— Смотрю, Юра окончательно переехал к Саше.
— Там душно, зимой туда переедем.
— Понятно, — засмеялась мама, — аргумент неотразимый. Что, Саша, обиделся?

— На мам не обижаются, тем более я сознательно напросился.
— Зачем?
— Хотелось подурачиться.
— Хорошо подурачился в углу?
— Это было восхитительно, Толик ухаживал за мной, мы даже разыграли Юрика, — тот обиженно засопел.

— У тебя правда голова болит? — озабоченно спросила мама.
— Потрогай затылок, — приподнялся я. Мама нащупала шишку, я поморщился и зашипел от боли.

— Бедненький! — пожалела меня мама, а я ударила тебя по этой шишке и отправила в угол?

— Нет, в тот раз ты не попала по шишке, я и не знал, что она ещё так болит. Юрик, ты не посмотришь?

— Не посмотрю, я и так знаю, потому и сплю с тобой.
— Ну, мальчики, с вами не соскучишься, ладно, спите, — она поцеловала нас на ночь, и ушла.

— Полежав немного, я спросил братика:

— Юр, скажи, как ты это делаешь? — Видишь ауру?

Юрик хихикнул: — Ты завяжи себе глаза и походи по незнакомой комнате, а потом, когда наткнёшься на человека, спроси у него, почему он не натывается на мебель. Как думаешь, что он тебе скажет?

— Открой глаза?

— Угадал.

— А как мне открыть глаза?

— Помнишь кино «Вий»?

— Да.

— Что он просил?

— «Поднимите мне веки, не вижу».

— А зачем он это просил?

— Чтобы увидеть человека сквозь заколдованный круг.

— Вот видишь, если ты хочешь видеть, нужно попросить открыть тебе глаза.

— А кого попросить?

— Не знаю.

— А ты как?

— А я — так! — воскликнул Юрик и напал на меня. Я схватил его поперёк туловища, мы повернулись и с грохотом свалились на пол.

— О, господи, — донеслось до нас, — опять начинается.

МЕНЯ ВГОНЯЮТ В КРАСКУ

В школе у меня появились первые успехи, только с физкультурой так и не вышло. Я ходил в поликлинику ещё раз со своей шишкой, и мне предложили пока отказаться от бега и футбола, хотя бы на недельку. Теперь я болел, а Толик носился по полю.

Когда в школе меня пытались задеть моей гендерной неопределённостью, я со смехом обращал нападки в такую шутку, что шутник сам оказывался в дураках.

А почему бы мне не пошутить? Я был любим и сам любил, учителя были строги, но справедливы, я постепенно привыкал к своему статусу школьника, полностью отдавшись беззаботному детству.

Так прошло два дня.

За эти дни я пытался найти спортивную школу, где можно заниматься самбо, или другими видами борьбы.

Но везде нужна была справка медицинская, свидетельство о рождении, где написано, кем я родился. Всё это навевало на грустные размышления.

Вспомнил свою прежнюю жизнь в советский период, когда я пришёл в спортзал школы, где занимались самбо, тренер занёс меня в списки, и я начал отрабатывать сначала падения, затем меня начали швырять на маты. Напарник был другой весовой категории. Чуть мощнее и килограмм на тридцать тяжелее. Я тоже швырял его, когда он изображал манекен.

А разминались мы чудесно. Нам тренер бросал баскетбольный мяч, и начиналось дикое регби. Было только одно правило: трогать лишь владельца мяча, но, чтобы овладеть мячом, собиралась куча из всех игроков, меня заволакивали по матам до потолка и стаскивали на жёсткий пол, елозили по нему голыми локтями и коленями, не чувствуя боли, визжа от радости и восторга.

Затем швыряли друг — друга на маты, мяли в партере и выворачивали руки и ноги в силовых захватах. А потом я окончил школу, уехал поступать...

И жизнь моя покатилась по колдобинам и ровному шоссе.

Жалуюсь ли я на прошедшую жизнь? Зачем? Конечно, за что-то краснеешь, что-то хотелось бы вычеркнуть, но, в общем, жизнь удалась.

Я встретил женщину, которую полюбил. Эту любовь я пронёс через всю жизнь, с нежностью вспоминаю и сейчас, находясь в детском теле.

Я много думал, нахожусь ли я в том же мире, где умер, можно ведь позвонить своей жене и детским голосом сказать: «Привет, мамуся, это я»

Даже боюсь представить.

Может, просто подышать в трубку и послушать сердитые «алё», а потом, послушав сопение в трубке, скажет: «Это ты Саша? Не молчи, скажи, что ни будь».

Надо же, разыгралась фантазия. Я же о спорте...

В пятницу у нас на классном часе пришла очень молоденькая медсестра и начала рассказывать, что у нас в школе, (подошла, оказывается очередь), оборудовали гинекологический кабинет и уже, начиная со старших классов,

прошли проверку все девочки, остался наш класс и два пятых.

Антонина Павловна увлеклась пейзажем за окном, я сидел, ни жив, ни мёртв, Толик покрылся пятнами.

Я не оглядывался, но мой костюм дымился от взглядов, всех интересовало, как я выйду из щекотливого положения.

— А это обязательно? — спросила Валька Зайцева, с которой мы приятельствовали. Валя была скромной, безобидной девочкой, её все любили и старались не задевать. Вообще наш класс был дружный, даже я без особого труда удалось вписаться в коллектив, по некоторым намёкам я понял, что прежний Сашка накосячил немного, я это старался сгладить,

но в общем, кроме Вовчика и его друзей никто на меня особого зла не держал.

Вовчика не будет ещё неделю, а его приятели стали моими приятелями.

— Желательно, есть такие заболевания половой сферы, которые лечатся при выявлении на ранних стадиях, но принуждать, конечно, никого не будем.

— Слышишь, Саша, — обратилась ко мне Валя, — посещение не обязательно.

Ну, Валька!

По классу пролетел шелест, кто-то давился от смеха, а Света Хомякова прошипела: — Валька, ты что, дура?

— Я же помочь хочу! — захлопала длинными ресницами Валя.

Света только вздохнула.

Тогда я решил разрубить этот узел и спросил: — А мальчиков осматривать будут? — Я оглох от хохота.

— Тише, тише, ребята, мальчик правильно спрашивает, у ребят тоже бывают проблемы в половой сфере, и немалые, вплоть до простатита, который возникает от инфекции, которая, в свою очередь проникает в простату, когда не соблюдают элементарных правил гигиены. А ты, мальчик, — обратилась она ко мне, — наверно, не зря спросил, у тебя, может быть, фимоз?

Класс развеселился, но не сильно, тогда Женька Кислицын спросил у Борьки Гуревича: — А что такое фимоз? — на что Борька, поправив на носу очки, ответил глупому Женьке: — Фимоз — это невозможность обнажить головку полового члена.

Секунду стояла мёртвая тишина, потом класс забился в истерике.

Антонина Павловна кусала губы, Толик закрыл лицо руками.

Я вскочил с места, схватил медсестру за руку и вытащил её из класса.

Захлопнув дверь, я услышал более мощный взрыв хохота.

— Где ваш кабинет? — зашипел я.

— На первом этаже, — а что случилось, почему они смеются?

— Пойдём, в кабинете всё объясню.

В кабинете за столом сидела, даже по моим меркам, пожилая женщина,

заполняя какие-то формуляры.

Посмотрела на нас и вернулась к своим делам.

Мы стояли и ждали, медсестра ждала объяснений, я ждал вопросов.

— Люба, что случилось? — спросила доктор.

— У мальчика какие-то вопросы к вам.

— Я, вообще-то детский гинеколог, а не андролог, но могу и что-то рассказать. Но, Люба, у нас мало времени, где девочки?

— Они пока не готовы, — встрял я.

Доктор вопросительно посмотрела на медсестру, та кивнула. Тогда она посмотрела на меня.

— Они в истерике.

— По какой причине?

— Я первым вызвался посетить гинеколога.

— Ты, может, ошибся, мальчик, здесь не стоматолог, а гинеколог.

— Вот и я говорю, товарищ доктор, это ли не повод для истерики? Где ваше рабочее место, ведите.

— Мне уже стало интересно, пошли. — Она открыла дверь в соседнее помещение и пригласила меня войти. Увидев гинекологическое кресло, мне стало дурно, честно говоря, меня ещё никогда не исследовали на этот предмет.

— Ну что бледнеешь? Неприятно? Правильно сделал, что пришёл, вас надо всех провести через это, чтобы уважали женщин. Раздевайся, садись.

— Как раздеваться, совсем?

— Достаточно по пояс снизу.

Я подумал, что мне повезло, женщина помоложе просто вышвырнула бы меня из кабинета, чтобы не мешал работать.

— Сестра будет ассистировать?

— Стесняешься её?

- Менее всего.
- Ну, тогда раздевайся, не тяни.
- Грудь не будете смотреть?
- Я не маммолог, тем более что смотреть, я думаю, ещё нечего.
- Я надеюсь, что и не будет.
- Не зарекайся.
- Я снял пиджак, рубашку, штаны, глянул на доктора, доктор разбирала инструмент, сестра протирала их спиртом.
- Я снял трусики, подошёл к креслу и спросил:
Как сюда залезть?
- Люба, помоги мальчику.
- Люба подошла и стала объяснять, куда встать, куда сесть, куда ноги положить.
- Ой, — ойкнула Люба, — это не мальчик, Мария Борисовна.
- Понятно, что не мальчик, но и не девочка.
- Как это?
- Любочка, читать надо медицинские журналы. Ладно, потом объясню, у нас непростой случай. Таких смелых мальчиков я ещё не встречала.
- Особой смелости здесь нет, все знают, кто я.
- Ну и как тебе с этим живётся?
- Пока жив.
- Только что. Мир жесток, сынок, и все, кто на нас не похож, враг.
- Не всё так мрачно, товарищ доктор, у меня есть друзья, я любим и люблю.
- Мальчик, или девочка?
- Мальчик, который готов ради меня прикинуться девочкой, есть братик, мама, папа, они даже признали меня мальчиком.
- Тебе здорово повезло, малыш.
- Абсолютно с вами согласен.
- Давай приступим к делу. Так, с гигиеной у тебя всё в порядке. Часто подмываешься?
- Каждый раз после туалета, утром и вечером.

— Молодец, не каждая девочка себя так ведёт, приходится здесь же и мыть.

Ну ладно. Давай посмотрим, что у тебя внутри.

— А вы ничего мне не сломаете?

— Ты смотри на него, — возмутилась врач, — «сломаете»! Как у тебя язык-то повернулся! Да ты только — что намекал, что тебе ничего этого не надо!

— Ну, может быть, со временем...

Медсестра смазала мне губки чем-то холодным, и врач осторожно начала вводить зонд.

— О-о-о! — выдохнул я.

— Световод всего пять миллиметров толщиной, а ты «о-о-о»

— Это от неожиданности.

— Как насиловать девочек, так ничего, как тебя, так «о-о-о»

— Я никого не насиловал, мы любили друг — друга!

— Верю, ты хороший мальчик.

— Так, влагалище длиной сантиметров шесть, не извилистое, гладкое, — она повернула ко мне монитор: — смотри, больше ты этого никогда не увидишь.

Что тут смотреть? кишка и кишка, только розовая.

— Попробуй пошевелить мышцами.

Я представил, что сжимаю мочеиспускательный канал, кишка сжалась.

— Хорошо, — несколько удивлённо сказала врач, — так, дальше...

— Ай! ай! ай! — аж выгнулся я.

— Не дёргайся! Можно пораниться. Так, вот мы и в матке... «это сон: влагалище, матка... у меня?!» До этого мне была видна только небольшая складка на теле, вход я боялся исследовать, вдруг что-то повредится. А тут я видел себя изнутри во всей красе.

— Ага, смотри, вот трубы, нормально всё развивается, всё есть, что надо, никаких отклонений, снаружи тоже нет ничего лишнего. При желании сможешь родить ребёнка.

— Такого же?

— Такие появляются очень редко, бояться нечего, тебе особенно, этот ген проявится ещё не скоро.

— А почему так получилось?

— Ты же, наверно, интересовался в интернете?

— Интересовался.

— Ну и как?

— Я считаю, получился сбой в период формирования мужских половых органов, тогда как всё остальное тело начало развиваться по плану.

— Ты знаешь, что все зародыши женского пола?

— Да, это даже в детских передачах показывают.

— Ну, ты, в принципе, верно понял. Есть ещё другие отклонения у людей.

— Да, и немало.

— Твоё не самое неприятное.

— Да, если объяснишь, начинают уважать.

— Мальчишки всегда уважают силу...

— Да-а-а, — сдавленно прошипел я.

— Всегда знала, что мужчины плохо переносят боль.

— Думаете, приятно, когда внутри тебя ковыряются железом?

— Откуда мне знать? — удивилась пожилая женщина. — Всё, вынимаем железо из твоего нежного тела.

Изъятие железа тоже не принесло особой радости. Да, не впечатлило.

— Всё, можешь одеваться, Люба, помоги мальчику.

Когда я вышел в приёмную, врач сидела за столом и заполняла карточку.

Фамилия, Имя, Отчество...

— Денисов Александр Иванович.

— Полных лет?

— Шестьд... — Начал было я, но вовремя опомнился, — двенадцать.

— Странная оговорка.

— Просто оговорка.

— И ничего более?

- Ничего.
- Давно в наших краях?
- Неделю.
- Понятно.

Докторша заполнила формуляр, положила в отдельную папку и сказала:

- Приглашай по два человека, сегодня только девочек.
- Слушаюсь.
- Да, чуть не забыла, возьми адрес, зайди ко мне через полгода, я хочу последить, как ты развиваешься.
- Думаете, буду развиваться по мужскому типу?
- Не могу предсказать, надо наблюдать.
- А как я э-э-э...
- Надо будет, не постесняешься, мало ли, зачем ко мне приходят.
- Спасибо, до свидания.
- До свидания, жаль, дальше будет не так интересно.
- Давайте, приведу к вам мальчиков, будет очень весело.
- Не сомневаюсь, но, увы, время не резиновое.

Я подошёл к двери своего класса, прислушался, ничего не было слышно, тогда я открыл дверь и вошёл. Все с любопытством уставились на меня.

– Вот и Саша вернулся, – сказала Антонина Павловна, ну иди сюда, рассказывай.

Я вытаращился на неё: – Всем?

– А тебе есть, что скрывать? Как ощущения?

Меня передёрнуло, получилось, как у отряхивающейся собаки – от ног до шеи. – Брр, – сказал я.

– Ну вот, – Антонина Павловна повернула меня лицом к классу, – из тебя получилась бы неплохая девочка.

– Ну уж нет, – сказал я, – лучше быть симпатичным мальчиком, чем страшненькой девочкой. Это я о себе, – поправился я, увидев, как вытянулись лица у девчонок, – Да, девочки, по двое на осмотр, быстрее, вас ждут, а мальчиков

сегодня больше не принимают: — послышался облегчённый вздох.

— Мама, постриги меня, — попросил я вечером.

— А в парикмахерскую зайти лень? — спросила меня мама.

— Ну, я хочу, чтобы ты.

— Какой ты капризный стал, как девочка, — я вспомнил сегоднешний день и засопел, сердито посмотрев на Толика.

— Толик невозмутимо прихлёбывал чай, будто ничего не слышал.

— Хорошо, Сашенька, я постригу тебя, а ты приготовишь что-нибудь вкусенькое.

— Ура! — закричали все, включая папу.

— Совсем замучили маленького, — притворно вздохнул я.

— Кто маленький? — завопил Юрик, — это я маленький!

— Ладно, — согласился я, — что у нас есть? Мясо, лук, рис, морковь, куркума, чеснок, жидкое масло?

— Ну, ты, Сашок, гигант! — поразился папа.

— Сейчас поищем, — сказала мама и залезла в шкафы. — Как ни странно, всё есть.

— Куда бы оно делось, — пробормотал я, — сам сегодня купил.

— Ну, ты и жук! — сказал папа, — а деньги где взял?

— Сэкономил на школьных завтраках.

— Придётся выдать премиальные, — согласился папа.

— Только не забудь, мне в воскресенье нужна будет тысяча, мы с Толиком задумали одну авантюру...

— Только не со смертельным исходом.

— Как знать... — Толик с испугом посмотрел на меня.

— Ты, Сашка! Я уже не понимаю, кода ты серьёзен, когда шутишь, — сказала мама.

— Жизнь до того интересная штука, что не поймёшь, когда шутка оказывается долей шутки.

— Сашка у нас такая непредсказуемая, что я уже мозги вывихнул, пытаюсь её понять, — сказал папа.

— Саша, так что же ты будешь готовить? — потерял терпение Юрка.

- Плов, — сказал я, — только мне надо порезать мясо.
- А как? — спросил папа.
- Ох уж мне эти муж... — я посмотрел на маму и осёкся. — Ладно, наточи ножи, и все уходите, Толик, тащи учебники, будешь читать вслух.
- Я тоже могу читать вслух, — пропищал Юрка.
- Хорошо, будешь сменять Тольку.
- Я тоже могу читать, — сказал папа, — газету, про себя, — добавил он, увидев наши отвисшие челюсти.
- Я могу резать лук, чистить морковь и чеснок, — сказала мама.
- Дурдом, — вздохнул я
- Не груби отцу, — услышал я в ответ.

Мясо мы разморозили, и я, показав папе, на какие кусочки его резать, поставил сковородку на плиту, налил масло и разогрел её, затем, забрав мясо у папы, поставил его тушиться. Промыл рис и сел рядом с Толиком слушать увлекательные истории времён столетних войн, иногда помешивая мясо и наблюдая за процессом очистки овощей.

Юрик пытался учить меня физике, но постоянно скатывался в эзотерику, доказывая, что половина законов не может работать в реальном мире, потому что законы эти применимы для двумерного пространства. Папа кричал, пытался оспорить постулаты Юрика, но разбивался о железную логику. Он спросил, где мы видели абсолютно упругий удар и абсолютный вакуум, на которых строятся все расчёты, и споры прекратились.

Я молча отобрал у Юрика физику и сунул ему в руки учебник географии.

Забрал нож у мамы и начал шинковать овощи.

География Юрику тоже не понравилась, он критиковал издателей, утверждая, что они ни разу не выходили из своих кабинетов и набрали сведений из интернета.

— Я согласен с Юриком, — вклинился в спор я, — что земля плоская и стоит на трёх слонах, которые стоят на трёх китах,

которые, в свою очередь стоят на черепахе... Хотя, я думаю, последнее неверно.

— Конечно, неверно, — не дал себя огорошить Юрка, — слоны стоят на черепахе, а черепаха стоит на трёх китах.

На этот убойный аргумент ни у кого не нашлось ответа.

Между тем я забросил овощи в сковородку с мясом и продолжал тушить на медленном огне.

— Юрик, — сказал я, может, в твоём мире Конго и впадает в Индийский океан, у нас это не так, нам надо отвечать, как написано в учебнике. А вот если мы получим двойки по физике, рассказывая, что все величины мнимые и скорость не бывает равномерной и последовательной, то мы с Толиком в лучшем случае окажемся в углу, и ты снова будешь носить нам горшок.

— Ну и оставайтесь неучами, — сказал Юрка и подал мне учебник с картой Африки, — скажи, в твоём мире так?

Я рассмотрел карту, и глаза полезли на лоб: Мадагаскар, оказывается, полуостров, Суэцкого канала нет, а есть пролив между Красным и Средиземным морями...

Я обескуражено посмотрел на папу, теряя всякую надежду.

— Надо внимательно рассмотреть атлас мира. Завтра же куплю и изучим спорную географию — растерялся папа.

— Ну а физика, хоть и неправильная, написана простым языком, чтобы мы усвоили хотя бы, начала, не мешай нам элементарно усвоить законы Ньютона. — Я достал большую кастрюлю, переложил туда тушёное мясо с овощами и поставил кастрюлю на огонь. Вспомнив вовремя про кизил, смешал с рисом, добавил куркуму, всё это вывалил в кастрюлю поверх мяса и залил водой, добавил немного соли, добавил огня.

Всё это делала в основном моя жена, плов всегда готовила она, я, в основном, наблюдал.

Сейчас я постарался скопировать блюдо моей жены.

Теперь оставалось ждать, когда выкипит вода.

— Может, не будем терять времени и пострижём меня? — предложил я, а три мужчины последят за пловом. Только не забывайте, что крышки горячие и тяжёлые, — вспомнил я Бузыкину.

Под возмущённые вопли мужчин я ретировался за мамой в их комнату.

Посадив меня на табурет, она накрыла меня полотенцем, затем включила машинку и стала коротко стричь мою шевелюру.

Мамины прикосновения причиняли мне радость, я млел, когда мамыны пальцы оттопыривали мне ухо, чтобы не мешало, руки гладили по голове, проверяя, ровно ли пострижено, не торчат ли отдельные волоски.

Подравнивая чёлку, мама смахнула волосы с лица, и у меня замерло сердечко. Подравняв бритвой края причёски, мама взяла меня за щёки и заглянула в моё счастливое лицо: — Какой ты!

— Страшненький?

— Любимый! Ну, давай, беги в ванную.

— Принеси мне, пожалуйста, другую одежду, а то эта вся в шерсти.

— Хорошо.

Пока я мылся, прибежал Юрик и спросил:

— В кастрюле вода почти выкипела, что делать?

— Нечистый чеснок дольками повтыкайте равномерно в рис и дальше тушите.

Когда я появился на кухне, меня встретили счастливые глаза Толика, а

Юрик показал большой палец.

Я заглянул в кастрюлю, вода уже впиталась в рис.

Выключив плиту, сказал: — Полчаса должен настояться. Толик, давай ещё поучим уроки.

— Надо почаще Саше готовить по вечерам, — сказала мама, — у него получается не только очень вкусно, но он ещё и терпелив к незванным помощникам.

— Я всегда терпелив к своей семье! — с пафосом сказал я.

— Балаболка, — сказал папа.

Мы с Толиком и Юриком ушли к себе позаниматься и просто поговорить.

Когда поспел плов, все, ещё совсем не голодные, воздали почести моему блюду, ополовинив кастрюлю.

У двери Толик обнаглел и ткнулся губами мне в щёчку: — это тебе за чудесный плов! — я хотел возмутиться, но не посмел испортить его лучистый настрой.

Потом с братиком проводили Толика до его дома и вернулись домой.

Юрик забрал свою подушку и забрался к себе наверх.

— Изменяешь? — огорчился я.

— Временно разъезжаемся, у тебя пробудилась инь.

— Инь? Которая в животе?

— Да. И что с тобой будет, я не знаю.

В животе неприятно засосало, честно говоря, я надеялся, что моё детство продлится ещё года два.

Мама пришла к нам перед сном, уселась на кровать, обняла меня, чмокнула в щёчку. — Что, покинул тебя кавалер?

Сверху свесилась голова: — Я временно.

— Ну и ладно, узнаете, что значит вместе тесно, врозь скучно.

Я крепче прижался к маме, уткнулся носом в шею мамы, вдохнул её запах и... поплыл.

Я не открывал глаза, дышал запахом своей жены, говорил про себя: «любимая» и звал её. Наконец она отозвалась, я услышал её радостный голос: «я жду тебя!» и меня начало накрывать невыразимое счастье. Я крикнул: «я иду к тебе, милая!»

Сквозь толстую ватную стену я услышал: «буди его, скорее буди, тряс, бей по щекам!» Меня начали трясти за плечи так, что моталась голова, счастье стало отступать, появилась боль.

«Саша, открой глаза, открой глаза, Саша!»

Я с трудом разлепил глаза, увидел чьё-то лицо в дымке.

«Юра, у него глаза светятся!»

«Это Сады Вечного Блаженства! Вытягивай его оттуда скорее!»

Кто-то слетел сверху, юркнул ко мне под бок и стал отогревать меня своим телом. Жуткая боль пронзила меня, я зарычал. Тут появился ещё кто-то, ударил меня по щеке, но по сравнению с болью внутри это было ласковое похлопывание.

«Не бейте его, он уже проснулся, зовите, зовите! Братик, милый, кто бы тебя ни звал, он не живой, мы живые, мы тебе нужны, а мы нужны тебе, мы любим тебя! Мама, не бойся его рычания, ему очень больно, пожалей его!»

Меня, корчащегося от боли, прижали к подушке, начали гладить по голове,

целовать во все места, что-то мокрое капало мне на лицо. Я пригляделся:

моя мама плакала, за плечи меня держал отец, братик обнимал меня и старался согреть своим телом. От тела уже исходило вместо страшной боли приятное тепло. Я смотрел на маму и помимо неведомой боли стал испытывать боль от слёз мамы.

— Мама, — прохрипел я, почему ты плачешь? Не надо, ты делаешь мне больно. Мама, почему так больно?

— Что с ним, — дрожащим голосом спросил папа, — Приступ после контузии?

— Успокойся, папа, — опроверг его подозрения Юрик, его позвали в Сады Вечного Блаженства. Туда может позвать только близкий и очень любимый человек. Саша, что случилось, кто тебя позвал? Не отвечай ему,

оставь его в покое, мёртвым-мёртвое, живым-живое.

Я понял, отвернулся и заплакал. Боль потихоньку отступала, как будто смываемая слезами.

— Мама, надо напоить Сашу горячим чаем, дать валерьянки. Сады ему теперь не страшны, ему надо пережить горе.

— Какое горе, Юра?

— Не спрашивай, не ответит, просто поверь.

Мне принесли чай с лимоном, заставили выпить. Я отвернулся к стене и горько разревелся. Мама сидела рядом, я взял в плен её руку, целовал и плакал.

— Ваня, принеси чего-нибудь успокоительного, валидол, например.

Мама начала меня раздевать.

— Юра, помоги.

Я не сопротивлялся, уставившись перед собой в одну точку.

Меня уложили в постель, потом мама принесла какое-то питьё и оставила нас. Я немного успокоился и вновь смог сообщать.

Почему меня позвала жена? Потому, что она меня похоронила, она уверена,

что я мёртв. Надо, действительно, оставить её в покое, зачем опять причинять боль любимому человеку, правильно я Толику тогда сказал.

Я начал засыпать, поплыл по волнам морфея, но заснуть не успел, подошла жена, кутаясь в халат. «Я только — что из душа, замёрзла, пусти погреться», и залезла ко мне под одеяло. Она обняла меня, начала целовать, зажгла меня, и я взял её. Мы любили друг друга долго, кровать скрипела, но никто не проснулся, наверно, все выпили валерьянки. Наконец настал финал. Я взвыл. Жена тихонько рассмеялась, притянула меня за голову, посмотрела мне в глаза. Я обратил внимание, что жена моя снова молодая и красивая. Она поцеловала меня и сказала:

— Спасибо, Саша, как я счастлива, что ты жив, что у тебя вся жизнь впереди, порадуйся за нас двоих. Пойду я, милый.

Я пытался удержать её, но она растаяла у меня в руках, теперь в руках у меня была подушка.

Я огляделся. Наступал рассвет, в комнате уже было светло. Прислушавшись к себе, понял, что чувство потери оставило меня, осталась лёгкая печаль и детская радость жизни.

Подо мной почему-то было сыро. Ко мне вернулось прежнее озорное настроение, и я подумал было, что это я наплакал, но потом вспомнил сон. «Поллюции начались. Кажется, рано...» Я откинул одеяло и сел. Подо мной была лужа крови. «Мама!» крикнул я, вскакивая. Крикнул, наверно, вслух, потому что сверху свесилась заспанная всклокоченная голова, уставилась на мою постель, а в комнату влетела мама.

— Мама, у меня поллюции начались...

Мама хрюкнула, спрятала лицо в ладонях и расхохоталась.

— Да что здесь происходит?! — ввалился в комнату папа.

— У твоего сына начались поллюции.

Папа увидел кровь, и сказал:

— А у дочки — месячные.

За завтраком стояла гробовая тишина.

Я порывался спросить маму о происшедшем, но мама протестующе выставляла ладонь. Все сидели с каменными лицами и, молча, завтракали.

Меня это слегка обижало, тем более что в трусиках ощущалась прокладочка, что меня смущало.

С подозрением я осмотрел лица, и открыл рот, чтобы спросить.

— Молчи! — сказала мама, — видишь, не все прожевали.

— Мама, я вчера был у гинеколога...

Я, наверно, поторопился, потому, что часть папиного чая оказалась на мне, а за столом раздался гомерический хохот.

— Ты не находишь, что слова «был у гинеколога» звучит несколько...

— Но я действительно у него был, — новый взрыв хохота отбил у меня желание говорить. Я встал из-за стола, чтобы пойти умыться и заменить майку, обрызгannую папиным чаем.

— Сашенька, ты что, обиделся? — заволновалась мама.

— Я просто хотел спросить у тебя, как это должно происходить.

— Но не при мужчинах!

— Что нам от них скрывать?

— Хорошо, поговорим об этом вечером. Может, тебе остаться дома?

Я представил, как мама отпрашивает меня: «Моему сыну сегодня нездоровится, можно ему остаться дома?» «А что с вашим сыном?»

«У него менструация»

Мне стало дурно.

— Ну уж нет! — воскликнул я. — Лучше я ещё раз попрошусь на приём! — и скрылся в ванной.

В школе я первым делом попартизанил возле медкабинета и узнал, что

гинеколог ещё принимает, глубоко вздохнул и с лёгким сердцем отправился на уроки.

Мне казалось, вся школа видит моё подавленное состояние. Что все пожалеют и не будут спрашивать болящего. Впрочем, почему болящего?

Состояние моё было превосходным, энергия была ключом, хотелось с кем-нибудь шутливо побороться, что я и сделал с моим бывшим врагом Тимкой, который схватил меня из-за угла. Я уронил его на пол, кто-то напал на меня, Толик напал на напавшего, была бы славная свалка, если бы

не физрук. Он за шкирку поднял нас всех и сказал: — Ага, Денисова-Денисов готов для физкультуры.

— У меня нет формы, — задушено прошипел я. — И вообще, я даже в футбол не играю, врачи запретили.

— А борьбу забыли запретить.

— Про борьбу ни слова... О! Павел Евгеньевич! У вас же связи!

— Что за связи тебя интересуют?

— Хочу заниматься самбо.

— Кто тебе запрещает? Справку о состоянии здоровья, свидетельство о рождении, согласие родителей.

— Справку я могу добыть, но свидетельство мне не подделать.

— Зачем тебе подделывать свидетельство о рождении?

— Вы же знаете, что там написано?

— Ну и иди с девчонками занимайся.

— Не, я хочу с ребятами.

— Да там такие девчата, что вас всех, вместе взятых разбросают, с некоторыми даже я не связываюсь.

— Дело не в этом, видите ребят? Они тоже со мной хотят позаниматься, что, мне их к девчонкам вести?

— А что, они против? — засмеялся физрук, — хорошо, я поговорю о тебе с Василием. А на физкультуру приходи. Сильно мучить не буду, но физически развиваться тебе надо.

— Хорошо, Павел Евгеньевич, только предупредите пацанов, а то они меня стесняются.

— Странно, это ты долж... Кхм. Стеснятся. Разбирайтесь сами, — и ушёл.

А я вдруг почувствовал, что прокладочка у меня от нашей возни немало сдвинулась. Я представил, что может быть, и густо покраснел, затравленно глядя на друзей.

— Что, Саша, в туалет хочешь? — прошептал Димка, — пошли, проводим.

...Хорошо, что в туалете старшеклассников не было: было ещё тепло, и они курили за школой.

Я быстренько поменял прокладку и застыл, держа в руках слегка окровавленную. Куда её девать? В мужском туалете? Да любой догадается!

Чёрт побери! Я свернул её и запихал в пакетик с чистыми. Вытерев пот, выскочил из туалета.

Ребята стояли у двери и никого не пускали. Малыши возмущались: «Скоро звонок!»

— Побежали на уроки! — сказал я, и прозвенел звонок.

На уроке физики меня вызвали к доске.

Тему я знал неплохо, ответил, потом задал вопрос, которым нас огорошил Юрка, о законах, которые работают лишь в идеальных условиях.

— Ну почему же, обязательно в идеальных? — задумчиво ответил физик, просто некоторыми условиями можно пренебречь, если нужный грубый расчёт. И кто это тебе сказал?

— У меня есть брат шести лет.

— Замечательно, и что он ещё тебе сказал?

— Сказал, что все числа и значения мнимые и надо иметь это в виду.

— У твоего брата, какая учёная степень? — Задумчиво спросил он, — то, что он говорит, верно, но сейчас это сложновато для вас.

Класс обиженно затих.

- У тебя брат что, вундеркинд?
- Нет, он сказал, что у него открыты глаза.
- Замечательное качество. А тебе он не обещал открыть глаза?
- Он что-то темнит.

На уроке географии меня опять вызвали. Вот тебе и недоумогание.

Я увлечённо рассказывал о Серенгети, когда мой взгляд упал на Мадагаскар. Он соединялся с материком. Мне стало жарко.

- Ну что замолк, Денисов, вдохновение кончилось?
- Семён Львович, — показал я указкой на перешеек, — Давно это у вас?

В классе раздались смешки.

Учитель подошёл ко мне.

- О чём ты спрашиваешь, Саша?
- Давно Мадагаскар стал полуостровом?
- Ребята засмеялись.
- Помолчите, горе-географы, — обернулся Семён Львович. Где ты видел, что Мадагаскар — остров?

- На всех картах. «И Юрик вчера возмущался».
- Принеси такую карту, любопытно посмотреть.
- А это, — показал я на Суэц, — это пролив, или канал так размыло?

— Да у Сашки после контузии память отшибло! — крикнул кто-то из мальчишек, — Его по голове уд... головой ударился, несколько дней отлёживался.

Я повернулся к классу. Несколько человек опустили головы, кто-то прятал глаза. Красивые у нас мальчики и девочки, подумал я, и добрые.

Но мне было не до их раскаяния.

Я понял, что это другой мир.

Если я встречу здесь знакомого, это будет не знакомый, это будет его двойник.

Перед медицинским кабинетом толкались пятиклассницы.

Я хотел зайти в кабинет, позвать Любу, но меня не пустили:

— Куда без очереди! Эти мальчишки такие наглые!

— Да я повторно, мне результат забрать!

— Повторные тоже время отнимают!

— Тогда позовите кто — ни будь медсестру.

В это время из кабинета вышла плачущая девочка и мне без разговоров уступили дорогу.

Доктор за столом заполняла очередную карточку.

Не поднимая головы, спросила: — Что-то случилось, Саша?

— Что-то случилось, не пойму, что.

— Ну, вот видишь, как нужно стало, так и стеснение пропало.

Рассказывай, — она достала мою папку.

— У меня текла ночью кровь, много крови, целое ведро.

— Из тебя всего не выжмешь столько, одни кости. Так почему тебя это удивляет?

— Я всегда думал, что это сопровождается болезненным состоянием.

— А у тебя?

— Оргазмом.

— Откуда ты такие слова знаешь?

— Живу долго.

— Кхм... Посмотрим?

— Вы там найдёте ответ?

— Возможно, в прошлый раз мы поцарапались, ты так скал в кресле, что это не удивительно, а эта сфера очень чувствительна к повреждениям и чистит полости кровью. Может это случиться и от стресса. Был у тебя перед сном неприятный случай?

— Был.

— Всё вместе может привести к ложной менструации. А что тебе снилось?

— Секс с девушкой.

Доктор задумчиво смотрела на меня и молчала.

— Не было ещё у меня такого случая.

— Меня волнует одно: я уже созрел, или детство продолжается?

— Мне надо посмотреть тебя. Как сейчас твоё самочувствие?

— Не знаю, прокладку менял, не текло.

— Ладно, сейчас не стоит смотреть, в этот период ткани очень нежные, можно сделать только хуже. Давай подождём месяц, если тебя будет что-то тревожить, ты знаешь, куда идти. Но я тебе завидую, если и дальше месячные будут сопровождаться оргазмом. А как сейчас ты себя чувствуешь?

— Замечательно, радостно, много энергии, не сидится на месте.

— Да, молодость, чудесная молодость, жаль, не вернуть.

— Зачем возвращаться? — вырвалось у меня, — надо двигаться вперёд, тогда появится шанс прожить ещё жизнь, полжизни, да хотя бы год! Но с радостью.

— Наверно, ты прав. Давай, зови следующего.

Я вышел радостный. Девчонки, мимо которых я проходил, шептались: — Может, всё не так и страшно, видишь, какой счастливый. А какой красивый...

— Не вздумай влюбиться.

— Что, занят?

— Это томбой.

— Что значит томбой?

— Девочка, которая хочет выглядеть, как мальчик.

— Зачем?

— Если девочка уродина, то мальчиком она выглядит красивей.

Какая умная девочка! Но какой сомнительный комплимент!

ОПЕРАЦИЯ «ТРЕНЕР»

Как и договаривались, Толик пришёл рано утром.

Единственным свободным местом был кухня, где мы и собрались.

— Как там твой отец?

— Вчера пил, сегодня с похмелья.

— Я вчера накупил ингредиентов для отрезвляющего «мохито», сейчас сделаем коктейль. Водку принёс?

— Сейчас принесу.

— Стой! Ты представляешь, заходят мама или папа, а мы водку разливаем?!

— А что делать?

— Смешаем на месте. Сейчас в блендере взобьём безалкогольный коктейль,

упакуем его в бутылочку — полторашку на половину, в вашем палисаднике разбавляем, а там — по сценарию.

Я взял блендер, разбил в кружку два сырых яйца, укроп, кинзу, сахар, соль,

и ещё несколько токсиновыводящих (по моему мнению) частей, там ещё были перец красный и корица. Лимон лежал отдельно, выжмем в стакан, украсим долькой, зеленью, поставим трубочку.

Эстетика, чёрт побери!

Я вставил блендер в стакан и включил его.

Раздался страшный вой, в прозрачном стакане заколыхалась зелёная масса.

Не успел приготовиться коктейль, как распахнулась дверь, и вбежал папа.

Он что-то кричал, но мы его не слышали.

Наконец папе надоело, он выдернул шнур из розетки.

— Это хулиганство! — крикнул папа.

- У нас ещё не готово! — капризно сказал я.
- Время ещё раннее, мы с мамой хотели отдохнуть, соседи, поди, тоже!
- Я предупреждал за два дня, что у нас в воскресенье дело!
- Ты не предупреждал, что будешь выть, как волк на луну.
- Если бы я выл, бежали бы отсюда, а не сюда: — в дверь просунулась любопытная мордашка Юрки, и обеспокоенное лицо мамы.
- Что вы здесь делаете?
- «Мохито».
- Алкогольный? — поинтересовался папа.
- Пока нет, — я открыл стакан блендера, понюхал, помешал ложечкой, ещё было много волокон.
- Дайте ещё немного повзбивать, всё равно вы уже не спите.
- Зачем вам это?
- Немного позже вы всё узнаете. Операция секретная. Я даже Юрика не беру.
- Почему? — спросил Юрик.
- А действительно, почему? Собирайся, без тебя явно ничего не получится.
- Куда вы тащите ребёнка?! — воскликнула мама, не успев поймать юркого Юрку. — Ты, кажется, говорил, что это очень опасно.
- Я переглянулся с Толиком. Тот пожал плечами:
- Ну, в гневе он страшен...
- Сколько процентов опасности?
- Процентов сорок...
- Толик, тебя надо изолировать от этого хулигана, ты знаешь, что он на учёте в полиции?
- Конечно, знаю, мы вместе были, когда на нас напали, сегодня мы опять с ними дрались.
- Мои родители вытаращили глаза.
- Саша, ты сколотил банду?
- Банду, не банду, но человек тридцать есть.
- Саша, Толик, объясните, пожалуйста.

— Считайте, почти весь наш класс, почти весь наш двор, двор Толика... Нет, больше будет.

— И вы теперь колотите этих ребят?

— Нет, они в нашей банде.

— Ничего не понимаю.

— Мы тебя совсем запутали, мама, мы сегодня бесились с ними в коридоре, пока нас не разнял физрук. Кстати, он велел принести на следующие занятия форму.

— Я готов! — просунулся Юрик.

— А мы нет. Товарищи родители, позвольте закончить приготовления, и мы удалимся, до вечера нас не будет.

— Вы же ничего не ели.

— Легче будет бегать.

— Какая приятная новость! — воскликнул папа. Заканчивайте свою адскую смесь и проваливайтесь до вечера. Наконец-то мы с мамой проведём выходной вдвоём. Сашка, ты почти реабилитирована.

Мы снова завели блендер и наконец, взбили смесь.

Я попробовал. Ничего так, если довести до ума, так и не с похмелья можно выпить.

Мы набрали себе и папе Толика бутербродов и отправились на операцию.

По дороге я объяснил Юрке суть дела. Юрка почесал затылок:

— Сложное это дело, но надо попробовать.

— Конечно надо! Ты ведь тоже в футбол хочешь играть?

— Хочу, — вздохнул Юрка, — но меня не берут, говорят, слишком мал.

— Ничего, мы собрались сделать почти малышейую команду.

Дошли мы до дома, где проживал Толик с папой. Это был старый двухэтажный дом с облупившимся фасадом, с небольшим палисадником.

Толик открыл калитку и завёл в крохотный садик. Там стоял столик и две лавки. Мы уселись за столик, достали бутылку с «мохито» и водку. Смешал всё это и взболтал.

— Ну, Толик, выводы испытуемого.

— Сейчас, я открою окно.

— Юрка, накрываем стол.

Мы достали из рюкзака разовые тарелки, стаканы, порезали овощи, разложили бутерброды, нашлись напитки и нам, мы купили сок, а Юрка выпросил лимонад.

Окно раскрылось, выглянул Толик. Он пожал плечами: — папа спит.

— Будем будить, — сказал я и подошёл к окну.

Спёртый запах застарелого алкогольного перегара и прочей дряни шибанул в нос. Не понял, как Толик умудряется выглядеть чисто и опрятно?

На диване лежал мужчина.

Я сел на подоконник, свесив одну ногу наружу, вторую поставил на подоконник.

— Так и живёшь? — спросил я. Толик кивнул: — у меня своя комнатка, там и живу, есть ещё кухня.

— А здесь?

— Здесь у нас зал.

— Здесь проходят оргии? — Толик кивнул.

— Кто ещё участвует?

— Сосед, дядя Коля.

— Где он? надо позвать. Ладно, это потом. Тащи гитару, будем начинать операцию.

Мы не стали расталкивать папу Толика, устроились за столом, сделали два красивых бокала «мохито», украсив их дольками лимона, надетыми на края стакана. Толик понастраивал гитару и задумчиво сказал: вообще-то у папы сегодня день рождения, ему сегодня исполняется 37 лет.

Почему-то вспомнилась песня Высоцкого про роковые 37, где и Пушкин, и Маяковский... Отбросив грустные мысли, предложил прореветь «С днём рожденья тебя!»

«Проревели» похожими на писк мышат голосами и подняли бокалы с криками: «С днём рождения, Максим Сергеевич!» — не знаю, как Максим Сергеевич, а соседи начали выглядывать в окна, тётки что-то недовольно ворчали, а у мужчин загорались

глаза.

Мы проорали ещё несколько здравниц, пока в окне не появилась помятая и всклокоченная голова Максима Сергеевича.

Мутными глазами он оглядел нашу компанию.

— С днём рождения, папа! — воскликнул Толик, — Выходи, утоли жажду! Мы специально для тебя готовили этот освежающий напиток! (речь Толик учил минут пятнадцать).

С неожиданно прытью Максим Сергеевич перемахнул через подоконник, появился возле нашего стола (Толика даже отбросило потоком воздуха),

схватил бокал, выбросив красивую трубочку в виде зонтика, и несколькими глотками выпил «мохито». Крякнул, вытерся рукавом и, сказав: «божественно!» потянулся за закуской.

— Э, нет, — отодвинул я закуски, — праздник праздником, но сначала приведи себя в порядок, тебе надо принять ванну, выпить чашечку кофе...

Максим Сергеевич уставился на меня, как на говорящую букашку:

— Кого это ты привёл, Толька? Батяню твоего не уважает...

— А ты ещё не заслужил уважения, что ж ты опустился так?

Во дворе воцарилась тишина. Из окон выглядывали заинтересованные лица. Максим Сергеевич оглядел зрителей. Вздыхнул, почесал широкую грудь под грязной футболкой и ответил: — Что ты понимаешь, пацан! Разве тебе известно, что такое тоска?!

— Я — знаю, мне — известно, — жёстко сказал я, подымаясь со своего места, — пойдём, я покажу тебе твою тоску.

Я взял его за руку, подвёл к окну и показал на вонючую комнату: — Вот твоя тоска, твоя вонючая берлога, где ты лелеешь свою обиду и свою неизбывную печаль, здесь поселился неудачник, который рвёт душу своему сыну, а моему другу Толику... — Я работал на грани фола. Если папа Толика сейчас взорвётся и отделает по — свойски наглого пацана, то весь наш план полетит ко всем чертям. Я вовсе не шутил, когда говори маме, что авантюра наша была опасна, стоило этому здоровенному мужику отмахнуться от меня, и я катился бы до самой калитки, но я силь-

но надеялся, что «мохито» немного подправленное моим братом, уже начало действовать. Начало. Я с облегчением перевёл дыхание.

— Ты можешь мне помочь? — с недоверием спросил мужчина.

— Мы пришли не только поздравить тебя. Честно говоря, если бы не Толик, я бы и не посмотрел в твою сторону, «жертва непонимания», так что, приводи себя в порядок, а то от тебя воняет, и присоединяйся к веселью.

Максим Сергеевич, опустив голову, побрёл к двери своей квартиры.

Я вернулся, с трудом успокаивая расхолодившееся сердечко. Буквально было видно под футболкой, как оно колотится о рёбра.

Подойдя к столу, я вытер пот и уже, было потянулся к бокалу «мохито», да вовремя опомнился:

— Ну, где там дядя Коля? — поинтересовался я. Толик не ответил, он отвернулся от меня. Ну и чёрт с тобой, отворачивайся. Твоему отцу сейчас нужна хорошая встряска, а не слезливые уговоры типа: «ты обещаешь, обещаешь?».

Я предложил Юрке спеть «А ну-ка песню нам пропой, весёлый ветер» и на два звонких голоса начали выводить куплет за куплетом. Толик перестал дуться и стал нам подпевать.

— Пропой, говоришь? — гулким басом сказал за моей спиной детина в голубой тельняшке и берете, — сейчас пропьём! — и со звоном выставил на стол несколько бутылок пива.

— Э, нет, дядя Коля, — сказал я, — у нас есть для вас угощение, всё утро готовили, пока родители не сбежали.

— Круто! А где Сергеич?

— Отправили принять ванну.

— Какие молодцы! Вы друзья Толика?

— Да.

— А это кто?

Я оглянулся. За моей спиной за забором стояла немалая толпа ребят с нашего двора, подтягивались и местные ребята.

«Как бы не начались разборки» мелькнуло у меня, но пока всё было спокойно.

Нашупав в кармане шорт несколько купюр (мама и папа тайком сунули мне по тысяче) я отдал их ребятам:

— Купите себе что — ни будь, да устраивайтесь где-нибудь поблизости.

— А это, дядя Коля, моя футбольная команда. Нам нужен тренер.

— Ты по адресу, Макс замечательный тренер.

— Поможешь нам?

— И вам, и Макс, с удовольствием.

— Тогда выпьем за здоровье и день рождения Максима Сергеевича, за успех нашего безнадёжного предприятия, за новую трезвую жизнь, ура!

Троекратное ура сотрясло двор. Во дворе, между тем, стали собираться соседи, выносить столы, накрывать их. Наверно, все любили и жалели Максима. Только помочь было некому.

Мы выпили.

— Какой чудный напиток! — восхитился дядя Коля, — дашь рецепт?

— Он тебе больше не понадобится, ты больше не будешь пить.

— Как это?

— Больше не захочется, — ответил за меня мой брат, — скоро ты будешь удивляться, как вообще мог так бездарно тратить время.

— Не понял, — вы что, нас трезвенниками решили сделать?

— Вы слишком далеко зашли, — сказал я, — посмотри на Макса.

— Ну, Макс ладно, а я причём?

— Я думал, ты друг. Знал бы, не тратил бы на тебя волшебный напиток.

— Я-то друг, а вот ты кто? Первый раз вижу.

— Я друг Толика. Толик, не плачь, больше я не дам тебя в обиду.

- Его никто и не обижал...
- Правда? — я посмотрел дяде Коле прямо в глаза, и он не выдержал, опустил голову:
- Ладно, не будем о грустном, будем веселиться.
- Из окна выглянул Максим Сергеевич.
- Саша, галстук надевать?
- Если чувствуешь себя именинником, повязывай. А мы и так тебе рады: в чистой футболке и чистых шортах.
- Максим так и вышел: в футболке и брюках.
- Ну, с днём рождения тебя, дорогой Максим Сергеевич. Можно ему? — спросил я брата, тот показал: на два пальца. Я налил, и мы выпили. Коля был здоровый, как бык, и ему достался ещё один стакан.
- Всё-таки волшебный напиток, скажи Макс?
- Да, напиток чудный, я уже чувствую прилив сил и свежести. Но, ребята, скажите честно: вы ведь не лечить меня пришли, вам что-то от меня надо? Почему Толик плачет?
- Это он от счастья, — буркнул я, а Толик уткнулся мне в плечо и стал поливать мою новую футболку слезами и соплями, пришлось терпеть: — так вот, вы нужны народу, — показал я за забор, где сидели наши потенциальные футбольные команды, — Вы будете тренировать команды. От малышей до юношей. Разобьёте по возрасту, по полу не обязательно, мы играем смешанно. Когда выведете нас на городской уровень, сделаем сборную из лучших игроков... Ну, вам виднее.
- Далеко у вас планы простираются, — удивился Максим.
- Если мелко плавать, зачем из бухты выходить?
- Он чертовски прав! — рявкнул отошедший от ступора дядя Коля, — а я на что вам?
- Во-первых, поможешь своему другу, а во-вторых... — я помолчал, — ты ведь десантник?
- Да, — выпятил грудь дядя Коля.
- Самбо знаешь?
- Даже боевое!
- Вот и будешь желающих из нас обучать борьбе.

— Есть куча спортивных школ!

— Не всё так просто. Кого-то не принимают, кого-то фильтруют по полу, мы хотим в одной команде, а кто застонет, — повысил я голос, — того держать не будем, или уменьшим нагрузки, и он будет ходить просто ради удовольствия.

— Вы так всё разложили, будто мы уже подписали контракт. А если мы откажемся, — спросил папа Толика.

— Можете и отказаться, но что вот лично ты, Максим, будешь делать? Залечь на диван тебе уже не удастся, кроме тренерской работы и общения с детьми тебе ничего не надо. Может, устроить тебя воспитателем в детский дом?

— Это кто там разоряется? — поверх забора на нас смотрела довольно молодая женщина, явно навеселе, — что там за сопля собралась учить моего Макса?

— Это что за персонаж? — тихо спросил я Толика.

— Это тётя Яна, — вытерев нос об мой рукав, сказал Толик.

— И как? Она любовница твоего папы? Как живут?

— Нормально, — покраснел Толик, — когда не пьёт, помогает мне прибираться в доме, готовить пищу...

— А! — вскричал я так, что все подпрыгнули, — тётя Яна! Совсем о вас забыл!

Проходите, угощайтесь! — я налил стакан «мохито», украсил его ломтиком

лимона.

Тётя Яна долго себя упрасивать не стала, устроилась между дядей Колей и

Максимом и, произнеся тост, опрокинула стакан, крикнула и сказала: — невероятно вкусно!

— Это детки сварганили, только здорово не радуйся, ты им зачем-то нужна.

— Я? — удивилась Яна.

— Да, Яночка, — сказал я, будешь следить за порядком в этом гадюшнике, чтобы Толик был чист, сыт, доволен, я буду приходить в гости...

— Какая я тебе Яночка! Что ты здесь раскомандовался! Сопля!

— А если мне не понравится, как здесь живётся Толику, я его заберу к себе.

Воцарилась тишина, — лишь галдели соседи. У Толика вспыхнули глаза надеждой: — А папу мне можно будет навещать? Ну, хоть иногда?

— Жестокий ты человек, — Сашок, — медленно проговорил Максим Сергеевич, — Бьёшь по самому дорогому.

— Во — первых, не я жестокий, жизнь такая, во — вторых, вовсе не Толик был тебе дорог. Так что, с днём рождения тебя, Максим Сергеевич, хочу считать, что прежний Максим умер, а сегодня родился новый. Так за нового Максима Сергеевича и его друзей! — поднял я стакан с соком.

Выпили, затем дядя Коля вспомнил про пиво, залез под стол и достал бутылку.

— Пиво-то можно? — с надеждой посмотрел он на меня, я спросил взглядом Юрика.

— Пусть попробует, — пожал тот плечами.

Дядя Коля открыл бутылку, налил в стакан и попробовал выпить.

Но тут же длинная струя вырвалась у него изо рта и улетела за забор.

Долго отплёвывался дядя Коля, потом спросил: — что там, ослиная моча?

— Кому что, — ответил мой братик, — так будет теперь у всех, кто выпил наш волшебный напиток.

— Ты кто, колдун?

— Нет, что вы, — скромно потупился Юрик, — я только учусь.

— Теперь в качестве подарка на день рождения наша команда наведёт порядок в доме, — я пригласил ребят в дом, и они с весёлыми криками кинулись громить квартиру.

— Всё на улицу, грязное в стирку, пол окатывать вёдрами! — заорал я, и все завопили ещё громче.

— Пойдём, я тебя умою, а ты дашь что-нибудь рабочее.

В крохотной грязной ванной я стянул с Толика футболку, Толик оказался ещё костлявее меня, и наклонил над раковиной.

Толик покорно подчинялся мне. Умыв, я вытер его полотенцем и посмотрел в его сияющие глаза.

— Ты, правда, заберёшь меня к себе?

— Если твой папа опять здесь что-либо нехорошее сотворит... — глаза у Толика вспыхнули ещё ярче.

— Толик... — я замялся, — Толик, неужели ты меня так любишь?

— Да! — без тени смущения ответил тот, — я сначала не понимал, что случилось, каждое лёгкое прикосновение к тебе приносило мне радость. Потом мне стало мало тебя видеть на уроках, стал ходить по вечерам к твоим окнам, надеясь увидеть хоть твою тень в окне, пока меня не выследили друзья твоего брата и не привели к тебе. Ты не представляешь, как я теперь счастлив, когда могу быть с тобой почти весь день. А когда ты сказал, что забираешь меня к себе, и я буду с тобой и ночью, чуть с ума не сошёл от радости!

— Но-но! — погрозил я ему пальцем, — ишь, ночью!

Толик жутко покраснел, буквально до слёз.

— Что ты, Саша, я действительно хотел ковриком на полу...

— Ладно, коврик, — вздохнул я, — идём переодеваться.

Прости, Толик, сказал я сам себе, но я вижу в тебе только друга.

В остальном я абсолютно к тебе равнодушен.

В маленькой комнатке-пенале, отделённой от общей фанерной перегородкой, Толик помялся и спросил:

— Помнишь тот розовый костюмчик, что ты мне подарил?

— И что с ним?

— Можно, чтобы ты его надел, походил в нём, я сделаю фото на память, а потом опять отдашь его мне, — я пожал плечами:

— Мне не трудно, — я начал раздеваться, Толик поспешно отвернулся.

— Что ты всё время отворачиваешься? Я так плохо выгляжу? Тем более мы недавно вместе купались.

— Мне кажется нескромным подглядывать.

Я нащупал в трусиках прокладку, которую вставил на всякий случай, и понял, что Толик прав.

Одевшись в розовое, я повернулся влево-вправо, осмотрел себя и фыркнул.

Толик между тем фотографировал меня на телефон.

В это время к нам заглянул Юрик. — У нас всё готово, но ремонт нужен капитальный. Как тебе идёт этот костюмчик! — и исчез.

Я почувствовал лёгкое раздражение и стал переодеваться.

Толик упаковал костюмчик в полиэтиленовый пакет с замочком и спрятал его под подушку: — Теперь я перед сном буду вдыхать твой запах.

У меня язык не повернулся спросить, что он будет делать дальше.

В остальной квартире действительно было всё перевёрнуто, все вещи были выброшены на улицу и отмывались, девочки надраивали полы, оттирали плитку и раковины пастой, которую уже успели принести из дома, мальчишки выметали последнюю паутину. Яна руководила.

Конечно, прав был мой братик, требовался здесь ремонт, хотя бы косметический, но на это я думал подвинуть двух протрезвившихся навсегда друзей. Ай да Юрик!

Я позвонил маме.

— Мама! Я, случайно, не отвлекаю тебя? Вы ещё отдыхаете от нас? А дело в том, что наша опасная авантюра увенчалась успехом, противник повержен и посрамлён, сейчас мы празднуем победу, но очень ограничены в средствах, во-первых, во-вторых, сейчас нужны вы с папой, закрепить успех.

Я отключил телефон, и подумал, что операция «тренер» прошла успешно. Но, как ни странно, меня трясло, настиг запоздалый откат.

Прыг-прыг, прыг-прыг! Это я не спортом занимаюсь, это я пытаюсь допрыгнуть до турника. Папа повесил его под самым потолком, чтобы подтягиваться самому. Он вчера и подтянулся раз десять. Потом подсадил меня, и я подтянулся! Один раз...

Сегодня я встал в шесть часов, и начал свои упражнения, которыми занимался ещё в прежней жизни. Особого напряжения они у меня не вызвали, правда, при отжимании от пола сломался на третьем разе. А так-оного! Особенно удалось дыхание в позе лотоса.

Вчера наши родители приехали (у нас, оказывается, был джип неизвестной породы) в тот дом, что мы разгромили, немного поужасались происходящему, однако удовлетворили мою просьбу и накормили голодных детей. Затем я усадил их за стол переговоров. Решили пока всё оформить частным порядком, деньги будут собирать с родителей детей, которые захотят у нас заниматься. Потом папа, да и Максим Сергеевич, надеялись побывать в разных инстанциях и попробовать что-нибудь организовать. Надежда была слабой, но поле для деятельности было обширным.

А когда нас привезли домой, родители обрадовали нас покупками. Они купили нам турник, разборные гантели и эспандер, которые я разобрал до самых маленьких размеров.

Вечером мой маленький изменщик вновь переехал ко мне со своей подушкой. Пришла мама, но не стала садиться к нам на кровать, а села рядом на стуле, когда я потянулся к ней, она шутливо ударила меня по рукам и сказала: — Руки прочь, хватит с меня вчерашнего экстрима.

— Я больше не буду!

— Я уже не верю твоим самым искренним обещаниям. Это же надо было такое устроить — уйти, не попрощавшись!

— Мама, не надо об этом, пожалуйста, лучше поцелуй меня.

— А целовать тебя сегодня совершенно не за что. Что вы наделали с тремя взрослыми людьми?! Это называется вторжение в личную жизнь! В Америке вы бы уже схлопотали срок, и мы с папой вместе с вами, за плохое воспитание детей.

— Мама, а ведь это ты меня навела на такую мысль!

— Не вали с больной головы на здоровую, я просила узнать, в каких условиях проживает Толик!

— Ну и в каких условиях он проживал?

— Ладно, за это ты заслужил поцелуй, — она наклонилась, но коварный я обхватил её руками и сам покрыл поцелуями.

— Я тоже хочу! — ревниво завопил братик.

Мама тихо смеялась, слабо отбиваясь от нас.

— Между прочим, — сказал я весело, сегодня Толик на полном серьёзе признался мне в любви!

— Какие дети стали реактивные! Может, ты мне родишь внучку, и мне не надо будет рожать?!

— Ну вот ещё! — надул я губы. — Ты у нас привычная, тебе и рожать!

Когда мы остались с Юриком одни, я спросил:

— Что у меня там с инь-чакрой?

— Всё нормально, растёт, успокоилась.

— А янь, что в голове? Растёт?

— У! С твоей головой ещё работать да работать!

Я кинулся на братика, тот со смехом, на меня, и мы опять оказались на полу, под возмущённые вопли родителей.

И теперь Юрик спит, а я в одних трусиках пытаюсь допрыгнуть до перекладины. Прыг-прыг.

— О, господи, — пробормотала сонная мама.

— Может, надо подумать? — не выдержал папа.

— Что тут думать, прыгать надо, — сдавленно просипел я.

— Возьми табуретку, бестолочь, да залезь с неё!

— Ещё с папы удобно! — парировал я.

— Куда как удобнее, — согласилась сонная мама.

— Ничего, — сказал папа, прыжки — тоже спорт.

Я подвинул табурет, встал на него, достал до перекладины, пока пытался подтянуться, папа кряхтел за меня.

В школе сегодня последним сдвоенным уроком была физкультура.

Перед этим я размышлял, в какую раздевалку пойти.

Всё-таки решил к ребятам, десять мальчишек лучше отнесутся к одной девочке, чем пятнадцать девочек к одному мальчику.

Перед раздевалкой я заметил блестящие лихорадочно глаза, я их прекрасно понимал. Одно дело сто раз услышать, как я выгляжу, с другой — увидеть! в своей мужской компании!

Я уже мысленно видел вздыбленные плавки пацанов.

Но я решил их разочаровать. Конечно, я мог положить в трусики ту же скомканную прокладку или шарик, но я просто надел майку до середины бёдер. Думаю, мало кто решится приподнять у меня маечку, потому что с того я сниму трусы.

Так и получилось. Мальчишки пускали слюни, руки у них дрожали, плавки шевелились, а я ехидно посмеивался, неторопливо натягивая спортивные трусы. Откуда у меня взялось женское кокетство?

— Что вы здесь пыхтите? — подпустил шпильку Толик, — сходите с Сашей на пляж, там он не скрывается. Особенно мокрый.

— Спасибо! — сказал Генка. — Мы уже сходили! кто хочет в глаз, пусть идёт!

Я расхохотался.

Всё-таки мальчишки мне отомстили. Когда разбивались на команды игроков в волейбол, мне не хватило места. Тогда я попросился к девочкам, и мы разгромили глупых мальчишек!

— Это нечестно! — кричали они.

— Нечестно своих подставлять, — кричал я. — И вообще, надо ещё проверить, с какой стороны играли девочки!

Все девчонки были моими.

В раздевалке пацаны пригрозили мне в следующий раз отправить переодеваться к девочкам. Я смеялся. Мне было всё равно. Когда пойду к девочкам, сделаю себе муляж!

После уроков мы пришли на свою футбольную площадку. Там уже была малышовая команда. Максим Сергеевич, окружённый ребятей, что-то объяснял. Когда мы подошли, тренер достал свой план мероприятий, и мы долго обсуждали, как совместить тренировки с учёбой и домашними заданиями.

Потом мы сходили переодеться и, не обедая, прибежали на футбольную площадку. Здесь мы уже не играли, а работали. Сначала мы пробежали несколько кругов по полю, затем отрабо-

тивали упражнения, которые используются при игре профессионалами. Тренер рассказывал нам правила,

как их можно обойти, также объяснял, как повторить хитрые финты знаменитых футболистов. Когда мы уже все были в мыле, пришёл дядя Коля. Тренеры сказали, что на какое-то время им удалось арендовать безвозмездно спортзал школы, когда там не проходят занятия. От двух до трёх дней в неделю. Желающих заниматься борьбой просят принести медсправки, что нет противопоказаний по здоровью, причём девочки и мальчики могут заниматься вместе. Мы были в восторге, но это гораздо осложняло график. Придётся разрабатывать правильный рацион, чтобы еда не мешала бегать и прыгать.

О каком рационе они говорят? Мне через пять минут после еды хочется не кушать, а жрать, в желудке всё урчит.

Толик в этот день отпросился ко мне. Дома у них нечего было есть.

Домой мы еле приползли. У меня физических упражнений на сегодня хватило.

Но после душа, куда я потом загнал Толика, силы начали возвращаться. Особенно после поглощения борща, приготовленного на этот раз мамой по моему рецепту, потом был гуляш с пюре. Я почувствовал прилив сил, немного полежал на спинке стула, поглаживая слегка округлившийся живот, затем притоптал всё это чаем, и мы с Толиком отправились учить уроки. Юрка сидел за компьютером, что-то выискивал в интернете.

Мы сделали письменные работы, немного побесились, потом принялись за

устные. Юрка слушал нас и изредка хмыкал. Я тоже иногда удивлялся несоответствиям здешних учебников с моей памятью, но спорить не спешил, потому что память моя стала иногда изменять. Какая-то она стала увечной, как будто кому-то было интересно, чтобы я окончательно ассимилировался в этом мире.

Например, я хорошо помнил прочитанные книги, особенно исторические, помнил некоторые песни, которые, как мне казалось, навсегда похоронены в недрах моей памяти.

Мама на кухне что-то готовила. Мы с Толиком незаметно проникли туда и с нетерпением стали ждать.

Мы снова были голодными.

— Когда я буду посвободнее, — громко сказал я Толику, приготавливаю мясо по-капитански... два противня, чтобы мне хватило.

— А мне? — жалобно спросил он.

— Чтобы мне хватило после тебя.

— Ах, ты так! — возмутился Толик, — может, ты считаешь меня обжорой?

— Что ты! Ты просто мальчик, не лишённый аппетита...

Мы начали толкаться за столом, пока маме не надоело, и она не выгнала нас. Мы проходили мимо телевизора, когда я увидел что-то знакомое.

Показывали сюжет про Владивосток. Я замер. Город был похож и не похож. Память или причуды другого мира? Старые дома были копией моего мира, Золотой Рог, Амурский залив. Но мост был другим. Немного, но другим. Пилоны были прямыми, как на мосте, ведущем на о. Русский.

Я потряс головой и сюжет кончился.

— Ты что? — шёпотом спросил Толик.

— Владивосток показывали.

— И что?

— Не совсем тот город.

Толик облегчённо вздохнул. Что он имел ввиду?

Что бродите? — поинтересовался Юрик.

— Жрать охота! — не стал скрывать я.

— Не замечал раньше за тобой такого.

— Набегался сегодня. Половину веса скинул. Я бы ещё хотел по утрам бегать.

— Что тебе мешает?

— Боюсь я. Маньяки кругом.

— Да уж, нашего брата всяк обидеть норовит, — согласился Юрка.

— Почему тебя не было на стадионе? — спросил Толик.

— Не отпустили из садика.

— Ты странный человек, брат, — сказал я. Столько знаешь, а сидишь в садике.

— Мне пойти работать? — спросил Братик, — имею я право на счастливое и беззаботное детство? Ты вот тоже кое-что помнишь.

— Я помню одни глупости, — сказал я. Если я ими поделюсь, меня укут в сумасшедший дом.

— Да, это так, — серьёзно подтвердил Юрик. — Там тебе самое место.

Я кинулся на него, но он проскользнул между моими руками и взлетел на второй ярус: — Я в домике.

— Выходи, подлый трус!

— Я не сумасшедший, выходить один против двух людоедов! — и швырнул в нас подушкой.

— Сейчас жуткие людоеды прогрызут стенки твоего жилища! — зловеще проговорил я, и мы с Толиком двинулись к кровати.

Но тут раздалось спасительное:

— Ребята, кушать!

Мы уминали тушёную капусту с мясом, запивая её компотом, когда мама

сказала: — Я всё слышала.

Я прекратил жевать, лихорадочно думая, что я мог сболтнуть, Толик не донёс ложку до рта, папа тоже заинтересовался, только Юрик спокойно уминал мясо, выловленное из моей тарелки.

— Я слышала про мясо по — капитански.

— И где ты это слышала? — заинтересовался я.

— Сегодня на кухне кто-то сказал про два противня мяса.

— Я был голоден, — сказал я, с подозрением глядя в свою тарелку, потому что там осталась одна капуста.

— Завтра мы все будем голодны. Такую ораву мне трудно прокормить.

— Готовь в большой кастрюле на всю неделю, — предложил я. Папа скептически хмыкнул, Толик покраснел.

— Ты, Толик, не красней, я другое имею ввиду. Я имею ввиду, что мне надо иногда помогать на кухне. Как в прошлый раз, когда Саша готовил плов.

— Да! — мечтательно облизнулся Юрий. — это было что-то.

— Ты, мелкий, как в тебя всё это влазит?! — возмущился я, вороша капусту в поисках мяса.

— Молодой, растущий организм...

— Мы более растущие, тем более что сейчас у нас две спортивные секции: футбол и самбо!

Мама выронила ложку: — О, господи!

Папа с одобрением побряхтел, и я обратил на него внимание:

— Папа более-менее свободен в субботу!

Папа испугался:

— Что значит, свободен? В субботу у меня отдых после напряжённой трудовой недели.

— А в воскресенье у тебя отдых перед напряжённой трудовой неделей?

— Совершенно верно.

— Лучший отдых-смена трудовой деятельности! — отбарабанил я.

Сказать на это было нечего.

— И тем не менее, такие нагрузки на слабых детей! Это подрвёт ваше здоровье!

— Если нас будут кормить мясом, выдержим.

— Вот и сготовишь всем мясо.

— Что ты говорила про нагрузки на молодое тело?

— Думаю, молодое тело выдержит.

— А замшелые старики — вряд ли, — сунул шпильку папа.

— А тебе, папа, надо вставать вместе со мной и делать зарядку, а то действительно зарастёшь жиром, и спереди будет обвисший живот! — мстительно сказал я.

— Ничего у меня не отвиснет! — воскликнул папа, — с моей работой. Хотя твоё предложение стоит рассмотреть.

— Так что всё же с этим мясом? — подал голос ненасытный Юрка.

— Ладно, выделяйте деньги, — сдался я, — на что только не пойдёшь ради своей семьи.

— Вот это речь не мальчика, но мужа! — обрадовался папа, — сколько тебе?

— Тысяч пять.

— Ничего себе, ладно, по чекам отчитаешься.

— Вот ещё! — негодуяще воскликнул я, — а на что мы должны покупать вино и сигареты?!

— Ребёнок прав, — согласился отец, — им необходимы деньги на мелкие расходы.

— На мелкие? — удивилась мама.

— Ты не представляешь, мама, сколько нужно подростку.

— О чём шепчетесь? — спросила нас мама, входя к нам и усаживаясь на кровать.

— Юрий обещает меня тренировать третьему глазу.

— Замечательное дело.

— Мама... — протянул я руки.

— Что, лялечка? — взяла она меня за плечи и прижала к себе. Я счастливо засопел, Юрка ревниво.

— Правда, что вы с папой, как бы это помягче сказать, — прошептал я, — решили завести ребёнка?

— Да, папа очень хочет девочку.

— Сдалась ему эта девочка. Что я, хуже девочки?

Мама счастливо засмеялась:

— Ничуть ты не хуже, просто в тебе действительно много от мальчика. Конечно, ты вырастешь, расцветёшь, станешь прекрасным лебедем, но будешь уже слишком взрослым, чтобы тебя тетешкать.

— Некоторые не расцветают, — буркнул я.

— Тем более.

— Нам не тесно будет в такой маленькой квартире?

— Папе предлагают служебную, трёхкомнатную.

— И конечно, у чёрта на куличках.

— Да, в центре нам никто не даст, только покупать.

— Столько трудов я положил...

— Папа будет возить вас на машине.

Я вздохнул, вспомнив свои мытарства с дочками.

— Надолго его не хватит.

— Это ещё не скоро, успеете ещё набегаться, — мама уложила меня и взяла на руки Юрку: — Что ты сегодня расскажешь?

— Сказку, — и что-то зашептал маме на ухо, иногда бросая на меня подозрительные взгляды.

Шептал он довольно долго, мама слушала внимательно и увлечённо, я начал засыпать и не заметил, как пришло утро.

Утром у меня всё болело, но я, сцепив зубы, встал на зарядку. Папа бессовестно дрых, Юрка не думал просыпаться, я один скрипел костями

Сначала хотел попрыгать на турник, но пожалел маму.

Наконец все упражнения закончились, вся боль вытекла из мышц, сейчас примем душ и можно завтракать. Правильно говорил кто-то из древних, кажется, Аристотель, что утренняя зарядка делает с человеком то же, что прачка с бельём: стирает, выжимает, полощет.

Я уже привык к новому телу и привычно смотрел на своё отражение в зеркале. Выглядело отражение довольно мило: узкие плечи, узкие бёдра, длинные ноги, гладкий живот без намёка на растительность, маленькая аккуратная складочка внизу живота, по-мальчишески неразвитая грудь с бледными точками сосочков, довольно смазливая озорная мордашка, не так уж торчащие рёбра... Вот маленько подкачаюсь, чтобы ручки не казались веточками, буду выглядеть ещё лучше!

На кухне я жарил яичницу с колбасой на всех. И думал. Переедем мы в другой район, отправят в другую школу... Хотя можно и в эту ездить... На трёх автобусах, с ожиданием на промёрзших остановках, лезть в переполненный автобус... Наездился, знаю.

Подошли родители, принесли висевшего, как тряпочка на руках у папы, Юрика.

Мама глянула на меня и промолчала, но папа молчать не стал:

— Что это наш спаситель загрустил? Опять что-нибудь по женским недомоганиям?

Я зыркнул на него, но промолчал, вместо меня ответила мама:

— Он догадался, что мы собираемся рожать ещё одного ребёнка и огорчился предстоящим переездом.

— Я и без ребёнка отсюда смылся бы. Посмотри, какая теснота, нам с мамой даже уединиться негде, чтобы ребёнка сделать, шмыгаете всю ночь туда-сюда, а теперь ещё и утром покоя нет!

— С этим я совершенно согласен, но вы ведь не будете отказываться от этой квартиры?

— Конечно, нет. Можно сдать в наём, лишняя копейка всегда нужна, сам говоришь: девочки, шампанское, устрицы...

— А, может, вы туда переедете, а мы здесь поживём? Я уже взрослый, Юрка почти взрослый, Толика возьмём...

— Вот этого я и боялась. Потом внуки пойдут...

— Мама, ну что ты говоришь!..

— Мама знает, что говорит, и вообще, с чего ты взял, что кто-то позволит вам одним тут вести хозяйство?

— Ты же доверяешь мне пользоваться электрическими приборами.

— Под строгим контролем. Тем более что до этого ещё почти год ждать. Подумать только, две недели назад этот ребёнок готов был бежать отсюда, куда глаза глядят, а сейчас — палкой не выгнать! — я вздохнул.

Юрки открыл глаз, когда все замолчали и спросил:

— Мы кушать будем?

ОСЕННИЙ БАЛ. НАВАЖДЕНИЕ

В школе, на классном часе, Антонина Павловна сказала:

В этом году наш класс буде участвовать на осеннем балу. Будет дискотека,

школьный оркестр, маскарад. Так что думайте над маскарадными костюмами. А ты, Саша Денисов, подойди ко мне...

Я подошёл, чувствуя какой-то подвох.

— Садись на краешек стула, — и, когда я сел, начала шептать на ухо. Класс замер, боясь пошевелиться. — Я хочу, чтобы ты переоделся девочкой.

Я в ужасе вскочил и уставился на любимого учителя.

— Ну что ты прыгаешь? Садись, — рассердилась Антонина Павловна.

Будет бал-маскарад, все будут в таких костюмах, чтобы их не узнали. Кто подумает на тебя? А мы выиграем главный приз!

Я подумал и согласился. Если бы я знал! Впрочем, я и тогда бы согласился, потому что поверить в то, что произошло потом, никто бы не посмел.

После уроков мы с Толиком отправились по магазинам. Язык мой — враг мой. Нам надо было купить то, что, я не помнил, как называется, для отбивки мяса, я даже не представлял, где это покупается.

Зашли мы в мясной магазин, набрали килограмма два свиной вырезки, впрочем, говяжьих костей я тоже взял. Взяли майонез с оливкой, перец, поскольку я не знал, что у нас есть. Наконец, я нашёл и отбивалку для мяса, похожую на тяжёлую печать с иглками. Пока шли домой, я молча размышлял над заданием классной руководительницы. В кого бы нарядиться? Лучше всего в бабу ягу. В неё и Милляр не стыдился переодеваться.

Или в золушку с лицом, вымазанным сажей. Точно никто не узнает.

— Что ты такой хмурый? — жалобно спросил Толик, — что тебе Антонина Павловна сказала, я видел, ты побледнел.

— Ничего особенного, а-а, и зелёный попугай! — пропел я и воскликнул: — Эврика! Толька, беги домой и тащи гитару! Репетировать будем! — дело в том, что маска должна ещё и песенку спеть!

Толик не стал ни о чём расспрашивать, умчался, только пыль змейкой завилась. Вот оно! Песенка Красной Шапочки, сама Красная Шапочка со своей корзинкой с пирожками... Серый волк: — Же ву Ле Лю Гри!

В кого мне нарядить Толика? В серого волка? Обохохочешся... В охотника? С ружьём. С АКМ. Кто так стреляет? Вот как надо стрелять! Пиф-паф! Нет! Красной Шапочкой будет Толик! Отдам ему любимые красные шорты и футболку, на голову — красную бандану, в руках — электрогитару... Класс! А я — волк! Волчица...

Ладно, здесь есть варианты, от классического до рэперского: — Ты-волк, я-волчища, вместе мы силища!

Сегодня Максим Сергеевич предупредил, что будет занят какими-то организационными вопросами, поэтому весь вечер был свободен: самбо начнётся только завтра.

Ребята во дворе пристали ко мне с вопросами, и я разрешил сегодня пинать мяч для души. Все в восторге заорали и бросились на площадку, я же отговорился школьными заданиями и пошёл домой. Не переодеваясь, я отправился на кухню, выложил покупки и пошёл встречать Толика.

Тот уже, шумно пыхтя, прибежал.

Принёс он и розовый костюмчик.

— Что ли возвращаешь? — удивился я.

— Что ты! Он выдохся.

Да, похоже, фетишистом сделаю его я.

Мстительно переоделся, не став мыться, чтобы мой едкий пот покрепче впитался в шорты (на голое тело). Потом тщательно запаковал костюмчик и принял душ. В душе я продумал план

сегодняшнего вечера. Сейчас я напую мелодию Толику, пусть разучивает, а я займусь мясом.

Так я и сделал, напел Толику песенку, пошёл резать мясо. Через 5 минут заходит Толик. Забыл мотив. Сколько лет песенке? Сорок пять? Больше? Да не помню я!

Нарезав мясо, начал его отбивать. Нелегко! Где папа?! Отбив мясо, натёр его перцем, солью, выжал лук, чеснок, полил обильно майонезом и поставил в духову на полную мощность. Чтобы не забыть, завёл кухонный будильник на полчаса.

— Если долго-долго, если долго по тропинке, если долго по дороге, прыгать ехать и бежа — ать...

За точность слов не берусь сказать, но там такой прыгающий мотив, что можно замаскировать любой текст.

— Можно в Африку прийти! «ага, с полуостровом Мадагаскар»!

— И зелёный попугай! — пел я от души, во весь голос, окна были открыты, и, когда я закончил, услышал: — Санька! Санька!!

Выглянув в окно, увидел всю свою команду.

— Почему не играете?

— Услышали, как ты поёшь, захотели послушать.

— А почему не играете?

— Тебя ждём. Выйдешь?

— Не могу, в школе дали задание. Теперь репетируем, через неделю надо петь. Да ещё мясо попросили запечь, так что не могу оторваться, уж извините!

— А Толька?

— Толька мне на гитаре играет.

— А ещё что-нибудь петь будешь?

— Нам надо эту как следует выучить! Идите, играйте, вспомните связки, что тренер показывал.

— Ладно, только, если петь будешь, пой в окно, мы послушаем.

— Если что вспомню, спою, — я пошёл на кухню, посмотреть, что там с мясом, заодно пообедали вчерашним супом.

Отработав «про попугая», решил спеть ещё что-нибудь. Повспоминал «Куда уходит детство», спел, как мог, как помнил,

смотрю, стоят, рты раскрыли. Нет, думаю, нечего баловать, надо заставить выучить что-нибудь зазорное, пусть горланят во дворе. Кстати, надо придумать кричалки, пусть болельщики вопят. Оле, — оле — оле!

Мясо приготовилось. Я выключил духовку, спросил Толика, не хочет ли он попробовать, но тот отказался, тогда я переоделся в уличное и побежал погонять мяч. Бились мы часа два, забыв про правила и устраивая «кучу малу». Под конец игры пришли Максим с дядей Колей и пообещали устроить нам весёлую жизнь. Договорившись о расписании на завтра, мы разбежались по домам учить уроки.

Тут я вспомнил, что к мясу нужен гарнир и принялся чистить картошку, заставив Толика читать мне учебники. Попутно я думал о том, какое счастье, что у меня есть такой преданный друг. В прежнем мире у меня такого не было в детстве, только братья.

Толик ненавязчивый, незаметный, но необходимый человек, совершенно безотказный, а теперь, по-моему, и самоотверженный. Думаю, он больше не будет стоять в стороне, когда на меня нападут. Особенно, когда мы разучим несколько приёмов.

Когда пришли родители, у нас всё уже было готово.

Мои старания, конечно, оценили, но на завтра ничего не оставили, осталось ещё на вечер, но очень мало.

— Ну, вы и едите! — сказал я, отдуваясь, — но учтите, с завтрашнего дня у нас начинаются усиленные тренировки, так что, сильно на меня не рассчитывайте, или покупайте мульты варку и духовку с таймером.

— А теперь, — сказал я, когда мы переместились в нашу комнату, куда пригласили маму и плотно прикрыли дверь, — слушайте мою страшную тайну. Мне поручили к осеннему балу замаскироваться под девочку.

Немая сцена. Все раскрыли рты, даже Толик, который со мной разучивал песенку Красной Шапочки.

— Я долго думал, в кого наряжусь, и выбрал образ Красной Шапочки.

Триллер по известному мотиву мы разыгрывать не будем, волков, я думаю тоже оставить в покое, даже тамбовских. Я думаю спеть песенку, которую мы разучили с Толиком, потом танцевать с мальчишками. Всё. Меня никто не должен узнать, чтобы получить главный приз. Толика можно нарядить охотником, или бабушкой.

Опять молчание.

— Теперь ты, мама. Можешь мне подобрать костюм? Осталась неделя.

— И ты согласился?

— Это задание дала мне Антонина Павловна, секретно, вы единственные, кто знает. Поэтому попрошу сохранять тайну. Идеи есть?

— Дай подумать, — сказала мама, — а то вынь ему и положи костюм Красной Шапочки. Почему, кстати, именно Красной Шапочки?

— Я долго думал. Хотел в Бабу Ягу переодеться, в Синдереллу, но их песен я не помню, а Шапочки — помню.

— Что за Синдерелла? — спросил Толик.

— Золушка, — ответила мама, — я понимаю, платье из мешковины, лицо в саже, второй акт — прекрасная принцесса в хрустальных башмачках, и прекрасная песня! Ах, как это было бы замечательно!

— К сожалению, я не помню даже мелодии этой песни, — сказал я. Так что, остаётся Шапка Красная.

Юрка молча пошёл включать компьютер.

— Вы пока подумайте над костюмом, а я тоже подумаю, приведу в порядок мысли, — сказал я, укладываясь поверх одеяла.

Через некоторое время меня разбудили.

— Посмотри, что мы накопили.

Я посмотрел на экран, на котором были не только фотографии персонажей, но и выкройки костюмов.

— Неплохо, — похвалил я, вы что, шить костюмы собрались?

— Не совсем. У нас есть театр...

...Вот и закончился золотой сентябрь, пошли дожди, и нам пришлось перебраться в спортзал. Здесь мы отрабатывали задания Максима Сергеевича, здесь мы начали тренироваться самбо.

Желающих набралось немало, приходилось бороться по очереди, но всем было весело, кто не отрабатывал приёмы на матах, бросали баскетбольный мяч друг — другу, или в кольцо.

За такими интересными делами подошло время бал — маскарада.

Мы с Толиком, скрывшись под плащами и зонтиками, проникли в наш класс, который открыла нам Антонина Павловна.

Там мы переоделись. Толик в охотника, я — в Красную Шапочку.

Дома мы несколько раз репетировали, маму я попросил немного поучить

меня танцам, медленным и, немного, вальсу.

Хохоту на репетициях было...

Отец сказал, что всё это добром не кончится, потому что такую красивую Красную Шапочку обязательно похитят, и нашему Охотнику действительно нужно ружьё, чтобы защищать свою любимую.

У меня была шапочка, которое наполовину скрывало моё лицо, длинное, почти бальное платье, белый фартучек, на ноги мне нашли башмачки на низком каблукке и корзинка в руках с настоящими свежими пирожками.

В спортзале, который на время стал танцзалом, уже обретался народ, здесь

участвовали школьники от 12 до 14 лет, из разных классов. Многих я не знал. Среди ребят я заметил своих, шепнул Толику, чтобы он меня не раскрыл и двигался отдельно, не ревновал, когда я буду танцевать с мальчиками. Толик явно нервничал, бледнел, и руки у него дрожали.

Я поставил корзинку на стол и подошёл к музыкантам, с которыми мы тоже репетировали под покровом тайны.

Ребята были из 10 класса, и не интересовались малышнёй вроде меня.

— Что тебе, девочка? — спросил руководитель оркестра.

Я поманил руководителя, он наклонился, и я сказал: — Я Красная Шапочка!

— Вижу, что... — он хлопнул себя по лбу: — ну ты и замаскировался! Точно никто не догадается! Давай к микрофону.

Я подошёл к микрофону и сказал:

— Здравствуйте, товарищи! Я — Красная Шапочка! Волков у нас сегодня не будет, бабушки тоже, зато будут пирожки. Вон там, на столе, только не подеритесь! (смех в зале) а сейчас я спою песенку Красной Шапочки.

В зале стало тихо.

Оркестр заиграл, я взял в руки микрофон и, прослушав проигрыш, запел:

— Если долго-долго — долго — долго...

Голос сквозь микрофон немного изменился, я старался петь повыше, двигался, как девочка из фильма: -А-а, зачем тебе горы — вот такой высоты?

А — а зачем тебе реки — вот такой ширины, а — а крокодилы — бегемоты, а-а обезьяны-кашалоты, а-а и зелёный попугай!

Мне показалось, все забыли эту песенку, не может быть, что в этом мире не было такого фильма.

Но, тем не менее, песня вызвала фурор.

Все вопили, хлопали, требовали выступить на бис.

Мы всё-таки сдались, и немного спели ещё.

А теперь, — сказал руководитель оркестра, — желающие могут потанцевать с Красной Шапочкой.

Толпа кинулась ко мне. Первым меня схватил мальчик из старшего класса, мы начали кружить в танце, он спросил: — Ты из нашей школы? Я тебя раньше не видел, может, ты новенькая?

— Ты что! — пищал я, — это же бал-маскарад!

Так мы дурачили многих, потом ещё некоторые мальчики и девочки пели песенки, или читали стихи, танцевали и с ними, но от меня не отходили мальчишки.

Я веселился от души, мамины пирожки улетели в момент, Толик тоже не отставал, приглашал почти через раз.

— Маска, я тебя знаю! — услышал я за спиной. Я повернулся и увидел Вовчика. Вовчик улыбался. Он недавно пришёл в школу, выписавшись из больницы, куда я его упрятал из — за его глупости. Он был одет в смокинг, галстук — бабочкой.

— Позвольте пригласить вас на танец, — галантно поклонился он.

Мы пошли танцевать.

— Наконец — то ты настоящая, — сказал Вовка, не представляешь, как ты изменилась, тебе идёт этот наряд, ты обворожительна!

— А школьная форма?

Вовка поморщился: — Честно говоря, тебе лучше в мальчишеской. Мне так жаль, что я не разглядел тебя вовремя, теперь я тебя потерял. Придётся теперь страдать издалека.

— Чтож, у каждого свой путь, не всем дано найти свою любовь. Да, и смени стиль ухаживания. Не каждую девочку украшают синяки.

— Тогда спасибо тебе за этот танец, желаю тебе хорошего друга, — он отвёл меня к оркестру и откланялся. Оркестр заиграл вальс. «Осенние листья кружат и кружат в саду»

И тут вошёл ОН. Мальчишка в костюме гардемарины, из-под шляпы выбивались светлые волнистые волосы, обворожительная улыбка сияла на его красивом лице.

Он пересёк зал, подошёл прямо ко мне, поклонился, взял за руку, и повёл меня в танце. Что это был за танец! Мы порхали по залу, никого вокруг не было, мы были одни. Вальс увлёк нас, мы танцевали самозабвенно. Потом музыка оборвалась. Мы стояли посреди зала, взявшись за руки и глядя в глаза друг другу. «Ты кто, почему я тебя первый раз вижу?» «Мы только вчера приехали, узнали про бал, и я сразу побежал. Еле успел. Что было бы, если бы не успел?» «Мы бы не встретились?» «Встретились бы, я же буду учиться здесь. Любимая» «Любимый»

Мы не заметили, что началась романтическая мелодия. Мальчик привлёк меня к себе, я положил голову ему на грудь и замер, боясь пошевелиться.

Возле стены горько плакал забытый Толик.

Я не помню, долго ли продолжалось это наваждение, не помню, как переодевался, как добирался домой.

Я открыл дверь своим ключом, повесил плащ и зонтик, снял кроссовки и, взяв с собой пакет с костюмом Красной Шапочки, прошёл, понурившись, в комнату родителей, которые смотрели телевизор, глянул мельком на экран и опустился на диван рядом с родителями, чего ни разу не делал, и бросил пакет на пол.

— В жизни не надену больше женскую одежду.

— Что случилось? — встревожилась мама.

Я молчал, опустив голову.

— Что ты молчишь? Тебя кто-то обидел?

Я отрицательно покачал головой, уставившись в точку на полу.

Юрик вышел из своей комнаты, хмыкнул и ушёл.

— Ты можешь сказать, что произошло? — немного сердито спросила мама.

В глазах у меня помутилось, капли закапали на пол — кап, кап.

— Папа, ты что-нибудь понимаешь? — спросила мама.

— Кажется, понимаю, — медленно произнёс папа, кажется, я не знал, чего бояться.

— Ты меня пугаешь, чего надо бояться?

— Наша принцесса влюбилась. — Тихо сказал папа, отвернувшись.

Больше я не мог терпеть. Упав на грудь мамы, я заплакал навзрыд, обильно поливая кофточку мамы слезами. Мама гладила меня по голове, целовала, но я никак не мог остановиться. Тогда папа сходил на кухню, принёс стакан

воды, взял меня за подбородок и повернул к себе: — Выпей водички, весельчак, тебе надо успокоиться.

Воду я выпил, но успокоиться не мог.

— Скажи хоть, кто это, или кивни. Это девочка? Нет. Мальчик? Мальчик из вашей школы? Да. Ты его знаешь? Нет. Ладно, мама, не будем девочку пытаться, пусть идёт отдыхать.

Мама отвела меня в ванную, раздела и помыла меня мочалкой, как маленькую девочку, потом вытерла и даже хотела в полотенце отнести в постель.

— Там братик, — прошептал я, дай трусики.

— Ну, хоть заговорил, — мама принесла чистое бельё, и я проследовал в свою кровать. Мама присела рядом.

— Мама, что со мной? — спросил я.

— Это и для меня загадка. Расскажи по порядку.

— Мы веселились, я спел песенку, все мальчишки хотели танцевать со мной, даже Вовчик посетовал, что не разглядел меня. Потом заиграли вальс, и вошёл он. Прошёл через зал мимо всех, взял меня за руку, и мы пошли танцевать. Но я не умею вальсировать, я оттоптал тебе все ноги! А там мы просто всех пленили. Правда, мы не видели больше никого. Потом мы просто стояли и разговаривали. Глазами. Он недавно приехал к нам в город, как говорится, с корабля на бал. Зовут его Саша. Потом... Не помню, как пришёл домой.

— Ты не разговаривал с ним словами? — спросил Юрий.

Я отрицательно покачал головой.

— Ты не безнадёжен. Мама, поцелуй его на ночь, и пусть спит.

Когда утром я проснулся, дома уже никого не было. Взглянув на часы, я понял, что времени у меня осталось только поесть и помыться.

Хватит распускаться, сказал я сам себе. Надо завести будильник, а то не смогу делать утреннюю зарядку.

Съев приготовленный мамой завтрак, я отправился в школу.

Там, встретившись со своими друзьями, уже начинающими создавать крепкое дружное ядро команды, я развеялся от печали. Толик тоже не выглядел убитым горем, на переменах мы устраивали весёлые свалки в коридоре, пока мне по спине кто-то легонько не постукал.

— Скажи, мальчик, где здесь шестой класс? — раздалось у меня за спиной.

Я обернулся, чтобы ответить, и потерял дар речи. Это был он.

— Что же ты молчишь, мальчик? — я стоял, боясь пошевелиться, глядя ему в лицо. Внутри всё сжалось.

Толик вдруг решил взять дело в свои руки,

— Это мой Саша! — заявил он, крепко взяв меня за руку, — пойдём отсюда, Саша! Ну, пойдём же!

Но я не мог сдвинуться с места, не мог отвести взгляда от любимого лица.

Наваждение не отпускало меня.

— Саша! Это ты? Ты мальчик?! — я отрицательно покачал головой.

— Что же это за маскарад?

— Я так прячусь от поклонников, — выдавил я из себя.

Он привлёк меня к себе, и я облегчённо опустил голову ему на грудь.

— Саша, ну Саша же! — в голосе Толика уже слышались слёзы. Но я не в силах был оторваться от Саши. Невероятно, но он нашёл меня, даже в образе мальчишки.

— Как я тебя понимаю, мальчик! — обратился Саша к Толику, — если бы тебе удалось увести от меня эту прелесть, я бы рыдал от горя. Я вызвал бы тебя на дуэль, и мы стрелялись бы, или бились на шпагах до смерти. Но посмотри, Сашенька выбрала меня. Надо смириться. Сашенька, а эти молодые люди у тебя за спиной, это твоя стая? — я почувствовал, что стая завиляла хвостами, только один неудавшийся альфа — самец хотел выть от горя. — В волчьих стаях обычно вожаками становятся волчицы. Вы позволите на время похитить вашего вожака?

Ребята расступились, давая нам проход, Толик обречённо отпустил мою руку.

Мы с Сашей сидели в коридоре рядышком на стульях, обнявшись.

Я боялся пошевелиться, чтобы не расплескать тихую радость и непередаваемое чувство ощущения рядом любимого человека.

Наверно, аура любви распространялась вокруг нас, потому что ребята, проходящие мимо нас, останавливались, найдя вдруг, что здесь самое интересное место. Позже, где бы мы ни спрятались, нас постепенно окружала толпа школьников, и не только.

В этот раз к нам подошёл Толик и присел с моей стороны.

— Надо расставить все точки над i? — спросил Саша.

— Не надо никаких точек, — сказал я. — Толик любит меня, я люблю Сашу, Саша любит меня, я люблю Толика, как лучшего друга. Вот и все точки. Толик как ходил ко мне в гости учить уроки, так и будет ходить. С Сашей мы будем встречаться в другом месте, а может, Саша захочет присоединиться к нам, в команду, вместе будем играть в футбол и заниматься самбо. Если кому интересно, мы ещё дети, и я никому принадлежать не буду, мне всего двенадцать лет. Мне будут принадлежать все.

И я положил голову на плечо обескураженному Саше, тая от счастья, а Толика взял за руку.

Проходящая мимо Антонина Павловна взялась за сердце:

— Денисов! Ты разрушаешь все педагогические каноны! Странно, что возле тебя только двое поклонников. — Я посмотрел по сторонам: — Остальные не столь смелы, Антонина Павловна.

Та покачала головой: — кто бы мог подумать! Теперь, чтобы заправить тебе рубашку, мне придётся проталкиваться сквозь толпу! А вы, молодой человек, представьтесь, пожалуйста. — Саша поднялся:

— Александр Белов, к вашим услугам! — щёлкнул он каблуками. — Учусь в восьмом «Б» классе. Четырнадцать лет.

— Похищаешь нашу Сашу?

— Никак нет, скорее, вливаюсь в вашу компанию!

— Вы сын военного.

— Так точно.

— Очень приятно. Ну, пошли, ребята, скоро звонок.

Обнявшись напоследок с Сашей, мы отправились в класс.

Радостное настроение не оставляло меня. Я сидел на уроке, рассеянно слушая ответы одноклассников у доски, сам в это время мысленно находясь с Сашей. И... вот, говорила мне мама!

После того случая купила мне мама пару упаковок прокладок. Одни из них были ежедневки. Как раз на непредвиденный случай. И вот такой случай настал. В трусиках что-то стало мокро. Я с отчаянием посмотрел на учителя:

— Антонина Павловна, мне нужно сбежать домой.

— Что случилось?

— Мне надо переодеться, — я почувствовал, что краснею.

— Я не могу ничем помочь?

Я отрицательно покачал головой, закусив от стыда губу.

— Сбегай, только быстро, у нас сегодня новая тема.

Я, стараясь ни на кого смотреть, скорым шагом дошёл до двери и, закрыв её, пощупал брюки сзади.

Фух! Ещё не промокли.

Бегом бросился в раздевалку, схватил куртку и побежал домой.

Дома я быстро разделся. Осмотрел брюки, они были слегка сырыми.

Сняв плавки, осмотрел их, они были в какой-то слизи. Сначала я оторопело смотрел на это новое явление, потом облегчённо вздохнул: просто надо поменьше мечтать о мальчиках. Неужели я его хочу? — спросил я у мальчика в зеркале. Тот молчал. Яглянул на низ своего живота, и всё понял. Да, хочу. И очень сильно. Мужское либидо не дремлет.

Я забросил штаны в стирку, тщательно помылся сам, и пошёл искать, во что переодеться. Первым делом я нашёл прокладки, запихнул одну в трусики.

Да, не очень удобно. Пришить, что ли... Ладно, сойдёт и так, теперь остальное. С остальным оказалось не так просто. Школьная форма была у меня одна. Зачем много, я ведь расту. Джинсы разных расцветок.

Саша, как и я, видать, не любил строгую одежду. Какие джинсы надеть? Мои любимые синие? Наверно, будет не очень. Есть чёрные. Это уже похоже на форму. К джинсам белую рубашку, к ней нашёлся узенький галстучек. Хорошо, немного ослабим

узел... Теперь жилетку чёрного цвета. Слегка спрыснул её каким-то маминым спреем.

Посмотрел в зеркало. На меня смотрел уже не мальчик, хотя и не девочка.

Так, что-то среднее. Удовлетворённо кивнув своему отражению, я пошёл обуваться. Нашёл ботинки, подходящие и мальчику, и девочке, быстренько обулся, накинул куртку, спортивную шапочку и побежал в школу.

На этаже, недалеко от класса меня встретила директриса:

— Это ты, Денисов? Или уже Денисова? Почему ты не в форме и не на уроке?

— Здравствуйте, Алевтина Андреевна, я извозил свои брюки до невозможности, и отпросился переодеться.

— Да, вы устраиваете возню, пол уже блестит. Спортзала мало? У тебя физкультура, футбол, самбо. Не слишком для девочки?

— Добавьте ещё утреннюю зарядку. Нет, мне нетрудно, пока успеваю всё.

— Действительно, даже с мальчиками успеваешь дружить. Как с Володей? Помирились?

— Скажем, выяснили отношения.

— И как?

— Сказал, что будет страдать издалека.

— Странно всё это, — задумчиво сказала директриса, — столько проработать педагогом, и не научиться разбираться в детях. Если бы ты знал, какую истерику мне закатил собственный сын по твоему поводу...

— Успокойтесь, Алевтина Андреевна, вы прекрасный педагог, только узнать детей невозможно, каждый ребёнок — это целый мир, мир новый и постоянно обновляющийся. Мы сами не знаем себя. А взрослые пытаются уложить нас в свои рамки, как на Прокрустово ложе: что свисает, то — вжик!

— Как ты страшно описал нашу педагогику!

— Уж как есть. А что касается вашего Володьки, так он давно и безнадежно в меня влюблён.

— О, боже! Кто-нибудь в тебя не влюблён? Что происходит? То ненавидят, то влюбляются.

— Потому, что я — особенный, а такие притягивают к себе как несчастья, так и наоборот. А что касается любви и ненависти, так вы и без меня знаете, что только один шаг отделяет их друг от друга.

— Интересно разговаривать с тобой, Саша, но тебе надо на урок. Прости, что задержала. И ещё, приходи, пожалуйста, на уроки в мальчишеской форме.

— Спасибо, весьма вам признателен. — Я раскланялся и вошёл в класс. — Вам кого? — спросила Антонина Павловна.

— Разрешите присутствовать? — спросил я.

— Опять ты меня пугаешь, Саша! — воскликнула учительница, а задние ряды начали вставать, чтобы получше рассмотреть, что происходит.

— Садись скорее! — сказала Антонина Павловна, — дай мне закончить урок.

Я прошёл к своему столу, по классу пронёсся то ли восхищённый, то ли завистливый вздох.

— Ну, ты, Саша, даёшь! — прошептал Толик.

— Я что-то пропустил?

— Ты уже ничего вокруг себя не видишь!

— Мальчики, тихо. Записывайте новую тему.

После уроков мы встретились с Сашей.

— Как ты прелестна! — воскликнул он, окидывая меня восхищённым взглядом, — ты теперь всегда будешь так выглядеть?

— Нет, вышел высочайший циркуляр носить форму мальчика.

— Интересный момент... Мне интересно, долго ты этого добивалась, чтобы тебя признали мальчиком?

— Не спрашивай меня о прошлом никогда. Договорились?

— Но почему? — изумился Саша, — я хочу знать о своей любимой всё.

— Если захочешь, всё узнаешь у моей мамы.

— Ты приглашаешь меня к себе? — обрадовался Саша.

— К сожалению, не всё так просто, я не могу всё бросить даже ради тебя, Сашенька, у меня сегодня футбол и самбо. Может, ты придёшь на тренировку?

— Где и когда?

— Сейчас мы ходим, пообедаем и вернёмся, часа в три, наверно. Кто приходит первым, начинает разминаться. Наклонись, я поцелую тебя, — я обнял его за шею и крепко поцеловал в губы. Сердце чаще забилося, и я с трудом оторвался от сладких уст. — Иди скорее, а то я опять потеряю над собой контроль.

Я повернулся, взял Толика за руку, и мы поспешили домой.

Надо сказать, дома у Толика произошли значительные перемены.

Максим Сергеевич с тётей Яной стали жить вместе, сделали косметический ремонт. Я заходил, проверил, как обещал. В пенале у Толика тоже стало лучше, повесили на окошко занавески, на подоконнике стояла герань в горшке. С умным лицом чиновника от попечительства, я заглянул на кухню, проверил холодильник. Поморщился, осмотрел плиту и духовку.

«Ладно, изъятие ребёнка пока откладывается, второй рейд покажет»

Теперь Толик обедал дома, всё равно нужен только лёгкий перекус.

У себя дома, я переоделся в мальчишечье, немного заглушил голод. Собрал свою спортивную сумку и побежал на тренировку.

Саша уже ждал меня. Похоже, он никуда и не уходил. Мы не удержались, снова обнялись: прошло невероятно много времени. Кровь заиграла в жилах, с лица не сходила глупая улыбка.

— Ты не взял спортивную форму? — спросил я Сашу.

— Отчего же, она со мной.

— Пошли тогда переодеваться, — я направился в мужскую раздевалку.

— Ты переодеваешься с пацанами? — поразился Саша.

— А что тебя удивляет?

— Ты же девочка!

— Саша! — я остановился, — запомни раз и навсегда: девочка твоя любимая я только для тебя, — добавил жёстче: — ещё раз говорю: только для тебя. Даже своим родителям не говори, я, если буду приходить к тебе в гости, то только как твой друг!

Я повернулся и пошёл переодеваться.

Саша догнал меня:

— А ты можешь быть жёсткой.

Я, молча начал раздеваться. Между тем стали заходить ребята из моей «стаи» и, весело разговаривая, тоже стали раздеваться.

— Саша, ты будешь тренироваться, или зашёл посмотреть? — спросил я, надевая футбольную форму (мы всё-таки достали родителей своим нытьём, и они снабдили нас формой).

— У меня только кимоно.

— Ну и надевай своё кимоно.

— Я как-то не привык... Ладно, молчу, дайте сесть.

— Саша, твой Саша будет у нас в команде? Он же из другой возрастной группы! — спросил Тимка.

— Сегодня он потренируется, осмотрится, потом решит, будет играть в футбол, или только татами топтать. Всё, побежали на разминку.

Сегодня Максим Сергеевич погонял нас по связкам, пасам, умению играть командой, не пытаться всё делать самому. Потом разбил на две команды и дал поиграть.

Саша сидел на скамеечке и наблюдал. Именно наблюдал, не болел, не кричал мне ничего ободряющего. А что мне кричать? Я капитан команды, я сам на кого хочешь, накричу, кроме тренера, если он на работе.

Толик работал на поле с упоением, самозабвенно, он действительно забывал про всё постороннее, выходя на поле, в данном случае, в спортзал.

Так носились мы по залу, пока не пришёл дядя Коля.

— Всё, ребята, — захлопал в ладоши Максим, — перерыв, душ, и переходите под Колину руку.

Я отправился в душ. Меня пропускали вперёд, я и не занимал подолгу — там три рожка, а я один. Была бы проблема где-нибудь в спортивной школе.

Когда я вышел из душа, меня ждал Саша.

— Сегодня я узнал тебя с другой стороны, — сказал он.

— Не понравилось?

— Отчего же, ты настоящий вожак.

Я пошел переодеваться в кимоно.

— Прости, — обернулся я, — если тебе неприятно, то можешь не смотреть наши тренировки, а с тобой наедине я буду ласковой и нежной девочкой. Или ты предпочитаешь ласковую волчицу?

— Я смотрю на тебя, и моя душа на небесах, честно — честно, что бы ты ни делала, мне приятно смотреть, просто смотреть на тебя.

— Видел я, как ты смотрел, как я переодеваюсь.

— Признаться, сначала я был шокирован твоим поведением, но, посмотрев, как предупредительны твои друзья, совершенно успокоился. Они, мало того, что не обидят тебя, горло любому перегрызут. И они признали моё право ухаживать за тобой.

— Я рад, что тебе хватило времени разобраться в ситуации. Будешь бороться?

Тогда давай, представлю тебя тренеру. — Я затянул пояс на кимоно и потянул за руку Сашу. Да, когда я касался Саши, меня заливала горячая волна радости, но я разыгрывал роль сурового вожака и капитана команды.

Да и вообще пусть привыкает.

— Дядя Коля! Принимайте нового спортсмена, — представил я Сашу, — знакомьтесь, Александр Белов, ученик восьмого класса, 14 лет.

— Наслышан уже, — хмуро сказал дядя Коля, — вчера из-за тебя Толик проплакал всю ночь.

— Я его прекрасно понимаю. На его месте я бы выл всю ночь.

— Ты хочешь заниматься у меня? — немного помолчав, спросил дядя Коля.

— Достаточно того, что это желает Саша.

- Саша, это правда?
- Да, проверьте его, судя по его поясу, он хороший дзюдоист.
- Тогда прошу на татами.

На татами дядя Коля не жалел новичка. Слишком разные весовые категории. Даже поймав дядю Колю на приём, Саша не мог его провести, дядя Коля будто вращался в матах. Зато сам кидал Сашу при любом случае.

Наконец, немного утомившись, дядя Коля похлопал Сашу по плечу и сказал: – Нормально, пошли, занесу в списки, будешь изучать самбо, – не интересуясь его мнением, добавил тренер.

Мы разобрались по парам и начали отрабатывать приёмы.

Моим напарником был Данька Левашов, примерно моей комплекции, боролись мы на равных, никаких поблажек мне никто давать не собирался.

Записался в нашу секцию и Вовчик. Боролся он с Тимкой, и, надо сказать, Тимка его здорово колотил об маты.

После тренировки, ещё раз приняв душ, разошлись по домам, учить уроки.

Прощавшись с Сашей, я взял за руку Толика и повёл к себе.

Дома нас уже ждал ужин. Мама успела приготовить нам поджарку с пюре.

Мы слопали всё в момент ока и отправились в нашу комнату.

Юрик занял компьютер и непонятно, что с ним делал.

– Юрка! – воскликнул я, – ты не представляешь, как я соскучился по тебе!

– Прекрасно представляю, – ответил Юрка, оставляя компьютер и забираясь мне на руки. С Юркой на руках я опустился на стул и прижал брата к себе.

Как всегда, дурачась, он расслабился, и руки его повисли...

Мне стало хорошо, почти как с Сашей.

Толик молча, принялся за письменные задания.

– Ревнует, – тихо шепнул мне Юрик, – очень переживает.

– Я разве давал ему повод?

– Сам понимаешь. Ты мне покажешь своего избранника? Хотя я и так его чувствую. К сожалению, у вас схожие ауры.

- Почему к сожалению?
 - Потому, что вы можете врасти друг в друга.
 - Но это же замечательно!
 - Конечно, замечательно. Если ты взрослый. А ты ребёнок.
 - Ну, не такой уж и ребёнок.
 - Чем докажешь?
 - Умом и сообразительностью
 - Ты сможешь этим зарабатывать деньги?
 - Зачем мне деньги?
 - Содержать семью.
 - Я не собираюсь жениться.
 - Почему?
 - Я ведь ещё... Да, с тобой не поспоришь. Только что ты этим хочешь сказать? Причём тут наши отношения с Сашей?
 - Саша, я уже становлюсь уверенным, что все влюблённые тупеют. Это относится даже к моему любимому братцу.
- Мой любимый братец поёрзал, устраиваясь у меня на коленях, и сказал: — Делай свои уроки, поговорить можно и перед сном.
- С тобой на руках?
 - Не хочу тебя покидать.
- Боком устроившись у стола, я открыл дневник, посмотрел задания, затем открыл тетрадь, учебник, и стал решать задачи. Юрик с любопытством смотрел на то, как я решаю и давал дельные подсказки.
- Толик всё делал молча. Он хороший ученик, не нуждается в подсказках.
- Когда расправились с письменными заданиями, я потянулся, Юрик тоже.
- Какие нудные ваши уроки, — сморщил нос Юрка, — неужели и мне всё это предстоит?
 - Ещё как! Только, почему тебя это тяготит? Поверь, в этом много очаровательного.
 - Тебе я верю. А что скажет по этому поводу Толик?
- Толик молчал.

— Толик, — решился я, — ты больше не любишь меня?

Толик вздрогнул, как от удара током и поднял на меня полные боли глаза:

— Зачем ты меня мучаешь, Саша? — его глаза быстро наливались слезами, — я люблю тебя больше жизни!

— Но и я тебя люблю, как друга, как брата, вот, как Юрика.

Юрка тоже вопросительно смотрел на Толика.

— Но я-то люблю тебя по-другому!

— Ты не сможешь любить меня по-другому ещё три-четыре года, как и Саша Белов, и все остальные. Почему ты мне отказываешь вправе любить, кого я хочу? Ты такой собственник? Наверно, все мужчины одинаковы. Но у нас будет всё немного по — другому. Вы сами выбрали меня вожаком стаи, и теперь мне дано право выбирать, кто достоин моей любви и дружбы, — жёстко закончил я, — А ты мой первый и любимый друг, с тобой я начал всю эту историю, с тобой думаю и закончить.

— Ты — вожак стаи? — открыл рот Юрка, — Толик, это правда?

Толик кивнул, и крупные капли слёз упали на тетрадку с математикой.

«Теперь все будут знать, что у нас происходит вечерами» — мельком подумал я. А вслух сказал: — Теперь мне надо много носовых платков.

— Саша, ты сегодня ещё не общался с мамой, — сказал Юрка.

— Понял, не дурак, поднялся я, — по маме я соскучился.

Мама на кухне лепила вареники. Я пристроился напротив, стал помогать.

Вареники готовились из картофельного пюре с жареным луком.

У меня от предвкушения рот набирался слюной.

— Надо бы ещё с творогом наделать, тоже будет вкусно, — посоветовал я.

— Сделаем и с творогом, — согласилась мама, непонятно глядя на меня.

Потом присела рядом со мной, обняла и спросила:

- Ну и как ты выдерживаешь нагрузки?
- Легко! — сказал я, стремительно засыпая.

Меня разбудили, когда вареники уже сварились.

Ничего не понимая, устался на стол, за которым рассаживались мои родные.

- Что, уже утро? — спросил я хриплым спросонья голосом.
- Иди, умойся, — сказала мама.

Я сидел в углу, посадили меня так, чтобы я не свалился во сне. Выбравшись из угла, поплёлся в ванную.

Умывшись, я сразу почувствовал себя бодрее, вернувшись на кухню, обвёл взглядом собравшихся.

- А где Толик?
- Спит на твоей кровати, — и засмеялась, увидев смятение на моём лице.

— Ничего, поспите сегодня наверху.

— Как свалимся оттуда!

— Не свалитесь. Куда его девать? Мы уже позвонили его папе.

— Да вы не подумайте, я не против. Я, наверно, ещё не проснулся. Вы его накормили?

— Он не проснётся, — ответил Юрик.

— Мне всё ясно, — сказал я, усаживаясь за стол, — братик поработал.

— Кушай, пока есть, что кушать, — предложил братик.

После ужина мы с Юриком забрались на верхний ярус.

— Осторожней ворочайся, — предупредил меня Юрка, — развалишь кровать.

— Ты сам собирался зимой здесь ночевать, — прокричал я. — тесновато...

— Папа делал кровать на одного.

— Ты мне обещал рассказать что-то про моего Сашу.

— Не про Сашу, про тебя. Только ты меня волнуешь. Я говорил уже, что ты ребёнок. Ты не принадлежишь себе, тебе не позволено самому что-то решать, как бы ты ни был уверен,

или самоуверен в своей самостоятельности. Сейчас ты принадлежишь родителям, которые будут решать твою судьбу. И если они решат, что тебя лучше оградить, допустим, от общения с Сашей, они это сделают, сквозь кровавые сопли и слёзы.

Поздно, конечно, это тебе говорить, вы уже начали проникать друг в друга, теперь рвать придётся с кровью.

Я слушал Юрку, раскрыв рот.

— Юрка! Ты откуда?!

— Я смирился и полюбил тебя, сделай и ты тоже самое.

— Что же это за семья такая?

— Обыкновенная семья, это мы с тобой такие необычные, — в голосе послышалось веселье, потом Юрик прижался ко мне, обняв за шею своей маленькой ручкой, и прошептал на ухо: — будь готов ко всему. Давай спать.

БЕДНАЯ САША!

Мы пришли к Саше домой, когда у них дома никого не было.

Саша показал мне свою комнату, которая была побольше нашей с Юриком, рассказал про свои увлечения, показал модельки, которыми он увлекался совсем недавно.

Теперь он увлекался мною. Саша подвёл меня к своей кровати, в изголовье которой я обнаружил свой портрет. Не фотографию, а именно портрет.

— Кто это сделал? — поинтересовался я.

— Этот портрет я нарисовал в прошлом году.

Я внимательно посмотрел на Сашу: — Шутишь. Наверно, сфотогал меня где-то и перерисовал.

— Саша, я стараюсь никогда не врать. Особенно тебе. Эта девочка приснилась мне во сне. Если внимательно присмотреться, она на тебя только похожа, но сходство всё равно поразительное. Маме я в шутку сказал, что так будет выглядеть моя жена.

— И что мама?

— Что мама... как все мамы. Она очень любит меня, я даже не представляю, как она отреагирует на твоё появление в моей жизни.

— Ты разве не рассказал ничего?

— Что я мог рассказать? Сказку о Золушке, которая сбежала от меня? Да, рассказал, даже сказал, что ты очень похожа на портрет.

— Сильно смеялись?

— Немного пошутили, но мне было не до шуток. Я был так взволнован, что всю ночь проворочался, клянясь себе, что найду тебя, любимая.

— Я пришла домой вся в слезах, не в силах сказать ни слова, и папа сразу сказал, что их принцесса влюбилась: — говоря это, я смотрел уже в глаза моему любимому. Он обнял меня, и мы

начали целоваться, потом сели на кровать, продолжая целоваться, потом, с трудом оторвавшись от Саши, я сказал: — мне, наверно, пора домой.

— Ты боишься меня? — удивлённо спросил Саша.

— Я боюсь себя. Сейчас нападую на тебя и изнасилую жестоким образом! — Я схватил подушку и ударил Сашу по голове, повалив на кровать, сам навалился сверху, — И меня посадят!

— Не посадят! — Воскликнул Саша, вырываясь, — Я не буду на тебя подавать в суд! — Он перевернул меня и посмотрел сверху в глаза. Лицо его стало серьёзным:

— Люблю тебя, — сказал он, — ты не представляешь, как.

— Не представляю, — согласился я, — потому что люблю ещё сильнее.

Саша осторожно коснулся моих губ своими губами и с сожалением поднялся. — Пойдём, напою тебя чаем.

— Мне надо привести себя в порядок, — сказал я, отправляясь в ванную.

«С этим надо что-то делать!» — решил я, меняя насквозь мокрые прокладки.

К Марии Борисовне я решил сходить на следующий день.

Долго думал, в чём прийти, в том, в чём как — то сходил в школу, или в обычной своей одежде.

Решил, что в образе мальчика всё же привычнее... К гинекологу.

Возле кабинета тихо сидели четыре девочки примерно моего возраста.

В другом углу кучковались мамы.

Спросив крайнего, я достал телефон и сделал вид, что занят игрой, сам же кидал косые взгляды на девочек. Те шушукались между собой, с удивлением поглядывая на меня. Когда атмосфера достаточно накалилась,

я спросил: — Девочки, вы в который раз?

— А ты?

— Я в третий.

Девочки открыли рты.

— И что у тебя проверяют?

— Ну что могут проверять гинеколог? — удивился я.

— Ты нас разыгрываешь, ты, наверно, внук врачихи, ходишь над девчонками смеяться! — сказала одна из них.

— Нет, не угадала, — деланно вздохнул я. — на самом деле я вовсе не мальчик.

— А кто ты?

— Как кто? Девочка!

Девочки тупо уставились на меня.

— Не смотрите на одежду, это стиль такой, томбой называется. Сейчас мальчики такие женственные, приходится занимать их место.

Из кабинета вышла расстроенная девочка, но никто не пошёл в кабинет, желая послушать мои истории. Расстроенная девочка тоже присоединилась к нам, наострив уши.

— Ну и что это даёт?

— Как что?! Во — первых, мальчики всегда симпатичные, как бы они не выглядели, не надо особо прихорашиваться, мальчишки не пристают, пока не захочешь. Можно ещё одеться наполовину мальчиком, наполовину девочкой, этакой стервой...

— Кем? — открыли рот девочки.

— Это, если тебе понравился мальчик, и ты его хочешь довести до белого каления, потому что он не замечает тебя... Но сейчас речь не о том, дело в том, что я влюблён... влюблена в мальчика, и пришёл, чтобы...

Тут открылась дверь и вышла Мария Борисовна:

— Кто следующий? О, Саша, кого я вижу! И в окружении девочек! Что это ты им рассказываешь такое? Ты мне здесь всех девочек испортишь!

— Чем?! — изумился я.

— Языком своим длинным!

Я испуганно посмотрел на доктора, потом на девчонок. Девчонки стояли красные.

— Ты меня до греха доведёшь! — дошло, наконец, до Марии Борисовны, — проходи в кабинет.

Пройдя в кабинет, я поздоровался.

— Здравствуй, Саша, будешь осматриваться?

— Буду, — я начал раздеваться.

— С чем ты к нам пожаловал? — спросила доктор, подходя к креслу, куда я взгромоздился, — хотя я сама догадываюсь: наше чудо влюбилось. — Она прикоснулась к моим губкам, и я внезапно бурно отреагировал.

— Ну вот, я права.

— Я думаю, — продолжала она, ты пришёл, чтобы узнать, можно ли тебе вступать в связь. Мальчик очень нетерпелив?

— Не угадали. Я его хочу.

— Ты мне постоянно преподносишь сюрпризы.

— Что делать, я всё-таки мужчина.

— Должна тебя огорчить, но не советую. Дело в том, что в твоём возрасте половая сфера только формируется, растёт. Ткани очень нежные, не такие эластичные, как у более взрослых девушек. Вот у тебя влагалище сантиметров шесть, а у твоего мальчика? Сколько ему? Четырнадцать? Значит у него и размер уже соответствующий, от 12 до 14 сантиметров. Видишь разницу? Мальчики очень нетерпеливы и неопытны, и в тоже время, думают, что они все секс-гиганты, поэтому девочке без травм не обойтись.

Вместо удовольствия ты получаешь только болевые ощущения, второй раз накладывается на первый, потом ещё, вот и появляются фригидные женщины. Ты хочешь, чтобы у тебя была фригидная жена? Ты знаешь, кто это?

— Знаю. Это жена, у которой или голова болит, или спать хочет.

— Вот видишь, понимаешь. От такой жены может сбежать самый преданный муж. Так что выбирай. Хотя это не стопроцентный диагноз, можешь рискнуть.

— Спасибо на добром слове. На взгляд не определить?

— Всё у тебя обычно, ты не супермен и не супергёрл. Смири свои желания хотя бы на год. Когда тебе 13 будет?

- 20 мая.
- Вот и приходи после дня рождения, ещё посмотрим. Одевайся.

Когда я вышел в коридор, никто из девчонок не ушёл. Увидели моё унылое лицо и всё поняли:

- Что, не разрешили?
- Нет, девочки, сказали, подрасти надо, до четырнадцати сантиметров.
- Четырнадцати чего?
- Я указал на низ живота: — чтобы четырнадцать сантиметров входило.
- Это сколько же лет надо расти! — ужаснулись девочки.
- Смирись! — вздохнул я.

Зима вошла в свои права. На нашем дворе залили каток. В свободное время

мы гоняли шайбу. Родители и здесь пошли нам навстречу, прикупив, заодно коньки и себе.

Вот и сейчас, подойдя к дому, я увидел, что коробка полна игроков.

- Саша, выйдешь? — спросили меня.
- Выйду, — ответил я, — надо размяться.

Дома никого не было. Переодевшись, сделал себе бутерброд и налил чай.

Уселся за стол и вспомнил свой первый день здесь. Как я боялся, что меня выгонят. В принципе, дождался. Получил плюху. Я криво усмехнулся. Да, хорошо приложил тогда меня папаша... Вроде неплохой мужик, что ему надо от меня? Живу, никого не трогаю. Теперь припомнились Юркины слова о том, что мы собственность родителей. Разве это плохо? Заботятся о тебе, за уши таскают, одевают, обувают, в угол ставят, заставляют убираться в комнате, целуют и ласкают. В общем, воспитывают.

Я засмеялся. Нет, никогда мои родители — хозяева не сдела-

ют своему любимцу действительно больно, защитят, или постараются защитить от всех бед.

Радостное настроение быстро возвращалось, меня ждали на катке, а я тут развёл антимонии. Радуйся, малыш, пока есть время!

Я побежал в прихожую, надел спортивную одежду, схватил коньки и клюшку и кинулся вниз по лестнице.

На площадке уже шёл нешуточный бой. Я быстро переобулся и ринулся на помощь своим. Толик уже был здесь. Как и в футбол, в хоккей Толик играл, полностью отдаваясь процессу, здесь для него не было авторитетов, даже мне он как — то крикнул, что мне что-то мешает для хорошей игры.

Помню, все игроки, кроме меня, остолбеневшего, валялись на льду.

Когда отыграли первый тайм, я увидел Сашу. Он стоял у бортика, и с счастливой улыбкой смотрел на нас.

— Ты без коньков? — спросил я, подъехав к нему.

— Я к тебе в гости, не думал, что ко всему прочему, ты ещё и в хоккей гоняешь.

— Я разве не говорил?

— Не помню, я не всё слышу, когда вижу тебя.

Я радостно засмеялся и попросил подождать, пока мы не разгромим противника. Перерыв кончился, и мы снова кинулись в атаку. Подумаешь, не разгромили! Зато сколько удовольствия и криков.

Скоро выйдут наши «замшелые старички» — пацаны лет 30—40 и пойдёт такой хоккей!.. который нам не нужен.

Сначала выходили мужчины. Послышались восторженные маты, слышимые даже сквозь пластиковые окна. Тогда начали выходить их жёны.

Так мы стали оставаться по вечерам предоставлены сами себе.

Прихватив с собой Толика и Сашу, я отправился домой.

— Чур, я первый в душ! — закричал я.

— Чур, я с тобой! — закричал Толик, — и мы с хохотом умча-

лись в нашу комнату. Взяв там чистое бельё, я вернулся в прихожую, где растерянно стоял Саша.

— Что стоишь? Раздевайся и проходи. Сейчас мы одни, будь, как дома. Прходи в ту комнату, там сейчас Толька. А я пока смою пот, — я побежал в ванную. Вымывшись наскоро, и надев бельё, вспомнил, что, конечно, забыл верхнюю одежду.

— Толик! — заорал я! — принеси мне одежду!

— Какую тебе сегодня? — услышал я крик Толика.

— Красную!

Через пару минут прибежал Толик, принёс шорты и майку.

— Неужели стесняешься Сашу? — удивился он. — Я думал...

— Меньше думай, особенно о таком. Где, кстати, твой розовый костюмчик?

Толик сам порозовел: — Яна постирала. Она что-то подозревает.

— Ещё бы. У мальчика девичий костюм.

— Да. Я сказал, что это ты мне подарил просто на память, и она больше ничего не спрашивала.

Я оделся, и мы пошли на кухню разогревать еду. Позвали Сашу.

— Я хорошо поел! — заотказывался Саша.

— Ничего, за компанию! — мы с Толиком никогда не отказывались лишний раз набить живот, и думали, что все такие.

— Ну, ты, Саша, кушать! — восхитился мой возлюбленный, увидев, как я работаю ложкой.

— Если бы ты увидел и попробовал, как он готовит, то не ковырялся бы сейчас в тарелке, а ел, как мы. — Отозвался Толик.

— Ты ещё и готовишь чудесно?! — восхитился Саша. — Такая жена нужна всем!

— Он ещё дерётся классно...

— Это я и сам знаю.

Не спеша, попив чаю, пошли делать уроки.

— Я уже сделал, — сказал Саша, взяв гитару, которую оставил Толик ещё с осени. Стал наигрывать переборами какую-то мелодию.

Мы с Толиком переглянулись.

- Будет нам с кем репетировать, — сказал я.
- Что репетировать? — перестал играть Саша.
- Скоро Новый Год, опять будет бал-маскарад, будем готовить костюмы, придумывать песенки, беситься, одним словом, — объяснил я.
- Я буду Ледяной Принцессой, Толик ещё не придумал. А ты?
- Костюм гардемарина тебя устраивает?
- Есть к нему шпага?
- Есть. В прошлый раз мне некогда было её искать, я спешил к тебе.
- Ну вот, готовый персонаж. Будешь меня завоёвывать.
- У кого?
- Я засмеялся: — уж поверь, найдётся от кого!
- Когда я тебя рисовал, думал, ты одинока и несчастна, ждёшь, кто бы тебя отсюда вытащил, а ты вожак волчат, за тобой ходят поклонники...
- Когда ты рисовал меня, так всё и было, но я взял себя в руки, и переиначил судьбу. И не только себе, — я посмотрел на Толика. Тот важно кивнул:
- Было дело. Саша провернул такое дело! Никому не удавалось, а ему удалось играючи.
- Ну, уж и играючи. Я был мокрый, и едва стоял на ногах от страха. Вот надавал бы твой папа мне по окаянной шее...
- Не надавал бы. Он детей любит.
- Не буду спорить, но мне тогда было жутко. Помнишь, Саша, тренера Максима Сергеевича? Это папа Толика.
- Мне почему-то показалось, что его папа — дядя Коля.
- Не, это его сосед, так, попал под раздачу.
- Под какую ещё раздачу?
- Это Саша придумал. Он сделал антиалкогольный коктейль, и напоил им моего папу, дядю Колю и тётю Яну. Теперь они не могут пить ничего, крепче чая и кофе, — Толик уже не дичился Саши, и общался с ним, как с новым нашим другом. Пришлось ему дарить часть поцелуев. В щёчку.
- Здорово! Ты умеешь делать такие коктейли?

— Получилось случайно. Когда все прибежали на кухню, — тут Толик прыснул, вспомнив скандал, — появился Юрик и захотел прогуляться с нами. Вот он-то и доделал начатое, — с ним я и хочу тебя познакомить.

— Не с родителями? — уточнил Саша.

— Родители — само собой. Юрик хочет что-то тебе сказать.

— Вы, наверно, очень любите друг — друга.

Мои губы сами собой разъехались в радостную улыбку:

— Почти как тебя, Саша, когда нет вас с Толиком, я радуюсь Юрику, маме... — я запнулся.

Выручил меня шум в прихожей, я сорвался с места и полетел туда.

Первыми всегда приходят мама с Юриком, я уже узнавал их по шагам.

— Мама! — крикнул я, бросаясь ей на шею.

— Тихо ты! — смеялась мама, при этом целуя меня, — возьми вот сумки, отнеси на кухню.

— Мама, у нас в гостях Саша! — прошептал я.

— Неужели мы увидим таинственного Сашу? — обрадовалась мама.

Я ласково прижал к себе уже раздевшегося Юрика и понёс на кухню пакеты с покупками, радостно улыбаясь.

Когда на кухне появилась мама, Саша встал и представился:

— Александр Белов!

— Курсант Навигацкой Школы?

— Да, был им одно время, когда жили в Петербурге. Сейчас вот живу здесь.

— Вы часто переезжаете?

— Нет, не очень. В Петербурге прожили почти пять лет.

— Это хорошо. А мама кем работает?

— Она военный медик. Работает в госпитале.

Я мельком подумал, что даже не поинтересовался, где работают мои родители, но тут же забыл об этом.

— Она, наверно, очень красива? Только у красивых женщин могут рождаться такие сыновья.

— Мама все красивы, но вы ещё прекрасней. Когда Саша рассказывала о вас, я даже ревновал её к вам. Неудивительно, что я с первого взгляда влюбился в вашу дочь.

— Он позволяет тебе называть себя девочкой?

— Да. Она сказала, что я единственный, кто может это делать.

— Очень приятно было познакомиться, освободите, пожалуйста, кухню, мне надо приготовить ужин. Саша, — обратилась она ко мне, — ты мне поможешь?

— С удовольствием, мамочка! — понял я её, — а Сашу займёт Юрик.

— Да, — сказал Юрик, вот только немного перекушу.

Мы решили потушить картошку с мясом, тем более что мама купила неплохую вырезку. Я занялся мясом, мама картошкой, хотя меня так и подмывало занять этим делом мужчин-бездельников. Но мама мне сказала, чтобы я никого сюда не звал, тем более что я должен теперь привыкать к обязанностям женщины. Я так возмутился, что не мог сказать ни слова.

Это что же, вместо любви, я буду только и стоять у плиты, а в перерывах — услаждать мужчину в постели?! Да будь он хоть трижды любимый!..

Но при воспоминании о Саше, сердце почему-то сладко заныло, а нож ещё ловчее стал нарезать аккуратные кусочки мяса.

Поставив его тушиться, я помог маме с картошкой.

— Мама, ну скажи...

— Тебя разве интересует моё мнение? Мне кажется, что ты всё решил. Или надо говорить — решила?

— Ах, мама, я и сам не знаю. Я просто люблю.

— Но голову терять, тоже не стоит. Твой Саша очень хорош. Даже неприлично хорош. Как-то мне даже страшно, потому что получается слишком складно.

— Не совсем складно, мама, слишком рано.

— Да, Сашенька, слишком рано, ты не наделаешь глупостей?

— Не наделаю, — вздохнул я, — хотя очень хочется. Я даже снова сходил к Марии Борисовне, и она мне всё объяснила.

- Мне даже не верить, что ты стал такой практичный.
- Сам себе удивляюсь, поболтал там с девочками...
- Ты — с девочками?
- Что тут удивительного? У меня в классе много подружек.
- В чём ты ходил к гинекологу?
- Как всегда. По-моему, девочки мне не поверили. Даже не представляю, что подумали их мамы.
- Ты ходил к гинекологу, как мальчик?
- Да, ты бы видела их лица! — засмеялся я, — они подумали, что я их разыгрываю!
- Обалдеть! В прошлом году я пыталась тебе на это намекнуть, так чуть не лишилась твоего уважения!
- Очень уж доктор хорош! Не только осмотрит, но и объяснит и расскажет, что к чему. Приятно к ней прийти. Хотя в первый раз я чуть не хлопнулся в обморок при виде кресла.
- Да... — задумчиво произнесла мама, — ты очень изменился.
- Хотя в лучшую сторону?
- Надеюсь. Я рада, что у тебя появилась куча друзей, что поклонники ходят за тобой по пятам, но что — то меня в этом настораживает. Я не узнаю своего ребёнка.
- Если расскажешь, как мне себя надо вести, чтобы тебе угодить, я это сделаю, мама.
- Я тебе верю, сынок, но это будет уже игра.
- Я покраснел от стыда и обиды и шмыгнул носом.
- Ты там, не желаешь ли сырость пустить? Опять мама обидела?
- Почему ты всё обо мне? — постарался я увести разговор в сторону, — для чего я привёл Сашу?
- Сашу ты привёл для того, чтобы Юрка с ним поговорил.
- Да, Юрий сказал мне, что наша с Сашей любовь почему-то опасна, — я покрошил морковь и бросил в сковородку с мясом, помешал лопаткой, — говорит, что мы идеально подходим друг к другу. И ещё он доказал, что я ребёнок, и не принадлежу себе.
- Мама помолчала.

— Юрик, как всегда, прав. Так влюбляться в твои годы очень опасно. Можешь перегореть.

— Я понимаю. Только это уже случилось, и случилось каким-то невероятным образом, как будто кто — то специально это сделал, для каких-то неведомых нам целей. Такое я видел только в кино: «Алые паруса», например. Тем более у Саши есть мой портрет, который он нарисовал в прошлом году.

— Не может быть!

— Сам видел. На портрете, правда, нарисована девочка, очень похожая на меня. Саша сказал, что увидел эту девочку во сне.

— Сестра — близнец? — непонятно и тихо сказала мама.

— Что ты говоришь? — но тут закипела картошка, и я потерял нить разговора.

Пока мы готовили, пришёл папа. Он сразу зашёл к нам и спросил, кто у нас в гостях, не мой ли возлюбленный.

Мы всё объяснили, и папа пошёл переодеваться.

Наконец у нас всё было готово, и я пошёл звать за стол.

Зайдя в свою комнату, я обнаружил Толика, сидящего за учебниками, а на моей кровати сидели Юрик и Саша. Саша был бледен, с крепко сжатыми губами.

— Вы закончили разговаривать? — спросил я.

— Да, — ответил Саша, — надеюсь. Ну, у тебя и брат!

— А то! — с гордостью сказал я, — это ты ещё мало его знаешь!

— Надеюсь не расставаться с вами никогда! По его словам, мы просто обязаны жить все вместе!

— Пошли за стол, пришёл папа, познакомитесь.

— Опять за стол?! — вскрикнул Саша, — мы же только поели.

— Кто-то ел, кто-то нет, всё равно надо знакомиться, так что не увиливай.

Я взял Сашу за руку и потащил на кухню, где уже сидели папа с мамой. Я завёл Сашу и представил его папе.

— Что встали? — вздохнул папа, — садитесь, раз пришли. — Мы сели, мама нам наложила тушёной картошки, положила лож-

ки и хлеб, но мы не заметили этого, не сводя глаз с главы семьи. Глава семьи думал.

— Ешьте! — приказал он, — я ещё не обдумал речь.

Мы ели, не ощущая вкуса. Саша, несмотря на то, что притворялся сытым, съел всё и старательно вычистил кусочком хлеба тарелку. Видно было, что он сильно волнуется. Ужин проходил в полном молчании. В другое время мы отпускали шутки, смеялись, в основном доставалось нам с Толиком. Правда и я в карман за словом не лез. А сейчас...

Папа, наконец, отложил ложку и попросил чай.

— Я долго думал, — признался папа, — я и не представлял, что у нашей Сашки будет такой друг. Эту сорвиголову может терпеть только Толик. Он давно уже попал ей под каблук. Но такой парень! Ты хоть понимаешь, с кем ты собираешься иметь дело?

— Так точно, Иван Дмитриевич! — отчеканил Саша, — Я имею счастье иметь дело с Александрой уже более двух месяцев, и действительно, готов выполнять все её приказы. А попробовав сейчас её стряпню, я готов хоть сейчас поселиться у неё на любых условиях! Даже моя мама не готовит так вкусно!

— Да, Сашка у нас умеет удивить. Но характер у неё! Наплачешься ты с ней. Честно говоря, я хоть завтра бы вас поженил, если бы не ваш возраст. Что вы так торопитесь? Все нормальные люди влюбляются минимум в 15 лет, а вы? Сколько лет ждать? Не менее трёх лет, и это в то время как выяснено, что любовь и длится года три-четыре...

— У нас особый случай! — вякнул я

— Помолчи, папа ещё не закончил. Дружить вам я не запрещаю, да и глупо было бы запрещать дружбу, тем более Сашка у нас — пацан. Так в дальнейшем и поступайте ближайшее время, ясно, Саша? — обратился он ко мне сурово.

— Да, я уже проконсультировался с кем надо, — скромно ответил я.

— И не обижай Александра, а то он сейчас влюблённый и глупый, будет во всём тебя слушать, и ходить за тобой, как бычок на верёвочке, — обратился он к Саше, — Все они люби-

тельницы вить из нас верёвки. Тебе, Саша, далеко? Давай я тебя отвезу, да и Толика прихвачу, хорошо?

Толик скорчил недовольную рожицу, но не стал протестовать.

Мы, молча, допили чай, и стали прощаться. Мы с Сашей мысленно поцеловались, и он вышел вместе с папой и Толиком. Я шумно вздохнул и поплёлся на кухню, слушать Юрика. Честно говоря, его заключения я боялся больше, чем папиного. Папа пусть сам меня боится.

Юрка с мамой, молча, ждали меня на кухне.

Я налил себе трясушимися руками чаю и сел за стол, чувствуя, как отливает кровь от щёк.

— Что побледнел? — спросила мама. Как влюбляться, он не бледнеет, как отвечать за свои поступки, так: пожалейте меня, бледного...

— Не печалься пока, братец мой любимый, — пропел Юрка, — будущее твоё темно, но предсказать можно. Ваши жизненные потоки начали срастаться, что значит, не увлечение это, всё слишком серьёзно. Вот это уже плохо. Лучше было бы минутное увлечение, даже с глупостями.

— Что-то мне уже становится плохо, — простонал я.

— Не до шуток. Если вы расстанетесь, ваши души будут истекать кровью...

Мне показалось, что меня ударило током:

— Почему мы должны расстаться?

— Вот и я говорю: постарайтесь не расставаться. Это я уже объяснил Саше, и, кажется, он понял.

— Ты пугаешь меня, Юрик.

— Лучше напугаться заранее, и быть готовым ко всему.

Мне расхотелось пить чай.

— А если...

— А если вы не расстанетесь, вам не будут завидовать только камни.

— Спасибо на добром слове, — сказал я уныло, — к сожалению, жизнь вся состоит из встреч и разлук, боюсь, нам не избежать этого.

- Я рад, что ты это понимаешь.
- Мама, можно, я пойду? — спросил я.
- Иди, Сашенька, мне тоже надо подумать.

Я лежал на кровати и смотрел в потолок. Что нового сказал мне Юрик?

Мне и сейчас хотелось, чтобы Саша сейчас лежал рядом со мной, мы бы обнимались и целовались, и не могли бы насытиться друг другом. Я потянулся к нему всей душой, и мне показалось, что я слышу ласковый ответ, успокаивающий меня: я рядом, я с тобой, успокойся, малышка!

Я счастливо улыбнулся и моментально уснул.

Утром запищал будильник, который я положил с вечера под подушку.

Быстро задушив его, обнаружил под боком свернувшийся клубочек братика.

Нежно поцеловав его в макушку, отправился в ванную. Сделав все дела, я начал утреннюю гимнастику. Я уже подтягивался на перекладине пять раз!

Ну, почти пять. Ладно, не дадите соврать, но три раза — это точно!

И допрыгивал уже раза со второго — третьего, мягко приземляясь на цыпочки, чтобы никого не разбудить грохотом своих костей.

Прозанимавшись до пота, побежал принимать душ, потом приготовил завтрак на всех. Несмотря на грозные предупреждения нашего оракула, настроение моё было превосходно. Я даже напевал какую-то песенку: сейчас я пойду в школу, там меня ждут друзья, любимые учителя, Толик...

И сердце сладко заныло: Саша будет ждать меня на входе. Так, с глупой мечтательной улыбкой и закрытыми глазами меня и нашли на кухне мама с папой. Папа, как всегда, нёс сонного брата.

На физкультуре ребята стали спорить, в какой команде мне играть: с девочками, или с мальчиками. Спросили меня.

Я ответил:

— Пока ничего серьёзного у меня с Сашей не произошло, я буду принадлежать обеим командам, и разыгрывать буду с помощью монетки.

Установившаяся после моих слов мёртвая тишина удивила меня. Я поднял голову от монетки. Ребята и девчата смотрели на меня с открытыми ртами.

— Вы чего? — испугался я.

Ленка Бузыкина, моя ровесница, но уже начавшая сформировываться, сказала за всех: — Так вы ещё с Сашей... не того?

— Чего — того? — насторожился я.

Ленка беспомощно посмотрела на ребят.

— Все думали, что вы уже, как муж и жена, — разрешил сомнения Борька Гуревич, протирая очки. Все вам завидуют. Белой и чёрной завистью.

Я вздохнул.

— К сожалению, мне ещё слишком рано. Я специально ходил к гинекологу, проконсультироваться. — Почему-то здесь словосочетание «ходил к гинекологу» не вызвало ни у кого, даже у физрука, ни тени улыбки.

— Бедная Саша... — Пронёсся вздох.

— Девочки, не надо драматизировать, да, не скрою, очень хочется, но наши неокрепшие тела не готовы к этому. Мальчики — да, но они слишком нетерпеливы, и могут на всю жизнь оставить нас, да и себя тоже, несчастными. Потому что своему любимому надо доставлять радость, а не боль. Сегодня девочка уступит мальчику, а потом тот же мальчик скажет: — «я у тебя, оказывается, не первый» забыв, что первым был именно он.

— Что же касается нас, то, поверьте, ласковые взгляды, объятия, просто возможность быть друг с другом приносят нам огромную радость, ни с чем несравнимую. Любовь должна начинаться с ухаживаний, робких прикосновений, свиданий и только потом, с бьющимся от радости сердцем, можно попытаться поцеловать

любимую. Смею вас заверить, это невероятное счастье, гораздо лучше, чем просто тупой секс, от которого останутся только неприятные воспоминания о перенесённой боли.

Наш физрук только головой покачал:

— Любовь творит чудеса, — сказал он, — чтобы от такого малыша такое услышать...

НОВЫЙ ГОД

— Тебя мы нарядим чертёнком! — воскликнул я, — чёрная водолазка, чёрные колготки, чёрные шорты, чёрный хвост. На голове — чёрные рожки!

— А ты и дома будешь Ледяной принцессой? — ехидно спросил Юрка.

— Я не против! — быстро проговорил Саша.

— Это моя мечта! — с придыханием прошептал Толик.

Я с подозрением посмотрел на своих друзей.

— Вы что задумали?

— Новогодний карнавал! — заорали трое мерзавцев.

Ответить на это мне было нечего, мы действительно готовили новогодний маскарад. В школе мы решили одеться, как и планировали, а дома начали с Юрика. Юрик — чертёнок, папу нарядим дедом — морозом, маму — Снегурочкой... у мамы уже чуть-чуть был виден животик.

Или меня Снегурочкой. Саша — гардемарин. А кем будет Толик?

— Толик будет Каем, — придумал я.

— Кай должен искать Герду, — задумчиво сказал Саша, — кто будет Гердой?

— По всей видимости, это должен быть я.

— Мне это не нравится, — заметил Саша, — Кай с Гердой тогда должны танцевать!

— Ты плохо знаешь сказки, — перебил я его, — Кай и Герда — брат и сестра!

Юрка фыркнул: — Саня точно оторвался от детства! Кай — соседский мальчишка, друг Герды.

— Ладно, — примирительно согласился я, — Тогда кто подруга Гардемарины?

— Ягужинская, конечно!

— На роль Ягужинской я точно не гожусь. Скорее, я похож на Кая, Толик — на Герду, Саша — на принца...

— Там слишком много персонажей, нам придётся постоянно переодеваться. Ещё там была маленькая разбойница... — мечтательно произнёс Саша, закрыв глаза. Я посмотрел на него, и из головы вылетели все дельные мысли.

Саша сидел на диване, мы расположились на ковре. Я встал на четвереньки, подошёл к Саше и положил голову ему на колени. Саша ласково гладил меня по голове, играя моими отросшими волосами, я млел, мурлыкая, забыв обо всём на свете.

— Саша, ты же обещал... — ревниво начал Толик, но Юрка дёрнул его за майку и сказал: — пойдём, мы с тобой, без этих сумасшедших быстро распределим роли, и тебе достанутся все танцы с нашим Сашей, а другой Саша будет спасаться от чёрта!

Я готов был оставаться в таком положении сколько угодно долго, но пришла мама, и мне с горестным вздохом пришлось убираться в свою комнату. Там сидел и дул губы Толик. Пришлось взять его с собой на кровать и, положив его голову себе на колени, перебирать ему волосы. Тогда Саша сел рядом и стал меня целовать. Юрий фыркнул и пошёл встречать маму.

— Мама, туда сейчас не надо ходить, — услышал я. Ну их с их дурацкой любовью. Пойдём лучше, разберём твои покупки.

— Что они там делают? — поинтересовалась мама.

— Ну что могут делать влюблённые? Целуются.

— Втроём?

— Как ни странно. Я с удовольствием стал бы четвёртым, но думаю, ночь у меня никто не отнимет.

— Это так, мой милый. Как ты считаешь, у меня всё нормально?

— Пока — да. Срок ещё маленький.

— Спасибо, Юрий, как я тебе благодарна...

Больше я ничего не слышал, потому что Толик перевернулся и упёрся носом мне в живот, а Саша залез мне под майку.

— Что ты там хочешь найти? — тихонько засмеялся я, — или хочешь пересчитать мои рёбра? Кстати, это мысль! У мужчин одного ребра не хватает!

— Да, это интересно. У твоих ровесниц уже есть, за что поддержаться...

Мне в грудь будто вбили кол. Я вцепился в волосы Толика, но тот не пикнул, только дёрнулся и затих.

Саша отодвинулся от меня, его глаза ещё лихорадочно блестя, но уже виден был испуг.

...Если бы я был ребёнком Сашей, я сказал бы то, что вертелось на языке: «Иди, обжимайся с грудастыми и почесы об них то, что чешется!». Но опыт взрослого человека не давал выплеснуться сладкому гневу.

Гнев похож на неконтролируемый секс: несколько секунд сладости, и много дней раскаяния и ползания на брюхе перед любимым человеком.

Поэтому я опустил глаза на замершего Толика (не придушить бы), ласково погладил его мягкие волосы, убирая из глаз праведный гнев, глубоко вздохнул и посмотрел на Сашу нормальным взглядом:

— Давайте приведём себя в порядок и пойдём, встретим маму, — я даже улыбнулся, а Толик поднялся и поцеловал меня куда-то под ухо. С другой стороны, это сделал Саша, пряча глаза.

— Саша... — начал он хрипло.

— Не надо ничего говорить, я прекрасно понимаю, что ты не хотел меня обидеть, сравнивая с другими девочками. Не хочу я гнаться за их формами, меня своя фигура устраивает, да и детство своё я не хочу торопить.

— Саша, я понял сейчас, не обижайся на нас, мы просто глупые волчата, которые с задранными хвостами носимся за молодой волчицей, в надежде хоть прикоснуться к ней, и за все вольности волчица имеет право цапнуть волчат. Цапни меня, — и он подставил свой затылок. Я легонько треснул по шее недрогнувшей рукой.

— Вуу! — радостно взвыл Саша.

— И мне! — заорал Толик, и, получив свою порцию, радостно взвыл и кинулся на меня.

— Что это за вой? — услышал я папин голос.

— Этот вой у нас песней зовётся! — ответил Юрий, ворвался к нам, и я почувствовал, как на нашу кучу малу свалилось ещё одно маленькое тельце.

Приведя себя в порядок, мы уселись за стол поужинать.

— Ну что, распределили роли? — спросил папа.

— Ты будешь, конечно, Дедом Морозом. На роль Снегурочки мы выдвигаем маму, Юрий будет чертёнком, похищающим месяц, Саша — или прекрасным принцем, или, не менее прекрасным, гардемаринном, покоряющим сердце Ледяной принцессы, Толика нарядим в костюм гусара!

— Замечательно придумано! Хм... Ледяная принцесса. А вы не думали, что можно пригласить гостей? Родителей Александра, Толика?

— Думали, но на это необходимо ваше с мамой разрешение.

— Мы сами это предлагаем, так что готовьтесь.

— Чую своим тощим задом, к чему! — сказал я, — мужчины от 14 и ниже поступают в моё распоряжение. И без воплей! Маму надо пощадить.

И все посмотрели на маму. Та зарделась, как девочка: — Мне совсем нетрудно! Срок ещё маленький.

— Саша! — восхитился мой Саша, у тебя скоро будет ещё один брат?!

— Мы с папой девочку хотим... — сказала мама.

— Что мешает девочке быть хорошим братом? — удивился непонятливый Саша.

Папа закашлялся. Когда справился с кашлем, он отозвался:

— Ещё одного такого я не переживу!

Папа опять начал собираться отвезти гостей, ворча, что надо бы купить пару раскладушек, тогда все будут довольны. Я ему почему-то верил.

В школе я предложил Антонине Павловне устроить в спорт-зале, отданном под ёлку, не только зимнюю сказку, можно сделать и уголок бразильского карнавала, тогда мы с Толиком спляшем ламбаду, румбу, или ещё что-нибудь. Причём Толик будет

негритёнком. Как быть с гусаром? Гусара будут звать Ибрагим Петрович... Ламбада? По-испански означает: удар палкой. Никого я не буду бить палкой! Это меня после танца будете бить палкой, да, такой зажигательный танец.

— Вы с Сашей должны танцевать вальс! Прорвалась, наконец, сквозь мои рассуждения — предложения Антонина Павловна.

— Но мы не умеем танцевать вальс! — удивился я.

— Не скромничай, все видели осенью.

— Это был случайный вальс...

— Не случайный, а осенний. Сейчас будет зимний...

— Мы лучше станцуем либертанго! — я изобразил несколько движений, от которых у нашей классной руководительницы чуть не случился приступ. — Ну, Антонина Павловна! — взвыл я, — Новый Год, все должны веселиться!

— Боюсь, за такое веселье я получу выговор с занесением в личное дело!

— Выговор за веселье?

— Саша, ты ведь знаешь нашу директрису! — я пожал плечами:

— Молодая женщина, можно сказать, девушка. Почему она будет против?

— И откуда только берутся эти твои идеи? Прямо фонтанируют!

— Я люблю и любим.

— Любима. Тебе надо привыкать говорить: любима, а то получается неприлично.

— Я буду стараться, — скромно ответил я, царапая паркет ножкой.

Антонина Павловна прижала меня к себе и поцеловала в макушку: — Ну, всё, беги к своему любимому, насчёт твоих предложений я выскажусь на педсовете. Действительно, очень свежо, «девушке» это должно понравиться, особенно твоё замечание о её возрасте...

Но я уже не слушал: в коридоре появился Саша, и я, забыв о приличиях, помчался и прыгнул к нему на шею, едва

не сбив с ног. Облапил его руками и ногами, как меня, бывало, Юрик.

— Неси-неси, своя ноша не тянет! — слышались вокруг насмешливые крики.

Саша донёс меня до окна и посадил на подоконник.

— Саша, принеси сегодня к нам домой гитару! Будем репетировать новую программу, почти утверждённую. Я люблю и люблю, — повторил я несколько раз, обняв Сашу за шею.

Теперь, когда спортзал отдали под ёлку, мы тренировались в парке.

Бегали довольно длинные кроссы, бегали на лыжах, боролись в снегу, с криками и воплями, моя стая, добежав до леса, училась красиво петь песни на разные голоса, а не выть, как одичавшие волки-одиночки.

Сегодня бегали по парку и добежали до пляжа, где мы с Вовчиком когда-то, кажется, в прошлой жизни, сошлись в смертельной схватке...

Сейчас они в моей стае и считаются моими самыми крепкими друзьями — ближниками.

Со смехом мы повспоминали эпохальное сражение, честно говоря, если бы не оно, не было бы сейчас ничего: ни команды, ни веселья, ни стаи.

Толик с Сашей, может, и были бы, а может, неведомый кукловод, дёргающий нас за ниточки, распорядился бы по — иному.

Но сейчас — морозец. Солнце, хоть и низкое, искрящийся снег, смеющиеся лица друзей, Толика, любимого Саши!

Дома я раздел Толика до пояса, критически осмотрел его:

— Не зажимайся! — прикрикнул я на него, пресекая его попытки обхватить себя руками, — штаны снимай!

Толик удивлённо вскинул глаза, Саша тоже непонимающе посмотрел на меня.

— Где-то я видел белые бриджи, — проворчал я, — раздевайся, будем негра из тебя делать! Можешь догола, чтобы пятен

не было, а то будешь, как мулат: — по пояс чёрный, ниже — белый.

Не обращая на его свекольный вид, я достал банку крема, придающего коже тёмно-ореховый вид.

— Ты обещал мне костюм гусара, — заныл Толик, стягивая, между тем штаны.

— И как я буду ходить в школу?

— Во-первых, костюм гусара можно будет носить и, будучи негром, будешь у нас белым арапом, — нелогично закончил я.

— А во-вторых, после того, как ты спляшешь со мной ламбаду, ты забудешь всё на свете.

— Я буду плясать с тобой? — обрадовался Толик, хватаясь за резинку трусов.

— Эй, эй! — остановил я его, — там ты будешь мазать в ванной!

Я отправил его с Сашей в ванную, а сам после недолгих поисков, вытащил всё-таки белые бриджи. Потом из своей девичьей половины вытащил белую мини-юбку и кофточку в мелкую, белосинюю, полоску.

Сбегав к маминому шкафу, достал оттуда парик с прямыми волосами.

Надев всё это, я посмотрел в зеркало. На меня смотрела незнакомая испуганная девочка. У меня задрожали руки и ноги.

В это время с хохотом вывалились из ванной Саша с чёрным Толиком.

появившись в комнате, замолчали и заоглядывались.

— А... а... — сказал Толик, — а где Саша?

— Чё уставились? — спросил я.

— Саша! — опомнился Саша, кинулся ко мне и подхватил на руки.

Он вглядывался в моё лицо, как будто впервые увидел.

— Сашенька! Моя! — прошептал он, ещё крепче прижимая меня к себе.

— Отпусти меня! — задушено проговорил я, — нам репетиро... — рот мне закрыли поцелуем.

Наконец Саша пришёл в себя, опустил на пол мою тушку, но долго не мог успокоиться, поворачивая меня и разглядывая со всех сторон.

— Обалдеть! — сказал Саша.

— Вы там не забыли про меня? — загадочно начал Толик, — Я, между прочим, танцую с Сашей!

Я, только сейчас разглядел Толика и хмыкнул: Ну и где вы видели блондинистого негра? Красить!

— Нет! — испугался Толик, хватаясь за свои кудри.

— Да!! — крикнули мы хором и кинулись ловить чёрного Толика.

Минут через пятнадцать беготни мы всё-таки изловили его и силой, и уговорами поволокли опять в ванную.

К сожалению, чёрной краски мы не нашли, пришлось отпустить нашу жертву на свободу.

Мы решили, что купим краску накануне праздника, пока наш негритёнок и так выглядит неплохо.

Отдыхавшись, начали разучивать мотив ламбады. Саша и Толик, которому я пока запретил одеваться, чтобы подсохла краска на теле, стояли и брэнчали на гитарах, не сводя с меня восторженного взгляда.

Я тоже иногда бросал на себя взгляды в зеркало и думал, что не зря я скрывался в мальчишеских одеждах. Сейчас я выглядел, как обычная девочка, которых сотни, но контраст получился потрясающим. Самого проняло до дрожи.

— Ну вот, — сказал я, — что-то получается. — Теперь будем разучивать танец.

Танец должен быть быстрым, моя юбка должна взлетать выше пояса, поэтому под неё я пододел белые трусики, на Толика надела белые бриджи.

Когда я прижался к Толику животом и бёдрами, заставляя при этом быстро двигаться, мне казалось, что он сейчас хлопнется в обморок, потому что его глаза закатились, но ничего, стойкий оказался наш Толик, правда, некоторую твёрдость я всё-таки ощутил...

— Саша, тебе не кажется, что это слишком? — спросил меня вспотевший не менее нас Саша.

— Это же бразильский танец! У них все танцы зажигательные, тем более...

Я замолчал.

— Что? — забеспокоился Саша.

— Поспешили мы с Толиком. Вот был бы сюрприз!

— Ничего! — махнул рукой Толик, придумаем что-нибудь, потом покрасим мне волосы, а Сашу пока показывать никому не будем, пусть гадают, кто это со мной пляшет.

— В том-то и дело, что с тобой кроме меня никого не увидишь! — заметил я. — ну ладно, сейчас немного отдохнём и ещё потанцуем.

Репетировали мы долго, Толик никак не хотел меня отпустить, Саша сказал, что тоже хочет. Уплясали меня до упаду. Я действительно упал на диван, и снял парик.

— Нет-нет, — запротестовали ребята, — надевай!

— Сейчас, только пойду, умоюсь, вы меня совсем замучили. Сами — то по очереди, а меня заставили одного... — Я, ворча, ушёл в ванную, разделся, смыл весь пот, вытерся и снова оделся. Натянул парик, тщательно поправил, чтобы естественней выглядел и вышел... прямо перед мамой.

— Здравствуйте, — присел я, и, повернувшись, отправился к ребятам, которые стояли с каменными лицами. Я подошёл к Толику, взял его за руку, и повернулся к маме.

— Вы кто? — спросила нас мама.

— Мы тут репетируем, — пропищал я.

— А где Саша?

— Пошёл за шампанским, будем репетировать встречу Нового Года! — тем же голосом ответил я.

— Саша, брось маму разыгрывать, — вышел из прихожей Юрик.

— Ну вот, Юрик, взял и всё испортил! — огорчился я.

— Саша?! — только сейчас узнала меня мама, — я должна была догадаться...

— Мама всегда узнают своих детей, — прошептал я, обнимая маму и уткнувшись носом в её плечо.

Мама отстранила меня, осмотрела, потом посмотрела на моего Сашу, ничего не сказала и ушла на кухню.

— Мы расстроили её? — опасливо спросил Саша.

— Скорее удивили, — ответил Юрик. Пойдём, маме надо переодеться.

В своей комнате маленько посидели, мы втроём на моей кровати, Юрик на стуле, молча разглядывая меня.

— Классно выглядишь, — наконец-то сказал он, — ты так будешь на Новый Год танцевать?

— Да, мы с Толиком будем ламбаду плясать, Саша будет аккомпанировать с оркестром, а может, подхватит меня у Толика. Мы сейчас так плясали.

— Сейчас немного отдохнём и покажем вам с мамой.

— Что-то мама не в восторге от твоего вида, — произнёс Юрик.

— Зато я в восторге! — сказал Саша.

— И я, — добавил Толик.

— Ну, вы в восторге всегда! — засмеялся Юрка, — вы и сейчас сияете, как два медных котелка.

Я взял ребят за плечи и притянул к себе:

— А сейчас?

— Осторожнее, Саша, они сознание теряют.

— С трудом в себя пришла, — призналась мама, заходя к нам в комнату, — Надо же, какая у нас Саша!

— Антонина Павловна сказала, надо привыкать и соответствовать, — сказал я, — хотя мы с Толиком так оделись для Новогоднего бала. Да и пригодится для разучивания вальса. Саша, народ хочет, чтобы мы порадовали их вальсом. Мама, научи...

— Мне рассказывали, что вы танцевали так, что могли бы и меня научить.

— Это была встреча, шок, так сказать. В шоковом состоянии чего только не сделаешь. Надо сознательно.

— Удивил, — создалась мама, — присаживаясь на второй стул. — Хорошо, заканчивайте сегодня свой танец, завтра будем учить другой.

— Я предложил станцевать либертанго, но почему-то моё предложение было сурово отвергнуто, — пожаловался я.

— Всё равно я не умею его танцевать, — призналась мама, а так было бы красиво, только тебе надо переодеться в бальное платье.

— У меня будет платье Ледяной принцессы, в нём можно и танго, и вальс.

— Да, — согласилась мама, в этом платье можно всё. Скоро папа придёт. Будете ещё репетировать?

— Можно ещё разок, — согласился я, — мы уже отдохнули.

Мы выбрались в большую комнату и ещё поплясали. Мама с Юриком сидели на диване и хлопали в ладоши, мы с ускорением кружили с Толиком по ковру, и, при крике «ай я яй, Ламбада!», зашёл отец. Мы сделали вид, что не заметили его, и продолжали выступление. Папа, молча, прошёл и сел на диван. Он тоже начал хлопать в такт мелодии, а когда мы закончили, папа сказал:

— Замечательный номер, вот бы ещё мою дочь заставить так одеться!

— Спасибо, папа! — воскликнул я, кланяясь.

— Сашка! Ты?! — вскочил папа, хватая меня за плечи и осматривая со всех сторон с улыбкой. Потом притянул к себе и поцеловал. Я вздрогнул и отстранился: — прости папа, у тебя щека колючая.

Папа ничего не сказал, молча, ушёл на кухню.

— Но у него действительно колючая щека! — капризно сказал я.

Мама тоже ушла на кухню, Юрий укоризненно посмотрел на меня и ушёл в нашу комнату. Ребята засобирались домой, я никого не задерживал, мы тихо попрощались, и я закрыл за ними дверь.

В своей комнате я переоделся, сел в угол своей кровати, подтянул к груди коленки и бездумно уставился в окно.

Юрик включил компьютер, и, толи играл, толи что-то искал в интернете.

— Ребята, кушать! — позвала нас мама. Я не пошевелился.

— Пошли? — предложил Юрик.

— Не хочу, — ответил я, — может, позже.

— Ну что ты, как маленький, надулся? Это, между прочим, ты папу обидел.

— Ты, Юрик, кое-что не знаешь, и лучше тебе этого не знать, меньше знаешь,

крепче спишь.

— Ты что-то вспомнил?

— Напомнили открытым текстом. Иди, я посижу, настроение, глядишь, поднимется.

— Да, жди, — Юрик ушёл.

Я сидел, уткнувшись носом в коленки, и лениво размышлял.

Правильно говорит Юрик, мы не принадлежим себе, мы принадлежим семье. Почему меня так обидели слова отца о том, что он меня ненавидит?

Ведь он сказал тому Саше, а меня — то он совсем не знает? Но резануло прямо по душе, даже след остался, теперь, когда он идёт на сближение, у меня сами собой вырастают колючки. А какая у него тяжёлая рука! По большой голове... Как только жив остался. От жалости к самому себе закапали слёзы, и я зашмыгал носом. Вставать за носовым платком было лень, и я вытер лицо подолом майки.

Вошла мама, села возле меня, притянула к себе, я начал хлюпать носом.

— Что у вас опять с отцом? Он молчит, ты плачешь. Зачем ты его обижаешь? Он ведь любит тебя.

— Он любит себя, — пропыхтел я, — Я не собираюсь жаловаться, ты и так всё видишь и знаешь.

— Я ничего не знаю и не вижу.

— Это хорошо, тебе нельзя волноваться, — я снова вытер лицо подолом майки и сказал: — прости, я спать лягу.

— Хоть покушай.

- Извини, никого не хочу видеть.
- Даже меня?
- Так бывает.

Утром мобильник разбудил меня.

Я нашёл его под подушкой, выключил, но напрасно я боялся разбудить Юрика: рядом никого не было.

Ну что же, подумал я, бойкот, так бойкот. Ещё не то переживали!

Я побежал в ванную, ледяной водой смыл сон, почистил зубы, посидел на унитазе, и пошёл к своим снарядам. Делая утреннюю гимнастику, старался думать о школе, друзьях, домашних заданиях...

Домашние задания я игнорировал, надо пораньше прийти в школу, почитать, учебники. Письменные? Списать у Толика, если он делал.

Друзья называются! Сбежали в самый трудный момент! Хотя в семейные разборки вмешиваться вряд ли кто решится.

Саша будет в нашей семье?

Будет или нет, это ещё вопрос! Толик и так почти брат мне, хотя он не горит желанием быть братом, а кем хочет? Правильно... Кем-кем? Ерунда какая-то получается. Какой из него муж?! Как и я жена. Какая ерунда в голову лезет! Вот Саша, здесь вопросов нет, при мысли о нём внутри всё сжимается от счастья, от того, что он есть.

Я прокрутил «велосипедик» и сел в позу лотоса, делая дыхательные упражнения.

Скоро, очень скоро я с ним встречусь! Я поднялся, легко запрыгнул на турник, и подтянулся пять раз, накачивая в мышцы радость.

«Надо бы велотренажёр выплакать» — подумал я, делая упражнения на растяжку. Растяжка давалась легко, даже на шпагат почти сел, ещё немного, и можно будет удивлять партнёров по самбо уходом от захвата. Отжимание от пола — десять раз. Маловато, будем наращивать. Зачем я всё это делаю?

Я ведь почти отказался быть мальчишкой. Но нет, пока я ребёнок, меня никто не защитит, а мир подростка суров, жесток и опасен, пожалуй, намного опасней взрослого мира, ведь взрослые, начиная разбираться между собой, детей уже не замечают. В азарте они избавляются от этих мелких помех, походя. Пройдя по головам детей, потом ужасаются, какой же враг оказался коварным!

Внутри подростков свои законы, куда взрослым нет доступа, здесь царит своя справедливость, первобытная и жестокая. Поэтому надо уметь защитить себя самому. На помощь взрослых можно рассчитывать, если угроза идёт от взрослых.

К примеру, меня чуть не убили, а может, и убили, кому это было интересно? я сказал: «не вмешивайтесь» и никто не вмешался.

С этими чёрными мыслями я и закончил зарядку.

На кухне я по — привычке сделал завтрак на четверых, найдя вчерашние котлеты, разогрел их на сковородке, добавил четыре яйца, и, разделив всё это на четыре части, решил никого не дожидаясь, позавтракать, чтобы раньше успеть в школу.

Не успел я приступить к завтраку, вошла мама, потрепала меня по голове, и спросила, куда я тороплюсь.

— Вчера не сделал домашние задания, надо перед уроками почитать, да списать, если кто даст.

— Тебе-то дадут, ещё и очередь выстроится, но это будет честно?

— Честно! Когда я списываю, то разбираю примеры, и всё понимаю.

— Тогда списывай. Юра сегодня с нами спал. Вернее, со мной, жалеет, что тебя до сих пор не научил какому-то там видению, говорит, тебе легче будет следить за мной.

— Странно, — сказал я, не донеся вилку до рта, — ничего такого мне он не говорил.

— Это ваши дела, спросишь у него сам. Папа сегодня будет дома, Юрик тоже.

— Ура! — шёпотом крикнул я, забирая вторую порцию со сковородки.

— А что мужчины будут есть? — укоризненно покачала головой мама.

— Двое мужчин не помрут возле полного холодильника! — вскинул я кулак над плечом. — Так что, не стесняйся, забирай тоже ненужную порцию, что-то маловато я сегодня приготовил.

Расправившись с завтраком, я позвонил Толику.

— Толик, привет! Письменные сделал? Ура! Приходи в школу пораньше, мне списать надо! Почему-почему... Лень было.

Быстро одевшись, я осмотрел себя со всех сторон в зеркале. Вроде всё сидит на мне хорошо, ладненько. Волосы вот опять отросли, когда меня последний раз стригли? Осенью. Может, отрастить? Да ну их! Голова чешется, ухаживай за ними! Я взял гребешок и поправил свою причёску.

Волосы наэлектризовались и слиплись. Я раздражённо взлохматил их ладонью и надел спортивную шапочку.

— Не замечала раньше за тобой... — Незаметно подошла мама.

— Да вот, смотрю, стричься пора, или нет.

— У Саши спроси.

— Да ему, хоть налысо...

— Не скажи, его совет, хоть и не решающий для тебя, но много значит, ты можешь узнать его ещё лучше.

— Ещё лучше? В этом что-то есть! Ладно, мамочка, я побежал! — я чмокнул маму в щёчку и побежал в школу.

Сегодня я прибежал рано, и Саша не ждал меня, как прежде, у дверей.

У турникета сидел наш охранник дядя Витя и читал газету.

— Дядя Витя! — окликнул я его, — скажешь Саше, что я в кабинете математики!

Дядя Витя важно кивнул: — Что-то ты сегодня рано?

— Домашние задания вчера забыл сделать!

Дядя Витя снова важно кивнул: — Бывает!

Толик уже сидел в классе, раскрыв тетрадку с математикой.

Я быстро достал свою и быстро начал скатывать примеры, а то сейчас набегут желающие.

Переписав почти всё, я почувствовал сладкое томление в груди, щёки запылали, губы сами собой растянулись в улыбку. Не поднимая головы, я спросил Толика:

— Давно он наблюдает за мной?

— Минут пять.

Я не выдержал и поднял голову. Саша стоял возле двери и тоже улыбался.

Поняв, что его раскрыли, он подошёл ко мне.

— Что, списываем? — съехидничал он, поцеловав меня.

Я вздохнул: — Заленился вчера, наверно устал.

Саша не стал обвинять меня во лжи, только спросил, во сколько мы сегодня будем репетировать.

— Саша, а что, если провести репетицию у тебя дома? — задумчиво произнёс я, — Сегодня папа в отгуле, отдыхать будет.

— Сегодня мои родители будут поздно, но ужинать нечем.

— Приготовим что-нибудь. Курица есть, картошка есть?

— Не знаю.

— На месте разберёмся, не будет, купим. Деньги есть?

— Деньги есть. Тысячи две.

— Тебя балуют.

Саша покраснел:

— Мама положила мне, сказала, чтобы я тебя чем-нибудь угостил, а я всё не решаюсь.

— Какой ты робкий. Но это к лучшему, потратим с пользой, зайдём в ближайший магазин, купим что-нибудь, пожарим курицу с картошкой.

— Ты умеешь?

— Научимся, — рассмеялся я.

— Здравствуйте, Саши, — мы не заметили, как вошла Антонина Павловна.

— Здравствуйте! — мы подскочили.

— Скоро звонок, — сообщила Антонина Павловна, — прощайтесь по-быстрому.

Уроки кончились успешно, меня вызывали, но я успел подготовиться, отвечал даже лучше, потому что прочитал только что.

После уроков я подошёл к Антонине Павловне и намекнул, что пора бы порепетировать со школьной группой, распеться, расплясаться, а то группа даже не знает, что играть. Антонина Павловна пообещала поспособствовать.

Перерывов в тренировках не было, потому что занимались на улице.

Проделав все положенные нагрузки, мы отправились домой к Саше.

По пути мы зашли в магазин, и я выбрал бройлера, а так — как Саша не знал содержимое холодильника, пришлось взять всё остальное, и картошку, и масло, даже соль, лук и сметану.

Разложив всё это на кухне, я поинтересовался, что будем сначала делать.

Мои поклонники сразу закричали, что умирают с голоду. Я не стал после уроков заходить домой, и ребята никуда не пошли.

— Саша курицу разделывает, Толик картошку чистит, я ищу сковородку.

Сковородку я нашёл самую большую, глубокую, прикинул по руке и спросил: — Как я выгляжу?

Ребята мельком взглянули и отвернулись, пожав плечами. Мальчики не поняли.

— А если со скалкой? — ага, начало доходить.

— Так встречают загулявших мужей, но мы-то не такие, — проговорил спокойно Толик, после чего шутить мне расхотелось.

— Ты что молчишь, Саша? Ты хоть понял, что сказал Толик? — спросил я.

— Да понял я. Толик согласен быть твоим вторым мужем.

— А что, — задумчиво сказал Толик, — Саша станет моряком. Не знаю, военным, или капитаном дальнего плавания. Вечно

будет в море, а тут я. Послушный, красивый, нежный, и никакой ревности, никакого тягостного ожидания...

— Ты... Ты... — не мог подобрать я слов.

— Вот так, Саша, оказывается, и тебя можно поставить в тупик, — спокойно сказал Саша, заканчивая разделявать курицу.

— Ах, так! — воскликнул я, размахивая сковородкой, — сговорились, за это обедать будете в ужин! Картошка почищена?

Я поставил сковородку на плиту, выложил на неё курицу и задумался, нарезая картошку.

Пацанов я отправил в большую комнату, чтобы сыгрались на гитарах, сейчас они наигрывали что-то мелодичное, не серенаду ли они собирались спеть под дверьми кухни?

Если подумать о будущем, Саша действительно пойдёт или в военное училище, или в МГУ, в смысле, Морской Государственный Университет.

Уйдёт в море... Да и до моря. Училища закрытые, МГУ во Владивостоке, или в Питере. Какова моя роль в его дальнейшей судьбе?

Кухня — кровать отменяется. Начинаются долгие расставания и короткие встречи.

Вот и вся романтика. Так что, как ни абсурдно предложение Толика, в этом что-то есть. Надо набирать гарем. Матриархат, так матриархат.

Заносит тебя что-то, Сашка, сказал я сам себе, ишь, размечтался. Может, не ограничишься двумя? Мечтать не вредно, а эти... Кстати, а что это они спелись? Очень подозрительно. Не делят меня, вернее, делят, когда вместе целуют, и я не скажу, что это мне неприятно!

Я засыпал картошку в сковородку, потому что курица уже обжарилась с двух сторон, распространяя одуряющий аромат. А как аромат действует на моих будущих мужей?

Я тихонько приоткрыл дверь, и у меня отвалилась челюсть: они устроились друг напротив друга, и очень мирно о чём-то беседовали, обняв свои гитары. Я закрыл дверь и пошёл помешать картошку. Невероятно. Они что, серьёзно?

Порезав лук, я развёл сметану, чтобы потом всё залить.

Ох, и вкусна же хрустящая картошечка! Я попробовал на соль, слегка подсолил, засыпал лук. Сейчас! Сейчас! Через несколько минут я всё залил сметаной и закрыл крышкой, пусть створжится.

Опять приоткрыв дверь, я посмотрел на ребят. Они что-то наигрывали, похоже, что вальс.

Наконец картошечка приобрела готовый вид, я разложил примерно одинаковые порции по тарелкам, воткнул ложки и нарезал хлеб.

Мальчишки всё музицировали.

— Мальчики, кушать, — позвал я. Это я опрометчиво. Меня чуть не сбили с ног, еле увернулся.

Горки картошки с курицей уничтожались с непостижимой скоростью, косточки хрустели под крепкими зубами. Я был напрочь забыт. Даже обидно. Я тут накрутил, неведь что, а они — жрать!

Наконец они отвалили, причём только после добавки, я налил всем чаю и поставил вазочку с печеньем. Ребята увлечённо захрустели печеньем. Прямо какой-то праздник живота.

— Что вы обсуждали, какой танец будем разучивать? — спросил я.

— Да какой сейчас танец... — Отдуваясь, сказал Толик, Саша кивнул, — накормил до одурения, теперь танцуй.

— Не груби э-э, хозяину гарема!

— И правда, не груби, — сказал Саша, а то вместо небольшого отдыха, мы будем плясать до упаду.

— Сколько времени? — спросил я, — пять уже есть?

— Да какие пять! — воскликнул Толик, — ещё четыре!

— Нам ещё уроки учить, теперь- то кто нам поможет?

— Ну маленько, Сашенька!

— Я согласен немножко прилечь.

— Да, пошли, в моей комнате отдохнём, потом здесь потанцуем.

Судя по блеску в их глазах, мне сейчас достанется немало ласк.

— Саша, у тебя найдётся, во что переодеться? Валяться в школьном костюме на кровати? Хорошо, на кухне фартук был.

— Тебе всё будет велико.

— Да, не подумали, танцевать тоже было бы легче в шортах и майке. В следующий раз обязательно возьмём сменку.

— Сейчас посмотрим в моём шкафу! — побежал Саша в свою комнату.

— Во! — уже бегают! — сказал я, значит сейчас потанцуем, — у Толика вытянулось лицо.

— Саша! — позвал меня мой Саша, иди, посмотри!

Я пришёл на его зов. Саша держал довольно миленький голубой костюмчик, шортики и лёгкую рубашечку, причём моего размера.

Я взял костюмчик и пошёл в ванную мерить.

Мы сегодня достаточно побегали, вспотели, поэтому я залез в ванну, хорошо отмылся, вытерся чьим-то полотенцем и оделся, не забыв заменить прокладочку.

Костюмчик пришёлся мне впору. Из зеркала смотрел симпатичный мальчик, и я представил, что таким, должно быть, выглядел Саша, год или два назад. В дверь постучали. Какие нетерпеливые! Погодите у меня! Вот вырасту... Будете ждать по часу, или два, пока макияж наведу!

Я вышел.

— Кто этот мальчик? — спросил Толик у Саши — Он прятался в вашей ванной?

— У меня в ванной ещё и девочки водятся! — заявил Саша, беря меня на руки.

— А вы не будете мыться? — спросил я, — мне не нравятся потные мужики.

— Толик уже залез, я ему тоже нашёл одежду, потом и я ополоснусь, действительно, какая хорошая идея, давно надо было так сделать! — он всё-таки не удержался, и поцеловал меня в губы. Я чуть не растаял.

Саша убежал в ванную, откуда скоро раздались возмущённые вопли и радостный хохот. «Вот дурни», подумал я, забираясь с ногами на кровать.

Мой взгляд привлёк портрет девочки, похожей на меня. Где Саша мог видеть её? В прошлом году, в Петербурге? Саша сказал, что видел меня во сне. Наверно, всё-таки где-то он с ней встречался, потом показалось, что видел чудный сон...

Мама что-то сказала по этому поводу, что, не помню.

Долго мальчики не плескались, скоро появились, вытирая на ходу волосы одним полотенцем.

— Нельзя одним полотенцем вытираться, поругаетесь! — сказал я, поворачиваясь к ним.

— Нам некогда ругаться, мы спешим к тебе! — воскликнул Саша, пристраиваясь на кровати у меня с правой стороны, Толик, тоже с ногами, залез слева. Перехватил мой взгляд, опять брошенный на рисунок, тоже заинтересовался.

— Это ты нарисовал? — спросил он Сашу.

— Да, — ответил он, — в прошлом году увидел во сне.

Я внимательно посмотрел на него: — Точно во сне? Может, где-то встречались?

— Может, и встречались, — легко согласился Саша, — ухватив губами моё ухо. Толик тем временем улёгся мне на колени и заставил гладить его влажные волосы.

Как ни странно, присутствие Толика было сглаживающим фактором, мне уже не хотелось наброситься на Сашу, как в прошлый раз, однако было чертовски приятно от их ухаживаний.

Казалось, прошло минут пятнадцать, когда вдруг в прихожей послышалось движение. Мы замерли. Потом Саша бесшумно вскочил на ноги, перехватил Толика за талию и поставил рядом.

Я посмотрел на них, и закрыл лицо, трясаясь от смеха: их шортики имели совсем неправильную форму.

— Где ваши рюкзак? — прошипел Саша.

— В прихожей! — шепнул я, успокаиваясь и вставая с кровати.

Саша быстро заправил кровать и вышел из комнаты.

— Саша, у тебя гости? — спросил женский голос.

— Да, у меня Саша и Толик, я рассказывал тебе о них. А что ты так рано?

— Не так уж и рано. Уже шесть часов. — Я ахнул.

— Мы поужинали, там осталось ещё тебе с папой, а нам ещё надо приготовить домашнее задание, а если останется время, порепетировать.

— Что вы будете танцевать?

— Вальс.

— Хорошо, ты познакомишь меня со своими друзьями?

— Да, проходи ко мне в комнату, они там прячутся.

Мама Саши вошла к нам в комнату.

— Дай угадаю, — попросила мамина Саши и замолчала в нерешительности.

Я посмотрел на Толика, и понял её сомнения.

Толика мы красили в негра, но за несколько умываний он осветлился, и стал цветом кожи, почти как я.

Сейчас, почти в одинаковых костюмчиках, я в голубом, Толик в красном, мы были действительно, похожи друг на друга.

Толик был даже больше похож на девочку.

— Не подсказывай, я должна сама разобраться!

— Тогда давай по поведению угадаешь, мы постараемся не называть друг — друга по имени, а ты следи за нами!

— Да, это хорошая игра на сообразительность, а то представляет мне двух хорошеньких мальчишек, и говорит: один из них — моя невеста. Угадай с одного раза! — Толик почему-то порозовел. «Сейчас выберут Толика в невесты!» — хихикнул я про себя, а вслух сказал: — Саша, принеси наши рюкзаки, время уже позднее, надо успеть хоть письменные задания сделать.

Саша умчался за рюкзаками.

— Ну вот, ты себя и выдала! — сказала мама Саши, подходя ко мне, — только твои просьбы он так охотно будет выполнять. Ну, здравствуй, Саша, меня зовут Елена Владимировна, — она подала мне руку. Я осторожно взял её в свою, не зная, как поступить.

— Боишься раздавить? — засмеялась мама Саши, — я слышана о ваших успехах в футболе и самбо, ты уверена, что девочке это необходимо?

— Сам себя не защитишь, никто не защитит, — немного хрипло ответил я, — Мужчины не так часто оказываются рядом.

— Как быстро ты угадала! — с досадой в голосе сказал Саша.

— Ты так умчался за её вещами, что сомнений больше не осталось.

— Мог попросить и Толик.

— Мог. Попросить.

— Всё ясно, в подкаблучники меня записала, — уныло сказал Саша.

Я слушал их и счастливо улыбался, мне было невероятно хорошо. Я взял Сашу за шею, слегка наклонил к себе и поцеловал, со словами: — Самый любимый подкаблучник! — после этого Саша был готов на всё.

— Ну ладно, молодёжь, — засмеялась Елена Владимировна, — я пойду, поужинаю, а вы займитесь уроками.

Мы расселись у стола и занялись решением задач.

После этих, довольно утомительных занятий, решили размяться ламбадой.

Пока настраивались, вошла мама Саши.

— Кто приготовил ужин? Саша? Как я тебе завидую, Саша! Как же теперь вас называть? Можно, я буду называть тебя Шурой? — спросила она меня.

— Можно. Только лучше Шуркой или Шуриком.

— Согласна, для такого сорванца больше подходит Шурка. Рецепт поделишься?

— Что там делиться! Одна курица, килограмма два картошки, лук, сметана, всё это жарится на сковороде.

Елена Владимировна рассмеялась: — Действительно, ничего сложного!

— Всё сложное сделали Саша и Толик, разделали курицу, почистили картошку, мне только осталось найти сковородку.

— Повезло тебе с друзьями.

— Несказанно, — согласился я.
— Вы собрались здесь устроить танцы? Здесь тесно, проходите в большую комнату, я тоже хочу посмотреть и на гитаре могу, жаль, пианино пришлось оставить.

С удовольствием посмотрев наши зажигательные танцы, Елена Владимировна принялась обучать меня вальсу.

Я не спускал глаз с Саши, и все па выполнялись сами собой.

— Ну и чему мне тебя учить?

— Механической отточенности, а не импровизации.

— На это времени не хватит, идите, с Сашей потанцуйте.

Но мы с Сашей уже соскучились, и вместо танцев начали целоваться.

Услышав возмущённые крики, пришлось, всё-таки танцевать, и, чем больше длился танец, тем летучее он был, мы опять никого не замечали.

И ничего. Время бежало, мы веселились.

— Ого! — сказала мама Саши — уже десять часов! — надеюсь, вы предупредили родителей? — это было для меня, как ушат холодной воды. Я опрометью кинулся к своему рюкзаку, достал телефон, открыл... Десять звонков!

Лихорадочно нажав вызов, с замиранием стал ждать ответа, и мне ответили:

— Где шляешься, безобразник? Почему не отвечаешь на звонки?

— Но, мама! Телефон в рюкзаке, мы репетировали у Саши, нам мама его аккомпанировала, было очень шумно...

— А самому позвонить? СМС скинуть? Ты — маленький негодяй. Тебя бы стоило посадить под домашний арест на все каникулы!

Сказать мне было нечего. Я только покаянно сопел.

— Ладно, одевайтесь и выходите, папа вас уже ждёт.

— Откуда вы...

— Не считай нас глупее себя. Всё, выходите.

Мы с Толиком молниеносно переоделись и пошли обуваться.

— Что, Шурка, попало? — сочувственно спросила мама Саша, — это я виновата, увлеклась с вами танцами.

— Ну что вы, Елена Владимировна! Хотя, вы правы, мы все здорово увлеклись, мне показалось, прошёл час!

Мы с Толиком раскланялись и побежали на улицу. Возле входа стоял папин джип. Мы торопливо уселись на заднее сиденье, и папа молча повёз нас по домам.

— У тебя дома как дела? — спросил я Толика. Тот показал мне большой палец.

Дома, когда я переоделся и помылся, решил немного покаяться перед мамой. Мама стояла на кухне. Я попробовал полезть ей под руку, но она отстранилась от меня и отвернулась, подойдя к окну.

Я сел за стол и разрыдался, размазывая слёзы и сопли по лицу, и был прощён. Мысленно. На самом деле я стоял столбом, и понимал, что хитростью выпрошенное прощение — не прощение, его надо заслужить.

Поэтому я пошёл к себе и стал раздеваться.

Юрик сидел за компьютером, и даже не посмотрел в мою сторону. Похоже, меня ждёт настоящий бойкот, а не придуманный.

Я уже лежал в постели, когда Юрка выключил компьютер и ушёл.

Ну что же, вздохнул я, заслужил сегодня опять лечь спать на голодный желудок.

Почему-то вспомнил, как специально не звонил домой, если задерживался на работе, как жена звонила мне и сердито приказывала бросать свою дурацкую работу, и ехать домой, и я, счастливый, как мальчишка, радостно возвращался к той, кто меня любил и ждал... Хорошо ли тебе сейчас, любимая? Вспомнилось уже без горечи, со светлой грустью. Она отпустила меня, и велела прожить новую жизнь счастливо.

Я вспомнил Сашу, и с радостной улыбкой быстро уснул.

Утром я опять проснулся в одиночестве. Потянувшись изо всех сил, решил сегодня опять прийти в школу пораньше. Быстро

вскочив с кровати, принялся её заправлять. Вот ещё один минус отсутствия Юрки, тот любил поваляться, и постель за ним заправляла мама. Ах, мама...

Зарядку я провёл опять с мыслью о Саше, не заметил, как все упражнения кончились. Пошёл смывать пот и думал, что до Нового Года осталась неделя, надо успеть отрепетировать со школьной группой, а мне ещё не ответили, утверждён ли мой план мероприятий. Разошёлся! Не утвердят, так не утвердят, зато, сколько радости доставили репетиции!

Но каковы мальчишки! Я прыснул, зажимая рот, чтобы не расхохотаться в голос: от горшка два вершка, а туда же! Нет, общение с ними мне тоже доставляет немалую радость, и даже сладость, так что нечего смеяться над больными людьми. Сам хорош!

Одевшись, я прошёл на кухню. Так, чем мама вчера баловала мужчин?

О! Фаршированные перцы!

Напевая, я наложил себе три больших перца, и поставил разогреваться. Обернулся, и увидел маму. Мама сидела за столом и грустно смотрела на меня. Настроение медленно упало. Я стоял, опустив голову, и молчал. Молчала и мама, наверно, придумывала наказание.

Тут запищала микроволновка, и я, достав тарелку, поставил тарелку на стол. Но есть я не мог, пока мама не разрешит.

— Почему вы вчера пошли к Саше?

— Ну не всегда же у нас дома толкаться. У них квартира, больше, я им курицу с картошкой пожарил, а то кушать было нечего, родители поздно приходят. Мы так увлеклись, что и Елена Владимировна не заметила, как время пролетело.

— А мне кажется, ты просто сбежал из дома, потому что у папы был отгул.

— Ну и... Зато Юрик с ним целый день общался, никто им не мешал. А то припёрлась бы опять целая кодла, начали бы песни орать, да пляски плясать. Чего хорошего?

— Н-да, — наверное, представила себе картину мама, — тогда, почему ты не позвонил, что задержишься?

— Ну, мама! Я же говорю: заигрались мы!

— Не мы, а ты. Саша был дома, Толик всем позвонил, только ты забыл.

Я опустил голову, чтобы блеск в глазах не выдал мою радость, но широкую улыбку не смог скрыть: я прощён!

— Посмотри на меня! — засмеялась мама. Я поднял голову со своей широкой улыбкой.

— Какие щёчки! — восхитилась мама, — наконец-то наел себе щёчки, да с ямочками! Саша, наверное, любит за них держаться! — мама взяла меня за щёки.

— Нет, они любят их целовать.

— Кто это они? — удивилась мама.

— Саша с Толиком. Саша — правую, Толик — левую. Знаешь, что они вчера учудили? Сговорились, и развели меня, как ребёнка. Сказали, что Толик согласен быть моим вторым мужем! Я подумал, что это хороший вариант.

— Да, весёлая у вас компания! Так что с Новым годом? Пригласил их?

— Нет, мамочка, папы не было, да и забыл я...

— А папу Толика?

— Мама, надо нам собраться всей семьёй, и решить, кого, сколько, или вы всё уже решили? А то я приглашу, а вы не готовы. Да и согласятся ли на моё приглашение?

— Родители Саши разве не захотят познакомиться?

— Они военные, и могут дежурить. Папа Толика ничего не может пить, Яна тоже.

— Мы тоже не алкоголики. По бокалу шампанского.

— Я думаю, лучше пригласить взрослых на первое число, а с ребятами мы встретим Новый Год вместе. Вот увидишь, как будет весело! Мы отработаем новогоднюю программу, для Юрика тоже номер придумаем.

— Что-то в этом есть. Ты завтракать-то будешь? Остыло уже всё!

В школе я подошёл к своей классной руководительнице, и спросил, когда мы сможем репетировать свои танцы с группой.

Антонина Павловна вздохнула. — Очень они загружены, старшие классы репетируют, заказы от директора, завуча.

— Ясно, — сказал я, — дети опять никому не нужны...

— Ну что ты опять говоришь?

— Что не так? Вы же говорите! Старшие, взрослые, они важнее. Ну и хорошо, пусть празднуют сами, мы и дома побудем.

— Саша!

— Что Саша? То придумай номер, потом оказывается, что всё время занято. Нам это надо? Надо. Мы неплохо провели время, и проведём ещё.

— Ну что ты обижаешься?

— Почему я обижаюсь? Я прыгаю от радости, разве не заметно.

— Заметно. Твой вальс с Сашей почти на первом месте, на остальное действительно нет времени, тем более что вальс группа может сыграть и без репетиции.

— Вы не знаете, от чего отказываетесь.

— Я верю, что это был бы гвоздь программы.

— Вот именно, что был бы. А вальс мне не хочется танцевать, его могут все, кто желает, танцевать, мне не жалко.

— Саша, ну перестань, успокойся, не злись на меня.

Но я уже надул губы. Толик до сих пор почти чёрный ходит на уроки, а им всё равно. Теперь, если даже разрешат, уже не хочется веселить народ.

— Ладно, — проговорил я, — не надо нам ничего, мы дома повеселимся. Что я, шут, народ веселить, просить будете, не буду выступать! — повернулся и пошёл.

— Саша, как ты так можешь разговаривать с учителем? Ну-ка, вернись!

Я вернулся, я любил Антонину Павловну, и она меня любила.

Почему я должен грубить и ссориться с ней?

— Простите меня, Антонина Павловна, я не должен был говорить, что думаю, я ведь ещё ребёнок...

— Опять ты за своё. Хорошо, я поговорю ещё раз с Алевтиной Андреевной.

— Зачем? — удивился я, — Я представил, как все будут хохотать над нашим номером, и мне стало неловко.

— Ты... Ты невыносим! — Антонина Павловна всё-таки обиделась.

Ну вот, и здесь всё испортил. Хотя всё равно нас не включили в программу. Сейчас уже самому идея сплясать ламбаду была не очень нормальной. Да ну их! Сейчас встречу Сашу! Я побежал, перемена маленькая, я и так столько времени на глупости потратил.

Саша меня уже ждал. Я обнял его, прижался:

— Я соскучился... соскучилась! Никак не привыкну.

— Называй себя, как хочешь, я тебя любую люблю.

Я хихикнул: — Ты ведь до сих пор не уверен...

— Уверен, я тебя по запаху отличаю.

— ?

— Ты вожак стаи, и удивляешься. Самцы и самки по — разному пахнут.

— Я самочка?

— Как я — самец.

— Ух, ты, мой...

— Денисова! — услышал я грозный окрик, и оглянулся. К нам подходила директриса: — Белов, сними Денисову с подоконника, что ты её всё время туда сажаешь?

— Так она повыше...

— Садитесь на скамеечку.

— Слушаюсь.

— Антонина Павловна сказала, что вы отказываетесь выступать на Новогоднем вечере, это так?

Саша испуганно посмотрел на меня.

— Я смотрю, Белов даже не в курсе.

— А что случилось, Саша?

- Да, да, пусть всё расскажет.
- Так, пустое. Я спросил... спросила у Антонины Павловны, когда мы будем репетировать с группой, мне сказали, что группой заняты взрослые, тогда я и подумал, зачем нам выступать, для нас это прекрасно сделают взрослые, а мы будем смотреть и радоваться. В чём проблема?
- Но вы уже заявлены на танец, — неуверенно сказала директриса.
- Зачем нас заявлять? Будут танцы, и мы будем танцевать, если разрешат малышне...
- Денисова, это твоё последнее слово?
- Я не пойму, Алевтина Андреевна, что вы от нас хотите? Вы же отказали нам в выступлении?!
- Мы просто сократили ваши номера до одного.
- Они связаны.
- Как может быть связаны ламбада, и вальс Ледяной Принцессы?
- Людьями.
- А, поняла, Зверев, второй поклонник Денисовой, — она с интересом посмотрела на меня: — И как это вы...
- Обратите внимание, Алевтина Андреевна, мы ещё дети, и взрослые глупости нас не касаются. Мы пока только дружим.
- Ну да, ну да. Я почему-то уверена, что у вас всё серьёзно.
- Настолько, насколько возможно в нашем возрасте, — отрезал я.
- Вообще, интересно было бы посмотреть, что вы придумали.
- Увы, это невозможно, вот если бы это было пионерским заданием...
- Что ты постоянно вспоминаешь о пионерах?
- В прошлой жизни я был пионером. Разве плохо: «Перед лицом своих товарищей торжественно обещаю: быть честным, смелым», ну и так далее.
- Клятва юного пионера.
- Понятно с тобой всё, Денисова, а с тобой, Белов, думаю, разговаривать бесполезно? — Саша пожал плечами.

Алевтина Андреевна удалилась. Прозвенел звонок.

- Отняла у нас столько времени, — вздохнул я.
- Зачем ты это сделала? — спросил Саша.
- Что я сделала?
- Отказалась от выступления.
- Это не я отказалась, они не разрешили.
- Ну и ладно, дома повеселимся.
- И я так думаю.

На урок Антонина Павловна пришла с небольшой задержкой. Разрешив сесть, она сразу сказала:

- Денисова, к доске.

Я встал, и вышел к доске, взял мел, приготовился писать задание.

— Так, Денисова, тебе придётся сменить форму, так решили на педсовете.

- Чем вас не устраивает эта? — удивился я.

— С завтрашнего дня ты должна ходить в форме, соответствующей твоему полу.

— Во — первых, — задумчиво сказал я, — до завтра я не успею, а во-вторых, Антонина Павловна, неужели вы действительно хотите заставить меня ходить по морозу в одной юбке?

- Почему в одной юбке? наденешь рейтузы.

— Честно говоря, я и сейчас в рейтузах, и не скажу, что вспотел, даже в штанах. Холодно на улице. Да и год заканчивается.

- Что изменится после каникул?

Я вздохнул, обвёл взглядом класс, такие родные, милые, и даже где-то любимые лица, и ответил:

- Я ухожу из этой школы.

В классе повисла мёртвая тишина.

Первым подскочил Толик:

- Почему ты молчал?!

— Не собирался делать это так скоро. Родители летом будут переезжать в другой район, папе дают там квартиру.

- Ну и ездил бы оттуда!

— Ты же видишь, меня выгоняют из школы.
— Кто тебя выгоняет? — вскричала Антонина Павловна, — сам выдумываешь неизвестно что.
— Вы прекрасно знаете, что я не буду менять форму.
— А в другой школе будешь?
— Там мне будет всё равно, там у меня нет друзей.
— Ты здесь завоевал авторитет, уважение друзей, у тебя здесь любимый человек, наконец, — сказала Антонина Павловна, теряя боевой настрой.

— Авторитет и уважение можно завоевать везде, я ещё достаточно молод, но учиться там, где меня хотят унижить, я не буду.

— Разве быть девочкой — унижение?

— Я слишком долго и болезненно доказывал своё право носить этот костюм, чтобы так легко от него отказываться. Всё равно, что боевого офицера заставить надеть женское платье.

Толик вышел к доске и взял меня за руку. Поднялась вся моя стая, затем зашевелился весь класс, молча выстраиваясь возле доски. Мне даже пришлось посторониться, и встать, напротив.

Мы молчали и смотрели друг на друга. Неожиданно дверь раскрылась, и вошла Алевтина Андреевна: — Что это у вас? Насколько я понимаю, Денисова организывает хор? Вот для хора на ёлке точно не будет места. Готовься, Денисова, к выступлению, твоё участие утверждено большинством. Что ты собираешься делать с формой? — я пожал плечами:

— Доношу до конца занятий, потом купим новую.

— Ну и правильно. Ты сейчас начнёшь расти, осенью уже надо покупать другую. И что вы собирались петь?

Я запел первое, что пришло на ум: — Если снежинка не растает, пока снежинка не растает, когда часы двенадцать бьют! — «хор» подхватил:

— Когда часы двенадцать бьют!!!

— Какой у тебя замечательный голос, Саша! «Хорошо, что ты не мальчик, — Ладно, занимайтесь, не буду вам мешать», — сказала она и ушла.

Антонина Павловна сидела, покрасневшая. — Я понимал её.

Выставила её директриса в неприглядном свете. Моё к ней отношение не изменится, а что касается ребят, ничего сказать не могу.

— Ты, Саша, тоже садись.

— Но я знаю тему!

— Зато я её забыла! — повысил голос учительница. — Что, вас отпустить репетировать?

— Не надо, у нас ещё тренировки, мы собираемся вечером. Сейчас у Саши Белова, там просторнее, и родителей почти никогда нет, — сказал я.

— Где же вы обедаете?

— Обедать нам сейчас некогда, но ужин я им готовлю.

— Заработаете себе гастриты. Почему не обедаете в школьной столовой?

— Не хочется терять время в очереди, мы лучше... — я покраснел.

— Понятно, домой бегать далеко. Куда вы так торопитесь?

— Жизнь коротка, особенно детская, надо всё успеть, всё попробовать!

— Пробуйте, ребята, только не во вред себе.

Папа Саши оказался где — то на сборах, поэтому мы опять без помех веселились. Сегодня мы всех предупредили заранее, что задержимся допоздна, тогда мама милостиво согласилась прислать за нами папу.

Ребята опять загнали меня на кухню, готовить.

Когда ещё шли, я предложил сварить куриный суп с домашней лапшой, но, так — как домашнюю лапшу делать долго, а кушать хочется быстро, купили сухую. Быстренько сварив окорочок и картошку, опустил в кастрюлю

лапшу, добавил специй, и скоро суп был готов.

Как всегда, супа оказалось маловато. Я еле вырвал у голодных ребят кастрюлю, чтобы накормить маму Саши.

Когда мальчики предложили поваляться на кровати, я сослался на больную голову, чем вызвал взрыв хохота.

Уставшие, но довольные, расходились мы в этот вечер. Папа,

как и обещала мама, ждал нас у входа. Он развёз нас по домам, ни вопросом, ни советом не потревожив нас.

За ужином я спросил маму, когда мы будем переезжать, и в какой район.

— У папы спроси.

— Папа со мной не разговаривает, он объявил мне бойкот, по неизвестной мне причине.

Папа покосился на меня, но промолчал.

— Как-то дико выглядит — воевать с собственным ребёнком, — продолжил я.

Папа больше не стал на меня смотреть, он отложил свою ложку и вышел.

Я пожал плечами:

— Теперь-то что не так? Я хотел объясниться. Теперь мне пешком домой ночью ходить? — мама молчала.

— Папа всё делает, чтобы мама не волновалась.

— Да помолчи ты! — с досадой отозвалась мама, — больше не будем тебя ждать, лучше поужинаем одни.

— Ну и... Я никого не просил меня ни ждать, ни подвозить. Я могу о себе позаботиться. Если вопросов больше нет, позвольте мне пойти спать.

— Иди. Больше не зовёшь маму поцеловать на ночь?

— А ты придёшь? — спросил я с надеждой.

— Нет, наверно.

— Потому и не прошу. Юрика забираешь?

— Юрик сам выбирает, где ему спать.

— Тогда позвольте откланяться, — я ушёл в свою комнату, с досадой думая о том, что же разладилось в нашей семье. С папой мы давно не ладили, однако с мамой и Юриком у нас были прекрасные отношения. Может, я что-то не знаю?

Утром в своей постели я обнаружил Юрика, прижавшегося ко мне всем своим хрупким телом, вот эта хрупкость мне почему-то не понравилась.

Я дотянулся до ночника, висевшего у меня в изголовье, и внимательно посмотрел на Юрку. Тот сморщился и распахнул огромные глаза. Огромные из-за больших синих кругов. Я вскочил и откинул одеяло. Самые мои худшие опасения оправдались: Юрик исхудал так, что все кости были видны сквозь кожу.

— Ты что с собой делаешь! — прошипел я, — Чем тебе помочь? Кушать?

— Да, я сильно хочу есть.

Я подхватился, как был, в одних плавочках, забыв про умывальник и всё остальное. Что самое калорийное? Сало! Я открыл холодильник, и нашёл свинину, купленную на новогодние праздники. Положив его в микроволновку разогреться, побежал скорее умыться, чтобы глаза открылись. Ледяная вода и мятная зубная паста сделали своё дело.

Я прибежал на кухню, вынул мясо, и стал быстро нарезать его кубиками, тут же вынул большую сковородку, поставил на конфорку и засыпал её салом, чтобы вытопился жир, пока жарится сало, я достал картошку, и со всей возможной скоростью начал её чистить. Пришёл Юрик. Он встал рядом со мной и обнял за талию.

От жалости я чуть не заплакал.

— Давай сядем, — прошептал я. Юрик, молча, кивнул. Я сел на стульчик, Юрка забрался на колени, и прижался ко мне. Волна нежности к маленькому брату охватила меня. Я зарылся лицом ему в макушку, вдыхая его чистый мальчишеский аромат.

Сало между тем зашкворчало. Пришлось пересадить братика к столу и заняться мясом. Забросив оставшееся мясо в сковородку, я дочистил картошку, помыл и порезал, поглядывая на Юрку. Тот выглядел неважно. Лихорадочно блестели глаза, он шумно дышал. Мои руки замелькали ещё быстрее. Помешав мясо, я снова взял братика на руки, отогревая его своим телом. На моих руках ему становилось явно легче.

— А ещё говорил, что от меня ты не можешь набираться сил, — тихонько сказал я, — я даже чувствую, что тебе легче у меня на руках.

— От тебя исходит такая волна нежности. Она всё равно растворяется в пространстве, почему бы не воспользоваться? Сильные эмоции хорошо помогают. Радость, любовь.

— От моей любви ты должен был лопаться от силы, а ты как скелет.

— Вас не было уже несколько дней...

— Маленький мой, — всё же потекли у меня слёзы, — Ты мог мне сказать?

Мы там радуемся жизни, а ты, можно сказать, погибаешь.

— Я не ожидал, не рассчитал сил.

— Посиди чуть-чуть, сейчас я с мясом, а то тебя жиром горячим забрызгает.

Мясо уже обжарилось, я засыпал в сковородку картошку, посолил, закрыл крышкой и снова взял Юрика на руки.

— Что у вас тут происходит? — к нам зашла мама, кутаясь в халат, — так проголодались, что про зарядку забыл? Такой запах! всех разбудил. Почему вы голые? Надень хоть фартук, Саша, обожжётся горячим маслом. Дай мне Юрика.

— Тебе нельзя, мама, — отстранился я от неё, — тебе лучше лечь, мы тут сами.

— Почему это? — удивилась мама.

— Прости, мама, но ты высасываешь из него жизнь.

— Как это? — ужаснулась мама.

— Не волнуйся, мам, — прошептал Юрик, — Саша справится, он сильный.

Не зная, что сказать на наши слова, мама, молча, удалилась к себе.

Папа что-то спросил, мама что-то ответила, я их не слушал.

— Тебе как, с корочкой? Или пропарить в сметане?

— С корочкой. И со сметаной.

Я поворошил картошку, почти готово.

— А если тебя целовать, тебе будет легче?

Юрка потихоньку засмеялся, — мне от тебя по любому будет лучше.

Я стал целовать его провалившиеся глаза, его веки смешно

щекотали мне губы, а я с трудом сдерживал слёзы, потому что Юрик попросил не плакать.

Я набрал картошки с хрустящей корочкой и мясом Юрику, остальную залил сметаной, посадил Юру на колени и стал кормить его с ложечки.

Он пофыркивал, но не отказывался, кушал с удовольствием. Себя я тоже не обижал. Съев первую порцию, наложил уже готовую вторую. Эту мы уничтожили так же.

— Не пойду, сегодня в школу, — решил я, и Толика вызову, и Сашу. Буду тебя лечить, заодно и порепетируем.

— Если всё получится, это будет идеальный вариант, — пощекотал мне ухо братик.

— Давай, я налью тебе чай, а сам сбегая в туалет. Сил уже нет терпеть.

— Я тоже хочу.

— Сильно, или потерпишь?

— Потерплю, — вздохнул Юрка, — давай свой чай.

— Мама, — вышел я из кухни, — позвони, пожалуйста, Антонине Павловне, отпроси меня и Толика, Саше я сам позвоню.

— Всё так серьёзно? — спросила меня мама уже в дверь туалета.

— Ещё серьёзнее, чем ты думаешь. Не подходите пока к Юрику, он очень слаб.

— Нам бы позавтракать.

— Попросите Юрика пройти в нашу комнату.

По — быстрому сделав свои дела, сходил за Юркой, потом зашёл к родителям.

— Спасибо тебе за завтрак, Саша, так вкусно ещё мы не ели, — улыбнулась мне мама. Как Юрик?

— В туалете. Отпросила нас?

— Ещё рано, обязательно позвоню, и про Сашу скажу, а что у вас с отметками?

— Уже все выставлены. Купи ещё мяса, хорошо?

— Куплю. Может, составишь список?

— Составлю. Проведу ревизию, и составлю.

Я нашёл свой телефон и стал обзванивать друзей.

— Саша, отпросись, пожалуйста, с уроков, и приезжай ко мне, да, очень важно, у меня братик заболел, мы будем его лечить. Это не шутка, это очень серьёзно. Сейчас я ещё Толику позвоню.

Юрка вышел из ванной, я взял его на руки и понёс в свою комнату.

— Нам лучше лечь?

— Нет, у тебя на руках лучше. Смотри, я уже не синий.

Лицо у Юрика действительно, начало принимать нормальный цвет.

— Сейчас придут ребята, я тебя отдам им, а сам что —нибудь приготовлю.

— Будешь борщ?

Голова Юрки на моём плече утвердительно качнулась: — Из твоих рук я готов всё съесть, что ни сготовишь.

— Ты теперь всегда будешь есть из моих рук?

— Ага!

— Так ты никогда не поправишься.

— Ага! — весело отозвался Юрик.

— Я подозреваю, ты специально изводил себя, чтобы побыть маленьким ребёнком.

— Если бы я знал, что ты будешь со мной так возиться, я бы сделал это намного раньше! — прошептал маленький негодник мне в ухо.

— Пошли, поищем, из чего нам варить борщ.

Обыскали мы всю кухню, куплено было много всего, так что овощи и мясо нашли. Заодно перетряхнули запасы, и, чтобы не терять время, мы с Юриком составили довольно длинный список необходимых покупок.

— Сейчас я шортики надену, Саша уже по лестнице поднимается.

— Ты его видишь, слышишь, или чувствуешь присутствие? — спросил Юрик.

Я затруднился ответить. Это невозможно описать словами. Тогда я попытался передать Юрке образ «понимания». Юрка удо-

влетворённо кивнул. — Скорее бы, — прошептал он, — у тебя открылись глаза, нам было бы гораздо легче, не пришлось бы друг друга вытаскивать.

Я пошёл в прихожую, Саша уже подходил к нашей двери

«Только я буду его слышать, или он меня тоже?»

«Пока только ты»

«А с тобой?»

«Только при тесном контакте»

Мыслеобмен длился доли секунды, я даже не понял, что мы не разговариваем, как обычно.

Я открыл дверь, когда Саша протянул руку к звонку.

— О! — удивился Саша, — а что вы такие... Голые?

— Заходи и раздевайся, — сказал я, — нужен тесный контакт, чтобы передать силы больному.

— Может, помыться?

— Можно и помыться, давай, поспеши, я Юрика с шести утра ношу.

«А Толика ты не можешь увидеть?»

Я представил Толика, но ничего не получилось.

«С Сашей вы начали срастаться душой»

«А с тобой?»

«С тобой мы давно общаемся, ты просто не замечал этого»

Саша смущённо вышел из ванной в одних трусиках: — У тебя есть во что одеться?

— Пойдём, посмотрим, может, куплено что на вырост

Мы выбрали ему трикотажные шортики, и я передал Юрку с рук на руки, только теперь поняв, какой груз всё это время держал.

— Ого! — сказал Саша, — как ты его столько времени носила?

— Поверь, если будет надо, я и тебя буду носить на руках, чтобы ты поправился! — Юрик важно кивнул:

— Саша у нас такой.

— Что тебе надо, чтобы сила Саши переходила к тебе? — спросил я Юрку.

— Пусть сидит и смотрит на тебя.

— Тогда пошли на кухню, я буду готовить, а Саша наблюдать.

— Я готов это делать всю жизнь, — заметил Саша.

Не успели мы расположиться, как пришёл Толик.

Толика я сразу отправил в магазин со списком. Потом зазвонил мой сотовый. Звонила мама.

— Посмотри в прихожей на тумбочке в записной книжке. Папа там оставил деньги, если надо что-то купить.

— Спасибо, я только что послал Толика с той мелочью, что натрясли из карманов.

— Ничего, сбегаете ещё.

— Хорошо, целую тебя, мама.

— Как там Юрик?

— Потихонечку поправляется, сейчас он с Сашей, я варю борщ, думаю, придёт Толик, передоверить это занятие ему, а самому опять заняться Юриком.

— Смотри, сам не свались!

— Не свалюсь, у меня есть Саша.

— Это меня и настораживает! — засмеялась мама.

— Всё, мама, не могу больше говорить, плита зовёт.

— Удачи! — я чмокнул трубку, и побежал на кухню.

Поставив овощи тушиться на сковороде, я сел возле Саши, и обнял его вместе с Юриком.

«Целуйтесь», приказал Юрик. Я посмотрел в радостные глаза Саши, и нам не понадобились слова, ни мысленные, ни простые.

Пришёл Толик, посмотрел на нас, покачал головой:

— Эгоисты какие, не могли меня дождаться! — кинулся к нам.

Юрик громко и радостно рассмеялся.

Мы всё-таки сварили борщ!

Хотя иногда выпадали из времени. За два часа Юрик пришёл в себя, и мог уже без посторонней помощи передвигаться по квартире, но дурачился, и просил меня кормить его с ложечки. Я не отказался, мне почему-то тоже это действие доставляло радость, на меня смотрели мальчишки, и завидовали.

— Саша, твои родители не собираются подарить тебе брата или сестру? — спросил я.

— Сколько я их просил, сколько слёз пролил... — отозвался Саша.

— А у нас, кажется, всё идёт к тому, — задумчиво произнёс Толик.

— Ты что ли, не рад? — Толик пожал плечами: — если я буду с вами, мне всё равно, — я только вздохнул.

— Толик, ты всё купил? денег хватило?

— Не хватило, конечно, но основное я взял.

— Посмотри в прихожей в записной книжке, мне что-то оставили родители.

Толик сходил и принёс пятитысячную купюру: — с такими деньгами только ходить по магазинам.

— Придётся Саше с тобой сходить. Поищите кальмар, тунца в консервах, рыбы, желательно красной, можно камбалы. Если бы вы знали, как я соскучился по рыбе! Купите селёдки тихоокеанской.

Ничего они не купили. Придётся напрягать папу.

Отдохнув после сытного обеда, мы занялись танцами. Заняли Юрика в одной из сцен. Мы даже решили использовать Юрку на маскараде, если позволят. Уже вечером договорились взять с собой спортивную форму, чтобы провести репетицию в спортзале.

Вечером, накормив свою семью, я спросил папу: — Пап, ты можешь купить

морепродуктов? Я соскучился по рыбе, кальмару, морской капусте и красной икре.

Папа подавился и закашлялся.

— Красную икру лучше мороженную, или рыбу с икрой, я её почищу и посолю. В банках не надо, она вся пересолена... Что вы на меня так смотрите? Я правду говорю!

— До Нового Года два дня! — наконец прокашлялся папа, — надо было раньше

заказывать. Сейчас не обещаю.

— Раньше всё было недосуг. Всё какие-то заботы. Хотя бы кальмара, филе, или в тушках, я бы наделал салат со сметаной, потушил бы с луком и картофельным пюре...

— Саша, ты так вкусно рассказываешь, что я готова сейчас же послать папу на лов рыбы. Мне ещё больше хочется рыбы, чем Саше!

Папа сердито посмотрел на меня, но я притворился невинным ребёнком, ничего не знающим и непонятливым.

— Придётся постараться, если маме так хочется.

— И селёдки! Копчёной, солёной, или провесной! — выпалил я.

— Откуда ты только эти га... кхм, слова берёшь? Давай карандаш и бумагу, буду ваши заказы записывать.

— Я напишу! — вскочил я.

— Напишешь! — скривился папа, — как курица лапой, стыдно будет показать.

— У меня четвёрки по русскому, — надулся я.

— Вот и тащи тетрадь, мне листок нужен.

Я сбегал за чистой тетрадкой и ручкой и отдал всё папе.

— Не вижу твоих записей, — ехидно сказал папа.

— Не могу же я вырывать листы из рабочей тетради!

— Ладно-ладно, не оправдывайся, диктуй, давай.

Я мстительно надиктовал на две страницы

— Ты специально всё это выучил?

— Зачем учил? Не надо учил... Я могу из этих продуктов приготовить что-нибудь вкусное.

Юрик в это время перебрался ко мне на колени и тихонько мурлыкал, сияя от счастья.

— Ты просто соскучился, маленький проказник! — прошептал я, крепче прижимая братика к себе, и потёрся щекой о его колючую макушку.

— И это тоже.

Родители с удовольствием смотрели на нас.

— Совсем не даёте мне времени на личную жизнь! — притворно вздохнул я.

— Что делать, если без тебя нам всем плохо, — произнесла мама.

— Буду забирать с собой братика.

— И маму, — сказал братик.

— А папа сам придёт, — добавил папа.

— Нам нужна большая квартира, — вздохнул я, — у меня будет два мужа...

Юрик так и не отстал от меня, только что не попросился со мной в ванную.

В постели плотненько прижался ко мне, как будто слился. Я с грустью подумал, что прежде что-то сделать, надо подумать о семье. Даже будучи ребёнком, ты ответственен за неё.

В школе ко мне подошёл дядя Коля и прямо спросил:

— Саша, ты мальчик, или девочка?

— Это сложный философский вопрос...

— Оставим философию в покое.

— Смотря, с какой целью вы спрашиваете.

— Нас отправляют на спортивные сборы, ты заявлен на выступление с мальчишеской командой, и тут я узнаю...

— Так на кого я похож? — я почувствовал неприятную сухость во рту.

— Я уже не верю своим глазам. Тебе придётся принести свидетельство о рождении.

— И что тогда?

— Тогда у меня будут проблемы.

— Я не понимаю, в чём проблема? Мы же не мальчика вместо девочки подсовываем!

— Комиссии всё равно, кого мы подсовываем вместо кого. Если всё выйдет наружу, результаты аннулируют. Да, теперь я понимаю, как вам удалось нас охмурить. Ох уж это женское коварство!

— Вы жалеете? — спросил я хмуро.

— Жалеть не жалею, но обман есть обман.

— Никакого обмана не было, все знают, кто я, да и менять

свой стиль из-за пьяниц я тогда не собирался.

Дядя Коля крикнул.

— Этот случай мы замнём, что делать со сборами?

— Может, мне заболеть?

— А кого я выставлю вместо тебя?

— В женскую команду?

— Опять же, придётся доказывать, что ты девочка. Твои повадки, ухватки, стиль борьбы, выдают в тебе мальчишку.

— Доказательство у меня всегда с собой...

— Только этого мне не хватало.

— Вы меня ставите в тупик.

— Это ты поставил меня в безвыходное положение. Надо было тренировать тебя с девочками.

— Мне не надо с девочками, я всегда хотел с ребятами, для этого и собирал команду.

— К тому же, ты капитан! — взялся за голову дядя Коля, — зарезал.

— Мне подделать свидетельство?

— Мне не до шуток.

— Я вижу один выход...

— И что же за выход?

— Оставить всё, как есть. Мы боремся не за бумажки, а за результаты. Если судьи аннулируют результаты из-за того, что девочка победила мальчишек, они покроют себя позором на весь Союз. Мы выложим в интернет свои бои, а если результаты аннулируют, комментарии к ним.

— Мне бы хотелось и кубок в шкаф.

— Вы так в нас уверены, — рассмеялся я, что пойду сейчас всех настраивать только на победу. Победа, или смерть! — вскинул я кулак.

На большой перемене я собрал свою команду, включая Сашу.

— Ребята, — сказал я и задумался. Не мог дядя Коля раньше предупредить!

Но будем работать с тем, что имеем.

— Ребята! Нас приглашают на спортивные сборы зимними каникулами...

— Ура!! — закричали ребята. Я подождал, пока все успокоятся, и продолжил:

— Всё это, конечно, хорошо, я согласен. Есть одно небольшое «но». Даже два. Первое, наш тренер согласен только на победу, мечтает он поставить кубок в школьный шкаф призов, и чтобы никто на него не покусился.

— Кто может покушаться на завоёванный приз? — удивился Саша.

— Потому что я тоже должен участвовать.

Ребята молчали, недоумённо глядя на меня.

— Ну и что? — спросил Генка, — девчонки в теме?

— В теме. Ответьте мне тогда, в какой команде мне выступать? Сначала стали кричать, что с мальчиками, потом наоборот.

— Наверно, будет медосмотр, — предположила Лена Казакова, капитан девчоночьей команды.

— Медосмотр не главное, трусы с детей никто снимать не будет, в мальчишеских трусиках мне никакой медосмотр не страшен. Страшны слухи. Многие, кто будет на сборах, нашу команду знают. Нас могут дисквалифицировать за обман.

— Выступай за девочек.

— Понятно. Представьте, выхожу я на татами, против меня ставят девочку.

Послышались смешки.

— Вот именно, опять подумают про подставу.

— Что будем делать?

— Снимать наши бои на видео, и выкладывать в интернет. Кто займётся?

— Я, — сказал Борька Гуревич, — у нас есть полупрофессиональная камера, лица видно будет замечательно, никто не придерётся.

— Осталось дело за малым, — сказал я, — победить. Особенно это касается меня. Надо тренироваться, а времени уже нет.

— Мы в тебя верим, капитан!

— Надо ещё встретить Новый год! Дел неспорно. Саша, Толик, не забудьте, сегодня в восемь вечера у нас прогон представления.

— Уже забыли! — проворчал Толик, — где ужинать будем?

— У меня. Какая разница, где бы ни были, мне готовить, работодателям!

«Работодатели» радостно загоготали.

Говорят, не рой другому яму. Когда мы вернулись из заснеженного леса, чуть живые после бега по сугробам, нас ждала мороженая рыба.

Папы не было, а была мама, которая не знала, что с этой рыбой делать.

Вместо того чтобы ужинать, пришлось взять руководство на себя.

— Здесь полблока сельди, — разморозить в тазике, потом посолю сухой засолкой, если есть соль. Красную рыбу. Решайте, будем солить, или жарить. С икрой? Вечером засолю, завтра попробуем. Кальмар. Размораживайте. Кальмаром вынужден буду заняться я лично, ни у кого нет опыта.

Закончив с инструктажем, мы наскоро перекусили, и, захватив Юрика, побежали на репетицию.

В спортзале было немало народу, музыканты возились с аппаратурой, учителя отдавали распоряжения, ребята носились туда-сюда.

— Ага, вот и наши танцоры, — заметила нас директриса.

— Алевтина Андреевна, какой же сюрприз с такой толпой?! — возмутился я.

— Не волнуйся, Саша, всё это только актив, они уже не такое видели.

— Такого они ещё не видели. Придётся выступать в спортивных костюмах, и масках. Главный сюрприз надо припрятать даже от вас.

— Умеешь ты заинтриговать, Денисов! Кстати, как у вас со сборами?

— Почти решили, — вздохнул я.

— Что вздыхаешь? Какие-то проблемы?

— Решаем. Я ведь хотел всего лишь занять ребят спортом, чтобы было интересно, весело, быть здоровыми и сильными, а не олимпийским резервом. Я ещё тут. И со мной нельзя, и без меня нельзя. Я капитан мальчишеской команды.

До Алевтины Андреевны дошёл юмор ситуации, и она весело рассмеялась:

— С тобой, Саша, не соскучишься! Надо приложить все силы, чтобы оставить тебя в своей школе! Это надо же! Ха — ха!

— Вот вы смеётесь, Алевтина Андреевна, а ваш Вовик в моей команде.

— Да ну тебя, Саша! Я теперь даже не переживаю за первое место по самбо, ха-ха-ха! — ушла от нас директриса.

— Какой весёлый у вас директор! — восхитился Юрка.

— Тебе здесь не учиться, — заметил я.

— Где ты будешь учиться, там и я!

— Учёного учить, только портить!

— Это я вижу! — отбежав от меня, крикнул маленький злодей.

— Сейчас наряжу в девочку, и будешь у меня танцевать ламбаду!

— Фигушки! Не поймаете!

— Ловить его ещё! отъелся на моих харчах, — проворчал я, направляясь к музыкантам. С руководителем группы мы уже были знакомы по осени, долго не раздумывая, сыграли нам «ламбаду».

Мы одобрили и пошли переодеваться. В раздевалке решили, что настоящие костюмы наденем на праздник, а здесь будем танцевать в спортивных белых трусиках и майках. Зато не будет жарко.

На нашу репетицию, под задорную музыку, сбегались все зеваки. Танцевали поочерёдно Саша с Толиком, а я без очереди, сначала ламбаду, потом вальс, для которого освободили почти весь зал.

Потому что, стоило нам сделать пару шагов, с нами случалось волшебное превращение. Мы не видели никого и ничего, кроме

партнёра. Если ламбаду смотреть было в нашем наряде вполне естественно, то на вальс в трусах я бы хотел посмотреть. Надо будет конфисковать мобильник у кого-нибудь. Потом ребята, не спрашивая, сыграли нам танго. Мы не заметили, как станцевали танго.

— Почему я была против? — задумчиво произнесла Алевтина Андреевна, — Может, сделаем бенефис?

Все закричали: — сделаем! Потому что они всех затмят! — но мне уже было не до бенефиса, добрёл до матов, и рухнул вниз лицом, блаженно раскинув руки. Думаете, дали отдохнуть? Налетели испуганные товарищи и подняли на ноги! Иди — танцуй! Для тебя сделали исключение, а ты увливаешь.

Потом какой-то умник вспомнил, что я хорошо пою.

Пришлось спеть. Я пел «Куда уходит детство», стояла мёртвая тишина, некоторые утирали слёзы. Юрик уже сидел на руках у Саши.

Попросили спеть ещё, я сказал, что буду петь, пока не охрипну, лишь бы потом больше не просили. Отстали.

Домой меня притащили чуть живого. Долго спорили, кто будет меня мыть в ванной, пока я не набрался сил и не удрал от них.

Залез в ванну и сидел, отмокал. Ребята тоже здорово устали, только Юрик скакал, как козлик, я слышал сквозь дрёму.

Проснулся я от своего будильника под подушкой. Рядом сопел Юрик.

Прислушавшись, услышал ещё чьё-то дыхание. Потянувшись, почувствовал радость от прилива сил в мышцах и детскую радость жизни.

Потихоньку, чтобы не разбудить Юрку, вылез из-под одеяла, и, не сразу, но заметил, что трусиков на мне нет.

Куда они делись? Под подушкой нет... Начал вспоминать. Я заснул в ванне! Кто-то меня вытер и перенёс сюда. Папа? Разглядел внимательно мою принадлежность? Я покраснел, и начал пробираться к шкафу. Дорогу преградил топчан, сложенный из стульев. На втором ярусе тоже кто-то спал. Ловушка!

Пойти в ванную, поискать там? Идти голым... голый через родительскую комнату? Подумаешь! Я и так собирался делать зарядку голышом. Всё рано все спят. Интересно, кто спит на стульях? Саша? Перелезть через него в таком виде? Весьма пикантно... Но время идёт! Глаза немного привыкли к темноте, и я обнаружил немного места, где можно было пробраться к шкафу с одеждой. С трудом пробравшись, достал трусики с маечкой, благополучно покинул ловушку.

Одевшись, я начал потешаться над собой. Кого я испугался?

Зайдя в ванную, нашёл оставленные вчера плавочки и переоделся в них, чтобы сделать зарядку.

Конечно, сказал я сам себе, одетым легко рассуждать, а голым... особенно голый, как — то не по себе.

— Неужели мальчики не делают по утрам зарядку? — удивился я. Разбудил бы их, да будут тут толкаться, ну их, пусть дрыхнут, тем более, сегодня...

Я даже замер: сегодня 31 декабря! А у нас почти ничего не готово! Хорошо, что выходной. Угу, сейчас мне предстоит кормить эту ораву! Одних мужиков четверо!

Быстро помывшись, кинулся на кухню, разбирать оставшийся со вчерашнего дня бардак. Так, селёдка растаяла, в мойку её!

Нашёл немаленький тазик, мытую сельдь начал перекладывать туда, пересыпая солью каждый слой. Набрался полный тазик. Закрыв крышкой, и стал искать, куда поставить. О! Хрущёвский холодильник. Выкинув оттуда какие — то банки, засунул тазик в достаточно холодный шкаф.

Теперь рыба. Тоже хорошо оттаяла. Почистил от чешуи. Вскрыв брюшину, вынул немалые ястыки крупной икры. Кета, что ли... Это позже. Отрезал голову и хвост — на уху, тушку с трудом порезал на куски, проклиная свой маленький вес и спящих мужиков. Дрыхнут там, а тут, как рабыня Изаура...

В животе сладко заныло. Вымыв руки, на цыпочках побежал в свою комнату. Не утерпел, хоть одним глазком... Спящий Саша показался мне прекрасным принцем. С трудом оторвав от него взгляд, окинул оставшуюся спящую братию. ласково поправил

одеяло на Толике, прикоснулся губами лба Юрика... Ну, прямо любящая мама, ехидно сказал мне внутренний голос. Кормить их кто будет? Выскочив из комнаты, опрометью кинулся на кухню, жарить рыбу.

Что на гарнир? Макароны! Дёшево и сердито. А пока поставил варить уху и примемся за кальмар.

Кто умеет чистить кальмар? Я, конечно, здесь почти никто его и не видел.

Я уже не вздыхал. Взаялся, не плачь. Почистив несколько картошин, закинул их в кастрюлю с головой и хвостом рыбы, поставил на конфорку. На другой конфорке потрескивает сковородка с рыбой, на третьей стоит кастрюля под макароны. Теперь кальмар... Тоненькую кожицу от головы до хвостового плавника... вместе с плавником. Ничего, потом и до плавника доберёмся. Пока боролся с кальмаром, пожарилась рыбка. На сковородке остался жир. Что делать? Соус, конечно. Мука, в которой валял рыбу, пошла в дело, разводим томат-пасту, выливаем в сковородку, соль, сахар, перец... Вкусно! Переливаем всё это в соусницу, моем сковородку, и снова на плиту, наливаем масло, греем, нарезаем кальмар соломкой, опускаем в масло, закрываем крышкой. Всё, уха кипит, вода кипит. Засыпаем макароны, пробуем суп. Картошка сварилась, значит, уха готова. Режем лук, бросаем в уху, перец, сливочное масло, подсаливаем... рекомендуют столовую ложку водки, да это в походе. Пока я, мурлыча под нос песенку про что-то, на кухню проник кто-то мелкий и всклокоченный. Ни слова не говоря, этот кто-то взгромоздился мне на руки, крепко обхватил руками и ногами, и положил голову мне на плечо. Не прерывая свои поварские изыски, я левой рукой перехватил появившееся у меня сокровище, поцеловал его в лохматую голову.

Что ещё осталось? Половина кальмара в мойке, надо дочистить, а то некуда будет сливать макароны. Подошёл, попробовал, получается!

— Ну и терпение у тебя, — Саша, услышал я голос мамы, — Юра, не мешай Саше! — Юрка отрицательно потряс головой.

— Тебе чем — ни будь помочь? — обратилась мама ко мне.

— Кальмар бы дочистить, а то мне за плитой следить, — я бросил кальмар, вытер руки и помешал в сковородке. Сок ещё не выкипел, зато макароны закипели. С удовольствием посмотрел, как мама борется с кальмаром, с улыбкой глядя, как она пытается снять кожу с тушки, Тушка выпрыгивала из маминых рук, шкура не поддавалась.

— Да как же ты его... — с досадой сказала мама.

— С тебя поцелуй, и мы с Ериком дочистим, — со смехом отозвался я.

Мама с удовольствием зацеловала нас с Юриком, я опустил брата на стул и расправился с оставшимся кальмаром. Макароны я тоже не доверил маме.

Слил ещё твёрдыми и бросил в них побольше сливочного масла.

Потом нарезал две головки репчатого лука и засыпал кальмар, который тушился на сковородке. Сырой кальмар я поставил в кастрюлю вариться.

— Как там мужики? — спросил я, — просыпаются?

— Папу твою стряпня разбудила, он уже глотает слюну, главный мужик — вот, за столом, а твои... — мама хихикнула, — будущие мужья умаялись вчера, спят ещё.

— Как будто я не умаялся, — буркнул я, — зато всё успеем. Картошечки бы для кальмара, но это долго. Поедим, запрягу пацанов, надо к Новому году салатов наделать.

— Так. Уха готова, макароны готовы, раба, соус, кальмар на подходе.

— Саша, когда ты всё успела? — удивилась мама.

— Я любима и люблю! — заявил я.

— Как это замечательно! — восхитилась мама.

— Можно строить мужчин перед столовой, — разрешил я маме.

Умытые и выпавшиеся пацаны во главе с папой ввалились на кухню, сразу прижав нас с мамой к окну. Кое как разместились за столом, не оставив нам свободного места.

— Сначала уху! — заявил я. Протестов не было. С чавканьем, всхлипами и прочими звуками мои кулинарные изыски были уничтожены. Лениво попив чай, мужчины удалились, оставив горы грязной посуды.

— Мама! — отчаянно закричал я, глядя на это безобразие.

— А ты как думала? — спросила меня мама.

— Почему ты называешь меня девочкой? — хмуро спросил я.

— Выйдешь замуж, такое будет каждый день.

— Не будет. Столько народу я не переживу.

— Здесь были все твои родные, прибавь ещё детей. Сколько у тебя будет?

— Двое. Или трое. Я люблю детей.

— Я заметила. Юрик скоро с тебя слазить не будет.

— Пусть. Нам хорошо с ним.

— Ладно, я помою посуду, отдохни.

— Как отдохни? Мы с тобой кушать будем?

— Чуть не забыла, — засмеялась мама, — там что-нибудь осталось?

— Я же разливал, садись за стол, мама, я накрою.

Убрав со стола всю грязную посуду в мойку, я налил уху, поставил тарелки с макаронами, тушёным кальмаром и соусом, и сел напротив мамы. Поковырялся в тарелке.

— Ты что такой грустный? Устал?

— Мама, он меня даже не поцеловал! — всхлипнул я.

— Ну, — огорчилась за меня мама, — он же видит, ты занята, толкучка на кухне.

— Потом поцелует.

— Потом я не дам себя поцеловать.

Пришёл Юрик, залез ко мне на колени, чмокнул меня в щёчку.

— Вот кто меня по-настоящему и бескорыстно любит, — признал я.

— Кушай, Саша, у нас впереди ещё много работы.

Не успел я съесть уху, появился Саша.

По моим заблестевшим глазам, мама поняла, кто вошёл.

— Саша, входи, проси немедленно прощения у Саши и поцелуй её!

Саша вошёл, упал на одно колено:

— Прости, Сашенька, только объясни, за что?

— Пропущенный утренний поцелуй забыл? — грозно спросила мама.

— Честное слово, не смог подобраться! — смутился Саша.

— Ты и не пытался! — обвиняюще сказал я.

— И это ещё не всё! — продолжила мама, — Всё утро Саша стояла у плиты, готовила на всю ораву завтрак, и никто не сказал спасибо, оставив гору посуды, которую нам ещё предстоит вымыть!

Юрик на это снова чмокнул меня в щёчку и победно посмотрел на Сашу.

— Я не знал, что это всё Саша наготовила! — взвыл Саша.

— А маму не надо благодарить? — тихо спросил я.

— Вы меня уничтожили, чем я могу загладить свою вину?

Только я собирался дать задание, как незаметно просочившийся Толик уже начал мыть посуду.

— Пока подумаю, — сказал я, — у нас ещё много работы. Пельмени будешь лепить, картошку чистить, будете с Толиком моими помощниками.

— А когда поцелуй?

— Когда мне будет невтерпёж.

— Долго ждать?

— Мне давно невтерпёж.

Икру я засолил в перерывах между поцелуями. Саша растопил мою лёгкую обиду, стараясь всячески угождать мне. Папа, увидев это, только кричал.

— Откуда что берётся? — спрашивал он сам себя, — клянусь своей щетиной, не мог поверить, что этот сорванец мог так измениться! Так крутить парнями!

И бегают же, задрав хвост!

— Папа! — не вытерпел я, — неужели ты не видишь, что всё просто объясняется: я чертовски обаятелен! Весь в маму!

— Насчёт мамы ты прав, но, что касается тебя... пацан пацаном, какое, к чёрту, извиняюсь, обаяние! Не иначе, Юрка обучил колдовству!

— Процесс только запущен, — скромно сказал Юрий.

До шести вечера, когда нам надо было идти на вечер в школу, мы наготовили куч салатов, налепили пельмени и манты.

Уговорили родителей пойти с нами на представление, хотя бы на наше.

Они согласились посмотреть, как мы выступим, затем отправятся дальше готовить квартиру к празднику. Я забыл сказать, что ёлка уже стояла в углу,

вокруг висели гирлянды и мишура, квартира приобрела праздничный вид.

Мы договорились, что узнаем, когда наша очередь, и позволим родителям.

Оказалось, что наше выступление назначили на семь часов, так что подготовиться время было. Переодеваться надо было в своём кабинете, потом через всю школу бежать спортзал. Этот момент я как-то не продумал. Если переодевались только один раз, то мне надо было три раза, как и Толику. Причём ему бегать полуголым. Толика мы всё-таки окрасили, завили, получился замечательный негритьёнок.

Пришлось пойти на поклон к физруку.

Тот доверял нашей компании и открыл свой кабинетик, доверив мне ключи.

Сначала мы вышли в обычных мальчишеских джинсах и рубашках, чтобы затеряться в толпе. Толик надел панамку и закрытую маску. Потанцевали с девочками медленные танцы, поплясали быстрые. Затем нам дали знак.

Я не ожидал от себя такого мандража. Вчера, на прогоне я ощущал себя совершенно свободно, сегодня же я не мог унять дрожание рук и ног.

Толика трясло не меньше. Саша сначала успокаивал нас, потом ион заразился. Тем временем в зале уже хлопали и орали.

Изо всех сил скрутив внутри себя страх, я схватил за руку Толика и бросился в зал бегом, чтобы отрезать себе путь к отступлению.

Когда мы выбежали к ёлке, зал удивлённо затих, наверно, не поняли, кто это здесь появился.

— А теперь из солнечной Бразилии выступают артисты. Ваша задача — угадать, кто скрывается за масками.

Но мы масок не надевали, наоборот, сняли. Кроме парика, я вставил голубые контактные линзы. Вместе со светлыми волосами парика голубые линзы сделали меня совершенно неузнаваемыми, Толик ещё более потемнел, его курчавые волосы ещё никто не видел.

Оркестр начал играть задорную музыку, и мы пустились в пляс.

Зрители в зале сначала сохраняли тишину, наблюдая наши па, затем начали хлопать, кричать что-то. Мы не слышали, что нам кричали, нас несла музыка, пришло спокойствие и второе дыхание. Моя короткая юбочка моталась где-то на уровне пояса, длинные волосы развевались, Толик старался плотнее прижаться ко мне.

Возглас удивления пронёсся по залу, когда меня подхватил Саша, и мы продолжили танец втроём.

Нас узнали. Пронёсся вопль и волчий вой. Под этот ужасный шум мы убежали переодеваться к вальсу.

Зал ещё не успокоился, когда мы вышли в костюмах принца, принцессы и их оруженосца. Оруженосец неожиданно для меня и всех остальных надел мне серебряную корону, которой так не хватало костюму Ледяной принцессы. По залу пронёсся восторженный вздох.

Оркестр начал медленный вальс. Мы посмотрели в глаза друг другу и начали танец, опять забыв, где находимся. Для нас остались только мы и музыка. Замолкли звуки вальса, а мы стояли посреди зала и держали друг друга за руки. «Танго!» — крикнул кто-то, и зазвучало танго. Мы пошли под звуки танго. Все молчали, наблюдая за нами.

Кончилось и танго. С трудом нас привели в чувство и попросили спеть что-нибудь. Я взял за руку своего принца, другой рукой микрофон и запел: «Как будто по ступенькам, всё выше, и вперёд, нас за руку из детства, юность уведёт». Кто-то зашмыгал носом.

Мы закончили выступление, но нас долго не хотели отпускать, требовали что-нибудь спеть и станцевать.

Пришлось сказать, что мы и так перевыполнили программу, и зрителей ждут ещё не менее замечательные номера.

К нам пробилась Алевтина Андреевна.

— Какая ты надменная, Саша! — восхитилась она, — даже я робею!

— Вот видела же, как вы танцуете, надо было вас в заключение поставить!

Нас обступила восторженная толпа, сквозь которую кое как прошли мои мама и папа с Юриком. Юрик сразу схватил меня за руку и раскланялся. Он был в костюме чертёнка, все смеялись и хлопали, кто знал, объясняли другим, что это мой братик.

— Это было чудесно! — кричала сквозь шум мама, папа показывал большой палец и смеялся, почему-то вытирая глаза. Смеялся до слёз?

— Саша! — закричал кто-то, — спой «куда уходит детство»! Зал взорвался.

Я подошёл (подошла?) к микрофону и спокойно сказал, что для этой песни надо переодеться в мальчишку.

— Переодевайся и пой! — завопили в зале.

Не сходя с места, я скинул туфли на высоком каблуке и в два приёма скинул платье Ледяной принцессы, оказавшись коротко стриженным мальчиком в футболке и шортах.

Зал ахнул. Толик аккуратно сложил платье.

Я начал петь, вспомнив, что я нахожусь в чужом теле, и у этого тела замечательный, сильный голос. Чертёнок сидел у моих ног, заглядывая мне в лицо. Саша и Толик стояли неподдаёму, мама, не скрываясь, плакала.

Многие девочки тоже всхлипывали.

После этого я попытался сбежать, но был перехвачен... Арсением.

— Ну, здравствуй, принцесса, — протягивая свою лопатообразную руку, сказал Арсений. Я подал свою ладошку, которая безнадежно утонула в его лапе.

Вокруг нас уже собралась толпа.

— Ты знаешь, — прогудел Арсений, — пацаном тебе лучше. В костюме Принцессы, и даже девчонки ты теряешь э-э-э...

— Загадочность, — подсказал Борька Гуревич.

— Да! — радостно согласился Арсений.

— Вот ты обзавёлся ещё одним поклонником! — констатировала директриса.

— Нам придётся сбежать домой, — сказал я. — Нас там ждут.

— Ты, правда, когда с Сашей, ничего вокруг не видишь? — удивилась Алевтина Андреевна. — Все ваши родители здесь. Так что, переодевайся в принцессу, и веселись вместе со всеми. Сегодня вечер будет продолжаться до утра. Сходите домой, встретите Новый год с родителями, и вернётесь.

Ещё много номеров нас ждут.

СПОРТИВНЫЕ СБОРЫ

Уже второго января нас обзвонил дядя Коля и велел собраться в школе.

— Завтра мы едем в военный санаторий «Звезда». На базе санатория проводятся детские спортивные сборы по самбо и дзюдо.

Собирайте свои вещички, паспорта, у кого есть, и завтра в 10 часов выезжаем. Автобус придёт сюда, к школе. Надеюсь, никто не проспит.

Ждать будем пятнадцать минут. У меня всё. Вопросы.

— Кто из взрослых ещё будет? — спросил я.

— Максим Сергеевич. Не так уж большая у нас команда. Жить будем в четырёхместных номерах. Удобства в конце коридора. Душ общий.

С размещением разберёмся на месте, — глядя на меня, добавил дядя Коля.

— Мама! — закричал я с порога, — мы едем на спортивные сборы!

Кое как раздевшись, я нашёл маму и кинулся ей на шею.

— Чему же ты так радуешься? — засмеялась мама, с трудом уворачиваясь от моих губ.

— Сам не знаю! Детская радость беспричинна. Радуюсь, и всё

— Как же Юрий?

— Может, взять с собой? Болельщиком.

— Мне он тоже нужен. — Что-то с маминой беременностью было не в порядке. Радость моя немного потускнела.

— Ничего страшного со мной не случится, — появился Юрий, — поезжай спокойно.

— Спасибо, Юрий, — с чувством сказал я, взяв его на руки.

Мама собрала мне рюкзак и спортивную сумку.

— Отобьют там тебе все внутренности, — говорила мне мама, здесь тебя щадят, на соревнованиях никто щадить не будет. Вот здесь лежат гигиенические пакеты, не забывай ими пользоваться. Если почувствуешь недомогание, немедленно обращай к врачу.

— Какой врач, мама! — возмутился я, — Я же мальчик!

— Здоровье дороже даже престижа школы. Кому ты будешь нужна больная? Ни школе, ни Саше.

— Саше?

— Поверь мне, как женщине.

Я задумался. Глупею, наверно, совсем ребёнком стал, тем более любовь совсем крышу сносит, тоже ума не добавляет. Надо слушать маму.

— Да, мама, ты, безусловно, права, я попробую смирить своё упрямство.

— А где папа? — вспомнил я.

— Вызвали на работу, — я снова мельком подумал, что не знаю, где работают мои родители. Оно мне нужно?

— У нас есть дедушка и бабушка? — вдруг вспомнил я.

— Есть. Живут в селе Незнановка.

— Где?!

— В Незнановке... ты чего вскинулся? Опять что-то вспомнил? Ещё бы не вспомнить! Малая родина моей матери!

— Да так. Мы к ним, почему не ездим в гости?

— Они недолжбливают твоего папу, — я вздохнул:

— Я их где-то понимаю.

— Тебе не полагается понимать, тебе полагается безоглядно любить своих родителей.

— А родителям? — хмуро спросил я, почёсывая свой затылок.

— Мы тебя не любим?

— Про тебя я не говорю, я сам влюблён в тебя, но папа...

— Что папа?

— Не знаю. От него исходит иногда сильная любовь ко мне, а иногда — откровенная неприязнь.

Мама вздохнула:

— Надеюсь, ты когда-нибудь поймёшь его. Особенно, когда появятся свои дети.

— У меня... — начал я, но вовремя осёкся.

— Что у тебя? будут хорошие дети? — Юрик засмеялся, крепче прижимаясь ко мне.

— Хороших детей в принципе не бывает, — пробормотал я. Родители считают их своей собственностью, продолжением себя, в то время как каждый ребёнок — это совершенно самостоятельный человек со своими убеждениями и самосознанием.

— Ну, ты и завернул! — восхитилась мама, — Убеждения, самосознание! откуда им у вас взяться? Это самоуверенность и гордыня! Ничего вы без родителей не можете и не стоите.

— Самая распространённая ошибка родителей. Отсюда и появляется отчуждение. Нельзя просто давить на ребёнка, хоть немного надо ему доверять. Конечно, полной свободы и прав достойны единицы, но понимать

надо учиться всех.

— Будут у тебя свои дети, будешь их понимать, а философствовать на темы воспитания может каждый, не каждый может правильно воспитывать.

— Не надо, мама, — неожиданно вступился Юрик, — Саша в чём-то прав. Кто тебе может сказать, что чувствует ребёнок, как не сам ребёнок?

— Да, наверно, но ты, Саша, не уводи разговор в сторону, и обещай, что на соревнованиях будешь осторожным. Хоть ты и мальчик, не забывай, что ты девочка, что у тебя есть любимый, которому ты небезразлична!

— Я буду помнить твои напутствия, мама!

— Ах, если бы можно было поехать с тобой!

Я счастливо рассмеялся. Когда-то, ещё в моё время, мамы готовы были за своих сыновей отслужить срочную.

Когда мы с Толиком утром прибежали к школе, автобуса ещё не было, но наша команда была уже здесь. Ребята бурно приветствовали нас.

Саша подошёл и сразу заявил права на меня, утопив в своих объятиях.

— На сборах нам надо держаться скромнее, — прошептал я, — подумают ещё невеста что. Тем хуже, если догадаться.

— Я буду стараться, — тихо ответил Саша, а у меня внутри растекалась тёплая волна счастья. Я еле сдерживался, чтобы не впитаться ему в губы поцелуем.

— Белов, отпусти мальчика! — сурово сказал дядя Коля, — придётся вам сдерживаться, и кроме братских объятий между вами ничего не должно быть. Зверева это тоже касается! О, господи, за что мне всё это! Подведёте команду, она вам этого не простит!

— Простим! — ответила команда.

Дядя Коля только махнул рукой.

Подошёл автобус, нам уступили заднее сиденье, где я оказался зажатым между Сашей и Толиком. Оба они взяли с собой гитары, и начали их настраивать, явно надеясь послушать меня.

— Спой, Саша, не стыдись! — кричали ребята и девочки.

— Что я мог спеть? Я не знал, не помнил ни одной походной песни.

— Взвейтесь кострами, синие ночи! Мы — пионеры, дети рабочих! неожиданно для себя заорал я.

— А что, ребята, давайте создадим у себя пионерскую организацию. Будет у нас свой символ, свой отличительный знак. Но никакой политики. Защищать слабых и обижаемых, всегда стоять друг за друга. Разбирать в своём проступки друзей, и прощать их, заставляя краснеть. Ну, и много ещё чего можно придумать, например, ходить в походы...

— А как же наша стая? — спросил Вовчик.

— Стая — это святое, это, как братство, вступление в стаю возможно только с клятвой на крови, а в пионеры вступить может каждый, кто докажет, что он достоин этого. Когда ребята узнают, какая у нас весёлая и дружная компания, желающие будут.

— А девочки? — спросила Валя, — девочкам можно?

— Куда же мы без девочек? — хмыкнул я, и все засмеялись.

— Если будет много ребят, можно их распределить по стаям, — предложил Тимка.

— Да, — согласился я, — надо ещё разработать общий устав, кодекс чести для стаи, — Максим и дядя Коля только переглядывались, пожимая плечами.

— С кем ты поселишься, Денисов? — спросил у меня тренеры.

— Со мной будут жить Белов, Зверев, и... кто хочет четвёртым? — спросил я команду. Все подняли руки, взревели. Один Борька ничего не сказал. Он разбирал на карманных шахматах, какую — то партию.

— Четвёртым жителем будет Борька! — решил я.

Ребята ответили недовольным, но одобряющим гулом. Борька ещё сторонился девочек. Поэтому его сочли подходящей кандидатурой.

Разобравшись с заселением, собрались в холле.

— Медлить не будем, — сообщил тренер, после обеда идём в спортзал, отрабатываем приёмы, боремся по жребию, выкладываемся полностью, в зале поместится только четыре татами, так что надо будет освобождать место другим.

Накормили нас настоящей спортивной едой: не очень вкусной, зато сытно.

Потом, взяв свои сумки, отправились в спортзал.

Спортзал порадовал своими размерами, высоким потолком, яркими красками, и хорошим освещением.

Разбившись по жребию, мы начали бороться. Как ни странно, мальчишки показались мне лёгкими. Юрик хорошо натренировал мою выносливость, заставляя его постоянно носить по квартире. Так что я побеждал в трёх схватках из четырёх.

Вот только Сашу мне победить не удалось. Два года — большая разница.

Как бы я ни сопротивлялся, змеей уходя из захватов, силой Саша превосходил меня значительно, и схватка закончилась тем, что Саша нежно припечатал меня спиной о маты, едва не выбив дух из моего щуплого тела, и провёл удушающий приём. Я сдался.

— Если мне попадётся подобный противник, — пробурчал я тренеру, — можете заказывать мне билет домой.

— Не расстраивайся, — успокоил меня тренер, — Противники будут примерно одного веса, это по жребию тебе выпало, да и интересно было за вами наблюдать. Бились вы знатно, не поддаваясь.

— Спорт есть спорт, — неопределённо сказал я, наблюдая за отчаянной борьбой девочек.

На других татами боролись наши соперники. Я предложил их испытать, на что мне сказали, что испытывать будем на отборочных соревнованиях. А сейчас мы исподтишка наблюдали за манерой и стилем борьбы наших будущих соперников.

Перерывов мы себе позволяли немного, и, едва отдохнув, снова выходили бороться. Отрабатывали мы и броски на скорость.

Подошло время освобождать маты. Мы пошли в душ.

— В душе четыре кабинки, — сказал дядя Коля, с кем будешь мыться? — обратился ко мне он, — с девочками?

— Ну уж нет! — возмутился я, — со мной пойдут Саша, Толик, и Боря.

— Ну, уж нет! — воскликнул Борька, — не настолько я железный!

— Не радуйтесь! — охладил я пыл ребят, будем мыться в плавках, всё равно надо их стирать, все мокрые от пота, потом завернись в полотенце.

Ребята разочарованно загудели, а Борька облегчённо вздохнул.

В предбаннике я быстро разделся и нырнул в свою кабинку. Чёрт! Опять забыл про прокладку!

Саша и Толик пошли в одну кабинку. Что бы это значило? Потереть друг другу спинку? ладно их, если бы я не был в своё время мальчиком, девочка внутри меня начала бы возмущаться, а так... мне-то сколько терпеть?!

Быстро помывшись, я взял полотенце и пошёл в предбанник, переодеваться, всё же немного расстроившись.

Борька, опасливо выглянув из кабинки, спросил: — Ну что, можно уже?

— Да иди уж, — проворчал я, застёгивая липучки на кроссовках.

После ужина мы не стали расползаться по норкам, а опять собрались в холле. Саша захватил гитару, меня попросили спеть. Настроение моё было не на седьмом небе, и я спел им грустную песню про потерявшуюся собаку.

Ко мне подседа незнакомая девочка.

— Я видела, как ты борешься, — заявила она, — да ещё и поёшь здорово. Меня Слава зовут, а тебя Саша? У нас половина девчонок запала на тебя.

«Вот здорово!» — подумал я, — «как мне теперь поклонниц отшивать? а не буду их отшивать, пусть мои ребята побесятся»

— Тебя отправили познакомиться?

— Я не такая дура, — заявила Слава. — Я хочу одна с тобой дружить.

Я весело рассмеялся, — если дружить, то можно!

— А если не только?

— Меня растерзают в своей команде, заодно и тебя.

— А мы никому не скажем!

Мне стало ещё веселее.

— Я всё слышу! — сказал Саша.

— Ты что, голубой? — испуганно спросила Слава.

— Нет, что ты, просто у нас строгие нравы.

— Не позволяют дружить мальчику с девочкой?

— До определённых пределов...

— Кто эти пределы определил?! — дерзко спросила девочка.

Мне становилось всё веселее. Я уже любил Славу.

— По крайней мере, до конца соревнований.

— Понятно, — разочарованно произнесла Слава, — боитесь, что ваших игроков выведут из строя.

— А вы не боитесь?

— Чего нам бояться, у нас борцы сильные.

— Да, согласился я. Борцы не плачут.

Может, они действительно, решили так действовать? Вон уже охмуряют наших пацанов, вон к девчонкам липнут какие-то подозрительные парни.

А это кто увёл моего Сашу?!

Лишь Толик остался верен мне... ненадолго. Его внешность не осталась незамеченной. Отчаянно оглянувшись на меня, он был увлечён куда-то симпатичной девчонкой.

Слава выбрала момент, и поцеловала меня в щёчку. Ах, эта конспирация!

Пришлось ответить в губы.

Хорошо, что она оказалась воспитанной девочкой, и не полезла ко мне в штаны. Что было бы...

Вот не знал, чего бояться на спортивных сборах!

По — моему, в моё время ребята и девчата были поскромнее.

Между тем девочка забралась мне на колени. Я замер.

— Ты, что ли, девственник, так реагируешь! — и впилась мне в губы.

Сейчас она поймёт!

Денисов! — раздался спасительный окрик тренера.

— Я здесь! — полузадушено отозвался я, умоляюще глядя на дядю Колю.

— Где Белов? Я вас ищу, давай в мою каюту, там штаб. Так, где Белов?

— Не знаю, его какая-то девчонка увела.

— «Какая — то девчонка!» — передразнил тренер, — Я с ума с вами сойду. Быстро ко мне! В следующий раз не возьму вас!

— Что вы не даёте отдохнуть детям?! — возмутилась Слава. У нас свободное время!

— У вас, может, и свободное, а у нас совещание! Денисов, я кому сказал.

— Да забирайте своего Денисова! — Воскликнула Слава, у него всё равно не стоит! — И, оставив нас в совершеннейшем оторопении, удалилась.

— Что это было? — пришёл, наконец, в себя дядя Коля. Мне оставалось только пожать плечами и сказать: — к сожалению, у меня стоять нечему...

В штабе дядя Коля бушевал.

— И это дети!! Надо же такое сказать: «у него не стоит» и это в двенадцать лет!! Белова я вытаскиваю почти из постели, ещё кричат с Денисовой: «любовь у нас»!

— Конспирация... — пытались мы вякнуть, я зло показывал кулак Саше, Саша побледнел.

— Я покажу вам конспирацию! Отправлю домой! Женю! Что-бы не заставляли меня краснеть перед родителями. Завтра вместе посиделок будете заниматься борьбой.

— Мы устанем! — попробовал возмутиться я.

— Ничего, попытайте в партере! Ну, Саша, от тебя я такого не ожидал.

— Что мне оставалось делать? Бежать?

— Если бы она разоблачила бы тебя, что мы бы делали? Паковали чемоданы?

— Спасибо вам, вовремя меня спасли, — согласился я, — но каков мой любимый! — обещающе сказал я, сверкая на Сашу глазами. Тот вжался в кресло.

— Не сверкай, не сверкай глазами. Завтра будете на матах сверкать до девяти.

— Там же занято! — пытался я выкрутиться.

— Ничего, для двоих место найдётся.

— Как для двоих?

— Другие меня не волнуют, меня просили за вами присмотреть, а я чуть не упустил. Вдвоём вы что хотите, то и делайте. Всё, можете идти спать. Спать, я сказал, а не болтаться по девочкам!

— Ну, знаешь, Саша! — воскликнул я, когда мы пришли в свою комнату.

Борька играл в свои шахматы, Толика не было.

— Где Толик? — спросил я Борьку. Тот пожал плечами: — вас не было бы, тоже бы не знал.

— Предатели, — со злостью сказал я, — Ну, Саша! При мне затащить какую-то девчонку в постель!..

— Ну, Саша! — неожиданно отозвался Саша, — при мне целоваться с какой — то девчонкой!

Борька оторвался от шахмат и с любопытством уставился на нас.

— У меня не было выхода!

— А у меня был? Мне надо было сказать, что у меня роман с этим мальчиком? Но ты какова! Целоваться с девочкой!

— Ты забываешься! — топнул я ногой, — что было бы, ели бы твоя новая подружка захотела продолжения?

— Ну и... с тобой я только мучаюсь!

— Тише, друзья! — крикнул испуганный Борька.

Но слово было уже сказано.

Я смотрел на Сашу. Я ничего не понимал. Ничего не видел.

— Саша... — робко начал Саша, но я отвернулся от него, лёг, не раздеваясь, на свою кровать, обнял подушку, и, стиснув зубы, начал поливать её слезами. Сначала тихо, затем моё тело начали сотрясать рыдания.

— Саша, успокойся, — гладил мои плечи Саша, но у меня не было сил даже прогнать его.

— Ох уж мне эти семейные сцены! — в сердцах сказал Борька, и вышел из комнаты.

Не знаю, сколько прошло времени, когда раздался голос Максима:

— Что здесь произошло?

— Сашки поссорились, — убито сказал Борька.

— Они меня доведут до белого каления, — сердито сказал дядя Коля, чтобы завтра я видел, как вы целуетесь взапас!

— Они сильно поссорились, — сказал Борька.

— Что ты ей сказал? — спросил дядя Коля Сашу. Тот молчал, только я почувствовал, как на футболку начали капать горячие капли.

— Ну,... поплачьте пока. Завтра никому поблажек не будет. С утра кросс, потом борьба, после ужина вы, двое, будете выяснять отношения на матах.

В смысле, не материться, а... хотя, можете и материться, но, чтобы снова помирились. А то, стая, называется. Не будет у вожаков мира, и стая разбежится.

Меня ещё сотрясали рыдания, Саша, молча, лежал на своей кровати, когда ввалился счастливый Толик.

Быстро сообразив, в чём дело, Толик с криком возмущения кинулся ко мне:

— Сашенька, успокойся, я всегда говорил, что ты мой!

— Ну ка Толька, брысь оттуда! — закричал Саша.

— Ты кто такой, чтобы мне указывать? — смело и грубо отозвался Толик, — я за пять лет не довёл Сашеньку до слёз, а ты — за два месяца! Сашенька, не плачь, я с тобой, успокойся, повернись ко мне, — ворковал Толик, и мне действительно становилось легче. Я повернулся к Толику, обнял и поцеловал его. Саша заскрипел зубами. Этот скрип пролился мне бальзамом на душевную рану. Мы так и заснули, не раздеваясь.

Утром никто ни с кем не разговаривал. Но держались вместе. Тренер пригрозил, что если опять разбредёмся, он свою угрозу выполнит, и отправит нас домой, пусть рушатся все его надежды.

За ночь я успокоился и страшно страдал без Шашиного внимания, но виду старался не подавать. Саша... не знаю, хотел надеяться. А вдруг? Я похолодел. Что я буду делать, если он разлюбит меня? Пойти, сказать, что люблю его больше жизни? Что он скажет? Я попытался мысленно войти с ним в контакт, но, кроме отчаяния, ничего услышать не мог. Чьё это отчаяние, я тоже понять не мог. Меня мучило такое же.

Толик тоже был хмур. Он злился на Сашу, понимая, что наша размолвка ненадолго, и не тешил себя надеждой, что останется со мной навсегда.

На этот раз я боролся со злостью, однако контроль над собой не терял. Наоборот, постарался войти с соперником в ментальный контакт, и мне удавалось предугадывать все движения партнёра.

Это не чтение мыслей, борец сам не знает, что он предпримет в следующую секунду, он не успевает обдумать движения. Всё происходит автоматически, буквально спинной мозг руководит человеком. Однако за миллисекунду до этого проходит сигнал, и этого достаточно, чтобы наш суперсовершенный компьютер вычислил ответное действие.

Получается, я тоже не понимал, что делаю, подключившись к импульсам противника. И в то же время, не расслаблялся, самостоятельно руководя телом. Словами трудно объяснить.

Но стал выигрывать пять из пяти, нисколько не радуясь.

— Денисов, не злись! — выговаривал мне тренер, — Саша, успокойся! Злость не лучший советчик. Работай мягче, не дай бог, кого покалечишь! Все усилия коту под хвост!

Я слушал его, кивал, а сам думал о своём. Если мысли были вялые, я проводил приёмы, уходы и броски, даже силовые и болевые приёмы, мягко, растянуто. Если мысли прыгали, всё проводил зло, рывками. Доигрался. Растянул кисть Генке.

— Денисов! — ревел от ярости дядя Коля, — я порву тебя на части! Что мне с тобой делать?! Ты с Беловым не задушите друг друга? Уверены?

Сегодня я даже не прятался в душе ни от кого. Никто на меня и не смотрел. Они тоже, в отместку, наверно, мне, не прятались от меня. Но мы не видели никого, ослеплённые обидой и яростью.

После ужина, когда мы с Сашей и Толиком направлялись в спортзал, меня нагнала Слава.

— Ты куда это?

— Мы будем тренироваться?

— Втроём?

— Да, нас наказали, а Толик за компанию.

— Вчера все отметились, мне тоже попало, но никому не пришла в голову мысль заставить нас вечером заниматься.

— У нас особый случай.

— Ну, ладно, удачи, встретимся на татами.

— Ты что, за мальчиков выступаешь? — даже остановился я.

- Я в фигуральном смысле, — прыснула Слава.
- Я уже испугался, что ты замаскированный мальчик!

Слава звонко рассмеялась и ушла. Я покачал головой: уже и других стал подозревать!

Молча переодевшись, мы вышли на отведённый нам угол, где бросили несколько матов. Сначала мы поборолись с Толиком. Сильный боец, оказывается! Однако мне не соперник. Пару раз, свернув его в бараний рог, я сел отдохнуть.

- Ну, Саша, здоров ты стал, сказал мне Толик.
- Меня Юрик натренировал, — ответил я.
- Ты его так и носишь на руках? — я кивнул.
- Да, такую тяжесть поноси.

Потом мы вышли с Сашей.

Я сразу вошёл в ментальный контакт. Саша тосковал. Я позло-радствовал, почувствуй мою боль! Но тут же пожалел его до боли в сердце: мой любимый страдает! Мой любимый напал на меня. Я легко ушёл от его захвата, упав на шпагат, перевернулся, и подсечкой сбил с ног Сашу. Быстро встав в партер, начали меряться силой. Исход был предreshён.

Саша перевернул меня на спину и сказал: — или ты проща-ешь меня, или сейчас начну тебя при всех целовать!

- Ага, — сказал я, — шантаж!

Тут же змейкой вывернулся и взял на болевой. Саша застучал по коврику.

— Ты мне всех борцов выведешь из строя! — услышал я сердитый голос тренера.

— Он меня шантажирует! — пожаловался я. — Обещает заце-ловать при всех.

— Ты, Белов, пока, это, воздержись. Я сказал, у себя в каюте! Давайте, спарринг.

Я понял, что сейчас мне пощады не будет. Долго уворачивался от его подсечек, захватов и подножек, но неожиданно для себя очутился лежащим лицом в ковёр. Саша не расслаблялся, держа мою голову за затылок, коленом упершись мне в поясницу. Левой рукой он заломил мне левую же руку.

— Простишь ли ты меня? — прошипел он.
— Обязательно прощу, — прошипел я в ответ.
— Когда? — спросил Саша.
— Когда выиграем этот турнир.
— А до этого?
— Буду смотреть на твоё поведение. Ты же не успокоишься... ай!! — я застучал по ковру, потому что Саша чуть не вывернул мне руку.

— Белов! Ты с ума сошёл!
— С ней кто угодно сойдёт!
— Белов! Выгоню!
— Ой! — Прикусил язык Саша.
— Белов, иди, — сказал дядя Коля, — Саша будет бороться с Толиком.

— Куда это вы его? — возмутился я, — его сейчас затащат в постель!

— И то правда, сиди, Саша, смотри, как надо бороться. Саша пренебрежительно фыркнул, и уселся на скамейку. Несколько раз уложив Толика, я тоже сел рядом.

— Успокоились? — спросил дядя Коля, — слушайте. Завтра медосмотр, потом начинаются отборочные соревнования. Не подведите, ребята, — умоляюще попросил тренер, — вот от кого не ожидал подвоха! Сейчас я нянчусь с вами, а что делается в санатории? вы должны помогать мне, а делаете всё, чтобы мы вылетели с турнира.

— Скажите ребятам, что, если они будут безобразничать, мы с ними разберёмся дома! — сердито сказал я, — у нас своих проблем хватает.

Дядя Коля вздохнул, и, уходя, сказал:

— Ещё немного, и идите отдыхать. Только без фокусов, Белов!

Мы ещё без энтузиазма поборолись с Сашей. Он больше не заводил разговор о прощении, проводил приёмы чисто. Я, со своей стороны, не лез ему в голову.

Помывшись, пошли к себе. К нам никто не приставал.

Легли мы рано, только Борька сидел со своими шахматами.

— Ты бы, Борька, лучше сходил с нами побороться, — предложил я.

— Это ваши, командирские, дела, — ответил Борька, — а у меня ещё турнир по шахматам!

— Да ну! — удивились мы. Вот тебе и Гуревич!

Толик обнаглел, и залез ко мне под одеяло. Я не выгонял его, и Саша взъярился: — Толька, вылезь оттуда, или уши оторву, и ещё что-нибудь. А ты, Сашка, если не выгонишь его, я окончательно уйду.

— Иди, Толик, на свою кровать, а то сейчас будет море крови.

Толик нехотя ушёл к себе.

— Наглость невероятная, — пробурчал Саша, — даже я себе такого не позволяю!

На следующий день нас повели на медосмотр. Я надел мальчишеские трусы — шорты, осмотрел себя со всех сторон, не нашёл ничего компрометирующего.

На медосмотре нас раздели до трусов, послушали, осмотрели руки и ноги, заглянули в рот, спросили, нет ли жалоб. На этом закончили.

Анализы мы сдали ещё в городе, так что лазить в интимные места никто не стал. Никого не забраковали. Генке наложили тугую повязку, и разрешили выступать.

После обеда начались отборочные туры.

Прошли взвешивание. Я весил 35 килограмм. При всей своей худобе я ожидал большего. Ну и ладно. Легче будет расправляться с противником.

Одно плохо. Самые интересные схватки обычно случаются у больших.

Я дал себе слово, что не проиграю ни одного боя.

Начали с самых лёгких. Мне достался необычайно вёрткий, как юла, мальчик. Я привычно вошёл с ним в ментальный контакт, тоже ускорился, и через пять минут скрутил его. Нечестно? Может быть. Я был сердит. Очень сердит. На себя, на Сашу, на весь белый

свет. Этот Саша даже не попытался утром меня поцеловать! Я, конечно, уклонился бы, но... какой злодей!

Со следующим соперником я тоже не церемонился, взяв его на болевой приём. Видя моё мрачное состояние, дядя Коля кричал мне: — Осторожнее, Саша! — зрители что — то вопили. Не знаю, за кого они болели, но, думаю, они тоже хотели крови и хруста костей.

Я вовремя опомнился. Это же дети! Совсем маленькие дети.

В перерыве ко мне подошёл один из судей и сказал, что, если я буду продолжать такой жёсткий стиль, меня снимут с соревнований, потому что здесь не гладиаторские бои. Тогда я нагло попросил кого посильнее. Мне велели успокоиться и не устанавливать своих правил.

Третьим соперником вышел опасный самбист. Это я понял с самого начала. Его, видать, настроили на победу, объяснив, как со мной надо драться.

Может, напрасно я успокоился. Я нашёл глазами Сашу. Тот смотрел на меня непонятным взглядом. Потом поднял руку с большим пальцем, и повернул его вниз. Тот же жест сделали остальные ребята.

Объявили схватку. Мальчик сразу сделал мне подсечку, я ушёл, но тут же попал на захват, из которого с трудом вывернулся. Я ускорился, и поймал соперника на приём. Кинув его на маты, попытался взять на болевой, но тот выскользнул. Снова встав друг против друга, мы осторожно прощупывали намерения соперника. Мне-то было всё ясно, а что он думал обо мне?

Сейчас он просчитывал связку: схватить за руку, провести приём, который удастся: у него проскочило ощущение дюжины приёмов, затем, крепко приложив меня спиной, захватит на удушающий.

— Боритесь!

Мы пробежались по кругу, и я решил провести его же связку. Незаметно для соперника я приблизился к нему, создав иллюзию неподвижности, крепко приложил его спиной, и, пока он собирал свои мозги и пытался вздохнуть, взял его на удуша-

ющий. Противник чуть не потерял сознание. Тренер выбросил полотенце.

— Я тебя предупреждал! — сказал мне судья.

— Извините, конечно, но это был необыкновенно сильный борец! — сказал я, — Я вынужден был драться жёстко, иначе на его месте был бы я!

— Это тебя и спасло. Серёжа действительно очень сильный самбист. Удивительно, что тебе удалось его победить.

Я подозрительно посмотрел на него:

— Не по моей ли просьбе?

— Считаю, что мы пошли тебе навстречу.

— Ещё будут схватки?

— С тобой всё, ты прошёл в первый круг. Можешь идти отдыхать, завтра продолжишь.

Я пошёл и сел молча рядом с Сашей. Тот тихо радовался моему присутствию. Мне тоже было приятно, хотелось мурлыкать.

Но подошёл тренер.

— Ты конечно, молодец, Саша, только, прошу тебя, держи себя в руках! На тебя уже обратили внимание. Борись подольше, не спеши.

— Я постараюсь.

— Вот-вот, постарайся. Вы уже помирились?

— Ему ещё надо выиграть все схватки.

— Тебе тоже, — парировал Саша.

— Лучше посидите молча, а то снова поругаетесь. Саша, не злись на Сашу!

Тренер ушёл накачивать других ребят, а мы остались радоваться, что снова рядом. Скоро пришёл пыхтящий Толик. Сказал, что прошёл в первый круг. Мы промолчали, наблюдая за борьбой.

Наконец, Сашу вызвали на ковёр. Саша чисто провёл все схватки, тоже вышел в первый круг. У нас прошли все мальчишки, только несколько девочек выбыли. Так как это были спортивные сборы, а не соревнования, никого домой не отправили. Спортсмены продолжали тренироваться, потом

переходили в болельщики. Были и зрители из отдыхающих в санатории.

Во втором круге мне опять повезло сражаться с Серёжей.

На этот раз я решил потянуть время, настроение у меня слегка улучшилось, глядя, как мучается Саша. Интересно, что он сказал той девочке?

Меня ещё осаждала Слава, но уже не столь настойчиво, чисто по-дружески.

Слава уставала на тренировках, времени и сил на флирт почти не было.

Мы обменялись телефонами, и я по секрету сказал, что у меня есть дама сердца, которой обещал хранить верность, а Саша — её брат, у которого тоже есть возлюбленная, поэтому мы следим друг за другом.

— Покажи фотографию!

Я показал ей свою фотографию в наряде Ледяной принцессы.

— Обалдеть! — вздохнула Слава, — конечно, куда мне до неё!

— Ну что ты, ты тоже прелесть. Я же не зря с тобой целовался!

— Да, а я-то думала, что ты так холоден? Можно скачать фото?

Серёжа несколько раз ловил меня на приёмы, которые я позволял ему провести для красоты борьбы, но финал провёл быстро, опять обманув его иллюзией покоя.

— Он нечестно борется, — услышал я, — Я не вижу, как он двигается.

Я почувствовал лёгкий укол совести, но потом подумал: какого чёрта!

Борюсь я, полностью выкладываясь, никаких допингов не принимаю, отрабатываю новые способности, что плохого? Дома попробую бороться без ментального контакта, интересно, навыки останутся?

Так думая, я машинально сел слишком близко к Саше. Опомился, когда практически положил ему голову на плечо. И этот злодей ещё и обнял меня за талию!

— Сашки! — прошипел тренер, — вы меня до инфаркта доведёте!

Мы торопливо отодвинулись. Толик где-то боролся, и между нами некого было посадить.

Во мне боролись смешанные чувства: желание приласкаться к Саше, и злость на него, тёмным комком шевелящаяся в груди: он мучается со мной!

Где там мой противник? сейчас я его порву!

— Помиритесь вы с Сашей! — попросил меня Толик.

Он нашёл меня в столовой, где я в гордом одиночестве поглощал ужин, состоящем из перловки с постным маслом.

— Я с ним не ссорился, — буркнул я.

— Пойми, — попытался мне втолковать Толик, — мы действительно мучаемся...

— Да? — удивился я, — не донеся ложку до рта, — и что же вас мучает?

— Мы же мальчики...

— Вы не мальчики, вы эгоисты. Обо мне вы подумали? Мне легко? Я не мучаюсь? Во мне, может, мальчишеского больше, чем в вас! — я оглянулся на притихший зал, перегнулся через стол к отшатнувшемуся Толику, и прошипел ему в лицо: — если вам так не терпится почесать свои хотелки, идите и чешите! Я же пойду к Славе! Думаю, она не откажется поиграть с таким... экзотом!! — я швырнул на стол ложку и выскочил из столовой.

Меня обуревал гнев. «Стой!» — кричал мне внутренний голос — «вспомни, гнев — смертный грех!» — Иди ты! — ответил я, направляясь в свою комнату.

В комнате сидел Саша. Бросив на него яростный взгляд, я схватил свою спортивную сумку и побежал в спортзал.

Мне нужно было выпустить пар, а где это сделать, как не на татами?

Хорошо, что мне в этот момент не встретилась Слава, не знаю, чем бы закончилась эта встреча. Даже думать не хочу.

Я нашёл в спортзале дядю Колю, и сказал ему, зажав злость

в кулак, что хочу побороться с кем — ни будь.

— Ты взволнован, — заметил тренер, — может, успокоишься сначала?

— Я успокоюсь только на ковре! — взорвался я, — дайте мне кого — ни будь поздоровее!

— Хорошо, — промолвил тренер, — Гриша! — позвал он кого-то. На его зов пришёл парень, раза в два тяжелее меня.

— Гриша, укроти этого котёнка, только без травм.

Гриша величаво кивнул и вышел на ковёр, я двинулся за ним.

С первого взгляда было видно, что высокая скорость — не сильная сторона этого борца. Я не стал задействовать ментальный контакт, мне нужен был выход для злости.

Гриша попытался схватить меня, и я его не разочаровал, отдав левую руку.

Гриша начал проводить бросок, но я ускорился, внезапно, вместе с его застрявшей в рукаве кимоно рукой, оказавшись у него сзади, подбил под коленки, и, когда он упал на колени, взял в захват его пальцы.

Гриша взвыл и застучал рукой об маты.

Я выпустил его и запрыгал вокруг. Тело вдруг стало, как стальная пружинка, лёгкое и послушное.

Когда Гриша снова встал против меня, я долго не раздумывал. Мне кажется, он не понял, как оказался на лопатках. Мне стало легко и весело.

— Двое! — крикнул я звонко, — двоих против меня!

Тренеры не успели остановить ещё одного борца, видимо, друга Гриши.

Без предупреждения они напали на меня с двух сторон. Что мне и надо было. Я схватил их за рукава, сделал сальто, и ушел от них, оставив друзей барахтаться на ковре, завязавшихся руками. Как это получилось, я не мог понять, но они не могли расцепиться. Тут сзади кто-то третий попытался меня схватить. Я тут же свалился в глубокий шпагат, схватил напавшего за лодыжки, и сильно дёрнул на себя. Раздавшийся грохот подсказал мне, что человек упал не на маты...

Повернувшись, я со страхом увидел пытающегося сесть дядю Колю.

— Дядя Коля! — бросился я к нему.

— Уйди с глаз моих! — прохрипел он, — чтоб до утра я тебя не видел.

Я недоумевающе огляделся.

Двое ребят пытались развязать моих противников, дядю Колю поднимал с пола их тренер, Саша и Толик с непонятым выражением на лице смотрели на творящийся разгром.

Видя, что здесь мне никто не рад, поплёлся в раздевалку. Там я переоделся, не смывая с себя пот. Впрочем, смывать мне было нечего, я даже не вспотел. Забрав свои вещички, я отправился в свой номер.

Там я переоделся в шорты и майку, и, чувствуя невероятную пустоту, лёг на кровать и заплакал.

Кто-то стал гладить меня по голове. Я оглянулся и увидел Сашу.

Повернувшись к нему, я крепко обнял его за шею, и сквозь слёзы сказал: — мне очень плохо без тебя, не бросай меня, ладно?

— Я тебя никогда не брошу, клянусь! — прошептал мне в ухо мой самый любимый человек.

Я, весь в слезах, хотел его поцеловать, но Саша сначала, взяв полотенце, стёр с моего лица все сопли и слёзы, и, счастливо улыбаясь, покрыл моё лицо поцелуями.

Кто-то входил в комнату, мы никого не видели.

Но когда Саша покрепче прижал меня к себе, я вскрикнул, с удивлением поняв, что у меня болит каждая мышца, вероятно наступил откат от адреналинового отравления.

— Все мышцы болят, — со стоном пожаловался я.

— Ещё бы! — сказал Саша с осуждением, — устроить такое. Теперь тебя бояться выставлять против детей. Обозвали Бешеным Котёнком.

— Ох, как мне плохо, Саша, надо сделать массаж, иначе завтра не встану.

— У нас есть штатный массажист.
— Что ты, Саша! Он же не наш, увидит сразу, кто перед ним, и сразу заложит.

— Тогда раздевайся, сам тебя намну.

Делать было нечего, разделся до плавок, перевернулся на живот.

— Ты бы надевала мальчишечьи трусы, плавки тебя выдают.

Сквозь боль я хихикнул: — Ты просто не знаешь некоторых особенностей, гм, нашего организма... в плавках лучше держится прокладочка.

Я покраснел, Саша тоже, неуверенно начав массировать моё болезненное тело.

— Ягодишки тоже сильно болят, — прошипел я.

— Как, сквозь плавки массировать? — Спросил Саша.

— Не поверишь, мне сейчас всё равно, лишь бы ты облегчил мне боль.

Саша лёгкими движениями стал растирать мне мышцы.

— Зато мне не всё равно! — заявил он, — меня всего начинает трясти!

— Может, позвать профессионального массажиста? — услышал я заботливый голос Максима Сергеевича.

— Нельзя, — ответил Саша, — лучше пусть Толик мне поможет.

«Толик поможет!» — подумал я, слушая, как пыхтит мой друг, но, как ни странно, под их нежными руками я задремал.

Вот и финал. В своём весе я — безоговорочный победитель.

После взрыва ярости, где я справился с двумя неслабыми борцами, меня зауважали, появились предложения от именитых клубов.

Но меня, по объективным причинам, эти предложения не могли заинтересовать. Тренер же только ухмылялся и отправлял соискателей ко мне. Один раз, правда, дядя Коля намекнул мне на женскую сборную, но моя спортивная карьера не прельстила. Я растворялся в счастливой любви.

— Наверно, хорошо, что вы тогда поссорились, — сказал однажды дядя Коля, — иначе вам было бы плевать на спортивные достижения, да и выдали бы себя.

Но он ошибался. Боролись мы, хоть и не отчаянно, как раньше, но ровно и с успехом. Так что, сильно не утруждаясь, добрались до финала.

Как-то ко мне подошёл робеющий Серёжа.

— Саша, — обратился он ко мне, — я вижу, тебе плевать на все медали и кубки, ты тешишь только своё самолюбие. Поверь, все уже знают, что ты сильнейший борец... — Серёжа замолк.

— Продолжай, что замолк, я думаю, ты пришёл ко мне не для того, чтобы раздавать комплименты.

— Да, — вздохнул Серёжа, — если ты победишь меня, не видать мне спортивной школы. А ты отказываешься.

Я стоял и думал. Мне не хотелось рушить спортивную карьеру этого славного мальчика, но не мог я и подставлять свою команду.

Лично мне было действительно плевать на медали и кубки. Может, поговорить с тренерами, попросить перевести меня в другую группу?

Понять они могут, а пойти против правил?

— Я подумаю, что можно сделать, — пообещал я, и удивился радостному блеску в глазах Серёжи.

— Дядя Коля, — обратился я к своему тренеру, — Можно сделать так, чтобы мы не встретились в финале с Серёжей?

— Это уже ничего не изменит. Ты не проиграл ни одного поединка, ты можешь даже не выступать в финале, золото тебе обеспечено.

— А Серёжа?

— Что с Серёжей?

— Его возьмут в спортивный клуб?

— Ему надо не в любой клуб, он хочет в престижный. «Трудовые резервы» его не устроят.

— Странные амбиции.

— Нормальные. Без амбиций получают такие, как ты. Споспобные, но бесполезные.

- Ну и что мне делать, может, переведёте в другую группу?
- Ты потолстел?
- Скорее, наоборот.
- Вот видишь. Хотя ты побеждал более тяжёлых борцов, но это, наверно, на чистом адреналине?
- Сейчас могу и спокойно.
- Тренер покачал головой:
- Однако ты изменился. Ты уверен?
- Я стараюсь не врать. Я могу предчувствовать движения партнёра, могу обманывать их ложными движениями... это запрещено?
- Такого запрета нет, многие пытаются так работать, просто у тебя получается чисто, противник не успевает отреагировать. Жаль, что ты не хочешь продолжать спортивную карьеру.
- Она мне ничего не даст, кроме славы и денег.
- А что ты хочешь?
- Счастливой семейной жизни.
- Надо же, — удивился дядя Коля, — такой маленький, а туда же! Впрочем, я опять забылся, с кем имею дело! Вот все вы такие!
- Я счастливо рассмеялся: — далеко не все, дядя Коля, я такой один!

Вот и подошли к концу спортивные сборы. Несчастные, и в то же время, счастливые. Со слезами горя и счастья, ненависти и любви. Мы завоевали золото и первое место. Мне вручили золотую медаль за личное и медаль за

командное места. Никогда не любил торжественных моментов, поэтому их опускаю. Серёжу взяли в престижный спортклуб, он прибежал к нам, радостный, я еле успел спрыгнуть с Сашиных колен, где устроился, целуясь с любимым.

Серёжа объявил нам о решении тренера, сказал, что знает, кому этим обязан, и чмокнул меня в щёчку. Пока я приходил в себя, он скрылся за дверью. Прощайте, счастливые дни!

Я БОЛЕЮ

Сию дома один. Мне грустно. Смотрю на безрадостный пейзаж за окном и думаю мрачные мысли.

Какой же я был дурак! Жил с Сашенькой в одной с ним комнате, и, вместо того, чтобы таять от счастья, дулся на него, сверкал злыми глазами. В общем, делал всё, чтобы отравить себе и ему существование.

Сейчас я готов был простить ему всё, даже измену, лишь бы он был рядом.

Не получится. Саша с семьёй куда-то уехали. Толи к бабке, толи к деду, толи вообще на базу отдыха.

Хуже всего, там не было сотовой связи.

Ментальная тоже не могла его нащупать.

Особой тоски не было, была обида и грусть. Обидно, что тебя не пригласили. Грустно, что остался один. Почему я один?

Потому что приглашали. А я отказался. Приглашали меня мама и папа с Юриком. Они тоже куда — то уехали. Куда уехали, зачем все уезжают? Разве дома хуже? Хуже. Одному хуже, хочется повыть! Вот возьму, и повою. Я повозил пальцем по столешнице. Не буду я выть, лучше посчитаю, сколько там, до окончания каникул. Два дня. Целая вечность.

«Ляг, поспи, и всё пройдёт!» — вспомнил я старую армейскую поговорку, и улыбнулся. Действительно, сейчас разденусь, залезу под одеяло...

Приятные мысли разбил звонок мобильного. Звонил Саша!

— Саша! — только и смог выговорить я в трубку, горло перехватило.

— Саша, ты чего? Ну-ка, не плачь!

— Это я от счастья.

— Понимаю, что не от горя! Чтобы тебе позвонить, мы с папой двадцать километров на лыжах бежали в сопку! Тебе

надо смеяться над нами, а не плакать! Александра! — услышал я грубый мужской голос, — Не смей распускаться! Ну-ка, смирно! Слушай мою команду! Прекратить предаваться унынию, и стойко ждать своего бойца!

— Есть прекратить, товарищ майор! — засмеялся я.

— О как! Сашка, ты что, говорил ей моё звание?

— Нет, — растерянно проговорил Саша, — Наверно, догадалась по возрасту.

— Умная у тебя будет жена, это не к добру.

— Зато, какая красивая! — засмеялся Саша.

— Умная и красивая? Ты пропал! — захохотал Сашин папа.

— До свидания, Сашенька, не скучай! Мы побежали, а то не успеем до вечера на базу. Хотя, честно говоря, я лучше бы помчался к тебе, любимая!

Связь прекратилась. Я стоял, глупо улыбаясь и размазывая по лицу счастливые слёзы. Мой милый Саша! Уже не был противным заснеженный

двор за окном. Там гуляли, катались на санках ребята. Чем я хуже?

Я бросился в прихожую и стал одеваться в лыжный костюм.

До вечера мы бесились во дворе, играли в снежки, катали и валяли друг друга в снегу. Домой я вернулся потный и мокрый до нитки.

Принял горячую ванну, выпил чай с мёдом.

Вечером у меня поднялась температура. Я померил. 38 и 7. Открыв рот, посмотрел в зеркало. Так. У меня опять выросли гланды. Понятно, ангина.

Чем лечат ангину? Антибиотиками. Где антибиотики? В аптеке.

Поискал в маминой аптечке. Что-то есть, и то просроченное... вызвать «скорую»? А если увезут в больницу? Скажут, подозрение на пневмонию.

Где родители? А я знаю? Телефон тоже не берёт.

Я выпил цитрамон и лёг спать.

Ночью мне стало совсем плохо. Предполагая, что смерть моя

близка, начал названивать Толику, моей последней надежде. Долго я звонил.

— Саша? — хрипло спросил заспанный Толик.

— Я заболел, — еле слышно просипел я.

— Вызовите скорую...

— Я один дома, — с трудом выдал я следующую фразу.

— Один? — вскрикнул Толик, — подожди, я скоро!

— Толик! — не отпустил я его, — буди папу, а то меня заберут в больницу.

— Может, тебе и надо в больницу! — испуганно вскричал Толик. «Что случилось?» — послышалось в трубке, — «Саша заболел!» — И связь прекратилась.

Я, наверно, задремал, потому, что звонок в дверь услышал не сразу.

С трудом сполз с кровати, и, держась за стены, добрался до прихожей.

Невероятным усилием открыв замки, я упал на банкетку.

В квартиру ворвались Толик, Яна и Максим Сергеевич.

Максим Сергеевич, быстро раздевшись, подхватил меня на руки.

— Ого! — воскликнул он, — Яна, быстро звони в «неотложку»!!

Толик заплакал.

— Ты хоть не реви! Ему и без твоих слёз плохо, — Толик испуганно замолчал.

Я впал в забытие, очнулся, когда меня стали поворачивать. Открыв глаза, увидел незнакомых людей. Они заставили меня открыть рот, холодным фонендоскопом прослушали грудь, долго заставляли то дышать, то не дышать. «Ангина» — донеслось до меня, как сквозь вату, — «Ни пневмонии, ни даже бронхита пока нет, вовремя вы. Вы родители мальчика?» «Нет, родители в отъезде, мы знакомые, присматриваем» «Хм, даже не знаю. Мы должны его госпитализировать, в инфекционное отделение. Но без родителей... сейчас мы сделаем укол, даже два. Я выпишу рецепт, поезжайте в дежурную аптеку на Ленина, завтра вызы-

вайте участкового врача». Меня, молча, перевернули на живот, и один за другим, поставили два укола. Повернули на правый бок, и велели спать. Мне скоро стало лучше, и я заснул.

Утром я проснулся от давления внизу живота. Открыв глаза, увидел, что рядом со мной, сидя на стуле, спит Яна.

Я ощутил укол совести: переполошил почти чужих людей, лишил сна...

Тихонько, чтобы не разбудить Яну, выскользнул из-под одеяла, на цыпочках пошёл в туалет. На обратном пути был схвачен бдительным папой Толика: — А, больной проснулся! Ну и напугал ты нас! Температура была за сорок! — он коснулся губами моего лба, — ещё есть, но уже меньше. Сейчас выпьешь лекарства, снижаем температуру, и нам пора. Оставим тебе Толика, пусть ухаживает.

Толик спал на втором ярусе. Яна проснулась, дала мне выпить какую-то гадость, сунула под мышку градусник, и пошла умываться.

Они приготовили на кухне завтрак, Максим пришёл, с трудом растолкал Толика, который тут же уснул снова, и достал термометр.

— Тридцать восемь, — печально вздохнул он, — Надо было тебя в больницу отправить... что молчишь?

— Больно говорить, — просипел я, — давно ангины не было.

— Тогда молчи, повредишь связи, петь не сможешь. Ты даже не представляешь, как поёшь! За душу берёт. Слушаешь артиста, поёт и поёт, а ты, как будто душу вкладываешь в песню! Хочется и плакать, и смеяться.

— Надо же! — удивился я про себя, — в моей прошлой жизни единственный комплимент, который я слышал, это было: «Саша, не пой!».

— Толик, ты долго будешь дрыхнуть?

— Ну что?

— Мы уходим, ты остаёшься, за Сашей будешь ухаживать.

— Буду...

— Слушай внимательно, я оставлю записку, где составлю график приёма лекарств... да ты слышишь меня?!

Я захихикал: — оставьте мне, — просипел я, — ему покажу.
— Это правильно! — согласился Максим Сергеевич, — Что
есть будешь?

— Манную кашу смогу проглотить.

— Манную кашу... — пробормотал Максим, — где же её
взять? — и ушёл.

Меня опять потянуло в сон.

— Опять спят! — услышал я, — ну этот понятно, больной, —
а этот...

— У этого здоровый сон, — рассмеялась Яна, — положи
записку на стул, придави её коробкой с лекарством, Саша маль-
чик умный, разберётся.

— Мальчик... — хихикнул папа Толика, и они удалились.

Мы с Толиком проспали почти до обеда.

Толик слез сверху, продрал заспанные глаза, и сразу начал
осматривать меня: потрогал лоб, прослушал сердце. Мне стало
неловко:

— Помыться бы?

— Лежи, когда болеешь, нельзя купаться, ещё хуже будет. Вот,
возьми градусник. Так, что они тут понаписали... О! Пора уже
тебе лекарство принимать!

— Давай своё горькое лекарство.

— Вот уже и голосок прорезался! — восхитился Толик, и стал
разбирать таблетки.

Дав мне лекарство, Толик посмотрел градусник, хмыкнул: —
Почти тридцать восемь. Как себя чувствуешь?

— Неплохо. Помоги встать, хочу умыться.

— Давай, я тебя лучше умою губкой.

— Ты сначала сам умойся.

— Я и забыл! — Толик ускакал в ванную. Через некоторое вре-
мя он принёс большую кружку с тёплой водой и полотенце. Взял
губку, и осторожно стал протирать мне лицо. Я вздохнул и смирил-
ся, решив не лишать друга удовольствия быть нужным. Сбежал он
и на кухню, принёс манную кашу, стал кормить меня с ложечки. Я
всё это стоически вытерпел, пока не прижало идти в туалет.

Так я и болел. Приходила участковый врач Аня, выписала ещё лекарств, велела полежать ещё.

Приходил папа Толика с Яной, готовили нам пищу, покупали лекарства.

Потом приехали родители.

Мама сразу сказала, что больше никогда не оставит меня одного. Толика стали отправлять домой. Толик заупрямился, сказав, что не отойдёт от меня до полного выздоровления. Мама посмеялась, и разрешила ему остаться.

Толик занял верхнюю кровать, а Юрик спал со мной.

Температура у меня быстро спала, и я пошёл на поправку.

Потом приехал Саша!

Он сразу схватил меня в охапку, и понёс в нашу комнату.

— Какой ты лёгкий стал, Котёнок, — удивился он.

— Болею я, — оправдывался я, млея.

Саша хотел целовать меня в губы, но я уклонился: — ангина заразна, ещё не хватало, чтобы ты заболел.

Свернувшись клубочком у него на коленях, я подумал, что окончательно превращаюсь в маленькую девочку. Воспоминания о прошлой жизни куда-то отодвинулись, как будто я видел длинный и нудный сон.

Мне было необыкновенно хорошо, вот и всё.

Юрик сидел на стуле, забравшись на него с ногами, и непонятно смотрел на нас. «Тебе хорошо?» — услышал я. «Очень» «Вызови его»

Я вошёл в ментальный контакт с Сашей.

«Что чувствуешь?» «Нежность, радость, запоздалый страх за меня, наслаждение» «Передать тебе?» «Не нужно, это твоё. Вызови его, попытайся привлечь своё внимание!» Я послал свой соблазнительный мыслеобраз. «Ну и что?» «Усилилось его либидо» «Ты и правда маленькая глупая девочка! Когда мне нужна твоя помощь, ты только и можешь, что соблазнять мальчиков!». Юрка вскочил и вышел из комнаты.

— Что случилось? — наш ментальный обмен занял доли секунды, но Саша что-то почувствовал.

- Юрик разозлился на меня.
- Почему?
- Ему что-то нужно от меня, а я не могу понять, что ему конкретно надо.
- Пойдём и спросим!
- Не надо. Лучше, пошли мне мысленно, что ни будь хорошее. Например, вид того места, где вы отдыхали.
- Саша напрягся, пытаясь что-то вспомнить. Я засмеялся:
- Саша, не надо напрягаться. Просто вспомни для себя, что тебе понравилось, потом коснись моего разума.
- У меня в памяти появилась не совсем чёткая картинка заснеженного леса, смеющийся мужчина с ружьём.
- Это твой папа? — спросил я.
- Саша вздрогнул.
- Ты что, мысли читаешь?
- Да, дорогой, теперь ты от меня ничего не утаишь! — трагическим тоном сказал я, целуя его в щёку.
- Саша с испугом посмотрел на меня.
- Не бойся, я могу видеть и слышать только то, что ты хочешь сказать, или показать, без разрешения я могу почувствовать только твою любовь. Но это можно чувствовать и без ментальной связи, не так ли? Видишь ли, Юрик хочет, чтобы мы полностью слились разумами, тогда я могу выйти на более высокий уровень, и помочь ему в чём-то.
- Он считает меня лентяем и глупой девочкой, — помолчав, сказал я.
- Никакая ты не глупая, а моя любимая, да ещё с такими способностями!
- Знаешь, что сказал обо мне дядя Коля? Способная, но бесполезная. Наверно, и Юрик считает так же.
- Давай ещё попробуем, — у меня в голове замелькали картинки.
- Я рассмеялся.
- В твоём калейдоскопе не разберёшься. Саша...
- Что?

— Что-то должно произойти, чтобы мы смогли слиться разумами...

Я покраснел, когда мелькнула картинка физической близости.

— Прекрати, а то я оборву контакт.

— Так ты его держишь? — испугался Саша.

— А ты не направляй на меня всякие глупости. Лучше скажи, от меня ты что-нибудь принимаешь?

— Нет, кроме нежности, ничего.

— Придётся мне тренироваться. Я буду вызывать тебя, когда ты будешь дома.

— Но это же далеко!

— Всё равно буду. Как-то мне показалось, что ты ответил. Ты не устал меня держать?

— Как ни странно, нет. Я соскучился. Прости, что не взял тебя с собой. И в то же время, как подумаю, что ты могла заболеть в тайге, без врачей... страшно! Туда пятьсот, сюда пятьсот!

— Я после твоего звонка, так обрадовался, пошёл гулять, бесился, сильно вспотел, промок. Ты знаешь, меня Толик выхаживал, с ложечки манной кашей кормил, умывал губкой, — я улыбнулся, — мне приходилось всё это терпеть, хотя я и мог, хоть и с трудом, всё это делать сам.

— Толик хороший, я его люблю, как брата, совершенно самоотверженный. Он придёт сегодня?

— Нет, сегодня он отпросился домой, а так, ночевал со мной здесь, кормил горьким лекарством.

— Я его понимаю, и дико завидую.

— Я ещё не выздоровел.

— Ты намекаешь, что теперь моя очередь?

— Я был бы рад.

«Мама зовёт кушать»

— Пойдём, нас зовут ужинать.

Когда мы расселись за столом, я спросил:

— Мама, можно, Саша сегодня останется у нас? Мы очень соскучились.

- Пусть остаётся. Толик дома?
 - Да, он, наверно, устал.
 - Не устал он, его папа позвал, — сказал Юрка. «Ничего?»
- «Пока неважно»
- Я совсем забыл! — воскликнул я, и кинулся к «хрущёвскому холодильнику.
- Вытащив оттуда тазик, достал пару селёдин, пошёл к мойке чистить.
- Ну и вонища! — сказал папа.
 - Сейчас почищу, так с картошечкой... Ещё просить будете!
- Селёdochка оказалась жирной, я не поленился, снял кожу, вытащил хребетик, и на блюде преподнёс на пробу.
- Действительно, забытый вкус! Сельдь исчезла.
- Ленивая ты, Саша, — сказал папа, не могла больше почистить.
 - Я еле на ногах стою.
 - Ладно, сиди, я сам, — через некоторое время: — Чёрт, как ты с ней справишься?!
 - Ой, папа, позволь, а то селёдку жалко. Только я кости выбирать больше не буду. Каждый легко почистит сам.
- Я взял ещё несколько селёдин, помыл, выпотрошил, и порезал крупными кусками. Поставил горку на стол и предупредил: — смотрите, рыбка воду любит.
- Ты это к чему? — подозрительно спросил папа.
 - На воду гавкать будете.
 - Ну и жаргон у тебя появился! — возмутилась мама, — Родителям такое сказать!
 - Это не жаргон, скоро сами поймёте.
- Селёдку, почищенную мной, съели в охотку всю.
- Да, согласился папа, Саша не перестаёт удивлять, всегда думал, что селёдка солёная, как, не знаю что, а тут такая вкуснотища! Повезёт же её мужу! — В пространство сказал он. Саша чмокнул меня в щёку.
- Селёдку запили чаем, и разошлись.
- Мама зашла к нам в комнату.

— Саше где постелить?

— Если можно, сделай из стульев топчан рядом с кроватью.

Мама подозрительно посмотрела на нас.

— Не волнуйся, мама, я ещё слишком слаб, чтобы думать о таком.

— Я тоже надеюсь на Шашин здравый смысл. Прими лекарство, сейчас принесу воды.

— Ты позвонил домой? — спросил я.

— Совсем забыл! — удивился Саша, — извини, я сейчас.

Вошла мама со стаканом воды. Я набрал гость таблеток, и выпил.

— Юрик с тобой? — спросил я.

— Да. Он ничего тебе не говорил?

— Он злится на меня, что у меня не получается что-то.

— Да, что-то он невесёлый.

— Лишь бы снова не истощил свои силы, а то из меня помощник — ветром качает.

Пришёл Саша. Сказал, что разрешили остаться на ночь.

Мы составили топчан из стульев, постелили постель. Легли, я взял в руки Шашину ладонь, и не выпускал её, пока не уснул.

Пока не уснул, Саша предложил:

— Хочешь, подключайся ко мне, я буду вспоминать своё путешествие, а ты смотреть.

— Хочу, — я ментально подключился к Саше, и сразу меня охватила невыразимая нежность, он мысленно ласкал меня, целовал, глаза, нос, губы...

— Саша, я сейчас задохнусь, давай картинки.

Саша начал вспоминать, перескакивая с сюжета на сюжет, но и таких отрывков мне хватило, чтобы позавидовать Шашиному путешествию по заснеженной тайге.

Мне тоже однажды немного побыть в зимней тайге, вынужденно, у нас машина сломалась, но здесь было совсем другое. Папа охотился, Саша бегал на лыжах, всюду белый снег, огромные кедры буквально вонзались в небо. Я простил Сашу за его отсутствие, и уснул.

Утром мы проснулись поздно. Никто нас не разбудил. Приподняв голову, увидел, что спали мы на моей кровати, обнявшись, под одним одеялом.

Интересно, что подумали родители? Не удержавшись, я тихо прикоснулся щекой к Сашиной щеке, и пошёл в ванную комнату.

По дороге я с тоской посмотрел на турник: всё надо будет начинать сначала! Меня ещё шатало.

Вернувшись в комнату, где продолжал спать Саша, я обнаружил записку.

«Саша! Не забудь, что сегодня кончились каникулы! Сегодня я отпрошу Сашу, сходите с ним в поликлинику, возьмите справку. Целую, мама.»

— Саша, просыпайся! Каникулы кончились!

Саша открыл глаза, увидел меня, повалил на себя, весело смеясь.

— Саша, прекрати, у меня совсем нет сил, с тобой бороться!

— Довольно! Наборолись, теперь ты вся в моей власти!

— Скоро мне будет тринадцать лет... — загадочно сказал я.

— Ну и что? — насторожился Саша.

— Я схожу к своему врачу...

— И?

— Возможно, наши мучения кончатся!

— Сашка! — восторженно закричал Саша, — я тебя люблю!

Я тихонько смеялся, робко пытаюсь вырваться.

— Ну, Саша! Я говорю: возможно, это значит: 50 х 50!

— Это очень большой процент! Когда у тебя день рождения?

— Двадцатого мая.

— У-у-у...

— Чего завыл? Ты думал, завтра?

— Хотя бы на 23 февраля, или 8 марта...

— Сашка, не наглей! Нам и так слишком многое позволяют!

Дай мне подняться, а ещё лучше, помоги.

— Нет уж, вставай сама, — покраснел Саша, — я попозже...

Я засмеялся, и пошёл на кухню. Нашёл чем удивить!

На кухне я нашёл записку от папы.

«Сашка, злодей! Не мог прямо сказать, что значит: гавкать на воду! Всю ночь гавкал!»

Я опять засмеялся, и начал искать, чем кормиться.

Мы с Сашей славно провели время, вместе, на всю семью, в которую включили и Толика, приготовили обед, состоящий из первого и второго, Саша отвёл меня в поликлинику, где мне разрешили идти в школу, но освободили от физических нагрузок. Аня ещё раз предупредила, что я слишком худая, если не наберу вес, и не обрасту жирком, то месячных не дождусь. Значит, рожать не придётся.

Интересно, думал я про себя, мне хочется рожать, или нет?

С одной стороны, я сказал маме, что будет у неё двое — трое внуков, а с другой... не мог ли это сделать кто —нибудь за меня?

— Что сказали? — спросил Саша.

— Сказали, что рожать не буду?

— Почему? — даже остановился мой будущий муж.

— Худая, говорят, и бледная.

Саша облегчённо вздохнул: — вечно ты со своими шуточками!

— Не совсем шуточки. У меня уже переходный возраст, а признаков вторичных нет совсем. Как у мальчика. Я бы, конечно, хотел продлить детство лет до четырнадцати, но врач говорит, что это нехорошо.

— Причины какие?

— Какие, какие... меньше двигаться надо, да больше есть, буду пухленькая, тогда всё появится. Тебе нравятся толстушки?

— Мне не нравятся толстушки, мне ты нравишься.

— Вот и будем из этого исходить.

— А в школу когда?

— Я попросился завтра.

— Попросился? Я бы ещё отдохнул.

— Отдыхать хорошо здоровому, больному тоскливо, когда все в школе, а ты взаперти. Да и дел с ребятами много.

— Ты долго с ними собралась возиться?

— Отчего же «возиться»? в стае все мои друзья, буду ещё отряд создавать. Только не ревнуй, пожалуйста, тебе это не идёт!

— Зато тебе... гм. Ладно, замяли.
— Саша, а ты как, с нами только ради меня, или со всеми?
— Сначала был ради тебя, потом, съездив на соревнования, понял, что вы все замечательные ребята. Но у меня ещё и свой класс, свои ребята. Они посмеиваются, что я связался с малышкой.

— Эта малышня уже покруче ваших «взрослых». А я хочу сделать сбитый, крепкий коллектив, которым ничего не будет страшно. До тех пор, пока не станем взрослыми.

— Зачем тебе это?

— Натерпелся в своё время. Врагу не пожелаю!

— Саша, расскажи!

— Я тебя уже просил: не расспрашивай меня о прошлом никогда.

— Я интересовался у твоей мамы, она отправляет меня к тебе.

— Неужели ты не понимаешь, что мне это неприятно. Я ведь не интересуюсь твоим прошлым. Никогда не спрашивал, была ли у тебя девочка. Не влюблялся ли ты в детском саду. Если захочешь, сам всё расскажешь, если тебе неприятно всё это вспоминать, пусть останется в прошлом.

Саша подумал, и согласился со мной. Тем не менее, я видел, его не оставила мысль раскопать что-то о моих тайнах. Надо предупредить ребят.

Хотя кто сейчас в трезвом уме будет рассказывать Саше, как они издевались и избивали меня? Всё изменилось, и нечего ворошить дурно пахнущее прошлое.

Мы подошли к дому и увидели Толика, который сидел на лавочке.

Увидев нас, он кинулся навстречу:

— Где вы гуляете?!

— Успокойся, Толик, — сказал я, — мы ходили в поликлинику, меня выписали, завтра пойду в школу.

— Ура! — заулыбался Толик. Ребята уже хотели к тебе идти, но я сказал, что ты заразный.

— Да, Толик, я заражаю только самых любимых.

Дома Толик сообщил последние новости.

Наш отпуск по тренировкам закончился, завтра уже надо будет выходить.

Ёлку убрали, но кросс не отменили. Я только вздыхал. Неделю мне запретили заниматься не только спортом, но и делать утреннюю зарядку.

В прошлой жизни я избавился от гланд, может, и здесь попробовать.

Правда, пробовать неохота. Операция не из приятных, когда живём режут горло... брр. Может, сейчас наркоз лучше? Надо спросить.

Толик рассказал Саше, как они спасали меня, потом поделился домашними заданиями. Он не поленился, и сходил в Сашин класс. В первый день много не задавали, в основном повторение пройденного. Умница у нас Толик.

Просидели до вечера на кухне, не заметили, как время пролетело.

Загрели замки в прихожей, и я побежал встречать маму с Юриком.

— Смотрю, вся компания в сборе?

— Да, мамочка, нам так хорошо!

— Только и знаете, что о себе думать, — пробурчал Юрка, направляясь в свою комнату.

— Чем я могу помочь? — крикнул я вслед.

— Ничем, — бросил он.

— Что случилось, мама?

— Не знаю, — вздохнула мама, он молчит, наверно, что-то с моей беременностью не так.

Меня будто окатило холодной водой. Вот почему так злится и переживает Юрка. Но что я должен сделать? Почему он заставляет наладить ментальную связь с Сашей, а не с мамой? Маму я тоже люблю!

«иди сюда. Один» Я поплёлся к Юрику.

— Мы должны спасти маму, — в лоб сказал Юрка.

— Как мы это сделаем?

- Ты должен выйти на прямой контакт с Сашей.
- Почему именно с ним?
- Не знаю, почему, так надо, тогда ты увидишь, что с мамой.
- А что говорят в больнице?
- Что причины для беспокойства нет.
- Тогда...
- Потому что я её поддерживаю. Тут ты ещё заболел!
- Ты столько времени молчал!
- Сначала я думал, возраст мамин, потом токсикоз, но сейчас явно что-то не то. Надо увидеть.
- Увидим, и что?
- Не знаю, — из глаз Юрика выкатились крупные слезинки.
- Долго это будет продолжаться?
- Наверно, до родов. Это должно быть в июле.
- Время ещё есть.
- У меня мало сил.
- Может, у Саши, или у Толика?
- Через них медленно, у тебя было много сил, сейчас ты сам тянешь.
- Что мне делать?
- Вызывай Сашу. Установишь контакт, быстро выздоровеешь, будешь поддерживать меня, я маму.
- «Саша, приди ко мне»
- Вы про нас не забыли? — спросил Саша, заходя к нам. Он просто соскучился.
- Сколько бы я ни вызывал Сашу, тот меня не слышал. Поиздевался над Толиком, который, ничего не понимая, исполнял мои команды.
- Юрик, ничего они не слышат! Тугие на ухо.
- Ты вызываешь не на той частоте! — сердился Юрик.
- Давай сегодня, оставим Толика, ты будешь с ним спать. Немного, но вытянешь сил из него.
- Из меня? — испугался Толик.
- Ты уже не такой слабак, как осенью. Тебе надо всего лишь думать обо мне.

- А я? — спросил Саша.
- Хочешь поспать с Юрой?
- Не, я с тобой.
- Ты с ума не сойдёшь?
- Не сошёл же!
- Раз на раз не приходится.
- Толик от ревности сойдёт, — предположил Юрка.
- Не сойдёт. Толик понятливый, — сказал Саша.
- А если будете ссориться, всех отправлю по домам, и буду спать в одиночестве, тихо плача в подушку! — пригрозил я.
- Нет, мы не хотим этого, — вздохнул Толик, — приказывайте, ваше высочество.
- Юрику нужна наша поддержка, значит, мы не должны скрывать своих чувств, не то мне опять придётся его носить целыми днями, а сейчас меня шатает ветром. Идите, отпрашивайтесь. Правильно аргументируйте свои желания, не то подумают неизвестно что...
- Я пошёл к маме, объяснять, почему я устроил общежитие в своей комнате.
- Сашка, ты там прямо гарем себе устроил! — обвинил меня папа.
- Я объявил матриархат, и выбрал Сашу любимым мужем, — парировал я.
- Не рано ли? — насторожился отец.
- Па, ну мы играем!
- Доиграетесь!
- Не волнуйтесь, дорогие родители, внуков вам ещё долго ждать.
- Это ещё почему? — нелогично забеспокоился папа.
- Аня говорит, плохо кормите...
- Посмотри на него, мать!
- На что смотреть? Кожа да кости. С такой конституцией трудно забеременеть.
- Что же теперь делать?
- Как-то откармливать. Жирной пищей.

— Салом, что ли?

— В том числе.

С нескрываемым ужасом слушал я их планы, открыв рот.

— Вы чего?

— Внуков хотим! — засмеялась мама, подходя ко мне.

— Вот такого же маленького Сашеньку! — обняла она меня, — какой же ты колючий! Как только ты смог выиграть состязания? потрогай его, отец! Кожа да кости!

— Болезнь за два дня всё съела, — пожаловался я, — теперь всё сначала начинать.

Между тем счастливые ребята сказали, что родители разрешили им остаться, если это надо, чтобы поднять больного на ноги.

После ужина мы побыстрее улеглись. На этот раз мы с Сашей сразу легли под одно одеяло. В одних трусиках. До этого, я, кажется, не знал, что такое блаженство, ощущать чистую кожу любимого, его горячие поцелуи! Нашего счастья должно было хватить на десять Юриков.

К сожалению, разум Саши остался закрыт от меня. Горячечные образы не в счёт. Между нами как будто натянулась плёнка, прозрачная и гибкая. Видеть — вижу, но ничего не слышу.

Толик сверху попросился к нам. Юрик тоже.

Я пригласил, предложив составить стулья. Зря я это. Чуть не задавили.

— Пощадите больного! — полузадушено взмолился я.

Так мы и уснули, переплетясь руками и ногами.

— Мама, — тихо, чтобы никто не слышал, спросил я, — Вам не накладно кормить такую ораву? Я обнаглел, вы молчите...

— Успокойся. Несмотря на ваш аппетит, мы сможем вас прокормить. Не вздумай что — ни будь сказать вслух!

— За кого ты меня принимаешь! — возмутился я.

Мы находились на кухне, где, сначала я, а потом подошедшая мама, готовили завтрак на целую кучу едоков.

По — быстрому можно было сделать макароны по-флотски, чем я и занимался. То-есть, жарил фарш, закрыв дверь и включив вытяжку.

— Ты тоже был в гостях у Саши, с Толиком, что-то там готовил.

— Мы скидывались. В холодильнике у них пустовато.

— Хм.

— Они какие-то... Живут, как на колёсах.

— Тебе не страшно?

— Бывает иногда, но я гоню эти мысли прочь, надеюсь хотя бы на два года. В моём возрасте это бесконечность. Мне будет пятнадцать!

— Да, это возраст, — серьёзно согласилась мама, вздохнув, — но я бы хотела, чтобы тебе всегда было двенадцать.

— Я понимаю тебя, но у вас, взрослых, время течёт по-другому. Ты оглянуться не успеешь, как мы вырастем. Хорошо, у тебя ещё маленький будет, растить да растить.

— Да, — счастливо улыбнулась мама, — надеемся с папой на чудо.

— Девочку? — понял я.

— Девочку.

— Не понять мне вашего желания. Я всегда хотел мальчика. Такого, как Юрий. Такого же замечательного, умного, внимательного. Не то, что я.

— Ну, Юрий уникал. Ты тоже. Появится ещё, с другим характером.

— Мало вам меня.

— Не наговаривай на себя, ты тоже очень чуткая девочка.

— Я недавно ещё мечтал вырасти мальчиком. Что мне теперь делать? Я слышал, чтобы развиваться по женскому типу, уже сейчас надо принимать какие-то гормоны.

— Ты не советовался со своим врачом?

— Мария Борисовна сказала, надо подождать тринадцати летия.

— Так подожди.

- Я волнуюсь.
- Сходи ещё на приём.
- Поправлюсь, тогда схожу.
- Как ты себя чувствуешь? — встревожилась мама.
- Я пожал плечами: — не очень.
- Может, тебе ещё отдохнуть.
- Скучно дома. У меня планы.
- Надорвёшься, со своими планами.
- Я не собираюсь выходить на татами, или гонять мяч, у меня планы на организацию ребят. Вроде ребячьей республики. Я понимаю, что у детей не бывает республики, значит, будет конституционная монархия.
- Саша! — всплеснула руками мама, — ты на что замахиваешься?
- Сделаем её легальной организацией, от школы, а то, действительно, примут за банду. Достаточно моей стаи, и то она называется командой!
- Ты меня пугаешь.
- Да, мама, что-то я разболтался, наши мужчины, кажется, просыпаются.
- Первым появился папа.
- Как начал готовить Саша, стало не до сна.
- Занялся бы зарядкой.
- Цыц. Я лучше поваляюсь лишний час, чем, как ты, прыгать.
- К сожалению...
- Какие твои годы! Вон, уже медали золотые выигрываешь, да ещё по самбо! Да ещё за пацанов!
- Сейчас и от воробья не отобьюсь.
- Ничего, куплю тебе витаминки, перловки, сечки...
- Да, это неплохая диета.
- Папа плохого не посоветует. Ты собираешься будить свою свору?
- Не свору, папа, стаю.
- Не вижу разницы.
- Да, её ещё строить да строить.

— Что-то мало для стаи.
— Это ближники. Стая пока из тринадцати состоит. Не все достойны, ребята проходят проверку, клянутся кровью!

— Как у вас всё серьёзно.
— Один за всех, и все на одного... ладно, всё готово, пойду будить свору.

«Свора» дрыхла, как могут дрыхнуть только мальчики. Набесились вечером до одурения, любимые.

Даже жалко будить. Вчера мы не сходили за Сашиными вещами, пойдёт на уроки без рюкзака, без формы? Что стоило прогуляться?

Зря я беспокоился. Привезли его вещи, молодой лейтенант привёз. Мы его и заставили вместе с нами позавтракать, для чего в большой комнате разложили стол. Семья разрасталась, действительно, надо большую квартиру. Мне большую комнату, чтобы все помещались, весь актив.

В школе я подошёл к Антонине Павловне и попросил организовать мне классный час.

— Что случилось, Саша?
— Объявление хочу сделать, обсудить одно дело.
— В спортзале нельзя?
— К сожалению, придётся привлекать к собранию вас, иначе могут нас обвинить в подпольной организации.

— О, господи! Ты меня заинтриговал. Идеи так и брызжут из тебя.

Никто не ворчал, когда после шестого урока объявили классный час.

Сначала, пользуясь моментом, взяла слово классная руководительница.

Она сказала, конечно, что началась самая длинная четверть, надо набраться сил, и, как наша спортивная команда, занять достойное место и в учёбе.

Потом вышел я. Вдруг заволновался. Будут ли слушать голодные ребята мой бред?

— Ребята! — пересохшим горлом еле выдавил я, — я уже говорил в автобусе, и это была не пустая болтовня. Я хочу, чтобы у нас в классе была пионерская организация, — я помолчал, настороженно слушая реакцию ребят.

— Эта организация совершенно добровольная, даже не для всех. Будем давать клятву юного пионера. Цель этой организации — сплотить ребят, чтобы не прятались в свои норки, а больше проводили свободное время вместе, играть в подвижные игры, помогать с учёбой. Мало ли можно придумать интересных дел! Нас не посмеют задевать разные полупреступные группировки, вроде Славки Быка, мы сами возьмём свой район под контроль...

— Кхм!

— Я не в том смысле, что сами будем снимать дань с района, но с нас дань снимать никто не посмеет!

Все, вступившие в пионеры, будут постигать боевые искусства, обидеть нас, даже поодиночке, будет непросто.

Сейчас рыцарей и джентльменов почти не осталось, и под угрозой здоровье и честь, а то и жизнь, наших девочек! — по классу пробежал шум. — Да-да, и это тоже, помню я. Но о себе я уже могу постоять и сам.

На полицию рассчитывать нам не стоит. Дети воевали, и будут воевать между собой, взрослым в наш мир ходу нет. Для них всё это игрушки. Поэтому, будет у нас своя организация, будет у нас и мир. И тогда, как в древнем Риме: девственница на осле, груженном золотом, может проехать из конца в конец империи. Такова моя программа.

Символом я предлагаю галстук. Всё равно мы носим галстуки, но мне кажется, это не для нас. Я хочу, например, красный галстук.

— Почему красный? — удивилась Антонина Павловна, — сейчас все пионерские организации носят триколор, красные носят коммунисты.

— Я не хочу политизировать нашу организацию, просто хочу напомнить, что означает триколор. Интерпретировать цвета можно по-разному, но послушайте: это Белая Русь, Синяя Русь, кото-

рая сейчас на территории Украины, и Красная Русь, или Московия. Я объяснил? Теперь даю вам время подумать, надо вам это, или нет, и собраться снова, затем, кто остается, будем разрабатывать клятву и прочее. Теперь можно идти домой кушать.

Но ребята расходиться не спешили. Поднялся шум, обсуждали моё предложение между собой, стали задавать вопросы мне.

— На все ваши вопросы я отвечу завтра, или, когда вы решите собраться. Почётче сформулируйте свои вопросы, я сформулирую ответы. Про взносы отвечу прямо сейчас. При Советской власти пионерская организация финансировалась из комсомольских членских взносов. Школьники платили по две копейки в месяц. Этих взносов хватало содержать тысячи пионерских лагерей, платили зарплату вожатым, дети практически бесплатно и качественно питались. Путёвка в пионерлагерь стоила чисто символическую цену. Помогали, конечно, и предприятия, профсоюзы, но дети не были предоставлен самим себе, ребят вытаскивали из подворотен и направляли их энергию на созидание, а не на разрушение...

— Саша, ты говорил, не будешь затрагивать политику! — перебила меня Антонина Павловна.

— Извините, увлёкся, просто хочу, чтобы наши хорошие дети не превратились в никчёмных взрослых. Всё закладывается сейчас.

— Признаюсь, ошарашил, — сказала классная, — знала бы, во что ты меня втягиваешь...

— Всё равно согласились бы, хоть послушать!

— Это верно, умеешь ты говорить.

— Получилось у нас собрать команду самбистов? Весной начнём играть в футбол. Что нам мешает ещё и дружить? Я хочу, чтобы нас уважали. Видят галстук, и уважают.

— Все рассмеялись, некоторые захлопали в ладоши, а я устал. Задрожали ноги, и я попросил разрешения сесть на место.

— Что с тобой? — встревоженно спросил Толик, когда я упал на стул.

— Устал, — стирая со лба пот, сказал я, — что — то слаб я ещё.

— Сейчас позову Сашу! — Толик достал телефон.
— Саша, ты опять заболел? Надо было ещё отлежаться! —
Встревожилась и Антонина Павловна. Ребята зашумели.
— Ничего, приду домой, хорошо поем, и лягу спать.
— Так и сделай, а если завтра будет плохо, позвони.
— Спасибо, Антонина Павловна.
— Саша не отвечает, — сказал Толик, наверно, на уроке.
— Подожди, — Я поискал след Саши, — Он ждёт нас на выходе, наверно, забыл включить телефон.

Толик молча выскочил за дверь. Через несколько минут он привёл Сашу.

— Мы заберём Сашу? — спросил он, и, получив согласие, мы удалились.

На свежем воздухе мне стало легче, перестала кружиться голова.

— Могла бы и попозже делать свой доклад, — попенял Саша мне. Я промолчал. Зато речь удалась, жаль, Саша её не слышал, я бы спросил, что он об этом думает. Саша умный человек, может, я зря всё взял на себя? Помощь мне бы не помешала. Если всё срastётся, хлопот будет немало.

— Сегодня останетесь? — с надеждой спросил я.

— Хорошие эмоции хорошо оздоравливают, — ответил Саша, мы сбегаете домой, потом вернёмся, да, Толик?

Толик согласился. Они опять крепко подружились. Очень крепко, подумал я. Пусть дружат. Пока.

— Со мной обедать будете?

— Мы тогда не выберемся. Придём позже.

Проводили меня до моей двери, проследили, чтобы я зашёл домой, и, прыгая по ступенькам, убежали. Я подошёл к окну, и увидел, что они бегом куда-то помчались. Надо же, подумал я.

С трудом съев остатки макарон, побрёл поспать. Разделся и лёг.

Чёртова ангина. Я и забыл, сколько сил она забирает. Да и долго ли их забрать из этого тельца? И с этим скелетом Саша что-то хочет?

Слепой он, что ли?

Если хочешь уснуть, надо о чём-то подумать. Заявления надо принимать в письменном виде. А то начнётся: хочу-не хочу. Впрочем, к этому надо подойти серьёзно. Самостоятельно выйти не получится, только исключить.

Какой ты! Если не так, какая может быть монархия?

Чем будем заниматься? Надо будет летом сходить в поход. Раздобыть карту, заняться топонимикой, а то не знаю даже, что там, за поворотом.

Река здесь должна где-то быть. Цна? Не знаю. Ничего не знаю, кроме Африки. На море хочу... невероятно соскучился, даже зимой. Что будет летом? Ни одного погожего дня не пропускал. Начинал с конца февраля, заканчивал в ноябре. Я вздохнул. У папы машина, взять доверенность...

Я вдруг расхохотался. Всю жизнь мечтал оказаться в детстве! Сбылась мечта идиота! Даже на машине не прокатиться. Тоже соскучился по своему «Бигхорну». Интересно, что с ним сделали? Хорошая машина... была.

Надо попросить папу научить сына с 25 летним стажем водить машину.

Сколько лет папе? Лет 35—40? Ничего не знаю!

Сладка хандра! Сдурел совсем! Судьба дала такой шанс, а он грустит о стариковских делах. Предложили бы мне вернуться назад, согласился бы? Да ни за что! На море можно съездить в отпуск... Какой, к чёрту отпуск!

Мама родит. Меня опять разобрал смех. Обе жизни смешно перепутались, не поймёшь, где что. Мне показалось, что я лежу на своём любимом месте, на берегу моря, тихо плещутся волны, жарит солнце, я уткнулся лицом в книгу, поэтому тяжело дышать.

«Опять жар. Почему не просыпается? Без сознания? Надо сделать укол».

Когда я проснулся, было уже темно. Я лежал под одеялом, раздетый, рядом никого не было.

«Юрик...» В комнату ворвался вихрь из трёх мальчишек. Следом спешили взрослые.

- Очнулся! — закричал Толик. Я поморщился.
- Тише ты! — прошипел Саша, — ну и напугал ты нас! Приходим, звоним-звоним, никто не открывает, стучим, тоже. Пришлось вызывать моего папу, он нашёл телефон твоего папы. Пока дождались, чуть не умерли от беспокойства. Толик уже хотел дверь ломать!
- И вовсе не я.
- Надо было к Юрику сбегать, — прошептал я, — а что случилось?
- У тебя поднялась температура, и ты потерял сознание.
- Я попытался заскрипеть зубами от досады, но сил не хватило даже на это.
- Да что же это... — от досады у меня выступили слёзы на глазах.
- А какой сон хороший приснился: лежу на берегу моря, загораю, жарко.
- Тебе было жарко, — согласился папа, — температура за 40. Хоть бы не воспаление, а то запрут в больницу на месяц.
- Горло вроде не болит.
- А голова?
- Не знаю. Я сквозь сон слышал, мне собирались уколы делать.
- Да, опять неотложку вызывали.
- Трамтарарам, — пробормотал я, — всё насмарку.
- Ничего не насмарку! — сказал Толик, — ты говори, мы с Сашей всё сделаем.
- Принимайте письменные заявления в пионеры.
- Папа потрогал мой лоб:
- Он бредит?
- Нет, всё нормально. Знать бы форму заявления.
- Пусть пишут произвольно, только указывают номер школы и класс, там разберёмся. И предупредите, что вход рубль, выход пять, чтобы думали.
- Вам со мной сегодня можно? Я не заразный?
- Тебе не тяжело?

- Если не задавите, как вчера, не тяжело, даже приятно.
 - Это уколы действуют. Скоро папа ещё сделает.
 - Ой, спасибо.
 - Зато спать будешь. Тебе бы покушать, — предложила мама.
 - Можно попробовать.
 - Папа, научи меня ездить на своей машине?
 - Не рано?
 - Не рано, мне сейчас приснилось, что я на машине приехал на пляж, — ничуть не соврал я.
 - Научишься, и что?
 - Поеду на море.
 - Шутишь, значит, стало лучше.
 - Что врачи сказали?
 - Горло, говорят, не красное, хрипов нет, только температура.
 - Может, рецидив?
 - Рецидив чего?
- Я пожал плечами: — не разбираюсь я в медицине до такой степени.
- А до какой ты разбираешься? — невесело рассмеялся папа, — эх ты, Сашка, Сашка.
- Так я заболел снова.
- Ребята поселились у меня. Поговорили со своими родителями, и они заплатили какую-то сумму за прокорм. Я уже так привык к ним, что отчаянно скучал, когда они уходили в школу, приходилось зубрить учебники от скуки.
- Они тоже привыкли ко мне, и даже собирались помыть меня в ванне, еле отбился. Мама отняла, и сама помыла.
- Силы возвращались страшно медленно. Как всегда, когда заболеешь, думаешь, что никогда не выздоровеешь.
- А между тем начались тренировки по самбо и футболу. Я плакал от досады.
- Сашка, не плачь, — говорили мне, — лишь хорошее настроение приблизит твоё выздоровление! — как будто я сам не знал!

Весна

Только в феврале мне разрешили пойти в школу.

Тихий и незаметный я был эти дни. Бурная радость по поводу моего появления постепенно утихла. Пропал мой энтузиазм. За неделю вынужденного безделья пришла привычка медленно двигаться, медленно соображать, медленно говорить. Да и боялся я быстро бегать, как бы не потерять какую-нибудь косточку, до того исхудал.

Толик и Саша жаловались, что я наставил им синяков.

Теперь они с лёгкостью помещались на моей кровати, они сами похудели.

Родители пытались нас откормить, но ничего не помогало.

Ребята усиленно тренировались, много расходовали энергии, да ещё со мной делились.

Приходила мама Саши, лишь головой качала, удивляясь странной моей болезнью. Предлагала положить в госпиталь, но все мы бурно воспротивились. Нам было страшно подумать о расставании, тем более, сейчас. Ребята буквально вылизывали мою мордашку, на которой пропали щёчки, пытались кормить с ложечки, но, к сожалению, ничего не лезло.

Теперь мы ходили в школу вместе, мой портфель поочерёдно носил то Саша, то Толик. Он и, правда, был неподъёмный.

Но всё когда-нибудь кончается, вот и я пошёл на поправку.

Почувствовав небольшой прилив сил, начал вставать по утрам на лёгкую разминку, затем готовил завтрак.

Школьные дела отложил на неопределённое время. Мальчики и девочки написали заявления в пионеры, и мы по вечерам разбирали их, взвешивая резюме каждого школьника, но пока не собирали собрания. Ребята видели моё состояние, и не возмущались.

Полностью я восстановился лишь к 23 февраля.

Родители Саши уже стали возмущаться его отсутствием, но тот уже не мог жить без меня. Мы уже жили настоящей семейной жизнью, разве что без интима. Но какой интим, даже у женатых людей, когда один из них болеет?

Тогда родители Саши пригласили нас в гости на праздник, вернее, на утренник, потому что вечером у них будет славная попойка, наше присутствие будет нежелательно.

Так как нас приглашали на смотрины, Толика попросили не обижаться, и подождать нас дома с Юриком.

Не знаю, как нас терпели родители? Мы, правда, старались тихо сидеть в своей комнате, негромко обсуждая свои дела, но, тем не менее, четверо детей вместо двух, это чувствительно.

Но присутствие друзей весьма благотворно сказывалось на моём здоровье.

Я уже не на шутку тренировался с Толиком, который уже не поддавался, как раньше. Ребята из стаи повеселели, предчувствуя новые проказы.

Я не зря говорил про контроль района. Мы потихоньку выдавливали из нашего района хулиганов. Дело не в нашей агрессивности, это закон выживания. Как только появилась наша сила, её начали проверять.

Пришлось разбить несколько носов, сломать несколько рёбер, рук, а о синяках и говорить нечего. Но наших сил было маловато, и драться приходилось каждую неделю. Сейчас у нас было перемирие, из-за моей болезни выбыли сразу трое.

Толик с Сашей бегали, не домой, к Саше, а на стрелку, где и договорились пока оставить сражения.

Надо было решать с пионерской организацией поскорее, потому что перемирие перемирием, а люди Славки сидеть не хотели, и потихоньку щипали наш район.

Ребят Славки мы уже вызвали на футбольный матч, надо было усиленно тренироваться, а тут моя апатия.

Кто-то из великих говорил о незначительной роли отдельного человека на ход истории. Так ли это? Поболее я ещё с полгода, и стая превратилась бы в стадо. Все травмы, что я перечислил, достались пока нашим врагам, но, по слухам, они начали учить айкидо.

Так что промедление смерти подобно. Такое положение дел здорово стимулировало наши тренировки. Отработка приёмов

на врагах входила в них, так что у нас были шансы поехать в Тамбов на областные соревнования.

С такими деловыми мыслями я, в сопровождении Саши, шёл к ним в гости. На смотрины. На что там смотреть? Мяса нет, одни жилы. Зато наращивать ничего не пришлось. Выгнав болезнь, достаточно было восстановить жилы.

Если меня раздеть, то получится скелет, обтянутый кожей. Если напрячься, вздувались тонкие жилы. О жире на боках пока надо было забыть

Когда мы с Сашей пришли, дома никого не было.

Мы уселись рядышком в Сашиной комнате, и стали обсуждать свои дела.

Дел скопилось немало, мы так увлеклись, что не заметили, как пришли родители Саши.

— Ну, показывайте невестку! — загремел полужнакомый голос. — Саша, ты пришёл с другом?

— Знакомься, папа, это Александра Денисова!

— Здравсте, — робко сказал я, поднимаясь со стула.

Папа Саши недоумённо осмотрел меня:

— Это и есть наша будущая невестка? — разочарованно спросил он, — вот этот худющий мальчишка?

— Я болел, сэр! — отозвался я.

— Болел? — недоумённо переспросил папа Саши, — что это значит?

— Валялся с ангиной, — пожал я плечами.

— Что это за розыгрыш? — спросил папа, — глядя на Сашу.

— Никакого розыгрыша! — слегка бледнея, сказал Саша, просто Саша предпочитает такой стиль.

— Понятно, если женщина одевается, как мужчина, значит, наступает матриархат. Матриархата в семье не потерплю!

— Кхм! — негромко раздалось сзади, и майор сник.

— Лена, посмотри на невесту.

— Что мне смотреть, я уже насмотрелась.

— Ну и как?

- Замечательно!
- Да? — с сомнением посмотрел он на меня.
- Ты очень сильно похудела, Сашенька, — поцеловала меня мама Саши.
- Да, болезнь никого не красит, — вздохнул я, — это я ещё поправился.
- Говори о себе, как о девочке, папу шокирует твой стиль.
- Я всё равно собьюсь, — махнул я рукой, — наши дела в школе, требуют от меня мальчишеского обращения.
- Хорошо, Сашенька.
- Вы обещали называть меня Шуркой.
- Тогда ты была подружкой Саши.
- А теперь?
- Встать! — рявкнул папа Саши, — смирно! — и, когда мы с Сашей встали рядом, он сказал: — благословляю вас, дети мои! — и поцеловал нас в лоб.
- Теперь ты в нашей семье.
- Вот так быстро?
- А чего тянуть! — захохотал папа, — Лена, неси шампанское!
- Саша, — прошептал я, — почему ты не представил мне папу? Как мне его называть?
- Так и называй: папа. Очень удобно, не забудешь. А зовут его Иван Александрович.
- Так ты не только Александр, так ещё и Иванович? — удивился я.
- По крайней мере, у нас фамилии разные. Но, надеюсь, они будут одинаковыми! — мы слились в поцелуе.
- Ну, ты посмотри, что делают! — восхитился папа, — только отвернись! Ну, идите за стол, обмоем помолвку. А то вы живёте вместе уже почти месяц в грехе.
- Папа! — воскликнул Саша.
- Что папа! — строго спросил папа, — я и говорю, что без благословения нельзя. — папа с сомнением осмотрел меня, — как же ты с ней...

— У нас ничего не было, — покраснел Саша.
— Как не было? — неподдельно изумился папа, — где же ты был?

— Папа, мы спали с Сашей в одной постели, но...

— Я очень сильно болела, — пришлось вмешаться мне, — Саша отогревал меня своим телом, если бы не он, я бы болела ещё долго.

— Как это романтично! — произнёс бравый офицер. — Действительно, я тоже не решился бы мучить такую худобу.

— Папа, ты не поверишь, но Саша на зимних спортивных сборах завоевала личную золотую медаль по самбо в своём весе. Один раз даже победила меня! Вот поправится, тогда не узнаешь её!

— Что-то я слышал от мамы. Надо же, самбо!

— Она ещё капитан футбольной команды!

«И предводитель местной шпаны» — грустно добавил я про себя.

— Я сражён, — сказал папа, — идём, идём, посидим немного, что мы всухую. Александра, у тебя спортивный режим?

— И режим, и я ещё маленькая, выпивать.

— Кто говорит о выпивке? Глоток шампанского чисто символически!

Под его напором мы прошли на кухню и были усажены за накрытый стол.

— Сегодня, как-никак 23 февраля, наш праздник, ну и, теперь в этот день будем ещё отмечать вашу помолвку, Александра...

— Ивановна, — буркнул я.

— О как! — удивился папа, — это как же теперь вас различать? ещё и фамилия будет одинаковая! — и он захохотал.

— Весёлый у тебя папа! — прошептал я Саше на ухо, — тот кивнул.

Папа ловко вскрыл шампанское, накапал нам с Сашей в рюмки и произнёс незамысловатый тост:

— Ну, за молодых! Горько! — мы не стали стесняться.

— Ну хватит, хватит, пересластите!

Мама с папой выпили ещё за наше счастье, и мы были отпущены.

Мы отправились к нам домой, где нас ждал верный Толик.

Мне было легко и приятно. Никак не ожидал такого поворота!

Я суженая Саши! Почти жена! Я с нежностью посмотрел на Сашу, с лица которого не сходила блаженная улыбка.

— Саша, скажи, ты знал? — спросил я.

— Даже не предполагал. Не вру. Тем более с колдуньей.

— Ой! А я и забыл тебя позвать! Я в шоке!

— Я сам в шоке. Интересно, чья это была идея?

— У вас верховодит мама, хотя мужчины такие непредсказуемые... сам такой.

— Почти месяц прожил с тобой... и ещё не против. Всю жизнь!

— Да, Сашенька, я тоже согласна.

Дома нас тоже ждал накрытый стол.

— У нас папа военный? — тихо спросил я маму.

— Не совсем, но близко, — не стала мне открывать тайну мама. Наверно, до конца не верила, что я ничего не помню.

— Мама, — решился я, — Беловы нас обручили. Теперь что, кольца надо покупать?

— О, господи! О чём они думают? Скоро с детского сада будут женить.

— Мы не против!

— Кто бы сомневался!

— А вы что скажете?

— Уж больно ты мала. Мальчишка мальчишкой. Ну какая из тебя жена?

— Не жена, невеста. Раньше с пелёнок обручали.

— Тоже верно. Сейчас посоветуюсь с мужем, — мама пошла к папе, я к своим ребятам.

Толик сидел и вздыхал, пряча глаза. Юрка занимался с компьютером, Саша сиял.

— Я поговорил с мамой, — сказал я, — сейчас она советуется с папой.

Саша широко улыбнулся.

— Наш папа, это не твой, Саша, так что рано радуешься.

— Всё равно мы будем вместе, — упрямо сказал Саша.

За столом мы поздравили папу с праздником, выпили морсу, а папа коньяку. Коньяк, после третьей рюмки, его немного расслабил.

— Помнишь, Сашка, наш спор? Ты ещё сказала: никогда мальчика не полюблю. И что мы видим? Просишь благословить. Бутылку коньяку с тебя, что ли, требовать? Проиграла спор, проиграла. Ладно, дети мои, благословлю вас, подходите под руку. Обручение не свадьба.

Мы вскочили и упали перед папой на колени. Папа обнял нас, сдвинул головами и поцеловал в лоб: — благословляю вас, дети мои, любите друг друга всю жизнь так, как сейчас!

Юрик захлопал в ладоши.

— Привет, подруга! — услышал я из трубки. Звонила Слава, — что, недовольна?

Тогда буду звать тебя мальчиком. Мы тебя раскусили ещё в сборах, но не бойся, никому не сказали. Взрослые такие глупые! Но если они и догадались, навряд ли будут что-то переигрывать. Девочка победила всех их мальчишек! Позор всем тренерам! Твоего тренера, сама слышала, сманивали куда-то, то ли в «Спартак», то ли в «Динамо», но ваш дядя Коля отказался и продолжил тренировать дворовую команду! Я уже тысячу раз прокляла себя, что не продолжила ухаживать за тобой, это было бы убойно!

Моя подруга ворковала, не давая вставить слово, но я не слишком-то и стремился к этому. Подцепив гарнитуру, я возился на кухне, готовя завтрак на нашу небольшую компанию. Я выздоровел, щёчки снова округлились,

появились намёки на бицепсы и трицепсы, и слушать голос из прошлого было приятно.

— Что ты молчишь? — рассердилась Слава.

— Мне очень приятно тебя слушать, — признался я, — вот говорить некогда, приходится готовить завтрак на такую ораву, каждое утро по кастрюле съедают.

— Погоди, погоди, дай догадаюсь. У тебя живёт тот красавчик... Саша! — взвизгнула Слава.

— Угадала, но не совсем, ещё и Толик.

— Вау! И ты с двумя?!

— Я никому не даю.

— Ну, ты зверь!!

— Что делать, я слишком молода, чтобы раздавать себя налево и направо.

— А знаешь, ты права! — с завистью согласилась Слава, — я вот всегда думала наоборот, пока молода, надо брать от жизни всё! Ну что эти старички понимают в любви?! Все чувства притупляются, они уже не горят, а тлеют.

— Ну, я до такого себя не доведу, мне всего двенадцать.

— Молодец, Саша! Это по — нашему! Всё, меня зовут завтракать, я ещё позвоню! — Слава отключилась, а я со вздохом пошёл будить своих женихов. Я поражался терпению своих родителей. Поселить у себя ещё двоих прожорливых мальчиков! Конечно, основной труд по их пропитанию взял на себя я сам, их родители привозили мне провизию, но в нашей тесноте... Но, тем не менее, я замечал, что мои родители находят в этой толкучке своеобразное удовольствие. Папа считал мальчиков почти своими сыновьями, и привлекал их по хозяйственным нуждам, если у нас было время. А времени катастрофически не хватало. Я проклинал себя за весеннюю апатию, но что пользы от хлопанья ушами по щекам?

Приходилось навёрстывать упущенные дни.

Мы провели первый сбор отряда. От красных галстуков пришлось отказаться, иначе нас бы привлекли в дружину города.

Мне хотелось на первых порах самостоятельности. Решили остановиться на зелёных. Не как у «зелёных», а почти цвета хаки. У меня появилась мысль одеть всех в камуфляж. Причём

мальчиков и девочек в одинаковую форму. И никаких бантиков!

В школу тоже надо ходить в полувоенной форме. С Алевтиной договаривается Вовчик. Договорится! Вот только наш переезд!

Я уже знал, что квартиру нам дают довольно далеко от центра — километров десять по прямой. Можно, правда, бегать бегом в школу, принимать душ, и на уроки. Обратное попросить папу возить, обедать в столовой.

После моей болезни о моём житье на старой квартире я не заводил и речи, хотя меня и окружали бы мальчишки, но мама им не особенно доверяла. Мальчишки есть мальчишки, легкомысленные и ветреные. Мысленно я с ней был согласен. Я скучал по маме, когда долго её не видел. Она по старой привычке заходила к нам в комнату и целовала на ночь, смеясь, весь наш разросшийся коллектив.

Какие эти мальчишки сони! ещё и стеснительные. Боятся, что я упаду в обморок от их вздыбленных трусиков. Скоро синяков мне понаставят.

Я им предлагал прекратить эту повальную спячку, но они скакали, что по отдельности они уже не смогут спать, лучше так.

Кое-как растолкав засонь, включая братца, которого я отнёс родителям на диван, я пошёл накрывать на стол, громко крикнув, что, кто не успеет, будет есть холодное. Через секунду я услышал топот ребячьих ног, наперегонки помчавшихся в ванную.

Родители уже предлагали поменяться нам местами, но как-то не хватало времени переселиться, так мы и давили друг друга на моей узкой кровати, но никто не жаловался! В тесноте, да не в обиде, каждый получал свой кусочек счастья.

Помытая и весёлая, моя банда расселась за столом. С трудом, но мы помещались на нашей крохотной кухне. Была маленькая, теперь крохотная.

Приходилось брать брата на колени, или его брал папа, а меня Саша.

— Сегодня у нас очередной сбор, напомнил я своим волчатам.

- Что будем обсуждать?
 - Приближаются тёплые дни, нам нужна база для тренировок, — я помолчал, — мне надо встретиться с Сашиным папой.
 - Сегодня же созвонюсь с родителями! — согласился Саша.
 - Ты не соскучился по ним? — спросил я.
 - Есть маленько, — нехотя согласился Саша.
 - Пойдёшь со мной к вам, — засмеялся я.
 - А я? — ревниво спросил Толик.
 - Куда же без тебя? — рассмеялся я, — если планы не изменятся.
 - А что?
 - На сборе поговорим.
- Мои родители только головами качали, не вмешиваясь в разговор.

- На сборе я сказал:
- Сегодня нас приглашают на стрелку.
 - На счёт чего?
 - Мы со Славкой будем обсуждать, где проводить границу. Я хочу границу провести до окраин города.
- Ребята засмеялись: — Аппетиты у тебя. У нас сил не хватит!
- Сегодня попробуем договориться. Придётся подраться.
 - Ура! — громче всех кричали девочки. Кстати, девочки у меня все постриглись коротко. Сами. Это после первой драки, когда их оттаскали за косы и хвосты.
 - Я думаю, Славкины ребята сегодня прихватят железо, будьте готовы.
 - Почему ты нам не разрешаешь ничего брать? — спросил Димка, капитан боксёров.
 - Не хватало ещё нам кого-то ранить или, не дай бог, убить!
 - А нас тебе не жалко?
 - Если кто позволит себя ранить, будет наказан, будет вдвое заниматься силовыми упражнениями. Учитесь обходиться без оружия. Разрешаю применять элементы боевого самбо и карате.

— Ура! — опять закричали пионеры. Впрочем, пришлось переименовать их в скаутов, что означает «Разведчик». Потому что папа Саши командир разведчиков. Здесь он тренировал отдельный отряд какой-то секретной организации.

— Всем надеть спортивные костюмы, берца, у кого есть, на интимные места — ватные доспехи, на головы — наши бейсболки.

Надо сказать, мы придумали каскетки, неотличимые от обычных бейсболок, которые нелегко было сбить с головы даже палкой.

— Всем очкарикам надеть контактные линзы, — не дал я задать вопрос Борьке.

— Какие ещё вопросы? По медицинским показаниям разрешаю принести справки, — пошутил я.

— Не совсем шутки, — сказала Ленка, у некоторых началось. А как у тебя?

— Я мальчик... — ответил я, краснея до пота. Девчонки с улыбками опустили глаза.

— Вижу, ты выздоровел, Бешеный Котёнок, — приветствовал меня Бык, крепко пожимая руку, — или мне называть тебя Волчица, или Принцесса?

— Называй хоть груздем, лишь в лукошко не ставь, Славик.

Быка передёрнуло: — Ладно, насчёт Принцессы я действительно, загнул.

— Нет, почему, можешь меня называть Ваше Высочество.

— Не слишком ли?

— В самый раз. Я пришёл к тебе с предложением. Мы будем брать под контроль весь город.

— Оху... простите, Ваше Высочество, за мой французский, но это слишком!

— Я не люблю... Ты знаешь, чего я не люблю?

— Знаю, я тоже не люблю, когда стреляют в спину и плюют в душу, а ты плюнула.

— Я не хочу, чтобы моих сверстников обирали.

— Я тоже не хочу, но над нами стоят взрослые. Они требуют свою долю.

— Плюнь на них.

— Раздавят. Они скоро и на вас выйдут.

— Они что, не знают, что мы не занимаемся рэкетом?

— Им по барабану. Есть группировка, должна под кем-то ходить.

— У нас спортивная мафия.

— Тогда им надо между собой договариваться, предупреди свою крышу.

Я хмыкнул про себя. Никуда не деться, придётся втягивать в это дело мужиков, а также их друзей, у друзей, вероятно, уже всё схвачено.

Значит, что? Надо посвятить в свои дела дядю Колю и Максима Сергеевича.

Теперь я тяжело вздохнул: — сдать бы их всех ментам.

— Не по понятиям.

— Какие сейчас понятия? — скривился я, — раньше до десяти лет ребёнок был неприкосновенен, а сейчас? Страшно во двор без взрослых выйти. Раньше Насильников в тюрьме кастрировали, или убивали, а сейчас? Досрочно выходят и тут же, за воротами, ловят малышей. Вот такие понятия!

— Наши не такие.

— Все они такие, поверь. Не такие не трясли бы с тебя деньги, а организовали бы спортивный лагерь, где вы могли бы почесать кулаки.

— А вы?

— Мы за справедливость. «К борьбе за справедливость, будь готов!»

— Всегда готов, — уныло отозвался Славка, — они организовали, теперь нас тренируют.

— Что же вы с железом ходите?

— Так вернее.

— Посмотрим. Начинаем?

— Да, пусть потешаться.

— А мы?

— Не хочется мне с тобой драться, Сашка.

— Трусишь?

— Не хочу, даже случайно, повредить тебе лицо.

— Ты же знаешь...

— Я же говорю, случайно, — сказал он, делая знак своим.

Ребята кинулись стенка на стенку, во мне вскипел адреналин, глаза заблестели.

— Хочешь к ним? — понял Славка, надевая кастет. Я кивнул, — Пошли? только, давай, осторожнее.

Мы тоже ринулись в драку.

Дрались мы на пустыре, далеко от посторонних глаз, чтобы никто не помешал. Ребята Славки взяли с собой ножи, кастеты и цепи.

Мы же действовали голыми руками, отрабатывая навыки обороны без оружия. Долгое время я учил ребят и девочек ускоряться, в бешеном ритме сжигая калории, так что они все были поджарые, как волчата. Сейчас они носились, будто размытые тени, уклоняясь от железа. Правильно распределившись по территории, ребята не мешали друг другу, не давая, однако, простор противнику, который быстро нёс потери, выбывая с разбитыми носами, или валяясь на земле, корчась от боли.

Я вихрем пронёсся сквозь дерущихся и скоро был обвязан цепью, за поясом торчало несколько ножей, а ребята с кастетами вопили от боли с вывихами. На этом кровавая битва закончилась.

— Ну, Сашка! — недовольно сказал Славка, не дал даже повеселиться!

— Понимаю тебя, — отозвался я. Даже разогреться не успел. Все целы? — обратился я к своим.

— Гришке бок разрезали.

Я осмотрел небольшой разрез, который мог быть большим, если бы не широкий пояс. Наши девочки достали аптечку:

— Шить? — спросили меня.

— Спросите у Гришки, — ответил я, — разрез неглубокий, шрам будет незаметный. С другой стороны, вам нужна практика. Решайте сами, — я отошёл к бревну и сел на него. Рядом присел Славка.

Наши воины выстроились, кто мог стоять, перед нами.

Со стороны наших сестёр милосердия послышалась какая-то возня и вопли.

— Что там? — поинтересовался Славка.

— Гришку зашивают.

— Сильно порезали?

— Царапина.

— Зачем тогда шьют?

— Практикуются. Теперь Гришке стоять на воротах и уворачиваться от мячей, которые будут пробивать всей командой.

— Жестоко у вас.

— Тяжело в учении... Где твои страдальцы? Ведите к милосердным сёстрам.

— Не, мы сами.

— Вы умеете вправлять кости? А то можно ещё хуже сделать. Мы практиковались в травмпункте, ассистировали врачам в гололёд.

— Всё-то ты продумал.

— Нужно заботиться о своей стае.

— У тебя тут только стая?

— Видишь зелёные галстуки? Это скаутский отряд нашего класса. Кстати, ты подал мне дельную мысль. Для стаи я введу серые галстуки. Так. Отряд! Строиться! — встал я, — в две шеренги становись!

Я пошёл осмотреть боевые потери.

Особых потерь не было. Появилось несколько синяков, кому-то разодрали штаны, кому-то куртки порезали.

— Не очень хорошо, — недовольно сказал я, — чем будете объяснять синяки?

С Димкой побоксуетесь, что — ли?

Ребята молчали. Зачем возмущаться, если командир хочет, чтобы битвы проходили без потерь?

С воплями подбежал Гришка.

— Разрешите встать в строй? Спасите от этих палачей!

Палачи бежали следом.

— Заштопали больного? — спросил я их.

— Надо йодом смазать, да повязку наложить, а он бегают!

Визжит, как девчонка!

— Забирайте! А ты, Гриша, не усугубляй! И так провинился по самое нехочу!

— Есть... — вяло ответил Гришка, и был уведён девчонками долечиваться.

— Вольно, разойдись. Зашивайте пока свою рвань.

— Что решил? — спросил я Славку, — тот пожал плечами:

— Не знаю. К тебе я не пойду.

— Почему?

— Д ну, ходить под девчонкой...

— Я не девчонка!

— Я-то знаю, другие на смех поднимут.

— В стае часто вожаками бывают волчицы.

— Волки умнее людей.

— Тогда думай. Помощь точно не нужна?

— Если можно, пусть вывихи вправят.

— Договорились. Сейчас организуем. «Толик, подойди».

Толик не слышит меня, он думает, что сам хочет сделать то, что я прошу.

Толик не подошёл, подбежал.

— Как ты вовремя! — похвалил я, — передай, пожалуйста нашим сестричкам, пусть вправят вывихи.

— Есть! — козырнул Толик.

— Военная дисциплина? — спросил Славка.

— Да, когда мы на задании, приказы командира не обсуждаются без разрешения.

— Круто. Я подумаю. Кем ты планируешь меня поставить?

— Капитаном своей команды, — пожал я плечами, — кстати, ты обещал нам матч.

— Сделаем. Боюсь, и там вы разнесёте нас в пух и прах.

— Смотри, какой у вас тренер... — опять раздались вопли со стороны больных.

Славка поёжился: — не хотел бы я попасться в руки твоим живоде́ркам!

— Они делают благородное дело, не обижай моих девочек. Ну, всё. Нам пора, у меня ещё один визит. Хочу на военной базе полигон арендовать, надо идти, договариваться.

— На какие шиши, — криво усмехнулся Славка, — или о бескорыстии — только красивые слова?

— Отчего же? добрым словом многого можно добиться, особенно, если обратиться с ласковым словом к своему будущему свёкру.

— Везёт тебе, Сашка, — вздохнул Славка, — и муж красавец, и свёкор — начальник базы.

— Вот и возьми часть везения себе.

— Ладно, пока!

Мы пожали друг другу руки и разошлись.

Противоборствующие стороны покинули пустырь. Вражеский арсенал мы закопали здесь же, негоже по городу ходить вооружёнными, можно и в ментовку попасть. А вот почему ребят Быка не трогают? Это наводит на определённые размышления.

— Толик! — сказал я, когда мы приехали в город, — Нам с Сашей надо к его родителям. Надо договариваться насчёт полигона с папой.

Толик надул губы: — Я уже лишний? Вы там, наверно, на ночь останетесь.

— Может, и останемся. А ты с Юриком. Будет нам всем просторно.

— Да, вы там без присмотра...

— Толик, не наглей.

— Ладно, — тяжело вздохнул Толик, — я буду ждать, не задерживайся.

— Ты можешь себе представить, — когда мы разошлись

в разные стороны, — ещё осенью он пробирался под мои окна тайком, чтобы только увидеть мой силуэт в окне?

— Чем больше позволяют, тем больше хочется, по себе знаю. Однако, как сильно Толик тебя любит! А тут я: раз, и отбил!

— Да, вы молодцы с Толиком. Дружите, заботитесь друг о друге, снимаете друг другу напряжение...

— Откуда ты... Толик сказал?! — покраснел Саша.

— О таком разве говорят? разве что в сердцах, но Толик не мог. Я тебе разве не говорил, что в пошлой жизни я был мальчишкой? Я всё про вас знаю, даже знаю, что вы чувствуете, как тяжело вам, что надо выпустить накопившееся. Я понимаю и прощаю вас. Не прощу только измены, потому что половой акт предполагает симпатию. Там у вас чуть ли не любовь, а тут, как ты сказал, мучение.

Саша посопел и спросил.

— А ты как? Тебе же тоже хочется.

— Жутко хочется. Но, во — первых, у меня нет предстательной железы, а во-вторых, я теперь не принадлежу сама себе, всё это твоё, поэтому держусь.

— Ты моя самая любимая, Саша, прости меня, если чем обидел.

Дома мы помылись от пота, переоделись в шортики и маечки, и, в ожидании папы занялись обсуждением насущных дел.

Я поделился своей мыслью о выделении стаи из отряда посредством присвоения им серых галстуков. Саша горячо одобрил это предложение, потому, что сам хотел к нам, но возраст не позволял, вырос он уже из пионеров. Теперь же до него ещё нам предстоит дорасти.

Затем я рассказал о переговорах со Славкой.

Саша задумался.

— Правильно Славка говорит, больших надо учитывать, были бы это просто пацанские разборки, всё было бы намного проще.

— Будем посвящать тренеров в наши дела?

— Наверно, придётся. Хотя и не хочется страшно.

— Всё равно узнают, так лучше сами скажем, а то могут отстранить от тренировок. Боевое самбо под запретом, а мы его применяем.

— Если бы применяли вовсю, уже были бы калеки.

— И тем не менее.

Я заметил, что Саша как-то неестественно себя ведёт: зажимается, краснеет, зачем-то положил себе на колени тетрадку.

Особого внимания я не обращал, увлекшись разговором, мешает ему что-то, может, шорты жмут.

В прихожей раздался шум, мужской голос пробасил:

— О! Наконец-то доченька пришла навестить старого отца!

Неожиданно для самого себя, я вскочил на ноги и, взвизгнув: — Папочка! бросился в прихожую. С разбега повис у Ивана Александровича на шее.

— Доченька! — схватив меня в охапку, прорычал папа Саши, осторожно поцеловав меня, — подожди, помоюсь, побреюсь, тогда расцелуемся с тобой, а пока помоги маме разобрать покупки.

Честно говоря, Елену Владимировну я слегка побаивался. Что там говорить, сам Иван Александрович робел перед ней, но я увидел, что она тоже рада мне, она крепко обняла меня, и со смехом расцеловала в обе, ставшие пухлыми, щёчки.

— Вот так ты гораздо лучше выглядишь, а то тогда пришла. Я даже испугалась.

— Родители стараются, откармливают жирной пищей. Хотя, одна тренировка, и я опять голоден.

— Зачем тебе эти мучения? Перестала бы себя истязать, глядишь, уже оформилась бы в девочку.

— Ну, Елена Владимировна, это как наркотик, бросить почти невозможно, да и не могу я ребят бросить. Я их втянул в это дело.

— Сашенька, ты заметила, как папа отреагировал на то, как ты его встретила?

я тоже так хочу. Не называй меня по имени-отчеству, не обижай свою маму, договорились?

— Договорились! — засмеялся я, — мамочка!

Мама Саши тоже рассмеялась, и ещё раз крепко обняла меня.

Свежевыбритый и раскрасневшийся папа пришёл на кухню, когда мы уже накрывали на стол.

Притихший Саша сидел в углу и с вождением следил за мной, непонятно чему улыбаясь.

Потирая ладони, папа предложил по капле за встречу.

— Постыдись детей! — сказала мама.

— Детям я не предлагаю, я предлагаю тебе выпить за их здоровье!

— Да, — тихо сказал я, — врач отказывается выпить за здоровье!

— Хорошо сказано, доченька! Лена, давай вина.

— Тебе-то коньяку?

— Лучше, конечно, коньяку. Доченька, я обещал тебе большой и жаркий поцелуй! Оторвись от Сашки, и ступай сюда, пока мама несёт коньяк, я поцелуюсь с молодой невестой! Ты так редко заходишь, ещё и Сашка сбежал к тебе. Не поверишь, скучаем мы с мамой.

— Выбравшись из-за стола, я подошёл к папе Саши. Он взял и посадил меня к себе на колени. Поцеловав меня в обе щёки, он утопил свой нос в моих волосах, вдыхая мой запах.

— Каким шампунем ты моешься? Такой замечательный запах, так поднимает настроение, и не только!

— Между прочим, это мой натуральный запах! — попытался пошутить я, но папа посерьёзnel и отправил меня на место.

Мама принесла коньяк и вина, налили и Саше. Мне отказали, сказав, что слишком мелка для вина. Я не протестовал, был того же мнения.

Во время ужина я сказал папе, что мы пришли для серьёзного разговора.

— Ещё бы вы навестили престарелых родителей просто так!

Я вздохнул: это была чистая правда.

— Что вздыхаешь, дочка?

— К сожалению, вы правы, папа. Но нам в самом деле надо с вами поговорить.

— А нам надо серьёзно поговорить с тобой. Лена, обрати внимание, Саша-дочка заводит нас с Сашей-сыночком!

Мама Шаши стала серьёзной:

— Саша, у тебя ничего не болит? Живот, грудь?

— Не льстите мне, мама, какая у меня грудь, хотя, я сегодня, кажется, ударился грудью...

— Как болит, ноет?

— Да... но к чему вы меня спрашиваете?

Папа вдруг рассмеялся:

— Я представил картину: идёт наша Саша, а за ней, высунув языки, трусит вся её стая, во главе с Сашей.

Я тоже представил эту картину. И вдруг всё понял.

— Нет! — воскликнул я, — стремительно бледнея.

— Скорее всего, да, — мягко сказала мама Шаши.

— Но мне сказали, что я слишком худая для этого, — стараясь не заплакать, возразил я.

— Не расстраивайся, дочка, всё это естественно. Даже нужно. Организм обновляется.

Один Саша ничего не понимал. У него был вид ребёнка, у которого хотят отнять конфету. Он не ошибся в ожидании, конфетку у него отняли.

— Разгоняй свой гарем, Саша, хотя бы на неделю, отдохни от своих разбойников, самбо отложи, плохо тебе будет от любых нагрузок.

— Я сейчас вызову машину. Саша проводит, заберёт у тебя Толика и отвезёт домой. Потом приедет сюда. А ты, Саша, расскажешь всё своей маме. Она знает, что делать.

— Что случилось? — наконец спросил Саша.

— Мы пришли поговорить, — опять начал я.

— Погоди, пойду вызову машину.

— Саша, ты можешь мне объяснить, что здесь происходит?

— Объясню. Потом. Может быть.

Саша обиделся. Развели тут тайны.

— Ты ещё губки надуй! — рассмеялся я.

— И правда, Саша, я тебе всё объясню, не расстраивайся, проживёте недельку отдельно, может, и меньше, не плачь, — успокаивала Сашу мама.

У Саши и правда, было такое лицо, будто он сейчас заплачет. Ещё бы! Саша настроился на романтическую ночь без мешающихся пацанов. И тут раз! И облом.

Между тем, сегодня, может, ничего и не будет, но очень неохота, если прямо под Сашу... потечёт, как в прошлый раз под меня. Ему будет неприятно, мне стыдно.

Нет, лучше не надо, переживём как-нибудь.

Нас отвезли домой, Саша убито молчал всю дорогу.

Я пытался попросить, чтобы он поговорил с папой насчёт полигона, но Саша отвечал отстранённо, я понял, что толку от него не будет, и вздыхал. Опять теряем время!

Дома нас ждал Толик. Он очень нам обрадовался, но Саша хмуро велел ему собираться, он отвезёт его домой.

— Но почему? — вскричал Толик.

— Так надо! Мне самому ничего не объяснили, велели тебя забрать и отвезти тебя домой. Неделю с Сашей не ночуем.

— Неделю?! — взвыл Толик.

— Собирай свои манатки! — прикрикнул Саша.

— Не кричи, — попросил я, — мне будет тяжелее всех перенести эту неделю, так что, успокойтесь.

— Я тоже здесь ночевать не буду, — заявил Юрий, — теперь только с мамой.

Толик засопел и начал собираться.

— Я уроки сделал, можешь переписать, — сердито сказал он.

— Вот спасибо! — от всего сердца ответил я.

Проводив ребят, я уединился с мамой на кухне.

— Мама, — жалобно сказал я.

— Что, Сашенька, началось? — Я кивнул: — не сегодня, так завтра. Мама Саши сказала.

— Доктор не ошибается. Сейчас я тебя подготовлю. Возьми толстую гелевую прокладку, пойдём.

В нашей комнате мама сказала: — сейчас я постелю тебе клеёнку, а то в прошлый раз вон что с матрасом было, еле отчистила. У тебя столько крови вытекает, какая там прокладка!

— Мама, ты меня, как на операцию готовишь, мне страшно, сказал я, засунув указательный палец в рот и грызя ноготь.

— Для тебя это не лучше, чем операция, вынь палец изо рта. Как маленькая девочка.

— Я маленькая...

— Иди, лучше уроки поучи. Ты поужинала?

— Ага. Есть хочу.

— Иди на кухню, я тебе здесь всё приготовлю.

Я ушёл на кухню, где сидел Юрик.

— Юрик...

— Не знаю я. Даже не спрашивай.

Я угрюмо наложил себе гречневой каши, налил мясной подливки, поставил всё это разогреваться. Наготовили, однако. Кто теперь всё это будет есть?

— Ты и будешь, — ответил Юрка на невысказанный вопрос.

— Как всё не вовремя! — вырвалось у меня.

— У тебя теперь всё не вовремя, — заявил Юрка.

— Хоть бы родной брат посочувствовал, — посетовал я.

— Довольно тебе одной мамы, я-то, откуда знаю, как это должно протекать? Я ещё малыш.

— Я же не о том! Посидел бы у меня на руках...

— Ну уж нет! — засмеялся малыш, я даже спать в одной комнате с тобой не буду.

— Брезгуешь...

— Боюсь, — посерьёзnel братик, сам не знаю, чего.

— А если мне плохо будет?

— От этого не умирают.

— Истеку кровью! — нахмурился я.

Брат невесело рассмеялся и промолчал.

Пришла мама.

— Наелся? Пойдём, покажу тебе, что надо делать.

Со вздохом я сполз со стула и поплёлся за мамой.

— Первым делом: не паникуй, не всё так страшно. Тем более, какой-то опыт ты имеешь.

— Лучше неожиданно, — проворчал я.

— Для тебя — да. Вот, смотри, здесь клеёнка, поверх неё я постелила вчетверо сложенную простынку. Так ты не замёрзнешь. Когда всё случится, снимешь трусики, завернёшь всё в клеёнку, и отнесёшь в ванную. Здесь я положила запасные трусики и прокладки.

— Чистые трусики лучше оставить в ванной, — со вздохом сказал я, — не надевать же на грязное тело. Дойти я могу, завернувшись в простыню. Может, сегодня ничего и не будет.

— Может, — легко согласилась мама, но лучше быть готовым ко всему. Вот так-то, мальчик мой! Всем бы вам такое испытать.

— Мама! Меня одного мало?

Мама засмеялась и поцеловала меня в макушку: — ну, давай, отдувайся за всех! — и покинула меня. Я пошёл за рабочий стол.

Письменные работы я сначала хотел тупо скатать.

«Что-то у тебя списывание входит в привычку!» — сказал внутренний голос.

— Я болею! — возмутился я.

Внутренний голос хихикнул, но промолчал, жалея мои нервы.

Всё-таки пришлось проверить примеры по физике, геометрии, математике, упражнение по русскому языку. С удивлением заметил ошибки, а может, мне так больше нравится?

Учёба неожиданно увлекла меня, с удовольствием я разбирал примеры, читал историю и даже географию.

«О, благороднейший учитель! Индия лежит на спинах трёх слонов...» Это я и так знаю, омывается ли она здесь Бенгальским заливом? А Индийским океаном? Омывается. Гималаи? Присутствуют. Есть Инд и Ганг. «Ганг, твои воды замутились!» Ещё бы они не замутились. Вспомнив документальные фильмы про Ганг, самого замутило. Эй-эй! строго сказал я себе. Хорошо, до секса не дошло, сейчас бы волосы стояли дыбом в предчувствии! Ох уж эти мальчишки! Все эгоисты, о нас, девочках...

Мне стало весело: да всё обойдётся!

Не обошлось. Ночью я проснулся от неприятного чувства. Поднялась температура. Это и без градусника понятно. Потом резкая опоясывающая боль, когда отпустило, заныло где-то в районе желудка, и, медленно сползая, достигло низа живота. По ягодицам потекло что-то тёплое.

Боясь дышать, я замер. Снова схватка... судорогой свело мышцы живота, снова течёт. Сейчас вытечет из меня вся кровь и на кровати останется мумия. Тут стало не до шуток, так остро заболела поясница. Резко кольнуло в левом боку. Заболел низ живота, напознала дурнота. Лоб покрыла испарина.

Мама, роди меня обратно! Неужели все девчонки проходят через это? А может мне, как пацану, тяжелее приходится?! Мамочки! — чуть не заорал я, но опять отпустило.

Весь в липком поту и липкой крови, лежал я, не решаясь подняться.

Ничего больше не происходило. Если бы не лужа подо мной, да не противный пот, остался бы лежать до утра, до того было плохо.

Ещё немного подождав, решил подняться. Закружилась голова, от жалости к себе перехватило горло. Спят все, в то время как ребёнок погибает!

Эта жуткая слабость не иначе, как от страшной потери крови.

Когда стягивал с себя простыню, она железом начала скрести по сосочкам, раньше похожим больше на прыщики. Я потрогал. Почему так больно? Сосочки набухли и болели. С удивлением нащупал крохотные желёзки.

Утвердившись на ногах, я включил ночник, или, как говорят на судах, «подхалимчик», который папа заботливо привинтил в изголовье кровати.

«Душераздирающее зрелище!» — сказал внутренний голос.

Ещё бы. Простыня в крови, ноги в крови. С трудом собрал всё вместе с клеёнкой, поплёлся в ванную.

Там я нашёл тазик, бросил простыню. Залил водой, снял трусики, бросил туда же, засыпал порошком.

Негромко стеная, с трудом забрался в ванну. Включил душ, начал отмываться. Снова судорога живота, потекла алая кровь. Я

сел на дно ванны, и смотрел, как струйка крови вытекает из-под меня.

Кто-то вошёл. Я испуганно посмотрел: вошла мама, кутаясь в халат.

«Мальчик, истекающий кровью» — мелькнула мысль.

— Как у тебя дела? — мягко спросила мама, — не сиди на холодном, поднимись на корточки.

Я честно пытался подняться, но ноги скользили.

— Горе ты моё! — вздохнула мама.

У меня тут же надулись губы, а глаза наполнились слезами.

— Да я не в том смысле! — в сердцах сказала мама, — чуть что, плакаты! Подожди, ещё не то придётся вытерпеть.

«Я понимаю, но именно сейчас мне плохо, в будущем — это в будущем» — думал я.

— Ну что, остановилась кровь? Что — то много из тебя течёт. Потому тебе так плохо. Подожди, я схожу, принесу тебе трусы-боксёры, напихаешь туда больше прокладок, и ляжешь на живот.

— Мама, неужели так у всех девочек? — прошептал я, — Каждый месяц?!

— У кого лучше, у кого хуже. Привыкнешь.

Мороз прошёл у меня по коже.

— Надо было оставаться мальчиком, а не влюбляться. Можно было избежать.

Я подумал.

— Наверно, лучше всё-таки естественно?

— Конечно лучше, обновляется кровь. Сейчас помоешься, попьёшь горячего чаю, и станет легче. День-два и восстановишься.

— А эти день-два?

— Посмотрим. Жди тут, — и мама ушла.

Я снова помылся, мягкой губкой тщательно оттер засохшую кровь.

Мама принесла трусы, маленький халатик и полотенце. Подняла меня и, приказав крепче держаться, вытерла меня всего.

— Нельзя мне тяжёлое поднимать, может, папу разбудить?

Я отрицательно покачал головой.

- Видел он твою красоту, чего стесняешься?
- Не стоит будить весь дом, я ещё сам в состоянии двигаться.
- Тогда двигайся. Вылезай из ванны.

Я с трудом, но вылез, оделся и дошёл до кухни. Там мама налила мне чаю, и, сказав, что пойдёт, застелет мне кровать, оставила одного.

Чай сотворил чудо: в голове и в глазах прояснилось, мысль обрела чёткость. «Умираю, умираю!» — передразнил я сам себя. — «Лёгкое женское недомогание, и раскис».

Пришла мама, отвела в мою комнату.

- Ложись. Надеюсь, на сегодня всё.
- А завтра?
- Завтра будет день... — засмеялась мама. Засыпай, мой волчонок.

И я заснул.

— Саша...! Сашенька. Просыпайся, сынок. Просыпайся, девочка моя.

С трудом продрал слипшиеся глаза, я увидел озабоченное мамино лицо.

— Все уже встали, собрались ужинать, ждём тебя. Что у тебя с глазами?

- Они опухли от слёз.
- Не время шутить. Ты идёшь в школу?
- Иду, мамочка, ученье — свет.
- Поднимайся тогда, а то опоздаешь. Больше ничего не было?

- Не знаю пока, я бы ещё спал...
- Да, надо было тебя отпросить...

Я тут же вскочил, напугав маму.

- Не надо меня отпрашивать! Сейчас я, быстро!
- Ты что испугался?
- Так ты начнёшь объяснять, какой у меня недуг! На всю школу!

Мама рассмеялась: — Нашёл секрет! Всё равно шила в мешке не утаишь.

По твоему испуганному лицу всё видно!

— Ещё и лицо испуганное!

— Иди скорее, умывайся, оно ещё и опухшее, глаз не видно!

Я сбегал в туалет, проверил прокладки. Так и пойду! Только сменю на свежие. А то в школе приспичит... щёки и затылок заморозило. Памперсы бы! вот спасение! Маму, что ли попросить купить, в школу ходить. В туалет ходить не надо... Ну тебя, Сашка! Выдумашь тоже! Зато зимой, хоть в юбке ходи, ничего не отмо-розишь. Эту идею надо обдумать. В критические дни точно протечек не будет, а то сидишь на уроке и... мама родная!

Как девочки выкручиваются? Надо спросить, у мамы что-то неудобно, вон сколько советов надавала, не унести.

Почистив зубы и умывшись, критически осмотрел своё лицо. Вид бледный, но не страшный, лицо круглое, круги под глазами. Сойдёт.

Семья уже собиралась уходить.

— Я тебе наложила каши, на столе стоит. Поторопись, — чмокнула меня мама в нос.

Я быстро, даваясь, съел давешнюю гречневую кашу, и, начав одеваться, слегка задумался, имею ли я сегодня право на мальчишеский костюм?

Надеть что-то среднее, или скаутскую форму?

Один в форме? Нет, не стоит выделяться, сразу пойдут распросы. Они всё равно пойдут. Девчонок не обманешь, вчера не зря спросили, наверно. Что-то они чувствуют, волчицы!

Бежать до школы я не стал. Недомогание сказывалось, потеря крови — дело нешуточное. Даже одышка появилась. Мама дала с собой гематоген, надо воспользоваться, пожевать. Ещё бы чаю...

Саша ждал у входа. Я замедлил шаг. Странно, но я не хотел с ним сейчас встречаться.

— Саша, ты чего? — удивлённо-испуганный взгляд отрезвил меня. Это же Саша! Я сходу уткнулся лицом ему в воротник и замер. Он поднял мою голову, и поцеловал глаза.

- Прости, Саша, у меня была страшная ночь, — прошептал я.
 - Я знаю, — тихо ответил Саша, — мне мама всё объяснила.
- Я знаю теперь, как это бывает.
- Пока не прочувствуешь, не поймёшь, — вздохнул я.
 - Это да. Но представить — то можно.
 - Представить? — прыснул я, — представить можно!
- Я достал гематоген и разломил надвое: — вот, представляй!
- Зачем мне гематоген?
 - Представь, что потерял стакан крови.
 - Саша... тебе нужнее, — он побледнел, — правда, столько?
 - Я не замерял, но, судя по следам... ты бледнеешь! Неужели действительно представил?
 - Да, Саша, мне стало за тебя страшно.
 - Представь, если бы нас не предупредили? Спасибо твоему папе!
 - Папе? — глупо спросил Саша.
 - Как ни странно, именно он по моему запаху определил, что у меня э-э-э...
 - Папа у меня разведчик! — с гордостью сказал Саша.

На уроках, в душном классе мне стало хуже. Я ослабил галстук, мутным взглядом посмотрел перед собой.

У доски Костя Завьялов решал теорему. Толик с утра молчал. Ну и правильно, нечего меня беспокоить.

- Саша, ты что побледнел? — спросила Антонина Павловна.
 - Душно очень, — отозвался я.
 - Душно? Ты опять заболел?
 - Немного, — девчонки захихикали. Вот заразы! Телепаты, что ли?
 - Девочки, что смешного? — спросила учительница.
- Валя сказала с места: — У него ЭТИ дни, — причём выделила, злыдня, какие.

Был я бледным, стал красным.

- Саша, ты себя плохо чувствуешь?
- Я в норме, только немного душно, — я встал, и мысленно

нарисовал Вальке пять кругов по стадиону. Валька теперь стала бледная:

— У меня есть с собой минералка, — я радостно посмотрел на неё.

— С удовольствием! — я еле дождался, когда мне дадут бутылку.

— Не надо смеяться, ребята, при потере жидкости можно и в обморок упасть, а при потере крови... Ты останешься на уроках, Саша?

— Останусь! — сказал я, допив воду.

На перемене меня окружили девчата. Не все, только, видать, кому выпало счастье познакомиться с первой кровью.

— Толька, иди отсюда!

— Саша, чего они?

— Ладно, Толик, действительно, нам с девчонками надо поговорить.

Толик с недовольной миной вышел. В дверях он встретился с Сашей.

— Саша, я посплетничаю с девчатами! — Саша умный, он кивнул и увёл Толика за собой.

— Ну как у тебя прошло? — спросила Ленка с придыханием. Я рассказал, ничего не утаивая. Их лица вытянулись:

— Ничего себе!

— Неужели тебе было так больно? — спросила Женька Малеева, — может, тебе стоит к врачу сходить? — я вспомнил, что хотел посетить Марию Борисовну.

— Ой, девочки, — сказала вдруг Валя, — А, может, у мальчиков так и должно быть? Организм-то другой.

Все уставились на неё, только Ленка, молча, покрутила пальцем у виска.

После уроков все пошли на тренировки, а я поплёлся в детскую консультацию.

Здесь у меня была заведена карточка.

Я подошёл к регистратуре и назвалсЯ. Молодая девушка с любопытством посмотрела на меня, но ничего не сказала. Ну

и хорошо, а то шутить что-то неохота. Прошёл в приёмную, поздоровался и занял очередь.

Девчата и мамы уставились на меня. Одна из девочек узнала:

— Саша, привет, что на этот раз? Думаешь, разрешат?

— Нет, — сказал я, — Рэмбо. Первая кровь.

— О! И у меня.

— Какие-то осложнения?

— Мама привела. А у тебя?

— Девочки посоветовали, — мы шептались, — отойдя от остальных.

— У тебя хорошие подружки.

— У нас команда.

Девочка внимательно посмотрела на меня, на мой галстук. Мы ещё не поменяли у стаи галстуки, а зелёные уже прославились.

— Ты не из банды Дикого Котёнка? — прошептала девочка.

— Почему дикого? — не понял я, — Бешеного.

— Да, я перепутала, Бешеного!

— Однако у нас слава! Позвольте представиться: Котёнок, он же Волчица!

Девочка округлила глаза и закрыла рот руками.

— Только тихо! Я девочек не ем, я их защищаю от бандитов и насильников.

Девочка мелко закивала.

— Никому не говори, не надо.

Девочка опять потрясла головой.

— Да, ещё: мы не банда, а скаутский отряд, — девочка опять...

— Ты дар речи потеряла?

— Света, наша очередь, — позвала её женщина, вероятно, мама.

Потрясённая Света прошла в кабинет, но скоро вышла, немного успокоенная: — Саша, тебя приглашают... мама, отстань, это же сам... Саша! — восторженно глядя на меня, сказала Света.

Я прошёл мимо потрясённой публики.

— С чем пришёл? — спросила Мария Борисовна.

— Нынешней ночью я уронил первую кровь... — Трагичным тоном сказал я.

— И это повод?

— Девочки в классе посоветовали.

— У вас дружный класс. Правда, в прошлый раз я этого не заметила.

— Мы создали скаутский отряд — показал я на галстук.

— Ты создал?

— Был инициатором, хотел пионерский, да условности не позволили, слишком всё политизировано.

— И ты организовал независимый отряд.

— Насколько это возможно. Мы официально зарегистрированы, так что приходится отчитываться о проделанной работе.

— О своих подвигах ты тоже отчитываешься?

— Мы не совершаем ничего дурного.

— Выбитые зубы и поломанные руки не в счёт?

— Вы хотели бы, чтобы мы были калеками? Мы защищаемся и защищаем город от маленьких мерзавцев. Теперь пытаемся бороться с наркотиками, но сил пока мало.

— Вот как. Я и не знала, что за всеми этими делами стоишь ты. Хотя стоило бы догадаться.

«Слава бежит быстрее нас. Не прикрыли бы наш спортклуб».

— Смотреть будем?

— В таком состоянии можно?

— Можно, если осторожно. Раздевайся и рассказывай, что беспокоит.

Я рассказал.

— Печальная история. Не получилось у тебя получить удовольствие из всего.

Я взгромоздился на кресло.

— Сейчас скажешь, что крови потерял ведро.

— Не менее стакана.

— Уже ближе к истине. Последний раз, когда текло?

— Ночью. Как-то не до наблюдений было, маму надо спросить.

— Поздравляю, превращаешься в девушку. Ты, однако, послушная девочка, так и не нарушила девственность.

— Это хорошо или плохо?

— Хорошо, конечно, в твоём возрасте категорически запрещены все контакты, но в свете последних свобод мы можем только рекомендовать.

— Сейчас, наверно, там всё особенно нежно?

— Хочешь посмотреть?

— Нет, зонд не надо. Будто зуб выдирают.

— Интересное сравнение.

— На нервы одинаково действует.

— Хорошо. Выпишу тебе кое-каких лекарств. Спринцеваться тоже надо будет, немного закрепит ткани, не так больно будет.

— Спасибо.

— Спасибо слишком дорого. Скажи, вы в свой отряд всех принимаете?

— Далеко не всех. Тем более вход рубль, выход пять. То есть от нас не уходят, мы выгоняем провинившихся.

— Тогда будем смотреть зондом.

— Это вы к чему?

— Да так, хочу посмотреть, что там, в матке.

Я беспокоюсь заёрзал: — а это обязательно?

— Желательно

— Ладно, о ком речь? Ай!

— Есть один мальчик в параллельном классе...

— Уй!

— Не матерись. Так вот, его надо взять в ваш отряд.

— О!

— Вот именно.

— Его зовут...

— ФФФ!

— Не ффф, а Лёня Левич.

— Этот сопливый... Ы!

— Вовсе он не сопливый ы, нормальный мальчик, просто простыл.

— У нас отряды по классам. В шестом «А» надо создавать свой отряд.

— Так создай.

— Ай! Ай! Ай!

— Не можешь? Принимай в свой.

— Уууу!

— Я знаю, льва перевоспитаем в волчонка.

— Вввв...

— Взносы будут. Форма за наш счёт, всё, что скажешь. В награду кое-что получишь бонусом. Так что думай.

— Вынимайте свою железяку!

— Оп! Ну вот, потекло.

— Расковыряли мою маленькую пещерку. Как я теперь домой пойду?

— Не волнуйся, вылечим твою маленькую пещерку. Пока пусть стечёт всё лишнее.

— Дурная кровь?

— Вот именно.

Мария Борисовна достала какие-то лекарства, что-то смешивала, потом достала спринцовку, и начала промывать мне всё внутри. Ощутимо защипало. Я завозился.

— Не возись. Не правда ли, лучше, чем было ночью?

— Да уж. Тогда я думал, что пришёл мой последний час.

— До того было жутко?

— Ещё хуже, обидно. Все вокруг дрыхнут, дела до тебя нет. Потом, когда уже из сил совсем выбился, мама проснулась.

— Да, невесёлая история. Ну, вот и всё. Старая Мариям знает, что делает.

— Спасибо, добрая Мариям.

— А вот ты часом не еврей? — я подозрительно посмотрел на неё:

— Чем обязан?

— Да вот что-то есть в тебе такое...

— Родное? Простите, у меня с памятью плохо, не помню, у кого родился. Так что категорически отрицать не могу.

- Вот видишь. Не можешь.
- Вы хотите проверить мою родословную?
- Не мешало бы, да почти невозможно, всё так запутано, документы то исчезают, то появляются, подтасовываются. Так и родственника не узнаешь, и замуж за брата выйдешь...
- Вы собрались замуж?
- Не шути так над старой Мариейм, а то зашью твою пещерку. Это ты собрался... собралась.
- Ну, он-то явно мне не родственник. Северных кровей. Мария Борисовна что-то мне вставила, наверно, тампон:
- Всё, можешь одеваться. Прокладки ещё есть? Замени. Выписав мне рецепт, велела, не откладывая сходить в аптеку.
- Когда теперь зайдёшь? Приходи почаще к старой Мариейм. Я буду представлять, то ты мой правнук, будем радовать друг друга беседой...
- ...в то время как очередь тоскует.
- Что мне оставалось делать? Отправлять бедного ребёнка без помощи?
- Зови следующего.
- Когда я вышел, раздался вздох облегчения.

Я решил зайти в спортзал, посмотреть на тренировки моей команды.

Когда я зашёл, дядя Коля сказал: — Как ты вовремя. Пойдём, разговор есть.

Мы зашли в крохотный кабинетик, где я увидел шкафообразного мужчину под сорок, но с сединой на висках.

— Знакомся, Саша, наш куратор Самойлов Дмитрий Алексеевич, из Федерации самбо и дзюдо. Это его стараниями мы были на сборах.

- Очень приятно.
- Так ты и есть тот самый Саша, добравшийся до финала без поражений.
- Да, я был очень злой...
- Или была?

- В настоящий момент, да.
- Что так?
- Критические дни.
- Поэтому не на тренировках? Уважительная причина, но всё равно жаль, хотел посмотреть на тебя в деле.
- Через недельку посмотрите.
- Подождём. Давай поговорим о твоих славных делах. Слышал я, вы сегодня дрались с Петровскими, и всех замочили. Что скажешь?

— Вас ввели в заблуждение, это была дружеская, или, если хотите, товарищеская, встреча, где мы типа: развернись плечо, раззудись рука!

Маленько поборолись, в общем, проверили на деле самооборону без оружия против вооружённого противника. Причём обошлось без жертв. Даже ни одного перелома, так, пара синяков и несколько вывихов, которые мы сами и вправили. С Быком у нас вполне дружеские отношения. Честно-честно-четно!

— Ладно, успокойся. Я не ругать тебя пришёл. Если б вы были биты, тогда да! Получил бы Колян по заслугам. На чём порешили?

- Они изволят думать.
- Что ты им предложил?
- Мы контролируем весь город до предместий.
- Пупок не развяжется?
- Завяжем. Создадим побольше отрядов. Жалко, помощи мало, болел много.
- Помощь будет с нашей стороны, поддержим. Говори, чем.
- Нужны тренеры, стадионы, спортзалы. Видите, как здесь тесно. Причём во всех школах. И ещё надо, чтобы в детские разборки не влезали большие. Между собой мы сами разберёмся.
- Если бы маленькие не влезали дела больших. Зачем вы покалечили Ваську Дурного? Нам предъявили. Товар уничтожили. Тоже предъявили.
- Сами жрите свою наркоту, а маленьких не трогайте! Поставят другого, сожжём вместе с машиной! Так и передайте.

— Тихо, разошёлся. Возле вашей школы точки больше не будет.

— Мы будем контролировать весь город, рано, или поздно. О заместителях я позабочусь. Можете даже убрать меня, организация останется.

— Не скажи. Ты заболел, и дела тормознулись. Но мы пока прикроем вас. Деньгами постараемся снабжать. Вы это правильно делаете, помогая бескорыстно, но без денег ничего не сделаешь. Не будете брать деньги с торговцев, будете тянуть с родителей. Форма, аренда, питание. Я прав?

Я кивнул. Мы немало потрясли родителей, и собирались трясти дальше. Для того чтобы город стал чище, радостнее, добрее.

— Если ты хочешь городу добра, город тоже должен что-то дать. Ты прав, детские разборки надо отдать детям. Особенно таким, как ты. Где только взять?

— Воспитывать. Охватывать всех детей, а не выборочно. У меня в процессе переговоры с военной базой. Будем там тренироваться. Будут площади, значит, можно привлекать больше детей.

— У тебя выход на военную базу?

— У меня там свёкор тренирует... ладно, вдруг это тайна.

— Свёкор! Ты замужем?

— Обручены.

Дмитрий Алексеевич растеряно посмотрел на дядю Колю.

— Видели того красавца? Это и есть её жених.

— Круто!

— Да, у них такая любовь! Я ненароком влез, так эта пигалица меня чуть не убила, уронила меня нечаянно на пол. Еле поднялся. Перед этим боролась с двумя парнями сразу, вдвое тяжелее её. Как-то связала их, не могли развязаться, помочь пришлось.

— Как связала?

— Их же руками. Никогда не видел.

— Покажешь? — спросил наш куратор меня.

— Не помню я. Как их развязывали, посмотреть не дали. Всё прошло на чистом адреналине. Потом такой отходняк...

- Да, её двое мальчишек разминали.
- Ну, у вас и дела. Я ещё приду, посмотрю.
- Приходите на футбольный матч с Петровскими. Мы уже тренируемся, — пригласил я его.
- Обязательно приду, и другие придут. Это, наверно, будет убойный футбол!
- Мы выиграем!
- Не сомневаюсь теперь.
- Ну, Коля, не зря я зашёл. Так как тебя называть? — обратился он ко мне.
- Зовите меня просто Саша.
- Ну что ж, просто Саша, не смею больше задерживать! Я поклонился и пошёл в спортзал.
- Хорошо бы, что обещает, сделал. Была бы форма, летние лагеря...
- Размечтался. Будет, значит, будет. Ещё неизвестно, что за это потребуют.
- Ну их, взрослых. Со своими бы делами разобраться.
- Я зашёл в спортзал и сел на лавку.
- Скоро справа подсел Саша, а слева Толик.
- Что ты сразу не сказал, — сопел Толик, — что я, маленький, что ли?
- Думаешь, мне приятно было? Знаешь, как страшно и больно!
- Надо было оставить вас, узнали бы, как вы даётесь.
- Кто это мы?
- Вы, дети. Если хотите, ночуйте, будете носить меня в ванную и обратно.
- Всё шутишь, — мрачно проговорил Саша, — как будто позовишь.
- Тебе навряд ли. Я не хочу, чтобы ты видел мою слабость.
- Гордая ты. Может, я ещё больше буду тебя любить.
- Не сомневаюсь. Когда поженимся, будешь каждый месяц любоваться!
- Такое каждый месяц? — ужаснулся Толик.

— Мама сказала, привыкаешь, хотя мне действительно было очень плохо и страшно. Ходил в детскую консультацию, выписали таблеток, говорят, легче будет. Да, вспомнил. Деньги есть?

— У меня есть тысяча, — сказал Саша.

— Я сейчас спрошу! — Толик убежал к папе.

— Может, отпросимся, и к тебе пойдём? — мы соскучились.

— Сачки. Впрочем, вы не помешаете, как охрана, а то я себя неважно чувствую, драться совершенно неохота. В аптеку зайдём, лекарство мне купите.

Подошёл дядя Коля.

— Проводил гостя. Что, хотите отпроситься? Скучно сидеть на лавочке?

— Да, дядя Коля, в аптеку надо сходить, да и соскучились мы сильно.

— Да уж, день врозь, и уже соскучились. Ладно, идите, Макс, я скажу.

В ближайшей аптеке были не все лекарства, и нас отправили в центральную.

По дороге встретили Вовку Петухова, из команды Славки Быка.

— Как дела? — спросили мы его.

Вовка только рукой махнул:

— Твои проходу не дают, какие тут дела!

— Сегодня имел встречу со своей крышей. Они обещали нас спонсировать, будут деньги, форма, детские летние лагеря. Так и передайте Славке.

— Правда, что ли?

— Так мне сказали, что за нашу защиту будут платить большим, а они отчислять нам.

— Славка всё равно под тебя не пойдёт.

— Скажи, что будет вольным бароном... до определённой степени.

— Ты хочешь быть королевой...

— Пока и Принцессой неплохо.

— Я — то скажу.

— Давай, Вовка, будь.

Купив лекарства, пошли домой.

Там я прочитал инструкции. Это орально, это вагинально, это орошать вагину... Когда я привыкну, что это относиться ко мне?

Когда я одет и без Саши, напрочь забываю, что у меня вагина.

Поворчав себе под нос, проглотил орально, вагинально оставил на вечер.

Шутил я, конечно, никого не оставлю. Вот ещё, детей пугать.

Делать детей, это они с нашим удовольствием, а то, что связано с их появлением, лишает их сознания. Лично я никогда не пойду в роддом, смотреть, как жена рожает, я там точно в обморок хлопнусь!

Мамочки! Так это Саша со мной не пойдёт!

— Саша, Толя, — позвал я их. Опять они в ванной вместе моются.

После того, как я сказал Саше, что знаю об их проказах, они перестали скрываться от меня. Они меня дразнят. Я тут болею, а они!

— Толя, Саша! — опять позвал я их.

— Что, Сашенька? — прибежал в одних трусиках Саша.

— Проголодались, кушать будете? — хмуро спросил я.

— Мы всегда голодные.

— Тогда разогревайте на всех, я пойду в ванную.

Помывшись, и сделав все процедуры, я пришёл на кухню, где уже меня ждала гречневая каша с подливкой. Довольные пацаны наворачивали её за обе щёки. Мне же она уже надоела. Я вяло поковырял в тарелке и сказал:

— Не делайте этого при мне. Мне неприятно.

У покрасневших ребят застряла каша во ртах. Прокашлявшись, они так и не могли ничего сказать. Я молча буравил их взглядом.

— Теперь по делу. Вы знаете Лёньку... э, из шестого «А»?

— Левича?

— Да. Его надо принять в наш отряд.

— Сопливого?

— Он немного простыл. Принять единогласно. Всё.

— Но он учится в другом классе.
— Ты тоже учишься в другом классе.
— Саша, ты меня равняешь с каким-то Левичем?
— Я тебя ни с кем не равняю, любимый, я принял решение, и от него не отступлюсь.

Ребята мола смотрели на меня.

— Может, правда, пока ты болеешь, нам лучше не встречаться? — спросил Саша обиженно.

— Насильно мил не будешь, Саша. Я вот по тебе страшно соскучилась, а ты даже не обнимешь и не поцелуешь меня, да ещё и уйти хочешь.

— Саша...

— Ну, иди сюда.

— Саша, мы, наверно, пойдём.

— Ты мой жених, ты должен быть снисходителен к своей больной невесте.

— Я не узнаю тебя, Саша.

— Стервозная?

— Я бы так не сказал, но, наверно, болезнь на тебя так действует.

— А как бы на тебя действовало, если бы я при тебе начала целоваться с девочкой?

Пацаны опустили головы. Потом поднялись и молча стали собираться.

— Женихи! — сказал я им вслед. Бросаете любимого человека в самый тяжёлый момент.

— Саша, — подошёл ко мне Саша, обнял. Я заплакал. Саша поднял меня на руки и понёс в нашу комнату. Толик приплёлся следом.

Наплакавшись, я уютно свернулся у Саши на руках.

— Толик, мы будем учить уроки?

— Как скажете, Ваше Высочество.

— Так — то лучше. И запомните. Женщину в такой период нельзя раздражать. Надо слушать и любить. Я сам это только что понял. Простите меня, я больше не буду.

Ребята облегчённо вздохнули.

Всё-таки я решился подсмотреть их мыслеобразы.

И, как оказалось, не напрасно. Ничего они в ванной, кроме того, что отмывали друг друга от пота, не делали.

Они снимали друг другу (не друг в друга!) напряжение, только после тесного со мной общения.

Следы радости от предвкушения ласковой встречи ещё остались. Что ещё осталось? Досада, обида, непонимание от моей холодности.

«Толик, сядь рядом с нами» Если бы я попросил голосом, Толик мог заупрямиться, а так он принял просьбу за собственное желание и присел рядом с Сашей.

— Мальчики, — сказал я, — у меня была тяжёлая ночь, не менее тяжёлый день.

Пожалейте свою маленькую девочку! Н обижайтесь на неё.

Досада и обида рассыпались. Из глаз Саши побежали слёзы, он стал гладить меня, прижимая крепче к себе, прикасаясь губами к моему лицу.

— Сашенька, потрогай мои сосочки, только осторожно, хочу проверить, не болят ли ещё.

Саша вытянул майку у меня из шорт и потихоньку добрался до груди.

Мои прыщики моментально набухли, они были ещё очень чувствительны, но боли не было, если их вот так ласкать.

Меня начала обволакивать сладкая дрёма.

Завтра будем разбираться с этим... сопливым Ы! — посмеялся я про себя, а пока можно подремать.

«Он уже спит» «Разбирай постель, уложим под одеяло».

«Раздевать не будем?» «Нет, разбудим ещё» «Пусть поспит, а мы позанимаемся» Через секунду я уже крепко спал.

— Сегодня у нас особенный сбор. Назначение моих заместителей и, возможно, приём новых, гм членов отряда.

Ситуация может резко обостриться. Единоначалие дело хорошее, но, как я посмотрю, стоит мне заболеть, и вся деятельность отряда замирает.

У нас есть два капитана звеньев: Дима и Вовчик. Если со мной что — то случится, они возглавят весь отряд. Могу порекомендовать выбрать председателя совета отряда. Совет отряда можно создать на базе стаи.

Выбирать будете самостоятельно, моих адъютантов не трогать, они могут пропасть вместе со мной, — ребята недовольно загудели.

— Да, ребята, не исключено, что за нами начнётся охота. Так что жить становится всё интереснее, расшевелили мы болото.

Состоится приём новых волчат в стаю. На пустыре. Галстуки серые у меня уже есть, там и переоденемся. Свои галстуки будете повязывать привлечённым ребятам.

А сейчас позовём ребят из шестого «А». Зовите Лёньку... забываю его трудную фамилию, я назвал его Сопливый Ы, — ребята заржали, — и кто там неформальный вожак? Борька Петров? У вас здесь что, диаспора? Ладно, проехали. Приглашайте. «Ещё и я окажусь евреем» — промелькнула мысль.

Когда пришли Лёнька с Борькой, я поставил их у доски.

Пацаны затравлено посматривали на мой весёлый отряд. Никто не сомневался в нашей «миролюбивости», поэтому они чувствовали себя явно не в своей тарелке.

— За Лёньку передо мной ходатайствовали очень знатные люди, которым я отказать никак не могу, — быстрый удивлённый взгляд из-под густых ресниц, — Предложено было два варианта: взять Лёньку в свой отряд, или создать новый отряд в шестом «А». Первый вариант сулит нам некие дивиденды, зато второй — увеличением наших союзников.

Командиром будет Борис Петров, он справится с организацией. При согласии с предложением я связываюсь с людьми, и вам дают деньги на форму и прочие нужды. Контроль за расходами возложу на себя. За нецелевые расходы будете расплачиваться кровью и трёхкратным возмещением убытков. Согласившиеся вступить в отряд будут заниматься борьбой самбо, дзюдо и футболом. Несогласные будут объявлены вне закона. Отказ может быть только по медицинским показаниям. Объясняю свою

твёрдость тем, что большие собираются пободаться с нами. Возможно, пока маленькими, но возможно всякое.

Идите и решайте.

Когда гости вышли, класс взорвался криками одобрения:

— Вне закона — значит, можно на них тренироваться? До крови?

Мои орлы хватили адреналина, теперь, в предвкушении дрожат.

— Будем делать из них отбивные, — ответил я, — но нежно, без членовредительства! — все засмеялись.

Наше веселье положительно повлияло на создание нового скаутского отряда. Им мы предложили тёмно-зелёные галстуки, чтобы не путать наш боевой отряд с новичками.

Пришлось мне звонить доброй Мариям.

Димка, Генка, Тимка и Вовчик решили вступить в стаю.

Для этого мы собрались на пустыре. Обряд мы проводили в кругу волчат, всего семнадцать человек.

Соискатели резали себе левые ладони, пятнали кровью знамя стаи — серое полотнище с весёлой мордой волчонка, производили кодекс чести стаи. И я повязывал им на шею серый галстук с зелёной каймой. Девочки перевязывали раны.

Когда наша стая увеличилась в размерах, на дороге появился чёрный джип, и ещё пара машин.

— Саша, едут к нам, — сказал мой Саша, — Что будем делать?

— Это большие. Или на переговоры, или хотят захватить, или закопать всю стаю. Насчёт переговоров могли предупредить, позвонить, назначить время и место... Рассредоточиться в лесу! — закричал я, не додумав. Лучше перебдеть. Ребята исчезли из глаз.

— Мы тоже спрячемся, — сказал я Толику с Сашей. Свои шкурки нам дороже амбиций.

Мы спрятались недалеко от поляны.

Машины выехали на поляну, из джипа вышли трое крупных мужчин в кожаных куртках нараспашку. Под куртками виднелись пистолеты.

- Разбежались! — с сожалением сказал один из них.
- Да, не дураки, — сказал второй.
- Всё же я надеялся, что они захотят нас выслушать, — пожалел третий.
- Они нас не приглашали, тем более, у них тут какое — то таинство. Надо было договориться о встрече.
- Можно было взять их всех разом.
- Ты собираешься воевать с детьми?
- Воевать? оттащить за уши, да указать место в углу.
- Что с Быком?
- Она его очаровала.
- Ими, в самом деле, командует девчонка?
- Девчонка. Ледяная Принцесса, её высочество.
- Поедем?
- Уверен, что они нас слышат, значит, забьём стрелку здесь же. Через недельку. С их крышей. Не стоит привлекать детишек. Поехали, жаль, не познакомился с принцессой.
- Учти, у неё есть принц.
- Мужчины расхохотались и расселись по машинам.
- Автомобили развернулись и уехали.
- Мы снова собрались.
- Интересно, о чём они хотели с нами поговорить? — проговорил Саша.
- Если и хотели, то передумали. Иначе сказали бы нам. Они были уверены, что я их слышу.

Новых сюрпризов от своего тела я не ожидал. Настроение улучшилось, я снова был весел и влюблён. Страшно надоела пустая комната и холодная постель. Захотелось вновь тесноты, барахтанья и визгов.

Ещё больше хотелось прикоснуться к обнажённому Сашиному телу.

Меня даже трясло от нетерпения.

У меня ещё было освобождение, и я мечтал, сидя на скамейке, и наблюдая, как мои отрядовцы валяют новичков.

Саша в перерывах подбегал ко мне, обдавая запахом горячего, уже почти мужского пота. Я сидел и бесился. Лучше бы провести несколько спаррингов! Не приду больше завидовать!

— Что, Сашка, бесишься?

Я вздрогнул. Оглянувшись, увидел всего лишь Максима.

— Напугал... — протянул я, — задумался что-то, нюх потерял.

— Хочется побороться?

— Не представляете, как.

— Представляю. Что, нельзя?

— Пугают кровотечением, — пожаловался я, — сейчас заберу Только с Сашкой, да устрою другую борьбу...

— Другая, поди, тоже запрещена? — засмеялся Максим. Я с шумом втянул воздух: — Обложили со всех сторон, демоны.

— Ладно, скоро потеплеет, будем мяч пинать, развеешься.

— Когда это ещё будет, — протянул я, — ещё восьмое марта не наступило.

— Кстати, тебя поздравлять? А то получу в морду.

— У меня есть, кому поздравлять, у вас тоже.

— Сашка, ты же знаешь, как я тебя уважаю, разве могу я пропустить такой момент, чтобы оказать тебе знак внимания?

Я посопел: — Мне цветы как-то... — Впрочем, поставлю среди прочих, пусть маме будет приятно.

— Ну, вот и лады, так всем и скажу, а то все озадачены этой проблемой.

— Кроме цветов нечего подарить?

— А что ты хочешь?

— То, что я хочу, ни мне, ни вам недоступно.

— А всё-таки? — я вздохнул:

— Машину я хочу. Японскую. Столько времени бездарно убивается на разъезды. Сразу независимость от транспорта получил бы!

— Ты умеешь водить?

— Что там уметь? Праворульку хочу, автомат! Жаль, никто не позволит ездить. Детям положено на своих двоих бегать.

— Почему праворульку?

- Это секрет. Может быть у меня секрет?
- Ты весь состоишь из секретов и загадок.
- Одним больше, одним меньше.

— Я на эту кашу уже смотреть не могу, — признался я, накладывая Саше в тарелку гречку с подливкой, — сейчас что-нибудь придумаю.

- Запеки курицу, если есть.
- Картошку будешь чистить?
- Приказывай, принцесса! — Саша смотрел на меня с обожанием. Я его хочу. По — настоящему.

Нашлась и курица, купленная, вероятно, на 8 марта, и картошка почистилась и сварилась, когда пришли мама и Юрий.

Я оторвался от Саши, и побежал встречать маму.

- Мамочка! — кинулся обниматься.
- Сашка выздоровел, — констатировал Юрий, — тем более Саша здесь! А меня кто будет целовать? — капризно спросил он, — и опусти меня на место, тебе ещё рано тяжёлое поднимать.
- Юрик прошёл на кухню, и был пойман Сашей. У Саши в руках Юрий повис в своей любимой позе.

— Мама, мы курицу запекли, ты уж извини, сегодня уже снова мои друзья у нас.

- Не рано ли? — улыбнулась мама.
- Добрая Мариям меня вылечила... почти. Выписала лекарств, я их принимаю, и мне всё легче и легче!
- Что за Мариям?
- Мария Борисовна!
- А, да, твой гинеколог.
- Может, тебя ей показать? — задумчиво произнёс я.
- Не смей меня, она же детский врач.
- Зато сама тебе в мамы, если не в бабушки годится. Меня правнуком зовёт.
- Правнуком? — засмеялась мама, — почему не правнучкой?

— Она меня всерьёз принимает за мальчика. Душой-то я мальчик.

— Как же ты с Сашей? Он же тоже мальчик.

— Не знаю, когда я с Сашей, я делаюсь девочкой. Правда, правда, правда!

— А когда она командир отряда, она Принцесса! — не утерпел Саша, не сводящий с меня влюблённых глаз.

— Невероятно! — воскликнула мама, — Вот что любовь с человеком делает!

— Меня она ума лишила, — признался Саша.

— Это видно! — взлохматила ему волосы мама.

Почти вместе пришли папа с Толиком.

Умытые и голодные все расселись за столом. Саша не отказался от второго ужина, хрустя косточками, он нахваливал мою стряпню.

Папа поинтересовался моим здоровьем, и сказал, что послезавтра 8 марта, пусть мужчины напрягают свои извилины, что будут дарить своим возлюбленным. Мужчины озадачились. Я тоже. Надо было что-то придумать для мамы.

— Саша, у тебя такое глупое выражение лица, что мне понятно: маме ты не звонил, — сказал я, когда мы уже приготовили уроки.

— Действительно, — хлопнул себя по лбу Саша, — я уже дома. В новой семье.

Саша побежал звонить в прихожую, где в куртке был его мобильник.

Я подумал и решил проверить, что с моим организмом.

Сидя на унитазе, вынул тампон. Потекло. Я озадачено посмотрел на тонкую струйку. Что это? реакция на оргазм? Надо снова промыть.

В ванной у меня уже всё было готово, поэтому, промыв спринцовкой, поставил свечку и снова заткнул свою пещерку тампоном.

Может, рановато решил оставить друзей? Впрочем, лишь бы не было приступов. А неприятность эту мы переживём. Как сказа-

ла Старая Мариям? Дурная кровь! Заменим на хорошую, пожуюм гематоген.

Мама купила мне гранатовый сок, сейчас пойду, попою.

На кухне я взял бутылку сока из холодильника. Концентрированный, можно разбавить теплой водой.

Какой кислый! Брр!

Кто-то обнял меня сзади. Для Саши мал, для Юры велик.

Толик. Никогда так не делал. Он нежно обнимал меня сзади, прижавшись, и прислонившись своим ухом к моему.

— Хотя где-то застать тебя одного, — прошептал он, — не мог утерпеть, хоть чуть-чуть побыть на месте Саши.

— Разве тебе кто запрещает? — тихо засмеялся я.

— При Саше не смею. Вы друг в друга влюблены, а я только в тебя.

— Ты чудо, Толик, — поцеловал его я.

— Ага! Уже целуетесь, — весело сказал Саша, входя, — что ли кушать будем?

— Что ли одни? — передразнил я.

— Зови тогда семью.

— Тебя отпустили?

— Так я уже здесь, у законной жены.

— Уже жены?

— Хочу так тебя называть, более солидно.

— Не дорос я до жены. Видишь, совсем ещё мальчик.

— Самый лучший мальчик в мире!

— Садитесь за стол, женихи, сейчас спрошу, будут ещё ужинать, или все сытые.

Я вышел из кухни.

Папа с мамой смотрели что-то по телевизору.

— Ужинать будете? — спросил я родителей.

— Будем. Что-то новое?

— Я ещё не смотрел. Курица осталась? Картошка? Пацаны уже стучат ложками по столу. Где Юрик?

— В своей комнате.

Я поспешил к братику.

- Юрик, я так соскучился по тебе!
- Я тоже, не бери меня пока на руки, ты ещё болеешь.
- Да, я сам не ожидал, а ничего ещё не успокоилось. Хорошо, без боли. Пойдём ужинать, ребята голодные.

За столом я сидел рядом с Сашей. Саша дрожал от нетерпения, глаза его сверкали. Я наклонился к его уху и попросил: — Саша, перестань! Ты привлекаешь внимание! Ты обещал!

В ответ он мне прошептал, что совершенно не может себя контролировать.

Я пообещал положить его наверху. Саша слегка обиделся.

— Хватит шептаться! — строго сказала мама. Если есть что сказать, говорите.

Шептаться будете у себя в комнате.

После ужина я остался помочь маме.

— Что-то мне не нравится, как мальчики возбуждены, — сказала мама.

— Я тоже возбуждён, — признался я.

— Надо было разогнать их по домам, — произнесла мама.

— Это будет слишком большой удар для... нас.

— Ну, если для всех вас, тогда иди, радуй своих женихов!

Не переусердствуй!

— Мама! Я ещё болею. Кстати, как ты сейчас себя чувствуешь?

— Признаться, не очень.

— Как моё предложение насчёт Марии Борисовны?

— Сам подумай, где она будет меня смотреть? В вашем детском кресле?

— Мама, она смотрит таких деток... ты перед ними девочка. Я могу позвонить, назначить время.

— Я подумаю.

Ответить на это мне было нечего. Я засопел и пошёл мыть посуду.

— Не обижайся, Сашенька, — взяла меня сзади за плечи мама, — если даже что-то у меня не так, терапевтически ничего не сделаешь, нужна будет операция.

— Всё равно я тебя не понимаю, неужели так сложно?

Мама тихонько засмеялась: — Я сказала, подумаю, не сейчас же ты будешь звонить своей доброй Мариям!

— Ей можно всегда.

— Пожалей старую женщину. Домывай посуду и иди спать... если дадут.

— Они, наверно, уже дрыхнут.

Сейчас! Четыре глаза сверкали из темноты.

Я разделся и, нырнув между ними, потонул в нежности и любви, исходящих от них.

Саша сдержал своё обещание и держал себя в руках. Толик был как всегда, галантен. Они были немало довольны и таким общением, я ловил их радостные ощущения и сам таял в их руках.

— Привет, подруга! — звонила Слава, — Ну, ты даёшь! До нас уже дошли слухи, что ты верховодишь всеми мальчишками города! Будто без твоего разрешения никто даже подраться не может! Зато сама не дура подраться!

Я так горжусь знакомством с тобой! Мне все завидуют! Что молчишь?

— Слухи сильно преувеличены, — ответил я, помешивая мясо на сковородке:

надо было опять кормить семью, — я слабая и тихая девочка, очень миролюбивая. Интересно, кто распускает обо мне такие гадкие слухи? Морду бы набить!

Слава забулькала смехом:

— Слабая и тихая, говоришь?

— Вот тебе смешно, а мне опять приходится готовить на шестерых. Из них пятеро мужчин. Если меня считать.

— Тебя все так считают. Даже я, — серьёзно сказала Слава, — Так жалко, что нам не удалось...

— Не жалея, Слава, — рассмеялся я, — какие твои годы! Встретишь ещё своего мужчину, тоже будешь вскакивать, как я, в полшестого, и крутиться на кухне! А твой любимый, как мой сейчас, будет досматривать сладкие сны!

— Он так у тебя и ночует?
— Даже двое.
— Второй, наверно, мешает.
— Не всё коту масленица, когда надо уединиться, мы сбегает...

— Какая ты счастливая, Саша...
— Ты же красавица, Слава, тебе что завидовать, что ли обойдена мужским вниманием?

— Да какие это мужики?! Пацаны сопливые, только слюни пускать. Я тоже хочу настоящей любви, самоотверженности, чтобы на руках носили.

Ты вон, сколько своих в чёрном теле держишь, а они бегают за тобой, как собачки, и их всё больше и больше!

— Может, надо как-то себя по-другому себя вести?
— Как ещё себя вести? Нравится тебе пацан, бери его, пока другие не забрали!

— Вот именно, бери. Надо, чтобы тебя добивались, ты же девочка, за тобой должны бегать и дарить цветы.

— Тебе дарят?
— Пока нет, но, думаю, сегодня и завтра я получу сполна.
— Я с тобой совсем заболталась! Позвонила-то поздравить тебя с праздником!

— С праздником, подруга!

— Тебя так же! — Слава отключилась.

На кухню вошла мама, — С кем это ты с утра пораньше?

— На сборах познакомились. Такая смешная история вышла... мама, я решил опять картошку с мясом сделать. Моя фантазия тоже имеет предел.

— Да, надо книгу рецептов купить.
— Думаешь, можно чем-то удивить наших проглотов? Когда они последний раз благодарили?

— Привыкли, наверно.

— Скажи ещё, стесняются!

— Может, и стесняются, — задумчиво произнесла мама.

— Мама, что с тобой?

- Не знаю, Саша, не знаю.
 - Ты меня беспокоишь, я всё-таки позвоню...
 - Юрик сказал, что только ты можешь мне помочь.
 - Я?!
 - Так сказал твой брат.
 - У меня пока ничего не получается, — виновато произнёс я, — Мне их хорошо слышно, а они, как сквозь плёнку. Причём она, плёнка, с моей стороны прозрачная, а с их — нет.
 - Я в этом ничего не понимаю.
 - Мы с Сашей испытываем блаженство, но плёнка не рвётся.
 - Что ты сказала?!
 - Нет, мама, до этого ещё не дошло, мне нельзя, но есть другие способы. Боюсь, если не поможет счастье, то что? Горе?
 - Не дай бог, Саша, не дай бог, моя девочка!
 - Всё готово, пойду будить своих любимых.
- Мои любимые ещё крепко спали. Даже жалко будить.

Я присел на краешек кровати и стал тихонько ерошить волосы на их головах. Саша, не просыпаясь, передвинул свою голову мне на колени и снова засопел. Толик ласково улыбался во сне. Я начал по очереди целовать их куда попало. Они начали уворачиваться, улыбаясь. Пришлось одну из улыбок закрыть поцелуем, за что был схвачен и повален на кровать, где мы несколько минут побарахтались, смеясь.

Наконец мальчишки были разбужены и отправлены в ванную.

После уроков были утренники, где ребята поздравляли девочек.

Мы сходили домой и переоделись.

Все праздновали в своих кабинетах, тех же, кто занимался спортом, решили поздравить в спортзале, так как спортсменов оказалось немало, да и мы втянули немало и желающих и уклоняющихся, напугав их объявлением вне закона. К моему удивлению, мне приносили справки по освобождению от физкультуры.

Сначала я сердился, затем стал проверять. Нашёл несколько липовых.

Девчонок мы простили, а над пацанами вдоволь поизмывались.

Для этого мы пригласили ребят Славки Быка размять косточки без железа и приучали новичков к борьбе без правил. Потерь не было, не считая нескольких разбитых носов.

Наши санитарки, побросав свои сумки, смешались с толпой, и, по-моему, самый урон врагу нанесли именно они, потом с ласковым словом залечивая раны.

Смеху было!

Зато посадили на адреналин новичков.

Сейчас в спортзале были расставлены столы, на них кипятились чайники, горками лежали конфеты и печенье.

Особой диеты мы не придерживались. Какая диета! Наши организмы тут же сжигали каждую лишнюю калорию.

Привлекли мы одного пухлого мальчика, якобы с нарушениями обмена веществ. Найдите его теперь! Мама приходила, благодарила. Вздыхая, правда, глядя на его торчащие рёбра. Зато аппетит!

Мы все решили прийти в форме. Зимняя форма у нас была камуфляжная, парадок мы пока не делали, хотя подумывали уже, на 9 Мая.

Теперь же: зелёные рубашки, штаны, заправленные в берца, курточки на молниях, разноцветные галстуки, на головах шапки, летом будут или пилотки, или береты.

Папа Саши всё же выделил нам участок на полигоне, придал нам сержанта-контрактника. Да не кого попало, а того, кто любил и умел заниматься с детьми. Там мы отрабатывали боевые приёмы с оружием и без.

На занятиях, мы, конечно, использовали другую робу, иначе на нас было бы теперь страшно смотреть.

На нас и сейчас было интересно посмотреть.

Я с улыбкой смотрел на наш отряд, и, если бы не знал, кто есть кто, то путал бы мальчиков с девочками, тем более что девочки оставили своё жеманство до лучших времён, и двига-

лись под стать мальчикам, разве что своей красотой выделяясь из общей массы.

Мы расселись за столами вперемешку, и, слушая здравницы в честь девочек, пили чай.

Одинокими мы оставались недолго. Раскрылась дверь, и вошла Алевтина Андреевна в сопровождении накачанных ребят я полосатыми сумками, а вслед за ними вошёл Дмитрий Алексеевич, дядя Коля и Максим Сергеевич.

Мы с шумом поднялись на ноги.

— Сидите, сидите, вы не на уроке! — испугалась директриса.

— Позвольте, Алевтина Андреевна? — Спросил Дмитрий Алексеевич.

— Да, пожалуйста!

— Мы навестили вас по поводу праздника всех женщин, и девочек — 8 Марта.

Праздник будет завтра, и вы отметите его как следует дома.

Сегодня же я от имени Федерации Самбо и Дзюдо хотел бы поздравить наших девочек... — он растеряно смотрел на наши отряды и не находил девочек.

— А где девочки? — спросил он, обернувшись к директрисе.

Алевтина Андреевна заразительно рассмеялась:

— Первое время я сама терялась. Все постриглись. Мешают им длинные волосы, понимаешь ли. Девочки! Выйти всем на середину зала, и построиться!

Девочки встали и построились.

— А тебя, Денисов, не касается? — я покраснел и вышел, пристроившись с правого фланга строя, как командир.

— Почему вы так её называете? — удивился Дмитрий Алексеевич.

— Заслужил! — улыбнулась директриса.

— Кхм... Теперь будем раздавать подарки!

Мужчины открыли свои сумки, и стали одаривать девочек. Мне тоже досталось что-то в закрытом рюкзаке.

— Теперь вот что. Наша Федерация, Мэрия и Дума города решили поддержать начинания юных скаутов, и мы решили

на хозяйственные нужды вручить вам чек Денисову с небольшой суммой в сто тысяч рублей.

А этот чек в пятьдесят тысяч вручается лично тебе, Саша. Никто, правда, не запрещает тратить деньги и на общественные дела, — добавил он удивлённой Алевтине Андреевне. Ребята доказали свою разумность, мы уверены, что они потратят эти деньги с толком.

— Где твой Принц? — обратился ко мне Дмитрий Алексеевич.

— Сейчас будет здесь, — ответил я. Я был рад. Деньги, как нельзя, кстати, можно закрыть столько дыр!

Открылась дверь, и вошёл Саша. Одет он был в чёрную тройку, с чёрным же галстуком, потому что был привлечён на праздник к своим.

Губную помаду у него на щеке я «не заметил».

Правда, она таинственным образом исчезла.

Он не решился подойти к строю, остался в отдалении и ласково мне улыбался.

— А теперь, Саша, — попросила директриса, — спой нам! Мы так давно не слышали, как ты поёшь!

Под бурные аплодисменты я пошёл на специальное возвышение, где стояла аппаратура. Появились музыканты, пришлось дать ответный концерт спонсорам.

Мужчины были немало удивлены и обрадованы. Сначала торопились, но после «Я куплю тебе дом» забыли о срочных делах и просили что-нибудь ещё. Я запросил пощады, чтобы не охрипнуть.

Тогда спонсоры сами устроили концерт, причём неплохо играли и пели.

Затем Дмитрий Алексеевич извинился, потому что ему надо было посетить ещё несколько спортивных клубов.

— В следующий раз я попрошусь только в вашу школу, — смеясь, говорил он, — Насколько у вас всё необычно!

Мы сидели с Сашей, обнявшись, и мечтательно улыбались.

— Держи крепче свою невесту, Принц! — погрозил пальцем наш куратор, — отобьют!

- Не отобьют! — отвечал Саша, — она только меня любит!
- Такая боевая всем нужна! Сам бы не отказался!

После утренника мы неспешно пошли домой.

— На эти деньги неплохо было бы пополнить запас продуктов, сказал я, подходя к супермаркету, устроим маме праздничный ужин сегодня, праздничный обед завтра, надо купить подарок Елене Владимировне. Маме. Давайте думать вместе. Совсем забыл про Яну! Толик, что Яна любит?

— Много что любит, я сейчас редко дома бываю, ты же знаешь.

— Она, наверно, будет твоей мамой.

— У меня есть мама! — неожиданно резко сказал Толик.

— Скучаешь?

— Очень, — тихо сказал Толик, — но без тебя я не поеду! — быстро сказал он.

— А без меня не поедет Саша, — сказал Саша.

— Я понимаю. И что мне делать?

— Позвонить маме, написать, поздравить с праздником.

— Я давно ей не звонил.

— Надо когда-то начинать, тем более повод есть.

Пока мы разговаривали, нагрузили полную тележку продуктов, подвезли её к кассе.

— По карточке можно оплатить? — спросил я, или надо снять наличные?

— Давай свою карточку, — кассирша вставила карточку в аппарат и заставила меня ввести код. Потом пробила чеки и заставила на каждом расписаться.

Очередь поворчала на богатеньких детишек, но мне было не до них, в другое время я бы пошутил...

Нам ещё переть всё это домой!

Разобрав всё это по пакетам, потащились на улицу.

За углом на нас напали.

Трое мальчишек от 12 до 14 лет. Старший, угрожая нам ножом, приказал поставить пакеты и проваливать, пока целы.

Осмотрев их внимательней, я понял, что это так называемые «дикие», то есть не принадлежащие никакой группировке гопники, или сбегавшие из дома, или из детдома, судя по их голодным глазам.

Саша с Толиком ничего не предпринимали, ожидая моего решения.

Раздумывал я недолго. Аккуратно прислонив пакеты к стенке магазина, я сделал один скользящий шаг, и отобрал нож. Сложил его и опустил в карман своей куртки.

— Не дёргайся! — предупредил я парня, — если жить хочешь целым. Говори быстро, откуда, чьи, зачем напали.

Как я и понял, были они ничьи, беглецы.

— Будем вас определять, — достал я свой розовый мобильник.

— О! — почему-то радостно воскликнул Саша, и подмигнул Толику. Толик тоже чему-то радостно улыбнулся. Зато ребяташки начали плакать, умоляя отпустить их. Наверно, думали, что я хочу сдать их в полицию.

— Не волнуйтесь, — сказал я им, — пристрою вас в коллектив. Только запомните нашу форму, не пересекайте с такими ребятами. Живыми уйдёте, но не факт, что целыми. Это мы сегодня добрые.

Я набрал Славку Быка:

— Славка, привет, это Саша.

— Привет, Котёнок, что, стресс хочешь снять?

— Нет, подходи к супермаркету на Ленина.

— Я рядом! — радостно отозвался Славка, — где вас искать?

— За углом. Надо ребят оформить.

— Подожди немного

Минут через десять подошёл Славка с двумя ребятами.

Мы поздоровались с ними за руку.

— Вот, — показал я на своих пленников, — неустроенные люди. Возьмёшь? Кстати, Толик, я видел, ты сэндвичи покупал? Угости ребят, голодные они, смотри, какие глаза.

— Я тоже неделями голодал, однако ни до воровства, ни до грабежа не опустился.

— Не ворчи, они в плену, их положено кормить.

— Толик со вздохом вынул пакет с сэндвичами и отдал их ребятам.

Те развернули бутерброды и, давясь и проглатывая, не жуя, большие куски, начали поглощать угощение.

— Не торопитесь! — попытался я их успокоить, — животы заболят!

Но было поздно. Сэндвичи кончились.

— Ребята, у меня идея, — обратился я к Славке, — помогите донести покупки домой.

Славка расцвёл: — Для тебя, Принцесса, что угодно!

Я ткнул его кулаком в бок, взглядом показывая на ничего не понимающих пленников.

— Ты этих стесняешься? — удивился Славка, — так они уже наши.

— Эй, вы, — обратился он к ребятам, — берите пакеты и идите с нами. Не вздумайте бежать, больно будет. Звать вас как?

Оказалось, старший Эдька, младшие Вадик и Данька.

— Такие славные ребята, — сказал я, — а занимаетесь всякой ерундой.

— Есть очень хотелось, — прошептал младший.

— Кушать теперь будете, но будет тяжело, — предупредил их я.

— Мы согласны, — вздохнул Эдька, — хуже, чем было, не будет...

— Как сказать, — ответил я, — но я надеюсь на Славика.

— У, Волчица! — шутливо ткнул меня в бок Славка, — веди, давай!

— Я хочу зайти в ювелирный, — вспомнил я, — маме куплю подарок.

В ювелирном я приобрёл серебряный кулон. Мама у меня «Близнецы».

— Саша, может, твоей маме купим.

Саша смутился: — Ты все свои деньги потратишь.

— Подарили на 8 марта, значить, на подарки. Говори, кто она по гороскопу.

— Телец.

— О! Я тоже Телец! И здесь тоже, — непонятно для Саши добавил я.

Кулон с Тельцом тоже нашёлся.

После чего мы быстро добрались до нашего дворика.

— Принц! — обратился к Саше Славка «скоро прозвище окончательно приклеется» — подумал я.

— Принц! Разреши поцеловать твою Принцессу. Поздравить с праздником!

— Попробуй, если не боишься.

— Ваше Высочество, позвольте? — он обнял меня и троекратно поцеловал в щёки. Потом подумал, и прикоснулся к моим губам.

— Счастливый ты, Сашка, — со вздохом сказал он моему любимому, — Ладно, до завтра! — и увёл свою компанию.

На другой день утром, когда я уже закончил утреннюю зарядку и водные процедуры, зазвонил звонок.

Натянув майку, я побежал открывать, пока неизвестный посетитель не перебудил всю мою семью.

Открыв дверь, я сначала увидел огромный букет розовых роз, а затем, за ним — мальчишку.

— Розы для принцессы! — провозгласил он громко.

Машинально приняв букет, я не знал, что ответить, мальчик же, повернувшись, убежал вниз по лестнице.

Я прошёл в комнату родителей и подошёл к окну, выходящему на двор.

Внизу, возле лавочки я стоял Славка с друзьями. Увидев меня, он помахал рукой и удалился.

— Кто это был? — спросила мама. Я повернулся: — Надо бы куда-то поставить цветы, мама.

— Ничего себе... — только могла произнести мама, — Кто это тебе по утрам розы дарит.

— Ты неверишь, мама, недавний злейший враг всех ребят, Славка Бык!

— И этот втюрился? — спросил со вздохом папа, — как спокойно было, когда ты была пацаном...

Мама забрала букет у меня и пошла на кухню ставить его в вазу.

Я зашёл в мою... уже не мою комнату. На моей кровати сладко спали, обнявшись, мальчишки.

Мне стало смешно. Я уселся в углу у них в ногах, и стал смотреть на их уморительные мордашки. Потом залез рукой под одеяло и стал щекотать им пятки. Они смешно дёргали ногами, но просыпаться не желали.

— Ладно, спите, — сказал я, — с праздником вас!

Я слез с кровати и выпрямился. На втором ярусе безмятежно спал Юрик.

Я поправил ему сползшее одеяло и пошёл помогать маме готовить праздничный обед.

— Что, не разбудил? — спросила мама.

— Не желают просыпаться. Пусть поспят, входной всё-таки.

— Ты почему не спишь? — я пожал плечами: — Привычка. Теперь не спится, организм требует своего.

— Не загонишь себя?

— Что ты, мама! Это бездельем можно себя загнать! В нас взрывчатки полкило! Надо двигаться, а не то: трах — бабах, и нет его! Ребёнка, то есть.

Я посмотрел на заметно округлившийся живот мамы и подумал, что так и не позвонил Марии Борисовне. Сегодня надо обязательно позвонить, поздравить с 8 марта, да и поговорить просто.

Мама, как всегда, прочитала мои мысли у меня на лице:

— Конечно, позвони, поздравь. Только попозже, ещё рано.

— Ты же знаешь, мама, старые люди рано просыпаются.

— Ох ты, старые. Не говори так никогда пожилым людям. Только они сами могут так себя называть.

— Хорошо, мамочка.

- Ты сегодня будешь девочкой?
- Да, мама, меня сегодня заставят быть ею, видишь, с утра напоминают!
- Завидую тебе, мне никогда не приносили столько роз, особенно розовых.
- Почему розовых?
- Розовые розы дарят невинным девочкам.
- А белые?
- Белые невестам на свадьбу, красные замужним женщинам, или потерявшим невинность, жёлтые — при разлуке.
- Целый ритуал!
- Мальчики инстинктивно выбирают нужный цвет.
- Никогда бы не подумал! — искренне сказал я, — Чем будем удивлять любимых?
- Будем делать разные салаты. Хорошо бы мясо по — капитански...
- Папа, — сказал я заглянувшему на кухню отцу, — ты знаешь, что у нас сегодня праздник? — я стёр пот со лба.
- С праздником!
- Разбуди, пожалуйста, пацанов.
- На такой подвиг я не способен. Дайте мне льва, тигра... Я лучше поотбиваю мясо.
- Вот и отбивай! — бросил молоток и пошёл проверить ребят.
- Оказывается, они уже проснулись, и боролись втроём на моей бывшей кровати.
- О! Саша пришла! — увидел меня Саша. — С праздником тебя, Саша!
- Спасибо, — ответил я, — выспались?
- А что? — насторожились ребята.
- А то! — воскликнул я и прыгнул на эту кучу малю. Раздался восторженный визг.
- Выгнав всю компанию, я был вынужден застилать две разорённые кровати. Я не обижался, я очень любил своих мальчиков, заправлял кровати, с нежностью думая о них.

А вот и они. Прибежали в одних трусиках и стали все целоваться и поздравлять меня с праздником. Отбиться было невозможно.

Потом они не выдержали и подарили новенький сотовый телефон.

Я невольно расплылся в улыбке, старый кнопочный мне уже успел надоесть, да и возможностей там было смехотворно мало. Я вздохнул и понял: я окончательно стал ребёнком.

— Будет, с чего позвонить, — сказал я сам себе, вставляя симку в телефон.

Ребята радостно наблюдали за моими действиями, им самим не терпелось посмотреть, что они подарили. Все контакты я записывал на симку, поэтому много мучиться не пришлось.

Саша сразу завладел аппаратом и стал показывать мне, как им пользоваться.

— Позвонить то дашь? — хмуро спросил я. Саша покраснел и отдал телефон:

— Прости, увлёкся.

Позвонить я побежал в прихожую.

— Здравствуйте, Мария Борисовна. Это Саша.

— Здравствуй, Сашенька. Тебя можно поздравлять?

— Меня с утра поздравляют. Мария Борисовна, я звоню, чтобы вас поздравить, Вы как никто заслужили! Сколько нас вы выходили, помогли стать мамами, которых теперь поздравляют дети. Спасибо большое, Мария Борисовна!

В трубке почему-то послышались всхлипы.

— Мария Борисовна! — воскликнул я, вы ведь железная леди, вам не положено плакать!

— Я от радости, Сашенька! Слышать такие слова от ребёнка, это ли не счастье. Почти все дети думают, что я их мучаю.

— Не может быть!

— Может, ты сам пищал в кресле.

— Скажем, я немало озорывал...

— Думаешь, я не знаю? И, тем не менее, тебе было неприятно.

— Лечение редко бывает приятным. Этой зимой я немало поболел, знаю, каково это. Но хватит о грустном. Пусть в этот день вам будут только радостные поздравления!

— Спасибо, Саша. Ты что-то ещё хотел спросить?

— Хотел... только, получится, что я вас поздравлял из — за каких-то своих интересов. Я на самом деле глубоко Вас уважаю.

— Довольно лести, Саша, говори, мне приятно с тобой разговаривать, правда.

— У меня необычная просьба, Мария Борисовна, я вам настолько доверяю, что хочу попросить посмотреть мою маму...

— А что с ней?

— У неё сложная беременность. Говорит, что только операция поможет.

Мария Борисовна помолчала.

— Я всё-таки детский гинеколог.

— Дети не беременеют?

— Ну, уж. Даже в твои годы, поэтому я тебе и не советую.

— Чем же отличаются одни от других?

— Дети всегда отличаются от взрослых.

— Не берётесь... — упавшим голосом сказал я.

— Ты меня немного ошарашил. Мне надо повторить материалы о патологии беременности, надо поговорить с твоей мамой. Позвони на неделе, дело это непростое. Когда сам придёшь? Хочу просто тебя увидеть.

— Спасибо, Мария Борисовна, обязательно приду. Кстати, про Лёньку уже знаете?

— За Лёньку тебе отдельное спасибо, Саша. Не узнать мальчика. Ходит с высоко поднятой головой, в глаза смотрит смело. Вот тебе и сопливый Ы!

— Вы запомнили!

— Он сам напомнил, пожаловался на тебя.

— Получит он у меня плюх!

— Это ваши дела, до свидания, Сашенька, звони.

Связь прервалась. Я тупо смотрел на погасший экран.

Выходит, Юрка прав, всё сходится на мне.

— Мы тебя уже потеряли, — сказала мама, когда я вернулся на кухню.

— Что ты недовольный?

— Да так.

— Звонил своей Марии Борисовне, — проницательно сказала мама.

— Звонил, — не стал отпираться я, — сказала, что надо поднять кое — какую литературу...

— Вот видишь, опыта такой работы у неё нет.

— Я бы не сказал. Ранняя беременность, по — моему, всегда патология.

— Не спорю, только здесь — поздняя. Давай прекратим этот разговор.

— Как скажешь, мамочка. Что ещё надо сделать?

— Иди к мальчишкам, всё уже готовится.

— Поедим и пойдём гулять, сказал я. Зайдём к Саше домой, поздравим маму, вручим подарок, — я достал кулон с Близнецами, — как-то надо подарить. Даже не знаю, как.

— За столом, когда все будут поздравлять. Папа наверняка будет.

— Спрашивать начнёт.

— Объясним. Нас зовут, пошли стол раскладывать.

Наконец я выбрал момент между тостами и вручил маме Близнецов.

— Ой, какая прелесть! — сказала мама, — но это же дорого! Откуда у вас деньги?

— Не волнуйся, мама, нам сегодня спонсоры раздавали подарки. Мне тоже кое — что подарили, сказали, на подарки. Вот я и дарю самому дорогому человеку этот твой знак. Ребята подтвердят.

Ребята подтвердили.

— Теперь, мама, позволь нам откланяться, нам ещё надо посетить маму Саши, и погулять.

Домой у Саше мы не попали. Нас догнал запыхавшийся мальчик из команды Славки.

— Волчица! — обратился он ко мне, — на площади заезжие собрались, драться хотят с городскими!

— Что ты бегал, по телефону быстрее сообщить.

— Не знаю, телефоны почему-то не работают.

— Ясно! — хотя ничего ясного не было, — Саша, мигом переодевайся по -боевому. Время тебе не более 10 минут!

Саша бегом скрылся в подъезде.

Минуты казались часами. Я пытался дозвониться до знакомых, но сигнала не было.

Наконец появился Саша, и мы побежали на площадь.

Площадь оказалась оцеплена нарядом полиции, а на площади друг напротив друга выстроились две враждующие группировки. Наши тоже были там.

— Куда? — прорывал один из полицейских, когда мы попытались пройти.

— Нам туда!

— Назад!

Оглядевшись, мы увидели машины больших. Подбежав, нашли Дмитрия Алексеевича.

— Нам надо за оцепление!

— Вижу, что надо, проходите.

— Можно не стесняться?

— Не стесняйтесь.

Мы не спеша подошли к оцеплению, и, когда на нас начали обращать внимание, уронили пару полицейских наземь, и бегом добежали до своих. Клич скаутов заглушил все остальные вопли.

Перед нами бесновалась толпа подростков, одетых кто во что, вооружённая всяческим железом, вплоть до труб.

— Построиться! — командовал я, — стоя — впереди!

— Девочки! — орали противники, — что чешетесь? Давайте к нам, почешем! Дальше шёл непередаваемый набор слов.

Наша стая насчитывала уже двадцать пять человек, из которых были пять девочек. Нашу группу учили боевым

методам ведения войны, поэтому, конечно, я поставил их вперёд.

— Ребята! — крикнул я, — перед нами — враг! пленных не брать, всё железо оставляем в них, но не до смерти! Разговоры вести некогда, скоро подъедут пожарники и разведут нас! Воууу!

— Воууу! — радостно взвыли волчата, и бегом бросились на врага.

Противник оказался из ребят до 18 лет, крепкие, накачанные, бритые и вооружённые железом. Они рассчитывали на лёгкую победу, а может, вообще обойтись без драки, запугав пионерчиков до мокрых штанишек.

Но штанишки мокрыми оказались у них. Только не от мочи, от крови. Мы отбирали у них железо, и втыкали им в ноги и филейные места.

Снег сразу окрасился красным. Стая выла и металась среди врагов серыми тенями, пуская в ход все известные приёмы запретного боя. За нами уследить не могли. Бегущие за нами скауты и Славкины бойцы блокировали оставшихся нетронутыми нами бандитов, чтобы те не ударили нам в спину.

Несколько минут месилова, и врагов не осталось.

Всюду валялись стонущие и вопящие тела.

Наших среди лежавших не было, но пострадавших хватало. С разбитыми лицами, синяками, кто-то держал на весу руку. Наши сёстры милосердия уже начали помогать раненым. Сначала своим. Агрессоры подождут. Тем более что раздавшийся вой сирен карет скорой помощи вселял уверенность, что никто не погибнет.

Мы встретились посреди побоища. Адреналин ещё кипел в крови, и, не обращая внимания на лежащие вокруг стонущие тела, мы слились друг с другом в крепком поцелуе.

Страшная суeta вокруг, кто-то мечется, кто-то вопит, и только нам с Сашей не было ни до кого дела, мы упивались друг другом, мы страшно хотели друг друга. Раньше я не понимал древних, которые на поле боя, среди трупов, устраивал оргии.

Нас привели в чувство Дмитрий Алексеевич с товарищами.

Очень быстро они утащили нас с площади, посадили в машину и увезли, пока нас не схватила полиция.

— Как ребята? — спросил я, — их похватают!

— Не похватают! Мы вызвали спецназ, вызвали отца Принца, уж извини, буду вас так называть, иначе не понять, к кому обращаешься.

Так вот, сейчас подъедут грузовики с военной части, заберут ваших, вас там знают, отвезут в госпиталь. Пострадавших, кого в больницу, тяжёлых — в госпиталь, всё это мы успели организовать.

— Почему сотовые не работают?

— Менты продажные! Поставили глушилки. Это специальная подстава.

Контроль ментов ослаб, начал переходить к спортсменам, вот они и устроили шоу! Драка, всех в обезьянник, и можно разгонять вашу и нашу организации!

— Ну, вы звери! — закончил он, — не хотел бы я встать у вас на пути!

— Что вы хотите, — вздохнул я, — мы же дети.

— Куда, вас, дети, везти?

— К Принцу домой! — засмеялся я, только сейчас заметив здоровенный синяк под глазом моего Саши.

— На себя посмотри, — улыбнулся Саша.

— Даже не помню, когда и откуда прилетело, — признался я.

— Ладно, ребята, прячьтесь дома, в город пока не выходите, мы попробуем утрясти это дело.

Мы выгрузились возле Шашиного дома и побежали наверх, поблагодарив своих спасителей.

Оказавшись дома, мы ещё в прихожей впились в губы друг друга, раздеваясь на ходу.

— Саша, помоемся!

— Ум-м-м, — ответил Саша, хватая меня на руки.

— Дома есть кто? Отпусти меня!

Саша нехотя опустил меня на пол. Мы быстро разделись и прошли в зал.

Стол был накрыт, но никого не было. Понятно, папу вызвали в часть, маму — в госпиталь.

— Всё-таки надо помыться, — сказал я, — вся одежда в крови...

— Да, — вздохнул Саша, — но так, с кровью, гораздо слаще.

— Ничего, чистыми тоже сладко!

При этих словах Сашу затрясло, и он скрылся в ванной.

Я засмеялся и скинул оставшуюся одежду, кроме трусиков. Упаковка гигиены теперь всегда была с собой.

Дождавшись Сашу, юркнул в ванную с ворохом одежды.

Окровавленную одежду лучше сразу замочить, иначе не отстираешь.

Неспешно помывшись, я поменял тампон и вышел, попав в руки влюблённого джигита.

Он тут же отнёс меня на кровать. Положил и стал разглядывать с ног до головы.

— Что-то здесь лишнее, — заметил он.

— Убери, если лишнее.

— Можно?!

Я кивнул.

Саша трясущимися руками взялся за резинку трусиков и потянул их вниз.

Стянув с меня трусики, стал разглядывать меня ещё внимательнее.

— Знал, что красиво, — сглотнул он, — но чтобы так! Как ты Великолепна!

— Учти, пещерка закрыта, — предупредил я, но Саша не слышал, он наклонился и поцеловал меня. Тут же его накрыло. Я еле успел подключиться к нему. Он лежал и выл от наслаждения, помноженного на адреналин.

Успокоившись, Саша, качаясь, пошёл в ванную, мыться и менять бельё.

До конца раздеться он так и не успел.

Я его не дождался. Сон сморил меня, лишь я заполз под одеяло.

Проснулся я оттого, что кто-то тряс меня за плечо:

— Саша, проснись, родители пришли.

С трудом разлепив глаза, я не понял, где нахожусь.

— Да проснись же, Саша!

— Ну что?

— Одевайся! — он сунул мне какую-то одежду, — сейчас нас будут бить!

— Нас-то за что? — удивился я, вылезая из-под одеяла. Почему я голый? Ты воспользовался моим мертвецким сном?

— Саша, нам не до шуток! Быстро одевайся!

Что-то в его голосе заставило меня одеться менее чем за 30 секунд. Что там надевать: трусики, майку, шорты.

В дверь постучали:

— Сашки, вы там? Выходите, а не то вытащу, как есть! — папа.

— Пойдём? — спросил Саша.

— Умыться бы!

— Сейчас умоешься.

Мы вышли из комнаты, низко опустив головы.

— Красавцы! — протянул папа, — ты посмотри, мать, какие у нас красавцы. Поднимите головы, руки по швам! — он взял за подбородок мою голову и повертел вправо — влево.

— И это моя дочь! Хуже пацана! Синяки. Наверно, хотели сказать, что вас там не было?

— Может, мы боксовались, — предположил я.

— Боксовались они! Только с кем? Полный госпиталь калек! С ножевыми ранениями! С переломанными руками! Про выбитые зубы, синяки и вывихи можно промолчать!

— Наших не было? — с надеждой спросил я.

— Были, — ответила мама, — синяки да ссадины, смазали йодом да положили отдыхать, но что вы сделали с другими!

— Мы не виноваты! Они на нас напали, обкуренные, пьяные, почти взрослые! Что нам надо было делать? У нас половина — девочки!

Или вы предлагаете, как менты: не сопротивляться насилию, потом вызывать полицию?! Вы представляете, что бы от нас оста-

лось? У нас не было ничего при себе, а они вооружены! — Сказал я.

— Что? Ты хочешь сказать, что голыми руками расправились с вооружёнными бандитами? Ножи то не в вас, а в них торчат!

— Кто с ножом к нам придёт... — буркнул я.

— Посмотри на них, мать, смотришь, соплей перешибить можно! А такого наворотили, весь город гудит.

— Чего он гудит то? — удивился я, — обычная детская разборка, сколько у нас их уже было...

— Что? — воскликнула мама, — Сколько было?

— Надо же наводить порядок в своём городе.

— На это есть полиция.

— Полиция и устроило это побоище.

— Что ты говоришь! — рассердилась мама.

— Да, Лена, — успокоившись, сказал папа, — на самом деле так. Наши невинные детки разворошили осиное гнездо. Теперь им надо переждать, никуда не ходить.

— Всех наших удалось вывезти? — спросил я.

— Как будто всех. Кто-то на базе, кто-то в госпитале. Полиция с военными разбираются, а мы поехали вас охранять. Кого охранять? Разбойники.

— Можно мне умыться? — не выдержав, зевнул я.

— Умывайтесь, и за стол. Остыло уже всё! — уныло закончил папа.

За столом все уже молчали. Мама Саши подогрела остывшие блюда, папа подогрел коньяком желудок, я с аппетитом уничтожал всё, что лежало в тарелке, Саша не отставал.

— Какой аппетит! — порадовалась за нас мама, — раньше Саша всё ковырялся в тарелке, всё ему было невкусно.

— Очень всё вкусно, мамочка! — давясь и чавкая, ответил сын.

— Ты что, не ел сегодня? — с подозрением спросил папа.

— Мы позавтракали у... тёщи.

— Ну да. Сейчас- то уже вечер. Какие вы всё-таки красавцы. Надо с вами сфотографироваться, а то никто не поверит, что у меня такие дети.

— Саша, ты маме подарок не вручал?

Саша застыл.

— Забыл, конечно! — он вскочил и побежал в свою комнату.
Вернулся с маленьким футлярчиком: — Вот, мама, от нас с Сашей!

— Какая прелесть! — воскликнула мама, — Телец!

— С Восьмым марта, мама!

— Тебя, Саша, тоже с праздником!

Я покраснел и пробормотал «спасибо»

— Я даже не представляю, что можно подарить такой необычной девочке.

— Вы уже подарили.

— Ты про Сашу?

— Да, его я не променяю ни на что и ни на кого.

— Умница, дочка! — пробасил папа, — я свою Лену тоже ни на кого не променяю! Сегодня останешься у нас?

— Да, только позвоню домой, чтобы не волновались.

— Давайте попьем чай, и детей будем укладывать. Намаялись сегодня?

— Да, сегодня был насыщенный день, прямо праздник какой-то!

— Какой-то. Женский день.

Я ушёл в Сашину комнату и позвонил домой. Связь уже работала, и я сказал маме, что сегодня в городе спокойно, я останусь у Беловых.

Мама, вздохнув, разрешила. Тогда я позвонил Толику. Толик был в растрёпанных чувствах, даже накричал на меня, а потом всплакнул от радости, что у меня всё хорошо. Я спросил, что он знает про остальной наш отряд. Оказалось, что всё в порядке. Большие всё уладили, военные помогли. Многие наши отдыхают в госпитале вместе с теми хулиганами.

Всё пока кончилось неплохо.

Только мы улеглись, Сашу снова начало трясти от желания.

— Давай, снимем трусики?

— Ты потеряешь голову, и изнасилуешь меня.

- Нет.
- Тогда я тебя.
- Это я тебе разрешаю.
- Нельзя мне, ты можешь понять? Не хватало мне ещё залезть.
- Сашенька, не претендую я, просто поласкаемся!
- Конечно, поласкаемся!
- И мы ласкались до потери сознания.

На следующий день был выходной. Впервые за много дней после болезни я наслаждался ничегонеделанием. Впервые валялся вместе с Сашей всё утро.

Утром Саша снова загорелся. Я не отставал от него. Саша зацеловал меня... всю. Давно я не испытывал такого тихого счастья.

Тактичные родители выждали положенное время и сквозь дверь пригласили позавтракать.

Помывшись, мы сели пить чай.

— Ну что, дети мои, чем сегодня будете заниматься? Снова косточки разминать, или более мирное занятие найдёте?

— Личико бы поправить, — вздохнул я.

— Может, тональным кремом? — спросила мама.

— Можно попробовать, — в зеркале я изучил своё лицо, синяки под обоими глазами не придавали мне прелести. У Саши был один, зато густо-синего оттенка.

Мама Саши посадила меня перед трельяжем и навела макияж.

Конечно, синие веки мне никогда не нравились, но получилось лучше, чем было. Просто макияж. Но не для мальчика. Тем более, моя одежда замочена в тазу. Зачем тогда макияж?

В шкафу у меня есть девчончья одежда. Кого просить? Юрку? Толика?

— Может, дома останемся? — несмело предложил Саша.

— Я думаю тебя отправить к нам домой, вы с мамой подберёте мне девичий костюм, чтобы соответствовал макияжу, а я пока постираю наши боевые костюмы.

— Хм. С таким синяком?
— Скажешь, что я дала тебе в глаз, потому что отказывался идти.

— Это сильно, — Саша начал собираться.

Я же загрузил, спросив маму Саши, машинку своей и Сашиной формой, занялся стиркой.

Потом зашёл на кухню, где хлопотала Елена Владимировна.

— Помочь чем?

— Спасибо, Сашенька, я привыкла справляться сама.

— У нас дома, когда узнали, что я могу готовить, мужики всё перевалили на меня. Теперь я встаю около шести, делаю зарядку, и готовлю завтрак на шесть человек, — пожаловался я.

— Бедная девочка! — ужаснулась мама, — как ты это терпишь? Давно бы разогнала этих лентяев!

— Что вы, мама! Я уже без них не представляю себе жизнь. Особенно, когда утром идёшь их будить. Такие милые, славные мордашки! Будить жалко, начинаешь их целовать, они радуются...

— У тебя проснулся материнский инстинкт.

— Материнский? Может, я их просто люблю?

— Я и говорю, — засмеялась мама, — как детей! Я Сашу так же будила. Тем более, у тебя их двое. Женщина своего мужа тоже любит, как мать.

— Я заметил.

— Ты ещё не определилась, кто ты? — засмеялась Елена Владимировна.

— С такой жизнью приходится быть одновременно и тем, и тем. Если бы не Саша, никогда не согласился бы стать девочкой.

— Да, — согласилась мама, — в этом мире женщиной быть нелегко. Ты заняла правильную позицию. Вижу, как мальчики тебя слушаются.

— И не только мальчики.

— Ты настоящий вожак.

— Вожак стаи.

Елена Владимировна вздохнула.

— Ты думала, кем будешь?

— Мне нет и тринадцати.

— Если собираешься замуж, пора задуматься.

— Буду поступать в политехнический институт. Только пока не знаю, где. Это уже зависит от Саши. Где будет он, там и я. Скажет заниматься хозяйством, придётся сидеть и растить детей. А пока молодые, можно и побеситься.

— Тут ты права, пока молоды, не обременены детьми, можно и погулять.

— Я скучаю по... — замолчал, прикусив язык. Как можно рассказать, что скучаю по своей работе. Да, я живу насыщенной жизнью, но то, что въелось в подсознание за долгое время, напоминает о себе до зуда в руках. Я был электромехаником, и теперь всегда приходится напоминать себе, что к электричеству и механизмам ребёнка и близко не подпустят. Даже хотел залезть под капот папиной машины, и поковыряться там. Летом попрошу всё-таки. Руки чешутся, до того хочется за руль.

— И по чему ты скучаешь?

В это время в прихожей загремел звонок, и я с облегчением высочил из кухни. Пришли Саша и Толик.

Толик, едва вошли, не раздеваясь, обнял меня и прижался своей холодной курткой, всхлиывая.

Кое-как успокоив его, я спросил его, что случилось.

— Я боялся за тебя. Среди нас тебя не было, я весь извёлся.

Хмурый Саша передал мне пакет: — Мне хотели второй фингал поставить.

— Кто? — удивился я.

— Твой папа. Говорит, что так издеваться над своей девочкой он не позволит.

Когда я спросил, что он имеет в виду, он только зубами закрипел, и сказал, что я совершенно о тебе не забочусь, потакающая твоим опасным играм.

— Странно, — сказал я, — никогда он мне не говорил, чтобы я не дрался.

- Его руки уже тянулись к моему уху.
- Я был свидетелем, — глухо произнёс Толик.
- Ты давай, раздевайся, заморозил меня. Заболею ещё.

Толик испуганно отпрянул: — Ой, что-то я совсем!

Раздевшись, они прошли вместе со мной в Сашину комнату.

Там, разглядев, наконец, моё лицо, Толик, открыв рот, обошёл вокруг меня, как вокруг новогодней ёлки.

— Ой, Сашка, какая ты...

— Страшная?

— Так тебе лучше.

— Я вот тебе покажу! Ты слышал, Саша, синяки мне к лицу!

— Как синяки?!

— Синяки, замазанные косметикой. Мне надоело ходить с синей рожей. Кстати, вы решили, куда пойдём?

— Во-первых, вы сейчас пойдёте за стол! — сказала мама Саши.

Нас накормили фаршированными блинчиками.

Саша с Толиком бросали на меня красноречивые взгляды.

Я понял, и сопел от негодования. Я всегда негодую, когда мне напоминают, что я тупой.

«Ладно, думал я, получите вы у меня блинчиков!»

Наевшись, мы немного посидели у Саши в комнате.

Толик прижался ко мне, обняв за талию.

— Я соскучился.

Саша притворно возмущился:

— У меня дома, при мне, почти законном муже!

— Я второй...

— Фиг!

— Уже отказываешься от своих обещаний?

— Ой, мальчики! — засмеялся я, — Вы меня делите? Драться будете?

— Будем! — хмуро сказали они хором.

— Хорошо... — у меня возникла мысль, — а что, если устроить бои без правил? Ну, почти без правил. Без летального исхода.

— ?

— После последней потехи непросто будет найти серьёзных противников, тренироваться в реальных условиях будет нигде. Обычные тренировки не дают такого эффекта, приходится всегда сдерживать удар, а это уже входит в рефлекс.

— Нас не выгонят из спортклуба?

— Договариваться надо. Представьте атрибутику: вместо электричества-факелы, призрачный свет, дым. Арена освещена ярче, на ней в одних трусах, с обнажённым торсом — бойцы...

Саша представил, вдруг фыркнул, и захохотал.

— Ты чего? — удивился я.

— Ой, не могу! — Катался по кровати Саша. Наконец, немного успокоившись и вытерев слёзы, сказал: — Я представил в таком виде Бешеного Котёнка...

Тут не выдержал и Толик, повалившись рядом с Сашей.

Я обиделся, встал и отошёл к окну.

— Всё бы вам ржать над больным человеком, — проворчал я, — на себя бы посмотрели.

— Мы себя тоже представили, — сквозь смех сказал Толик, — что, я лучше выгляжу? В кимоно ещё более-менее, а так! — и снова захлебнулся смехом.

Мне почему-то было не до смеха: ну и что? Выходит на арену такой скелетик, бац-бац, накачанный противник валяется, я подымаю худенькую ручку... — и тут меня разбирает смех. Мы валяемся уже троём.

Отсмеявшись, я вытер глаза рукой, пацаны, увидев меня с размазанным макияжем, выпали из реальности.

Умытый, но с синяками под глазами, я выглядел не лучше. Тем более что ребята, по моей просьбе, принесли мне девичий костюм, хорошо хоть, с джинсами и ботинками.

— Снова наводить румяна? — задумчиво спросил я у своего отражения, — Толик! — крикнул я, и, когда тот подошёл, спросил: — А у тебя, почему нет повреждений на лице?

Толик самодовольно заулыбался: — драться надо уметь!

— Можно подумать, прятаться...

Толик обиделся и начал раздеваться. Когда он стянул с себя майку, мы присвистнули: вся спина и грудь чернели от побоев.

— От ударов в лицо уворачивался, но удары сыпались слишком густо, вот и попало.

— Больно? — спросил я.

— Терпимо, — пожал плечами Толик, — расскажи про бои без правил.

Пришлось рассказать то, что видел в кино.

— Здорово! — согласились ребята, — там же ставки делают? Можно на жизнь ещё зарабатывать.

— Не только на жизнь... — хотел поправить я.

— У нас вся жизнь — борьба, — ответил Саша.

— Это так. Сейчас вот придётся бороться за борьбу.

В это время стукнула входная дверь

— Папа пришёл! — сказал я и вышел в коридор. Папа Саши разувался.

— Папа! — кинулся я ему на шею.

— Ух, ты, моя красавица! — растаял он, подхватывая меня на руки, — Ух ты, лиса!

— Я не рыжая! — притворно надул я губки.

— Всё равно лиса! Я же вижу, хочешь отпроситься погулять с друзьями!

— Ну и... хотим!

— Страшновато мне вас отпускать, влипните опять во что-нибудь.

— Саша с Толиком ходили ко мне домой, одежду принесли.

— Ты себя в зеркале видела?

— Видела, — буркнул я, — мама Лена ещё раз замаскирует, и будет порядок.

— Сейчас посоветуюсь с мамой.

Я вздохнул и слез с папиных рук. Когда мамы отпускали?

— Какая вам разница, где сидеть, здесь, или у Саши. Тем более, там тесно. Другьям, наверно, отзвонились?

— Отзвонились, — согласились мы, — но не мешало бы посетить клуб...

— Погулять, поискать приключений. Полиция, поди, спит и видит, как вы гуляете, — предположила мама Лена.

— Завтра пойдёте на поиски приключений, — прогудел папа.

— Мама Лена, — вспомнил я, — где мне форму развесить, она уже постиралась.

— Я её уже развесила, пока вы бесились.

— Хорошо! — решил я, — пошли, обсудим паши планы.

Обсудили. Боям — быть! Надо согласовать с Дмитрием Алексеевичем.

Почему бы не делать постановочные гладиаторские бои?

До чего могут довести подобные игры? Зависит от жадности кураторов.

Зритель жаден до крови. Потребует жертв? Будут им жертвы! Мало они видели крови на площади? Сделаем!

С такими радостными и оптимистическими мыслями мы и легли спать.

Втроём на тесной Сашиной кровати. Правда, попытались расширить с помощью стульев.

— Странные у вас отношения, — проворчал папа.

— Обычные, дружеские, — пожал плечами я, — так ещё безопаснее!

Саша на это имел собственное мнение, но промолчал.

«Хорошего помаленьку», думал я, стиснутый с двух сторон горячими мальчишескими телами.

На другой день я не стал вылёживаться в постели. Я решил устроить побег.

Спозаранку посетив в ванную и оценив состояние своего лица, понял, что без грима будет некрасиво.

«С каких пор ты стал заботиться о собственной красоте» — поинтересовался внутренний голос.

— Потому, что буду похож на бомжиху, — ответил я, — форму где — то надо найти, гладить, значит, бежать надо, в чём есть.

Пройдя на кухню, подумал, делать завтрак, иди обойтись чаем?

Какие беглецы завтракали?

С другой стороны, мы можем прогулять целый день, а вечером нас опять поставят в угол.

Почесав затылок, я взялся за холодильник. Не слишком ли это нагло, думал я, разогревая блинчики на сковороде. Они предательски трещали.

Закрыв сковородку крышкой, пошёл будить ребят.

Любезничать не стал, стащил обоих на пол.

Возмутиться не дал, закрыв им рты руками.

— Побег! — прошипел я, и побежал следить за готовящимся завтраком.

Мальчики всё-таки нашумели, но никто нас не побеспокоил.

— И куда же мы пойдём в такую рань? — проснулся Саша.

— Я думаю, сначала ко мне домой, я переоденусь, потом подумаем. Надо пройтись по городу, зайти в клуб, к дяде Коле, или папе Толика. Надо узнать последние новости. Что мы, крысы, сидеть по норам. Это унижительно!

— А если схватят?

— Какое они имеют право хватать детей?

— Эти имеют.

— Будем сопротивляться.

— За сопротивление полиции...

— Это уже будет не полиция, а разбойники. За что нас хватать? Мы хулиганим? Дерёмся?

Ребята промолчали.

— Я не понял, — нахмурился я.

— Мы, наверно, ещё не проснулись, — признался Саша.

— Мне надоело сидеть взаперти, тем более, папа нам сказал, что сегодня можно будет искать приключений.

— На свою...

— Я не узнаю тебя, Саша, — удивился я.

— Папа твой меня вчера просветил. Сказал, что, если с тобой что — то случится, шкуру с меня спустит. Только зачем мне шкура без тебя?

— Может, мне заняться вышиванием? — язвительно спросил

я, — где у тебя пальцы? Неси!

— Чего у меня? — не понял Саша.

— Пальцы. Это такая штука, на которой натягивается материя, чтобы вышивать. Крестиком. Будем сидеть, и вышивать. Тоже интересное занятие, требует повышенной концентрации и внимания.

Саша обиженно засопел, Толик увлечённо поглощал свой блинчик, и в разговор не вступал.

— Всё! Пьём чай и уходим.

Нас, наверно, пасли. Потому что из-за угла выехала полицейская машина и перегородила нам дорогу. Из машины выскочили трое в серой форме.

Я оценил ситуацию: трое с пистолетами, один с автоматом. Но у всех пистолеты в кобурах, автомат висит на плече и на предохранителе.

— Давайте, ребята, садитесь в машину, подвезём.

— Вам там и без нас тесно, — ответил я, — мы пешком.

— Ничего, мы уступим вам.

— Берём! — коротко скомандовал я, и в следующую секунду менты валялись на снегу, а я снял автомат с предохранителя и передёрнул затвор.

— Лежать и не дёргаться, — тихо сказал я, — потом передал автомат Толику:

— Держи их под прицелом, не забудь про водителя.

Толик рывком открыл дверь, наставив автомат на водителя, который уже достал пистолет.

— Ты же не будешь в меня стрелять, мальчик? — спросил он.

— Конечно, не буду, — ответил Толик, засветив ему прикладом между глаз.

Водитель обмяк, и Толик быстро приковал его наручниками к рулю.

— Остальные — лежать! — сердито сказал он, наводя автомат на дёрнувшихся было полицейских.

Между тем мы быстро освободили их от оружия и сковали наручниками.

Место менты выбрали отличное, везде глухие стены, свидетелей нет, или почти нет.

— Вам это даром не пройдёт! — прошипел один из бугаёв.

— А если бы сдались, вы бы кормили нас тортом? — спросил я. Мне не ответили.

— Ноги тоже надо связать, — предложил Толик.

— Надо. Может, в машине что есть? — я достал ключи из замка зажигания и открыл багажник. Порывшись, нашёл пакет пластиковых стяжек.

— Самое то! — сказал я, стягивая полицейским ноги, — хватит нам сил, запихать их в машину? — спросил я у ребят.

— Зачем это?

— Валяются тут. Любой наткнётся. А так сложим в машину, да подожжём, а то распустят языки.

— Ну это другое дело, — согласился Толик, хватая ближайшего за ноги, — Помогайте!

С трудом закинув тяжёлых мужиков в машину, я разобрал оружие и побросал в багажник. Ключ сломал в замке.

— Ну что, поджигаем? — Толик открыл горловину бензобака и засунул в бак какую-то тряпку. Нашёл у водителя зажигалку. Щёлкнул, вспыхнул язычок пламени...

...С диким криком я подскочил на кровати, напугав ребят.

— Чё орёшь?! — прошипел Саша, в то время как я хватал рот широко открытым ртом, пытаясь унять колотящееся сердце.

— Какой кошмар! — выдавил, наконец, я из себя, — О! Неужели мы до такого дойдём?

Конечно, нас никто не ждал. Кому мы нужны? Простые исполнители, мы сами хотели бы знать, кто всё это затеял. Но потеха была знатная!

Нашёл бы режиссёра, попросил бы второй дубль.

На другой день, хорошо выспавшись, мы плотно позавтракали, и, наведя мне на лице порядок, мама Лена отправила нас восвояси.

Папа не рискнул меня поцеловать, только прижал к своей груди и взлохматил волосы на голове:

— Заходи почаще, дочка, только не по такому поводу.

— Хорошо, — пискнул я, надевая шапочку.

Первым делом мы зашли к нам домой, где я был встречен мамой и Юриком.

— Мама, только не целуй меня, это макияж.

— Зачем тебе макияж? — удивилась мама, потом, посмотрев на Сашу, поняла:

— Опять синяки? — Я покаянно кивнул.

— Мама, мы на минутку, хотим погулять, вчера целый день просидели взаперти.

— Совсем ты от мамы отбился, — притворно вздохнула мама. — Юрик тоже без тебя скучает.

— Вечером придём ночевать.

— Кушать будете?

— Мы наелись.

Мы побежали на улицу.

Я подумал, что живу вторую жизнь, и второй раз обижаю маму.

Мысль появилась и пропала, я уже думал о своих, мальчишеских, делах.

Пройдясь по ближайшим улицам, мы встретили несколько пар своих ребят.

Отряд не спал, ребята следили за районом, и пришлых не было.

Зашли мы и в клуб. Там дежурили мальчик и девочка из пятого класса.

Они нам обрадовались, рассказали, что в городе спокойно, никого не взяла полиция, как будто ничего не было.

— Это хорошо, — сказал я, — Хотя наводит на некоторые размышления.

— Что за размышления? — спросил Саша.

— Похоже на постановку. Будто проверяли наши силы.

— Проверка удалась, — согласился Толик, — когда теперь на татами выйдем?

— Да нам — то с нашими рожами, хоть сейчас, вот тебе будет несладко. Ребята, спокойного дежурства.

- Уже уходите? — уныло спросил мальчик.
 - Надо с тренерами поговорить.
 - Мальчик с девочкой одновременно вздохнули.
 - Вам что, скучно? — догадался я.
 - Ребята синхронно кивнули.
 - Мало ли развлечений, вон у вас компьютер, вот шахматы, даже телевизор есть. Побороться, опять же, можно.
 - Надоело это всё, поговорить не с кем.
 - Вас же двое.
 - Мы брат и сестра.
 - Я рассмеялся: — Если бы мы с братиком дежурили, не заметили бы, как сутки пролетели.
 - Мы бы тоже. С твоим братом, или с тобой.
 - Понятно, ну ладно, пора нам.
 - Максим Сергеевич с Яной были дома, но на наши вопросы у него ответов не было. Телефон куратора он нам не дал.
 - Разберутся, скажут. А вы сами никуда не лезьте. Без вас всё сделают.
 - Ребятам скучно, созвали бы всех в клуб.
 - Мне тоже надо отдыхать, да и битые почти все. Давайте, зализывайте раны, завтра вечером соберёмся.
- Не очень довольные своим вояжем, вернулись мы ко мне домой.
- Зализывать раны.
- Завтра в школу, — вспомнил я.
 - Нам ничего не задавали.
 - Что будем делать, может, Толика полечим?
 - Тебя бы тоже, — улыбнулся Саша.
 - Юрик, — оторвал я брата от компьютера, — можно что-то сделать с нашими ушибами?
 - Можно. Ты же знаешь, нужен тесный контакт.
 - Мы уже проспали ночь в таком контакте, что меня едва не раздавили.
 - И что?

— Синяки остались.
— Понятно. Вы расходовали много жизненных сил.
— Ты тоже?
— У меня сейчас не очень, но после сытного ужина, если возьмёте в свою тёплую компанию, может быть, что — то получится.

— Тогда надо готовить сытный ужин, — сказал я.
— Фаршированные блинчики! — вспомнил Толик.
— Да! — сказали Саша с Юркой.

Мне осталось только вздохнуть и пойти на кухню.

— Мама! — пожаловался я, — наши проглоты хотят блинчики с мясом!

— Мне тяжело стоять долго.
— Я и не прошу. Есть у нас мука, мясо и прочее?
— Фарша нет.
— Значит, кто-то сейчас пойдёт в магазин!

Ребят мы отправили за покупками, я остался замешивать тесто.

Любопытный Юрка пристроился рядом, заворожено глядя на мои действия.

— Откуда у тебя такое умение? — с завистью спросил он, Ты всё время говоришь, что в прошлой жизни ты был мальчиком.

— Э, брат, чтобы быть мальчиком, надо знать и уметь всё! Научиться и мальчишеским, и девчоночьим делам. Особенно, если ты в большой семье младший.

— Я тоже младший.
— Ты не младший, ты маленький.

Юрка почесал затылок: — Я, может, тоже в прошлой жизни был мальчиком.

— Наверняка, кабинетным учёным, таким книжным червем.
— Почему ты так думаешь?
— Тебя невозможно вытащить на спортивные мероприятия!
— Немного вырасту, догоню тебя в спорте.
— Давай, догоняй. Кстати, яиц мало.

— Сколько раз ты подтягиваешься на турнике? — любопытствовал брат.

— Двенадцать.

— Врёшь! — открыл рот Юрка, — ты недавно допрыгнуть до него не мог.

— Спать меньше надо!

— Я коплю силы.

— Копить надо утром, на физзарядке. Подумай: физическая зарядка!

— То-то вы все пустые. Назаряжались.

— Я эти два дня дрыхнул! — возмущённо сказал я, — У Саши как-то было неудобно с утра шуметь.

— Знаю ваши зарядки. С Сашей, небось, до потери сознания зарядались? — проницательно спросил Юрик.

— Такая зарядка несёт в себе массу положительных эмоций.

— Но истощает физически.

— Хочется ещё и ещё...

— Потом меня просишь поделиться силой.

— Юрик, не будь занудой, сам скоро захочешь!

— Скоро? Через десять лет? Не думаю, что буду такой ранний, как ты. Только девочки в двенадцать лет могут так влюбляться.

Ответить мне было нечего, оставалось счастливо улыбаться

Пришли наши гонцы, принесли продукты, пришлось вплотную заняться приготовлением блинчиков.

— Надо сделать из моей кровати нары. — Задумчиво сказал я.

— Это как? — Поинтересовался Юрик.

— Кладёшь доски поперёк кровати, здесь ножки, всё это сколачиваешь, сверху бросаешь тюфяки, вот и широкое, просторное лежбище. Иначе как мы вчетвером уляжемся на односпальной кровати?

— Помещались как-то, — вспомнил Толик.

— Кто-то не съедал на ночь столько блинчиков.

— Не я один, — обиделся Толик.

Он был прав. Всё, над чем я трудился целый вечер, было сметено.

Папа потом ещё спросил, не могу ли я засолить сельди.

— Лишь бы рыба была, — ответил я.

Теперь же мы стояли у моей кровати, и думали, как на ней разместиться.

— Я могу спать наверху! — Ехидно сказал Юрка.

— С Толиком! — добавил я, — ему больше всего надо полегчить! Мы с Сашей, так и быть, помучаемся внизу.

— У вас синяки ещё долго не сойдут, — засмеялся Юрик.

— Ну и ладно, мне такая Саша тоже нравится, — глаза Саши уже блестели

Мы легли и обнялись. Спились в страстном поцелуе.

— Девочка моя, — прошептал Саша.

— Мальчик мой, — прошептал я.

— Вы, там, внизу, тихо! — ревниво сказал Толик.

Мы закрыли друг другу рты поцелуем.

Утром я опять проснулся под грудой тел.

С трудом выбравшись на волю, отправился в ванную. В зеркале на меня смотрело уже вполне живое лицо, лишь желтизна под глазами портила внешность. Умывшись, сделал зарядку, запрыгнул на турник.

Легко подтянулся 12 раз, с улыбкой вспоминая свои первые попытки.

Доведя себя до пота, принял душ.

Теперь можно приступать к самому интересному: готовить завтрак.

— Господи, — проговорил я, обшаривая холодильник, — за что мне это?

Вчера весь вечер пёк блинчики, фаршировал их мясом с рисом.

Сегодня опять пустота.

Пожарить яичницу? Попытался почесать себе. Там тоже ничего нет.

Сварить макароны? С чем? С тушёнкой. Где тушёнка? Наверно, в магазине.

Да что такое? Два дня не был дома, и всё съели.

Колбаса есть? Какие — то обрезки. Почему так всё запущено? Может, деньги кончились, а я тут со своей сворой. Надо будет прикупить продуктов.

— Минуточку! — сказал я сам себе, — мы два дня назад принесли целую тележку продуктов. Вчера ходили в магазин.

— Ладно, разберёмся!

Макароны варятся, из обрезков делаю соус.

— Может, гости были? Что ты привязался! — оборвал я сам себя, — съели, так съели.

Как всегда, первой пришла мама. Она прижала меня к себе, и я замер, боясь потревожить минутку радости.

— Нашёл что — нибудь? — спросила мама.

— Я удивляюсь.

— Всё кончилось. Были гости. К тебе приходили.

— Кто?

— Они не представились. Долго ждали, пришлось накормить.

— Как они выглядели.

— Как все твои друзья, как шкафы.

— Ничего не говорили?

— Нет, даже по телефону не стали звонить. Сказали, личное дело.

— Интересно. Ничего, найдут в клубе.

— Ты бы осторожнее, Сашенька.

— Всё, завтрак готов, сегодня купим ещё продуктов. Пойду будить свору.

— Саша, мы с папой купим продукты.

— Лишние не помешают.

Мои мальчики спали. Юрик тоже лежал рядышком с ними. Я встал на колени перед ними и стал их разглядывать. Каждый хорош по — своему. Вот братик. Маленький, милый красавчик. Поцеловал его. Толик. Самый преданный друг. Красавчик. Поцеловал его в глазки. Саша. Самый любимый человек в мире.

Заслонил собой всех. Целую в губы, пока он не обнял меня за шею. Повалил меня на ребят. Те недовольно заворчали и зашевелились. Каждый день бужу по — разному. Будить — то надо.

Всё выяснилось после уроков, когда мы собрались на тренировку в спортзале.

При всех, ни от кого не скрываясь, нам предложили поучаствовать в боях без правил. Мы онемели. Предлагал человек, который приезжал к нам на пустырь.

- Поподробнее, попрошу, — сказал я.
- Постановочные бои.
- Кровь и песок?
- Типа того.
- Каков расклад?
- Ваши десять процентов.
- Борцам?
- Как решит тренер. Всё зависит от ставки.
- Надо бы обсчитать.
- Калькуляция при мне. Я передам её тренеру.
- Хорошо. Я посмотрю.
- Смотри. Надо бы провести показательный бой перед комиссией.
- Это мы проведём. Мы обречены на победу.
- От скромности ты не умрёшь.
- Собирайте свою комиссию, и увидите, что мы победим ещё до боя.
- Интересное утверждение. Посмотрим. Спасибо, что выслушали, до встречи.

Когда гости вышли, мы, трое, не выдержали и упали на маты, хохоча до слёз. Никто не мог понять причин нашей истерики.

Отсмеявшись, мы рассказали, как видим наши бои, теперь хохотали все.

Вытерев слёзы с глаз, дядя Коля сказал:

— Всё было бы хорошо, если бы они соблюдали договор. Как бы бои без правил не оказались договором без правил.

— Да, — согласился я, — у этой братии нет ничего святого, кроме денег. Скажи, дядя Коля, это что, предложение, от которого нельзя отказаться?

— Почти.

— У нас довольно мощная организация.

— Не забывай, они взрослые.

— Да, — сник я. — Возможностей у них больше. На смотрины идём?

— Идём.

На смотринах, когда я вышел на арену в одних спортивных трусах против парня лет шестнадцати, как мы и ожидали, комиссия с трудом держалась, чтобы выглядеть серьёзными. Их распирало от смеха.

Мой противник тоже улыбался. Ещё немного, и он сам упадёт на ковёр.

Я заскакал вокруг него в стиле обезьяны, и тут никто уже выдержать не мог. Члены комиссии уже лежали на столе.

Мой противник встал в стойку, еле сдерживаясь, чтобы не расхохотаться.

Зря он так. Нельзя недооценивать противника. Я несколько раз приближался к нему на расстояние удара, уворачиваясь от захватов.

Выждав некоторое время, я крутнулся возле него и нанёс удар локтем в болевую точку, парализующую мышцы. Тут же повернувшись к зрителям, я вскинул свои худенькие руки в знак приветствия.

Через секунду сзади услышал звук падения тела.

Сначала в зале повисла тишина. Затем они начали делиться между собой впечатлениями.

— Ставки ставили? — спросил я.

— Не успели. Слишком быстро и не зрелищно.

— Тогда всего доброго.

— Мы обсудим ваше выступление. Парень жив?

— Жив.

- Убить мог?
- Убить всегда проще.
- Много у вас таких?
- Человек двадцать.
- Что ж, мы подумаем.

Почему-то больше к нам не обращались.

Мы только вздыхали по поводу упущенных возможностей, а дядя Коля откровенно радовался. Он сказал, что нечего заниматься всякой ерундой, надо серьёзно готовиться к областным соревнованиям.

Интересно, что побоище на площади успели снять на видео, и не на любительскую камеру, выложили в интернет, даже показывали по местному ТВ.

Да, да, нас с Сашей крупным планом, со смаком.

Не знаю, что послужило основанием, но нас пригласили в Тамбов, проверить, насколько мы хороши.

Мы всё-таки похулиганили. Не давал мне покоя гладиаторский антураж, и мы устроили бои, правда, по правилам, с уговором не ставить синяки на лице. Надоело мне как-то, я стал неравнодушен к своей внешности.

Петровские давно из врагов стали если не друзьями, то приятелями, но, тем не менее, разные стили борьбы вызывали взаимный интерес, поэтому наше предложение прошло на ура.

Сражение прошло очень весело, несмотря на жутковатое освещение живым огнём, некоторые нанесли на обнажённые тела боевую раскраску, кто-то намазался растительным маслом.

Раунды объявляли наиболее грудастые полуголые девушки, которые даже у меня вызвали неподдельный интерес, что не осталось незамеченным, и вызвало целый шквал шуток в мой адрес. Я, как мог, отшучивался.

Что ещё мне не понравилось, это явное внимание к моей персоне со стороны Славки. В результате мне не удалось отвести душу и подраться нормально. Противники будто сами валились к моим ногам.

Я показывал свой кулачок Славке, на что тот только смеялся и пожимал плечами.

Всем понравился такой турнир, и мы решили встретиться ещё, пригласив гостей.

Весна уже входила в свои права, таял снег, и мы месили грязь своими кроссовками в парке. Приближался футбольный сезон.

Вечером мы без сил валились на свой топчан, который всё-таки соорудили на месте моей кровати.

Повалявшись, минут пятнадцать совершенно без сил, опять начинали весёлую возню.

А у нас с Сашей отношения развивались всё более бурно.

Я думал, что крепче любить просто невозможно, но оказалось, что это не так. Весна принесла новые ощущения. Нам уже не нужен был близкий контакт, чтобы почувствовать трепет. Мы ласкали друг друга взглядом, на расстоянии дарили друг другу нежность и радость.

Тренеры сердились на нас, грозили снять с соревнований, если не перестанем изображать из себя застывших, глупо улыбающихся Будд.

Оставшись вдвоём, мы надолго выпадали из реальности.

Мама подарила мне календарик, где был отмечен мой первый день, и объяснила, как пользоваться им, календариком.

Оказывается, цикл у меня ещё не установился, и определить, когда тело принесёт мне новый сюрприз, было невозможно. Мама сказала, что в ближайший месяц может вообще ничего не быть, и в то же время, может произойти в самый неподходящий момент. Например, на соревнованиях, или даже во время футбольного матча.

Такие календарики были у моих подруг, они показали и рассказали, что цикл может колебаться от недели до двух. Меня это несколько напрягло.

Выбыть из соревнований в самый ответственный момент совсем не входило в мои планы.

Между тем наступил апрель, прошло число, отмеченное в календарике, а у меня ничего не происходило. Приближался матч, и я всё более нервничал.

Позвонив Марии Борисовне, попросился на приём.

Со мной пошли наши четыре девчонки.

Одинаково одетые в скаутскую форму, с короткими причёсками, мы вызвали немалое удивление среди сотрудниц детской консультации.

Впрочем, мода на такой стиль широко охватила девчоночьи слои населения, к немалому ужасу мальчишек, которым нравились длинные косы подруг.

Мария Борисовна ничего утешительного сказать не могла, сказав, что цикл в мои годы очень неустойчив. Осматривать матку она отказалась, боясь вызвать кровотечение.

— Главное, следи за собой, измеряй каждый день температуру. Повышение будет означать, что яйцеклетка вышла из яичников, то есть произошла овуляция. В это время лучше воздержаться от половых контактов.

Как будто они у меня были.

На этот раз я вышел от Марии Борисовны раздосадованный. Риск сбежать с поля оставался.

Впрочем, я оказался весьма посредственным футболистом, в отличие от Толика, Вовчика, и, конечно, несравненного Саши, которого поставили центровым. Я же довольствовался ролью полузащитника на правой стороне поля. Хотя здесь я стоял мёртво, и противник старался гонять мяч в противоположной от меня стороне.

Я всё честно рассказал Максиму Сергеевичу. Он в сердцах что-то сказал, наверно, матерился про себя. Потом предложил заменить меня на запасного.

Сначала я отказался, но во время тренировок иногда чувствовал, как деревенеют ноги, как ягодицы сами собой сжимаются в тугую комок.

Всё же ожидание смерти хуже самой смерти. И я сдался. Первый раз, но я боялся подвести ребят, лучше я посижу

на скамейке запасных, сказавшись больным, чем застыну на поле.

Меня заменили очень неплохим игроком, Ванькой Паниным, и я успокоился. Как только успокоился, сразу исчезли фантомные приступы.

Теперь я сидел и маялся, дрожа от волнения. Никогда не понимал болельщиков. Сидишь, смотришь, вместо того, чтобы пулей носиться по полю! Ноги у меня сами собой выбивали барабанную дробь, я вскакивал и бегал туда-сюда. Впрочем, этим занимался не только я. Бесновались болельщики, бегали тренеры, что-то вопя.

Ванька играл отлично. В перерыве между таймами он подбежал ко мне, и, радостный, благодарил меня за оказанную ему честь и доверие.

Глядя в его сияющие глаза, я ругал себя за эгоизм. Надо было давно Ваньку ставить в игру.

Второй тайм сыграли вничью, назначили пенальти.

Когда играешь на поле, многое скрывается из глаз, отсюда же всё было видно, как на ладони. Все ошибки игроков, странности, которые вытворял мяч. Да, нам попался своенравный мяч, он по своей прихоти менял траекторию полёта, но не произвольно, а упорядоченно.

Математика в последнее время стала даваться мне легко, я даже подумал, что способности бывшего владельца тела начали просыпаться во мне.

К чему это я? Мне удалось вычислить, почему мяч летит не в ту сторону, куда его направляют!

Бьёт игрок по мячу, и я уже знаю, куда он полетит.

Особенно хорошо это было видно на пенальти. Мяч обманывал игрока, летел или мимо ворот, или в руки вратарю. Я не выдержал, побежал к тренеру, и попросил пробить пару мячей. Сердитый Максим Сергеевич сначала фыркнул на меня, как рассерженный кот, но потом выпустил на поле, сделав замену.

Поставив мяч на одиннадцатиметровую отметку, я разбежался, и ударил мимо ворот. Половина стадиона разочарованно

загудела, половина радостно взывала, потом наоборот, потому что мяч беспрепятственно влетел мимо растерянного вратаря.

Следующий мяч вратарь уже ловил, не расслабляясь, поэтому я ударил в левый от меня угол ворот, и, пока вратарь прыгал за тенью, мяч сделал хитрый финт, и закатился точно по центру.

С минимальным перевесом в одно очко мы выиграли у Петровских.

Ко мне бросились наши игроки и повалили на газон с воплями.

Чудом остался жив.

— Научишь бить по воротам? — приставали ко мне ребята.

— Это не я, — это мяч! — отбивался я, но мне не верили, обзывая жмотом.

Пока на помощь не пришёл Саша с Толиком.

— Им — то он всё покажет! — с завистью говорили ребята.

Надо сказать, что на этот ответственный матч девчонок не взяли, и они долго дули губы, пока не увидели меня на скамейке запасных.

— Эти мальчишки, что о себе думают? — возмущались они, жалуясь мне, — один удар по яйцам, и, считай, игрока нет! Пусть попробуют нас вывести из строя!

Я кивал и соглашался, с досадой вспоминая, что меня вывела из строя даже не болезнь, а страх заболеть. Никому я не признался в этом, хотя девчонки у нас классные, всё понимали, со мной откровенничали обо всём, так же, как и мальчишки. Так я узнал, что на моего Толика давно положила глаз наша тихоня Валюшка и, молча, страдает.

Мальчики делились со мной своими возрастными особенностями, рассказывая, как у них всё проходит. Но таких были единицы. В основном мальчишки оставались ещё детьми, в отличие от девочек.

Так получилось, что там и там я был своим человеком, тем более, я помнил, что значит быть мальчишкой, не понаслышке.

Потихоньку наступили тёплые дни, и мы перешли на летнюю скаутскую форму, с шортами и рубашками с коротким рукавом.

Я почему-то почти не вырос, зато Саша вытянулся, и на нас стало смешно смотреть. И так был на голову выше, а теперь вовсе не дотянуться.

Стал ещё красивее, к нему стали приставать девушки. Меня принимали, самое большое, за младшего брата и особо наглые отправляли пойти поиграть, или съесть мороженого, пока они поговорят с моим братом.

Обидно, понимаешь! Я даже плакал.

Когда Саша вытирал мне лицо, сидя на корточках, это выглядело ещё забавнее, а я раздражался новым плачем.

Потом Саша кормил меня мороженым, чтобы замёрзли слёзки.

Слёзки замерзали, и мы, счастливые, продолжали свою прогулку, пока не встречалась очередная красавица. Я ревниво смотрел, как Саша провожал взглядом их фигурки.

— Надо было одеться девочкой, — говорил он.

— Тогда меня принимали бы за твою сестрёнку, — бурчал я.

— Я тоже не могу всем говорить, что вот этот мальчик — моя невеста, или жена.

— Ты просто меня дразнишь, в следующий раз я пойду гулять с Толиком.

— ...и Валеи.

— И Валеи.

Толик — это отдельная тема для разговора. Он выпросил у меня старый розовый телефон, и я видел, как Толик с ним разговаривал, целовал, и прятал в свой рюкзачок. Мне было даже не по себе, я казался себе предателем.

— Толик, — говорил я, — Смотри, какая девочка сохнет по тебе!

— Не нужна она мне, я тебя люблю.

— Она испытывает такие же муки, как ты. Люби меня, отдавайся ей.

Толик негодующе сопел.

Но через некоторое время я увидел их вместе. Правда, ночевать он приходил к нам, отвоёвывал место поближе ко мне, и засыпал с блаженной улыбкой на лице. Даже Саша улыбался, когда я целовал Толика перед сном.

Поэтому Саша так и сказал.

Но я крепко держал его за руку и тихо радовался. От одного прикосновения его руки в груди разливалась радость, я знал, что Саша испытывает такое же чувство, поэтому мне было вдвойне приятно. Так бы и шёл всю жизнь вдвоём.

На девятое мая мы встали в строй на парад. Нас долго гоняли в части строевому шагу. Мы не роптали, тем более, что я объяснил, что строй дисциплинирует. Тренировались у нас ребята и из других школ.

Когда построились на парад, я увидел, как нас много. Пестрели разноцветные галстуки, у каждой школы был свой цвет или оттенок.

Больше всех было красного и зелёного. Прошли мы очень хорошо, я потом видел по телевизору.

Нас прикрепили к городскому военно-патриотическому отделу городской администрации, мы теперь можем по всем вопросам обращаться в мэрию.

Мы обратились. По вопросу летнего отдыха. Нам предложили восстановить заброшенный пионерлагерь и взять его на баланс. С охраной и стройматериалами обещали помочь.

В школе нам выделили бывшую пионерскую комнату, где я теперь собирал актив, или, проще говоря, стаю. Там мы планировали уже недалёкие летние походы, организовывали драки с пригородом, проводили другие закрытые мероприятия. Стая увеличивалась. Отсюда можно было уйти, если ты умер, женился, или вышел замуж. Даже переехав в другой город, ты оставался в стае и продолжал там тайное движение, вовлекая ребят в нашу организацию.

МНЕ 13 ЛЕТ. ВОТ ТАКОЙ ПРАЗДНИК

Мне скоро будет тринадцать лет! Сердце бухало от радости, губы сами растягивались в какой-то глупой улыбке. Я не ходил, а бегал вприпрыжку.

Всё было таким праздничным! Солнце сияло на голубом небе, зелёная сочная зелень всюду радовала глаз, через неделю закончатся надоевшие занятия, и мы окупимся в беззаботные летние каникулы.

И Саша, Саша, Саша. Я закрывал глаза, и таял от счастья. Мы будем вместе, мы будем вместе целое лето!!! Нас не разлучат даже школьные занятия. Каждый день с утра я буду вдеть его лицо, его любящие глаза, больше ничего не заставит нас сдерживаться, мы будем любить друг друга, будем любить долго и страстно. До изнеможения! А потом ещё.

С утра я надел лёгонький костюмчик зелёного цвета, не форму, вполне легкомысленную мальчишечью одежду, лёгкие сандалики, зелёные носочки, я весь светился от радости, мама, глядя на меня, тоже смеялась, папа несколько раз поддел насчёт моей прыгучести. Сегодня было воскресенье, все были дома, только Сашу позвали зачем-то домой. Он сказал, что сбегает и скоро вернётся. Потом пойдём гулять в парк и на озеро, на пляжик, где можно позагорать под весенним солнышком.

Раздался звонок телефона. Звонил Саша.

— Саша, ты можешь прийти на наш место?

— Да, — радостно ответил я, — уже бегу!

Я отключил телефон. Зачем мне телефон, если знаю, где мой Саша?

Я его чувствую. С тех пор, как Юрий попросил меня установить с Сашей ментальную связь, я далеко продвинулся. Уже могу

сказать, где Саша находится в пределах города. Жаль, что Саша так и не научился слышать и понимать меня. Связь была односторонней.

Я бежал, не чувствуя ног, раскинув руки, чтобы ветер обдувал их, запрокинул голову, ветер трепал волосы.

Сейчас я увижу Сашу, пусть возьмёт меня на руки! Я свернусь калачиком на его сильных руках, и буду слушать, как бьётся его сердце...

Я выскочил на полянку, с одной стороны стояла каменная глухая стена, с другой — чёрный забор, с третьей стороны, откуда прибежал я, стояли густые заросли неведомого кустарника. Как часто мы здесь прятались с Сашей, сидя на бревне, и целуясь, пока не опухнут губы!

А вот и Саша, сидит на бревне и ждёт меня.

Я подбежал и сразу обнял его, прижавшись к груди.

— Я уже соскучился, что ты так долго? — капризно спросил я.

— Саша...

— Нет, не говори ничего, — я сначала закрыл ему рот ладошкой, потом сказал:

— В наказание ты меня будешь целовать.

Но Саша не стал меня целовать.

— Саша, — сказал он чужим голосом, и замолчал.

— Саша, — начал он в третий раз, и сказал:

— Мы сегодня уезжаем.

Я отстранился от него, посмотрел непонимающе.

— Кто уезжает?

— Мы. Папу перевели во Владивосток. Сегодня мы уезжаем.

Папа и мама не велели тебе ничего говорить, но я не мог не проститься с тобой.

— Нет! — твёрдо сказал я.

— Я не могу оставить родителей.

— Нет, ты не можешь меня бросить. Так нельзя. Нет! Нет, нет.

— Саша!

— Нееееет! — закричал я в ужасе, хватая Сашу в охапку, — ты мой! Не отдам!

— Саша...

Я машинально подключился к нему и почувствовал, как гудит плёнка, натянутая между нами. Я напрягся, плёнка завибрировала и начала издавать звуки, похожие на те, что издаёт лист металла, если его гнуть.

Я крепче прижал к себе Сашу, и плёнка лопнула. Я открыл глаза. Мир вдруг вспыхнул яркими красками, всё стало выпуклым, рельефным. Прикоснувшись к разуму Саши, я почувствовал его отчаяние, близкие слёзы, его любовь ко мне. Он же отшатнулся, когда моё горе коснулось его.

— Саша, что это?

— Наши души срослись, Саша.

— И что теперь? — чуть не плача, спросил Саша.

— Теперь будем рвать их, и истекать кровью.

— Ты серьёзно?

— Ты разве не слышишь меня? Я уже не разговариваю с тобой, общаюсь мысленно. Я сейчас избавлю тебя от своего горя.

Я стал ласкать его сознание, представив, что нам хорошо, я дул на его ресницы, он смешно моргал и улыбался. «Тебе нельзя быть расстроенным, ты самый хороший, любимый»

Я не думал, что прямой ментальный контакт может принести такое счастье, никакой секс не может сравниться с этим. Мы ласкали сознание друг друга, растворяясь один в другом, испытывая ни с чем несравненное блаженство.

— Мне пора, — сказал Саша.

Нет, небо не почернело, и не рухнуло на землю. Родившийся вой зажал в груди, Чёрная Пустота коснулась моего сердца, чтобы оно не разорвалось пополам, и, свернувшись маленьким чёрным клубочком, уютно улеглось там. Я знал. Саша *хотел* ехать. К морю, к новым просторам, туда, где его ждут паруса «Надежды». Я знал, я сам там жил, всё это видел, самого немного поносило по морям. Что я ему скажу? Что море лучше всего видно из окна пассажирской каюты? Что сам прошёл от Берингова моря, до моря Сулу? Что пробороздил всё побережье Приморья, пролетел, проездил его?

Что у самого душа рвётся туда?

Я мог оставить беременную маму, Братика? Нет, сейчас нет.

Мог Саша остаться у нас? Наверно, но он сам ещё ребёнок, он будет страшно скучать по маме и папе. Оставят его наши родители? Оставят.

Если бы это было единственным желанием Саши. Наверно, скоро он поймёт, что это и есть его самое заветное желание, но пока он думал, что пара недель пройдёт быстро, они обустроятся на новом месте, и он приедет ко мне на каникулы.

Он не учёл одного. Наши души будут истекать кровью.

Он не увидит моря, он будет рваться к половинке своей души. Мы ещё не знали, как это страшно и больно.

Если бы мы знали, что сделали бы? Приковали себя цепью? Может быть.

А сейчас я смотрел на Сашу сухими глазами, прощаясь. Я хотел запомнить его, хотел, чтобы он был...

— Саша, почему ты не плачешь? Так же хуже.

Я кивнул. Мы разорвали ментальную связь, иначе никогда бы не разлучились.

— Я не могу, — сказал я, — И не могу первым уйти от тебя. Если можешь, иди.

— Саша! — вдруг затряс он меня за плечи, — очнись!

— Я совершенно спокоен, — соврал я, — не бойся за меня, иди, если у тебя есть силы.

— Мне надо... — сглотнул он, — я обещал.

«Мне ты тоже обещал никогда не покидать меня» — подумал я.

Саша последний раз поцеловал меня и ушёл.

Я остался один. Поняв, что Саша не вернётся, поплёлся домой. По своим следам. Вот они, ещё излучают счастье, с которым я бежал сюда.

Ноги подломились, я упал на колени, потом лёг на свои следы, обнимая их руками. Зарыдать бы, завывать по-волчьи. Почему я не могу? Почему глаза сухие?

Не знаю, сколько так я пролежал, будто надеясь, что сейчас

послышатся шаги любимого человека, и он подойдёт и поднимет меня, возьмёт на руки...

«Надо жить» — сказал внутренний голос.

— Надо, — согласился я, переворачиваясь на спину и глядя в бездонную синь.

— Надо жить, даже если душа стонет и корчится от боли.

Может, не надо было зализывать рану у Саши, тогда он не смог бы уйти. Всё равно рана скоро откроется, и он испытает такую же дикую боль.

Что с ним будет, справится ли? Может, побежать, остановить? Поздно. Уже поздно, за поездом не угонишься.

С трудом поднявшись, я потихоньку пошёл домой. Мне показалось, что кто-то зализывает душевную рану.

Дошёл до своего дома, не видя никого. Кто-то звал меня. Какая мне разница? Никто мне больше не нужен.

Я вошёл в квартиру, прошёл на кухню, умылся из-под крана и сел за стол.

Вот здесь сидел Саша. А сейчас сидит этот мужчина. Я с такой ненавистью посмотрел на него, что мужчина отшатнулся.

— Саша, ты чего?

Я опомнился. Это же мой папа.

Но снова я разозлился.

— Папа, за что ты меня ненавидишь?

— О чём ты? — искренне удивился папа, — да что с тобой?

— Помнишь, осенью, ты сказал, что ненавидишь меня, чуть не убил ещё тогда.

— А, это, — протянул отец, — может, забудем?

— Нет уж, давай выкладывай свою последнюю тайну.

— Какая же это тайна? Она у тебя в компьютере, даже без пароля.

— За что ты хотел меня убить? Показывай.

— Да кто тебя хотел убить? Не выдумывай. Я не знал, что у тебя пробита голова.

— Лица не было видно? Показывай!

Отец с трудом поднялся.

- Может, если ты всё забыл, не стоит?
- Стоит. Чтобы исправлять, надо знать, что исправлять.

Отец пошёл в нашу комнату, включил компьютер.

- А где мама с Юриком?

- Гуляют где-то.

- А ты что?

- Был срочный вызов на работу вот, загрузился, смотри.

На экране появилась фотография: Мальчик в ковбойской одежде смотрел на меня. Где-то я эту фотографию видел.

- Это кто? — хмуро спросил я.

- Ты притворяешься? Посмотри в зеркало.

У нас в комнате висело зеркало, я посмотрел. Какое угрюмое лицо! Заострившиеся скулы, запавшие, лихорадочно блестящие глаза. А это кто?

Где улыбчивый мальчик с озорной улыбкой и пухлыми щёчками?

Где влюблённая девочка, очаровавшая всё мальчишечье население?

- Ты уверен, что это я?

— Теперь трудно сказать, но это ты, год назад. Неужели не помнишь?

Я покачал головой: — ничего не помню.

Отец показал следующую фотографию. Очень качественные фотографии.

На этих снимках я рекламировал нижнее мальчишеское бельё.

Сколько ни приглядывался, особенностей своего тела не разглядел. Мальчик и мальчик. Мастер снимал.

На следующем снимке я был голым. Не голый, а голым. С мальчишеским половым органом. Опять вплотную стал приглядываться. Стыков не разглядел.

- Это я? — спросил я отца, — ты видел такого мальчика?

Отец, молча, открыл ещё одну фотографию. Точно такую же, но уже с моим органом.

Потом две рядом. Не понять, где настоящий, мальчик это, или

девочка.

— Ты что-нибудь понимаешь? — спросил я.

— Очень хороший фотомонтаж.

— Может, кто-то из двоих не я?

— Ты видела брата — близнеца?

— А что, такой есть?

— У нас нет. Это фотомонтаж. Видишь, позы одинаковые.

Мне понравились фотографии. Та, что с мальчиком, была недавней моей мечтой, та, что с девочкой, я бы хотел оставить всё как есть и даже улучшить.

— Но это ягодки, — сказал отец, — смотри сюда.

На новом фото я, или кто-то, похожий на меня, сосал огромный мужской член, с обожанием глядя на кого-то, чьё лицо было скрыто в тени.

Фотомонтаж? Ничего не докажешь. Очень хорошо сделано, каждый волосок, каждая ресничка видны.

И следующий снимок, где меня во все дыры.

— А вот это враки! — воскликнул я, — у меня всё на месте, всё цело!

— Кому ты это будешь доказывать? Саше? — тусклым голосом спросил отец.

Я вскочил. Впервые мелькнула мысль, что хорошо, что Саши нет.

Все мои потуги показались бессмысленными. Ведь если эта гадость выползет наружу... Я вспомнил, где видел фотографию пацана в ковбойском костюме: в руках у майора, в школе. Если есть одна... «ты уже в школе начала соблазнять!» — говорила директриса.

В глазах у меня потемнело, и я рухнул на стул.

Я пришёл в чувство, когда отец брызнул на меня водой.

— Дошло? — спросил отец, — ты понимаешь, что с нами будет, если это будет известно всем?

Я немного успокоился и стал рассуждать более здраво.

— Во-первых, почему вы обвиняете меня? Это наверняка чья-то чудовищная провокация!

— Нет, это ты сделала по доброй воле! Вы за это получили деньги!

— Вы меня начали называть на «Вы», или имеете кого-то конкретного?

— Конечно, конкретного. Вы с Анатолием так зарабатывали деньги, чтобы тот не умер с голоду.

У меня перехватило дыхание. Этот человек назывался мне отцом? Знал такие вещи, и молчал? Молчал почти год! Я схватился за голову и глухо замычал. Почему Толик умирал с голоду, понятно. Вот почему ему никто из взрослых не помог, что мы, таким образом, решили заработать? Но всё равно, я не верю, что мы могли так опуститься. Это явный фотомонтаж, и сделан он для шантажа. Вот только, почему этот гной начал вползать?

— Что вы сделали, Иван Дмитриевич! — прогудел я, — молчали почти год! Можно было что-то сделать, а сейчас? Если меня начнут этим шантажировать, я сделаю всё, что угодно. Вы понимаете? Даже верну распространителей наркотиков, лишь бы мой любимый не знал об этом.

Вы, взрослый человек, вместо того, чтобы найти настоящего преступника, спеца по детской порнографии, изводили собственного ребёнка! И это отец!

Да какой вы мне отец!

— Душно тут у вас. Пойду, прогуляюсь. — Я встал, пошёл к шкафу, чтобы переодеться, и сильно ударил ногу. Я зашипел от боли и изо всей силы ударил по доске. Доска сломалась.

— И уберите эти дурацкие доски! Надо было ехать с Сашей, — пробормотал я в конце.

Я переоделся и вышел во двор. Здесь было легче дышать, Чёрная Пустота облегчила боль, зализала рану. Я сел на скамеечку, и бездумно смотрел в одну точку.

Кто-то подошёл ко мне и сел рядом. Я хмуро посмотрел, кто нарушил мой покой. Нарушил Вовчик. Сил для удивления не было. Сидит и сидит.

— Я уже знаю, что Саша уехал, — тихо сказал Вовчик.

— Знаешь и знаешь, — разлепил я губы.

— Хочешь, я что-то тебе расскажу? — я дёрнул плечом.

— Я знал, что ты не мальчик. Это многие знали, пацаны тебя не любили, считая, что ты подмазываешься к ним, девчонки, что ты их презираешь, раз откололся от их компании. Тебя не били, но изводили, не пускали в туалет, в раздевалку.

Мне нравилось, что ты никогда не плакал и не жаловался. Закусишь губу, и молчишь. Не знаю, чего это тебе стоило. Но я решил вступить за тебя. До этого с тобой был лишь Толик, тот ещё размазня. Не он тебя защищал, а ты его. Поэтому тебя стали звать мальчиком, Толика девочкой. Так вот, начал я тебя защищать. Сначала ты только огрызался, потом понял, что я от чистого сердца. Тогда-то ты меня и зацепил... зацепила. Я влюбился в тебя. Серьёзно. Как влюбляются двенадцатилетние пацаны. Я стал за тобой ходить, оказывать знаки внимания.

И вот однажды я в своём ранце нашёл флешку. Я посмотрел, и меня вырвало прямо на клавиатуру.

С тех пор я возненавидел тебя и стал бить. Ты разрушил детскую мечту. Вчера ты был любимым человеком, а сегодня...

— Всё это ясно, — спокойно сказал я, — мне только что показал эти снимки отец, мне неясно, зачем ты показал их директору?

— Она пришла, когда меня рвало, и увидела...

— Зачем отдал? Ты понимаешь, что ты наделал?

— А ты что наделал?

— Я ничего не делал, это фотомонтаж. Для шантажа. Эта фотостудия, там наверняка делают детскую порнографию. Так вот о чём меня спрашивал майор, и говорил о смерти детей! — воскликнул я. — Всё сходится!

Надо найти эту фотостудию!

Но никого искать не пришлось.

К нам подбежал запыхавшийся мальчик, и выдохнул:

— Только похитили!

Мы вскочили.

— Куда бежать?

— Мы там оставили пацана, он следит! — он назвал адрес: Лесная, 27.

— Давай так, Валерка, собирай пацанов, объясни, в чём дело, и, первым делом бегите к моему отцу, называйте адрес, потом звоните в полицию, и собирайте мой отряд. Бери мой телефон. Звони любому, он сразу оповестит остальных! Давай! — я побежал на Лесную. Тяжёлые зимние пробежки сделали своё дело. Я бежал легко, словно стелясь над дорогой. Ног я не чувал, будто они были резиновые. Когда прибежал на место, оказалось, что со мной прибежал Вовчик. Я ему сделал знак остановиться и молчать, а сам подошёл к дверям. В дверях стоял смутно знакомый мне бугай и грыз семечки. Увидев меня, он сказал в проём двери:

— Ты смотри, Андрюха, действительно сам пришёл! И ловить не надо!

Услышав эти слова, я начал разбег. Я не надеялся победить взрослого человека, тем более, судя по ментальному видению, это был спортсмен.

Правда, он не ожидал от меня нападения, а если и ждал, то в корпус.

Он моментально встал в стойку, даже не понимая, зачем он это делает.

Я не дурак, нападать на эту глыбу со своим весом. Я упал, не щадя своих коленок и локтей, и в подкате сделал подсечку. Противник рухнул, как подкошенный. Но успел махнуть рукой. Только махнуть, и я далеко полетел, но успел сгруппироваться, и в конце полёта я уже был в стойке... разъярённого котёнка.

Пока я осматривался, Вовчик напал на второго бандита, но, получив плюху, тоже покатился по дороге. Я разбежался, подпрыгнул, и, подлетев к лежащему, изо всех сил, ногами, ударил его в солнечное сплетение, тут же перекатом уйдя от пинка второго бандита. Пока он пребывал в неустойчивом положении, я подскёк его ногу, и он тяжело рухнул на землю.

Тут набежала стая и начала разгром. Но повеселиться нам не дали.

Приехали люди в камуфляже, и всех уложили мордой вниз.

— Этих не трогать, это свои. Поднимите их на ноги. А это вообще мой, — Услышал я до боли знакомый голос.

Меня подняли, как бумажную куклу и поставили на ноги.

Сквозь маску я увидел знакомые голубые глаза.

— Папа?!

Папа хотел сказать мне что-то, но только махнул рукой. Я вцепился ему в руку: — Папа, они похитили Толика!

— Я знаю, — глухо сказал папа, — сейчас его ищут.

В это время из дома вышел здоровенный спецназовец. У него на руках лежало безжизненное тело Толика.

— Толик! — взвыл я, бросаясь к другу. Да что это за день такой!

— Не трясись ты! — пробасил спецназовец, — жив твой дружок, вкололи ему что-то. Сейчас отправим в больницу, там выйдят! А исцарапался то! Где это ты?

— Да вот, этих задерживал, — небрежно махнул рукой я на бандюганов, которых паковали ребята.

— Этих? Ври больше!

— Не оскорбляй моего сына, — сказал мой папа, — Он у нас известный самбист!

— Так это твой сын? Тогда понятно! — и он пошёл грузить Толика в «скорую помощь»

Откуда-то появился Максим Сергеевич с дядей Колей.

Папа Толика побежал к сыну, дядя Коля — ко мне. Он присел передо мной на корточки, заглядывая мне в лицо: — Жив? Мне сказали, что ты дерёшься с бандитами.

Я небрежно махнул рукой, вроде: какие пустяки, и вспомнил про Вовчика.

Того тоже грузили в «скорую», правда, в сознании.

Я подошёл к нему.

— Как ты?

— Нормально, руку вывихнул.

— Будешь отрабатывать падения!

— Есть, командир!

— Ну ка, командир, иди сюда! — услышал я, и, повернувшись, увидел врача и медбрата с йодом.

«Мама!» — подумал я.

Меня обильно полили перекисью и йодом.

Я пищал.

— Ну что, герой, — спросил меня папа, закатав балаклаву, дойдёшь до дома сам? Или подвезти?

— Подвезти. Папа, Саша уехал.

Я хотел разрыдаться, но опять не смог.

Папа прижал меня к себе, прошептал:

— Держись, девочка моя.

Дома нас встретила мама. Сначала она накричала на папу, потом хотела отшлёпать меня, но, заметив, что я и так хорошо отшлёпан, заплакала от жалости. Юрик, выбежавший навстречу, вдруг шархнул от меня и куда-то убежал. Тогда я не обратил на это внимания: сильно саднили ссадины, некоторые кровоточили.

Иди в ванную, снимай всё!

Я не протестовал, хотя хорошо представлял себе, что сейчас будет.

В ванной я дрожащими руками снял шорты и майку, стянул трусики, которые уже присохли к ягодице, тоже расцарапанной. Пока вертелся, оглядывая себя, вдруг понял: сейчас! Почти два месяца задержки, когда-то должно было это случиться. Я перева-лился через борт ванной вовремя.

Поясницу охватило болью, я вскрикнул. В это время вошла мама.

Зачем ты забрался в...

Меня выгнуло дугой, и струя крови хлынула из меня. Сначала какие-то сгустки, потом тёмная кровь, затем алая, чистая.

Я, схватившись побелевшими руками за край ванны, тяжело и шумно дышал. Мама не знала, как помочь.

В перерывах между схватками я попросил приготовить мне лекарство и спринцовку. Мама быстро ушла, тяжело неся огромный живот.

Мне делалось всё хуже. Я замёрз, крупная дрожь колотила

моё худенькое тельце. Сесть бы, но, глядя в окровавленную ванну, с трудом держался на ногах. Всё-таки в тёплой постельке уютней, — мелькнула мысль. Зубы начали стучать.

Вошла мама.

— Что же ты душ не включишь? Как маленькая девочка!

Я смотрел на неё мутными глазами, не понимая, что она говорит, потом прошептал: — Я маленькая девочка.

Мама включила воду, отрегулировала температуру, и, помыв сначала ванну, стала поливать меня горячей водой. Потом я сел в чистую нагретую ванну, и стал оттирать кровь с ног. Посидел ещё немного, глядя на низ живота. Дождлся. Струйка алой крови потекла из-под меня. Кажется, на сегодня всё. Мама подала мне спринцовку, я с трудом промыл свою пещерку, с трудом попал свечкой в нужное место и начал выбираться из скользкой ванны.

— Подожди, — сказала мама, — вытрись сначала, а то скользко. Что же тебе так плохо?

У меня в глазах действительно, то темнело, то прояснялось.

Всё-таки я вылез из ванны, надел трусы — боксёры с прокладками, и ушёл на кухню, где мама напоила меня горячим чаем. Сразу стало легче.

Лучше бы не легчало. Вот на этом месте сидел Саша. На этом стуле сидел Толик. Ещё сегодня утром.

Сейчас никто не сидит, и ещё долго не будет сидеть.

Я завыл. Молча, стиснув зубы. Уронил голову на руки и молча, терпел боль в растревоженной кровоточащей душе.

Пришла мама, погладила по голове, присела рядом.

— Больно, Саша?

Я понял, о чём она спрашивает, и покивал головой.

— Ты поплачь, легче будет.

— Не могу, — глухо проговорил я, — целый день пытаюсь.

— Отвести тебя до постели?

— Ты хотела обработать мои раны, — вспомнил я, — всё будет в крови.

Мама сходила за йодом, ватой и пластырем, смазала мне все раны и залепила пластырем.

Дошли до кровати. Папа успел разобрать нары, и даже свалить всё у стены.

Ёкнуло сердечко. Надо оставить, как есть, когда ребята вернуться, всё сколотить опять.

Кровать была застелена, я забрался под одеяло, и провалился в сон.

Мне приснилось, что я — волчонок. Лежу на животе, в луже крови. Из растерзанного бока сочится кровь.

Я прикован цепью к будке. Я знаю, что в будке. Там Память.

Поэтому я не могу уйти. За будкой — Дом. С окном и переплётом в виде буквы Т. В окне горит свет. Я знаю, если свет в окне погаснет, значит, меня больше никто не ждёт. Тогда я перегрызу цепь и уйду. Куда? Сейчас скажу.

Из черноты прибегает Чёрный Щенок. Он подбегает, и начинает вылизывать мою рану. Становится легче, боль приглушается.

Чёрный Щенок необычный, у него в шерсти горят и переливаются искры.

Но это не простые искры. Если приглядеться, это галактики.

Чёрный Щенок зовёт меня с собой, погулять по Мирам.

Я отказываюсь, мне больно, у меня нет сил, меня держит тяжёлая Цепь Памяти. Когда погаснет свет в окошке...

Проснулся я как обычно, в шесть. Несмотря на саднящие раны, я сделал зарядку, правда, без особых нагрузок, потому что открылись раны.

Вспомнил, что вчера не сделал домашние задания. А, спишу.

«У кого ты спишешь?» — спросил внутренний голос.

И будто шилом проткнули сердце. Чёрная пустота заколыхалась, залечила укол. Отдышавшись, сходил, принял душ.

По привычке пошёл на кухню, начал делать завтрак на шестерых.

Душа взорвалась болью. Аж скрючило. Я сидел на корточках, упершись головой в стол, схватившись за живот. Ни о чём не думал.

Вошла мама.

— Саша, что? Живот болит?

— Нет, Мама, душа сильно разболелась, а душа в животе, оказывается, — пропыхтел я, силясь подняться. Мама помогла.

— Иди, отдохни, я приготовлю завтрак.

Я не стал спорить, пошёл к себе в комнату. Сейчас я войду, а там спят вповалку ребята. Ощущение было таким ясным, что я поторопился.

В комнате никого не было, даже Юрика. Вой родился внутри меня, и замер в горле. Я забился в угол кровати и уставился в пустоту.

Я остался один.

— Саша, ты идёшь сегодня в школу? иди завтракать.

Я вздрогнул и дико посмотрел на вошедшего. Тут же расслабился. Мама.

— Тебе надо идти. Скоро конец учебного года, да и нельзя тебе одному.

Там у тебя много друзей, много ребят тебя ждут. Не забывай, ты вожак. Нельзя тебе раскисать, что бы ни произошло.

Если бы ты знала, мама, что произошло.

— Дай руку, Саша. — Я протянул свою ручку. Мама взяла и вытащила меня из угла, повела на завтрак.

— Ты себя хорошо чувствуешь? Может, отпросить? Видела я, как вчера тебя корчило.

— Ничего, мама, мне хоть и тяжело в первый день, зато быстро прихожу в норму. Что теперь отмечать в календарике?

— Так и отметить. Когда-нибудь установится нормальный цикл, а пока следи за собой. Тренировки не отменишь?

— Как же, недельку надо потерпеть.

— Правильно.

В школе меня уже ждали. Никто ни о чём не расспрашивал, половина ребят была на месте происшествия, и наверняка поделилась с остальными.

Только Валя смотрела на меня больными глазами.

Я понял, что она хотела от меня, и покачал головой:

— нет, Валя, я не был у него, я сам вчера еле пришёл в себя. Мало того, вчера у меня началось...

— Опять так же больно? — спросила Ленка.

— Да, причём в ванной. Мама хотела обработать мне царапины. Еле успел перевалиться в ванну. Так бы там и остался, если бы не мама.

Девочки понимающе повздыхали, мальчики, по крайней мере, большинство, ничего не поняли, но приставать за разъяснениями постеснялись. Как-нибудь, будет настроение, расскажу. Пусть знают.

— Правда, что Саша уехал? — решились у меня спросить. Я кивнул. Больно.

— Саша, можно, я пока буду сидеть с тобой? — попросилась Валюшка.

— Да, Валя, будем вместе бедовать.

— Командир, будем собирать стаю?

— Да, надо распределить обязанности, пока ребята болеют. Володя тоже вывихнул руку.

— Да, мы знаем.

Я даже не стал списывать домашнее задание. Как-то безразлично.

Двойки ставить не стали. Директриса всё узнала от Володи, на меня за это не злилась, жалела меня и гордилась сыном.

После уроков собрались в пионерской комнате. Еле поместились. Мне пришлось сесть на подоконник.

— Ребята, — обратился я к ним, — нам надо улучшить систему управления нашим отрядом, чтобы не получилось так, что отсутствие командира парализует весь отряд. Предлагаю разбиться на пятёрки, выбрать в них звеньевого, и так действовать. Самостоятельно. Естественно, не отрываясь от коллектива. Если ничего важного в городе не происходит, можно даже собираться в ограниченном количестве, советом звеньевых.

— По моим наблюдениям, вы давно дружите группами, общаетесь с самыми лучшими друзьями, так что, мне кажется, это

будет не трудно. Если останутся одиночки, их нетрудно будет привлечь в ту или иную группу.

— Вот вам задание. Вы остались без верхушки. Попробуйте обойтись без неё так, чтобы сохранить всё, как есть. А я, пока жив, посмотрю, как у вас это получится. Не смейтесь. Сами видите, вчера меня хотели захватить с непонятной мне целью. Может, хотели обезглавить и разогнать наш отряд, который многим уже поперёк горла, может для другой цели, но мне очень не хочется, чтобы наше движение заглохло. Моя мечта — охватить всех детей города, занять их делом, вытащить их из преступных группировок, которые, в отличие от правительства, понимают, что без детей у них нет будущего. Борьба за детские души теперь ещё больше обострится.

Ребята призадумались.

— Честно говоря, сказал Борька Гуревич, — мы даже не задумывались, что всё настолько серьёзно. Мы думали, это просто наши, детские игры.

— Вы наблюдали когда-нибудь за зверятами? — спросил я, — вам было забавно и смешно, когда котёнок бежит за бумажкой, смешно прыгает и катается по полу. Мало, кто понимает или задумывается, зачем он это делает. На самом деле он так готовится к взрослой жизни, к охоте, нападению, ну, и, естественно, ему надо расходовать энергию. Вы, наверняка, видели, как родители-звери терпеливо сносят все проказы малышей. Потом сами с ними играют. Это не просто игры, это обучение. Они готовят себе смену.

То же самое и у людей. Только взрослые иногда с пренебрежением к нам относятся. Дескать, чем бы дитя ни тешилось... Нам крупно повезло и с нашими равнодушными тренерами, и с военной базой.

— Нам крупно повезло с тобой, — возразил Борька, и отряд согласно зашумел.

— Если бы меня не поддержали, ничего бы не вышло, — ответил я.

— Мой папа сказал, что без умного организатора ничего никогда не получится, даже если все будут готовы помочь и ещё он сказал, что на тебя...

— Вот только этого не надо! — воскликнул я, останавливая Борьку, — я ещё жив, и, как говорят евреи, не дождётесь!

Все, даже Борька, радостно засмеялись.

— Поэтому, пока у меня на душе скребут не кошки, а настоящие тигры, прошу оказать мне посильную помощь, чтобы работа наша не заглохла, а наоборот, только расширялась и углублялась. Сейчас ещё так некстати привязавшийся недуг не разрешит заниматься борьбой. Разрешите мне удалиться, а вы останьтесь, попробуйте самоорганизоваться, потом подадите мне спикс, хочется посмотреть, что выйдет в случае чего.

Я слез с подоконника, взял рюкзак и приготовленные литы ватмана размера А3 и карандаши с красками.

Меня проводили сочувственными взглядами. Наверно думали, буду рисовать портрет Саши и вздыхать. К сожалению, у меня получилась бы лишь карикатура.

Дома я, лишь переодевшись в домашнее, начал рисовать.

Рисовал я свой сон. Испортив пару листов ватмана, я всё же сделал, что хотел. Всё получилось похоже, и волчонок, и Чёрный Щенок, даже цепь выглядела, как живая.

Когда рисунок высох, я разгладил его ладонями. Лист ватмана почему-то затвердел, рисунок сделался выпуклым, волчонок посмотрел на меня живыми (моими) тёплыми карими глазами, а Чёрный Пёс высунул свой окровавленный (моей кровью) нос в комнату, глядя настороженными бездонными глазами. Его чёрная шерсть переливалась, искры в шерсти замерцали.

Я взял тяжёлую картину и примерил в простенке над моим столом, напротив двери. Картина повисла, как приклеенная.

Немного полюбовавшись на свой «шедевр», я хотел сесть за домашние задания, но тоска, опять заставившая сердце дать сбой, заставила меня опять забиться в угол кровати. Оттуда не было видно картины, зато было уютно. Я подтянул коленки к груди, и углубился в приятные воспоминания.

Почему-то слаще всего вспоминалось, как я плакал в парке, а Саша вытирал мне лицо своим платком, как маленькому мальчику, и утешал меня, говоря, что я — самое дорогое, что есть

у него, и он ни на что и ни на кого меня не променяет. Наверно, променял. Почему он не звонит? Ментальная связь вообще заглохла. А ещё говорят, что она может связывать галактики.

«Может» — сказал кто-то внутри меня. Я не удивился, привык разговаривать со своим внутренним голосом.

— Почему же я его не слышу?

«Частота не та»

— Опять двадцать пять! — вздохнул я, — подскажи тогда, на какой надо вызывать.

«Не буду»

— Не знаешь.

«Знаю, но не буду. Догадаешься сам, тогда мешать не буду.»

— Типа, как в сказке, надо износить пять пар железных башмаков?

«Умненький мальчик».

— Откуда ты знаешь? — вырвалось у меня.

«Твоя душа лежит позади меня. Ты так представил нас, пусть так и будет»

— Ты — Чёрный Щенок?!

«Да, называй меня так».

В комнату вошла мама.

— Ты с кем разговариваешь? — спросила она меня.

— Вон с ним, — мотнул я головой в сторону картины.

— Какая прелесть! — сказала мама, протягивая руку к картине.

— Мама!! не трогай! это опасно! — крикнул я. Мама отдернула руку.

— Ты меня напугал.

— Это действительно может быть опасно, — виновато пробурчал я.

Мама села возле меня, обняла. Я доверчиво прильнул к ней.

— Мама, — начал я, — почему вы такие?

— Кто мы?

— Вы, взрослые.

— Ты постоянно мне говоришь, что сам был взрослым. Вот и спроси у себя.

— Мне кажется, я всегда был ребёнком, — вздохнул я, — даже когда был взрослым.

— Почему ты задал мне этот вопрос? — спросила мама, ероша мою отросшую шевелюру.

— Почему вы мучаете детей? даже не чужих, а своих, самых любимых. Вокруг нас крутилось столько мрази: наркодильцы, порностудии, просто бандиты, а Сашу у меня отняли самые дорогие мне люди, которых я уже называл мамой и папой.

Мама глубоко вздохнула:

— Они тоже не принадлежат себе. Им приказали, отказаться они не имеют права, только уволиться. А зачем им увольняться? Чтобы тебе было хорошо? Ты хотел, чтобы они отдали тебе своего сына? А ты о них подумал? Ты о нас подумал? Вот уж... вырастили эгоиста. Подожди немного, приедет он, как только они устроятся на новом месте. Мы созванивались.

Я вскинулся: — А почему он мне не звонит?!

— Он... он болеет. Ты думаешь, тебе одному больно? Его еле откачали. Я же говорю, ты эгоист, — и мама заплакала. Я снова обнял её.

— Ты думаешь, мне легко смотреть, как мой ребёнок сходит потихоньку с ума? Ты думаешь, я не вижу? Мне нельзя сейчас волноваться. И Юрик куда-то исчез...

Я почувствовал укол совести. Пора бы посмотреть, что с мамой, а я погрузился в своё горе, которое, может, и не горе вовсе. Ведь все живы, они где-то есть! Я попытался нащупать связь с Сашей, и даже показалось, что он ответил! Мне стало чуточку легче, и я подключился к маме.

Я увидел. Но не понял, что делать. Потоки Силы. Синие и красные линии, сплетаются и пересекаются. Что это значит? Опустил взгляд вниз. Две крохотные ауры. Я улыбнулся. Два маленьких сердечка, бьются как — то... не знаю, как сказать, неправильно, что ли. Пуповины. Переплелись, но не пережаты. Выше. Это что? Артерии? Почему здесь заполнено, а здесь нет?

И вообще, вся эта мешанина жидкостей, потоков, разноцветья закружило мне голову. Я закрылся.

- Чему ты улыбался? — спросила мама, — видел кого?
- Видел.
- Девочка там есть?
- И девочка тоже.
- Двойня?
- Ты же Близнецы, вот и жди. Подожди мама, я посоветуюсь.
- С кем?!

Я поднял вверх пальчик: тихо!

«Помоги мне».

«Мне некогда. Подключайся к Ноосфере».

«Подключи»

Я понял, что подключен. Это не так, как интернет, здесь ты полностью вливаешься в потоки знания, можно их черпать полной ложкой, растворяться самому. За миллисекунды я был выкачан, все знания скопированы, мне закачаны знания по медицине, и, по-моему, я что-то ещё прихватил. Пока оно улеглось в долговременной памяти. Покопаться бы ещё подольше! Но был безжалостно оттуда выдернут: обмен завершён!

И здесь коммерция! — возмутился я про себя и открыл глаза. Мама не успела даже сделать вдох.

— Сейчас, мамочка! — я снова углубился в изучение её организма, только теперь понимал, что к чему. Более того, знал, *как* это сделать. Перепутанные потоки Силы. Какого чёрта! Кто переплёл Синие, восходящие, с Красными, нисходящими?! Сижу, расплетаю. Подвздошная артерия... Задавлена. Осторожно, осторожно! Увеличенная матка! Получилось. Входим внутрь. Пуповины. Хорошо, не пережаты, расплетаем, освобождаем.

Открываю глаза. Еле живой. Зато мама порозовела, дышит легко, свободно,

улыбается. Я улыбаюсь ей в ответ и теряю сознание.

— Я не знаю, как ему помочь, Юра отказывается, говорит, что боится того чёрного пса.

— Вызови «скорую» Сделают укол, или капельницу с глюкозой поставят.

— Да, «скорая» у нас частый гость. Надо было хотя бы нако-

мать ребёнка, кто же знал...

С трудом открываю неподъёмные веки. Вечер, что ли? Лежу на своей кровати, рядом мама и папа, беседуют.

— Вот видишь, глаза открыл, а ты волнуешься!

— Мальчик мой! Кушать хочешь? — мой желудок зарычал.

— Конечно, хочет! — засмеялся папа.

Мама убежала, колыхая своим огромным животом. Странно, раньше двигалась осторожно.

Прибежала с тарелкой каши. До чего вкусна каша с мясом! Я, давась, съел всё, вылизал тарелку и попросил ещё. Два дня ничего не ел...

— Я посплю? — попросил я. Мне разрешили. Я разделся и лёг.

Ночью я проснулся. Светила полная луна, заливая комнату сквозь занавески ртутным светом.

Я поднялся, отодвинул штору и выглянул в окно. Всё внутри меня радостно задрожало: луна набухла, словно налитая ртутью, приблизилась к Земле, стала объёмной. Я быстро скинул трусики, запрыгнул на стол и распахнул створки. Тёплый ветер охватил моё разгорячённое нагое тело.

Внутри родилось *пение*. Я запел песню призыва. Где-то в далёком лесу мне ответили. Радостно взвизгнув, я прыгнул... и оказался в сильных руках отца.

— Что, Волчонок, сбежать хотел? — ласково спросил он меня.

Я посмотрел на него и улыбнулся, поуютнее устраиваясь на его руках:

— Подумаешь, побегала бы, да вернулась.

— Там же самцы!

— Сучка не захочет, кобель не вскочит!

— А сучка не хочет? У тебя же течка.

Я задумался: — Папа, а если понести от волка, будучи в шкуре волчицы, как выносить волчонка?

Папа растерялся: — Вот уж никогда не задумывался!

— Ты же местный!

— Что ты этим хочешь сказать?

— Ты что, не знаком с оборотнями?

- Нет, ты первая.
- Ну и ну. Мне кажется, тогда невозможно превратиться в человека, пока не выносишь, родишь. Ещё и выкормить надо! Нет, лучше не рисковать!
- Я тоже так думаю! — рассмеялся папа, целуя меня в темечко.
- Знаю, знаю. Опять скажешь, что я колючий.
- Не понимаю, как тебя мама терпит. Я бы своего сама брила. Дурацкая мода. Колется ведь шея.
- Привык уже. Не так видно, что небрит.
- Папа, ты всю ночь меня будешь на руках носить?
- Буду. Ты же носила Юрика, когда он болел.
- Мне было страшно.
- Думаешь, мне было весело, когда ты прыгнула в окно?
- Но я бы приземлилась на клумбу! На четыре лапы!
- Ты это серьёзно? Третий этаж!
- Абсолютно серьёзно. Был момент... — я огляделся. Ночь утратила своё очарование. Луна убежала в неведомую даль, светила ярко, но совсем по — мирному.
- Теперь не смогу. Ты спугнул волшебство.
- Обещай мне больше так не делать. Захочешь побегать, я тебя выведу. Вот только куплю поводок и ошейник.
- Мне на глаза попала картина. Чёрный Пёс улыбался. Моя душа смотрела серьёзно. Раненый бок сочился кровью. Ошейник и цепь держали волчонка крепко. Не убежишь.
- Папа, я никуда не убегу, правда.
- Конечно, никуда я не ушёл.
- Ушёл Юрик.
- Сначала он попросился на пятидневку, потом ушёл жить к Толику, пока тот в больнице. Возле сына сидел папа. Толика откачивали в реанимации, никого, кроме папы, не пускали. Его напичкали каким-то наркотиком. Когда мы начали штурмовать фотостудию, ему вкололи ещё дозу. Хотели убить.
- Папа сказал, что в студии обнаружили тело изуродованного ребёнка. Папа объяснил, что там снимались реалистические порнофильмы с жестоким изнасилованием детей. Я даже взмок.

Если бы я не переселился в это тело и не стал заниматься борьбой, что было бы с Сашей и Толиком?

Страшно подумать!

В школе, придя на тренировку, я узнал от дяди Коли, что Толика перевели из реанимации в палату интенсивной терапии, и что его можно навестить.

Мне всё равно ещё нельзя было бороться, так что я отправился в больницу.

Надо сказать, я пытался поправить свои жизненные потоки. Почему-то себя лечить было очень трудно. Для этого надо было другое знание. Плохо себя видно, неправильно. Осмотрел свою половую систему. Никакой патологии, всё развивается нормально. Но только развивается, ещё не готова...

Надо, надо сходить к Старой Любезной Мариям. Вот помогу Толику, и схожу. Посмотрим вместе. Кстати, надо бы покушать, а то упаду там в обморок, вот смеху будет!

Развернулся и пошёл домой. Дома была мама, она же в декретном отпуске.

Сегодня был борщ с говядиной. Как я соскучился! Навернув тарелку борща, запил компотом.

Осторожно подумал о Саше, старательно обходя сцену прощания. Душу саднило, кровь сочилась. Больно. Я зашипел сквозь зубы.

— Что, Сашенька?

— Больно, мама.

— Посмотришь ещё меня?

— Садись рядом.

Я положил руки ей на живот и углубился в осмотр.

Вроде всё к лучшему, только надо подправить потоки Силы, распутать вот этот клубок, освободить пуповинки. Осмотрел родовые пути. Странно.

Или так восстановилось, или...

— Что, Саша?

— Если бы я точно не знал, что мы с Юриком твои дети, я бы подумал, что ты не рожала.

Мама покраснела, но ничего не сказала. А мне и не надо было. Мне надо было в больницу к Толику.

Зайдя в супермаркет, я взял фруктов: яблок, апельсин, киви. Когда Толик очнётся, ему надо будет что-то есть, а то одной капельницей сыт не будешь.

В больницу меня еле пустили. Хорошо, палата была на первом этаже.

Я зашёл в палату. Возле кровати сидел Максим Сергеевич, держал Толика за руку и что-то ему рассказывал.

Увидев меня, он хмуро посмотрел и отвернулся. Я хмыкнул. Ещё меня будешь обвинять!

— Максим, выйди! — грубо сказал я.

— Ты что себе позволяешь?! — заскрипел зубами Максим.

— Ты хочешь, чтобы твой сын выздоровел? Тебе нельзя смотреть на то, что здесь будет происходить.

Я вовсе не собирался проводить здесь танцы с бубнами. Мне сейчас неприятно было видеть человека, из-за которого мальчик находился в коме.

Он ещё и меня в этом обвинял!

Снова скрипнув зубами, Максим пошёл к двери.

— И никого не пускай сюда! — крикнул я ему вслед.

Хлопнула дверь, я подключился к Толику.

Поправил ему жизненные Силы, вывел оставшуюся дрянь через катетер. Капельницу и кислород пока оставил. Тело было здоровое, но Толик не просыпался. Он не хотел.

Придётся искать его душу.

Я взял его за руку и закрыл глаза.

Я лежу на животе в луже крови. Бок сильно болит. Цепь придавливает к земле. Надо идти к будке.

Завывая от боли, я пополз к будке Памяти. Вот вход.

— Толик! — провыл я в темноту, — выйди, мне тяжело ползать.

Никто не вышел. Я прополз ещё, засунул голову в отверстие. Когда глаза привыкли, увидел в углу вонючей будки жалкого

всклоченного щенка. Очень неопрятного. Шерсть свалаялась колтунами.

— Выходи, давай, гоняться ещё за тобой! Видишь, я ранен, заставляешь за тобой ползать. Как не стыдно!

Поджав хвост, душа Толика выбежала из будки Памяти.

— Почему не возвращаешься? — сердито спросил я.

— Мне стыдно...

— Тебе не стыдно, что за тобой ухаживает куча народу, что папа твой сходит с ума? Меня заставил страдать?

— Я не хотел тебя... Почему ты ранен?

— Саша уехал.

— Что?!

— Его папу перевели во Владивосток.

— Вон оно что. Значит, ты тоже туда уедешь. Твой родной город, ты всегда туда стремился. Зачем тогда мне возвращаться?

— Не валяй дурака. Если я здесь и страдаю, значит, не собираюсь никуда уходить. Здесь моё место. Скоро родятся мои братик и сестричка, не могу их бросить.

— У Яны тоже кто-то родится. Я буду лишний.

— У тебя есть мама.

— Я ей нужен? Даже не звонит. Я написал ей открытку ещё на 8 марта. До сих пор ни слуху, ни духу.

— Может, адрес поменяла, может, болеет, в больнице лежит! Надо выяснять, а не отсиживаться по вонючим будкам.

— Я должен тебе рассказать...

— Потом расскажешь. У меня силы на исходе. Всё. Ухожу.

Я очнулся. Сил, действительно, почти не осталось.

Рука у Толика стала тёплая. Сам он во сне улыбался. Я снял трубки у носа, выдернул капельницу. Катетеры пусть сами снимают.

Посмотрел на спящего Толика, улыбнулся и поцеловал его в губы.

«Спящая принцесса наоборот» — подумал я, взял апельсин и сожрал его вместе с кожурой.

Ещё яблоко. Теперь можно и встать, а то в дверь уже кто-то ломится.

— Можно уже! — крикнул я, и в палату влетела медсестра и папа Толика.

— Что здесь происходит? — закричала сестра, кинувшись к больному.

— Тише ты, ребёнка разбудишь! — прикрикнул я. Толик и, правда, как ребёнок, спал, свернувшись клубочком, и улыбался во сне.

— До свиданья, Максим Сергеевич, прости, если что не так.

— Ты кто, Саша, волшебник?

— Что вы, я только учусь!

Домой я вернулся в приподнятом настроении. Толик скоро проснётся, будет с кем погулять, поплакаться в жилетку. Жаль, что плакать не могу.

За меня плачет моя душа.

Дома я навалился на еду, съел борщ, пюре с двумя котлетами, кружку чая с конфетами и сидел, отдуваясь и поглаживая округлившийся животик.

— Что, Саша, как Толик?

— Выздоровливает, — довольно сказал я, — Скоро проснётся, будем вдвоём, опять будем ночевать вместе, всё будет веселее... — комок в горле перехватил дыхание.

— Не надо, Саша.

— Не надо, — хрипло согласился я, — оно само. Пойду, посмотрю, что задавали.

— Может, здесь? Там твоя картина. Жуть какая. Что означает эта аллегория?

— Волчонок — это моя душа, видишь, она истекает кровью, ранена. В будке хранится Память. Там можно найти любую душу. Цепью я прикован к Памяти. За мной — дом с окошком. В нём меня ждут. Там живут самые дорогие мне люди. Пока горит окно, я никуда не смогу уйти.

— А этот, чёрный?

— Это Чёрный Щенок. Я его так назвал, он согласился. Вообще, это моё представление. На самом деле, конечно, всё не так.

— Ты не хочешь рассказать мне о Чёрном Щенке?

— Я мало знаю. Благодаря ему я не вою от боли, если помнишь, у него морда в крови. Это он зализывает мою рану, и мне легче.

— Или пьёт твою кровь?

— Мне от этого легче. Пусть даже и пьёт. При его помощи я вылечил тебя и Толика.

— Ты не боишься забыть всех? Он зализывает твою боль, значит, тебе будет не страшно нас потерять?

— Ты же видишь, как мне больно, даже с его помощью.

— Вижу, сынок. Ты держись.

— Наверно, хорошо, что я два в одном. Когда занимаешься мужскими делами, отвлекаешься от женских переживаний.

— Мама засмеялась: — Какое счастье, что вы у меня есть!

Я чмокнул маму в щёчку и побежал делать уроки. Впрочем, какие уроки, скоро летние каникулы.

Утром я встал, как обычно, рано. Начал делать зарядку. Всё было нормально, пока не забрался на турник. На пятом разе по ногам что-то потекло горячее. Спрыгнул вниз. Пятная пол кровью, побежал в ванную.

Чёрт! С какого перепугу? Рано напрягаюсь? Нечего перетруждать большую тушку. Теперь ещё пол мыть.

Дождавшись, когда стечёт «дурная кровь», промыл раствором, и запечатал тампоном. Не повредить бы мембрану, доказывай потом!

Самый доверчивый мужчина не поверит таким сказкам. По себе знаю:

— У тебя была девушка?

— Была. Один раз.

— У меня был парень. Тоже один раз.

И никаких доказательств не требуется.

А я хочу, чтобы у меня был первый и последний. На всю жизнь. Ещё бы он был рядом. А то уйдёт в свои дурацкие моря, и опять вой на Луну.

На Луне живёт богиня всех волков и собак Акбара, что значит Предвышняя. Видите, она сидит, и поёт песню, раскрыв пасть?

Мне снова захотелось посмотреть на Луну.

Ночью посмотрю. Папа не купил ещё поводок? Надо поторопить, а то скоро кончится полнолуние.

Я вылез из ванны, вытерся, внимательно осмотрел себя, нет ли где пятен крови, и оделся. И тут вспомнил. Сегодня у меня день рождения. Тринадцать лет.

Сразу упало настроение. Я поплёлся к себе. Когда проходил мимо кровати родителей, папа шепнул, чтобы не разбудить маму:

— С днём рождения, дочка!

— Угу, — буркнул я. И правда, дочка, с тампоном то.

— Что, опять?

— Опять.

Папа с кряхтением встал, прошёл в туалет. Потом, молча, налил в ведро воду и стал мыть пол. Я остолбенел. Первый раз такое вижу.

Но долго смотреть было неудобно, я опять забился в свой угол и стал думать ни о чём. Потом появилась и оформилась мысль. Саша. Больной, страдает, говорят, чуть живой. Сашенька, у тебя даже нет Чёрного Щенка, чтобы облегчить тебе боль. Как же ты держишься? Что говорят мама и папа? Что я злая колдунья? Околдовала их сыночка? Что не отдадут его мне? Почему-то здесь никто не думает, что Саша меня околдовал. Любовь зла. Это болезнь, но какая сладкая! Даже боль.

Папа пришёл и сел рядом.

— Ну что случилось? Вчера ты была веселее.

— Ты сам сейчас видел.

— Ну и что? Первый раз, что ли? Или плохо тебе?

— Ты знаешь, по какому поводу мне плохо.

— Иди ко мне на ручки.

Я послушно перетёк к папе на руки.

— Ух ты! — удивился папа. — Как это ты?

— Нас учат разведчики, — скромно сказал я.

Папа легко поднял меня и понёс из комнаты. Остановился возле картины.

— Что это означает?

— Волчонок — это я. Свет в окошке, это вы с мамой и все, кто меня любит и ждёт, Чёрный Щенок хочет меня увести в Миры, но меня держит на цепи Память о вас. Когда меня забудут, цепь порвётся, и я уйду.

— Ну, это будет не скоро, только после нашей смерти, и то, наши дети будут тебя любить, опять будет, кому тебя ждать. Почему ты так изранен?

— Это моя душа, она срослась с душой Саши, теперь они обе так выглядят, потому что нас разлучили.

— Да, жуткое зрелище. Они болят?

— Ещё как. Всё время.

— Бедная девочка. Что будет, если вас соединить?

— Раны зарастут, и души сольются.

— Что же это будет?

— Я не знаю. Знаю только, что мы будем единым существом.

— Даже не знаю, чем вам помочь.

— Жить в одном городе. Если бы можно было переехать во Владивосток...

Папа хмыкнул: — оттуда все уезжают в Центральную Россию.

Я пожал плечами: — А мне там нравится.

— Сашу обещают привезти на каникулы.

— Дожить бы ещё до них! — Вырвалось у меня.

— Что ты такое говоришь?!

— Очень тяжело, папа, — я устроился на его плече, закрыл глаза.

Папа промолчал, поглаживая меня по голове.

В этот момент прозвенел звонок у входной двери.

— Наверно, к тебе. Откроем? — я кивнул.

Мы открыли дверь, и через порог шагнул Дмитрий Алексеевич и дядя Коля.

— С днём рождения, Принцесса! — рявкнули они, — и впрямь Принцесса, на руках несут.

— В такой праздник можно и поносить. Я отпросился с работы, отпросил дочку в школе, хотя там тоже хотели её поздравить. Но я сказал, что ей нездоровится.

— Ей правда нездоровится? — нахмурился куратор, — во двор она может выйти?

— Я вынесу, — сказал папа.

Мы вышли во двор.

— Саша хотела японскую машину. Получи, Саша!

Я даже засмеялся. Действительно, машина!

Перевязанный розовой ленточкой, на подножке стоял велосипед.

С номером 13. Мой тринадцатый год. Я стёк из папиных рук на землю и подошёл к этому чуду. На раме было написано: «Шурёнок». Я любовно погладил руль, раму, сиденье. Японская модель. Специально для девочек моего возраста. С корзинкой, с фонариком.

— Это мне? — спросил я.

— Тебе! — засмеялся куратор, довольный, что мне понравился подарок, — Прокатись!

Я аккуратно развязал ленточку и сел в седло, даже не подумав, умею ездить, или нет. Наверно, уверенность мне и помогла, я очень красиво прокатился по дворику. Под завистливые взгляды детворы.

— А это — противоугонная система, — протянул он мне тротик с замком и ключом, — я верю, что со двора никто не возьмёт, но в городе ещё не знают, чья это машина.

— Шурёнок! — сказал я, поглаживая надпись.

Дядя Коля широко улыбался, радуясь, что меня удалось развеселить.

— В ресторане «Сосновый Бор» заказан зал, собираются многие знаменитые спортсмены, мы договорились, и сняли ещё несколько столиков, на двадцать человек. На всю стаю Шурёнка. Конечно, приглашаем и вас.

— Ой, не знаю, — сказал папа, — у нас мама на последнем месяце.

— Ну и что, там же будут дети, всё будет пристойно, только шампанское, коньяк, тем более что у детей будет отдельный стол. А тебе, Саша, надо быть обязательно, а то ребята не поймут, зачем их пригласили, и разойдутся по домам.

— Как бы тебе не было паршиво, — добавил он.

Потом они по очереди взяли меня на руки и поцеловали.

Распрощавшись, сели в машину и уехали.

Тут же набежали ребята, которым надо было во вторую смену.

— Вот это велик!

— Прокатиться дашь?

— С днём рождения, Саша! — сказал Тёма.

— Тёма! — сказал я, протягивая ему тросик, — покатайтесь, только не расшибитесь, не выезжайте из двора. Ты старший, отвечаешь за детей! Потом пристегнёшь в подъезде к перилам, ключ занесёшь. К борьбе за справедливое дело будь готов!

— Всегда готов! — Отсалютовал Тёма. Мы уже принимали в скауты с 9 лет.

Оставив детей осваивать технику, мы поднялись домой.

— Мама, нас пригласили в ресторан! Надо идти, нам заказаны столики.

— Куда же я с таким животом?

— Папа подвезёт, или такси закажете.

— А ты петь будешь?

— Боюсь, от моих песен все будут выть вместе со мной.

— Всё равно тебя приятно слушать, даже если ты поёшь волком!

— Ты слышала?

— Тебя не слышал только глухой.

— Мама, давай испечём торт. С меня коржи. Впрочем, я сделаю всё сам.

— Давай испечём! — засмеялась мама.

В это время зазвонил папин телефон.

Папа взял трубку, послушал.

— Да ты что! — воскликнул он радостно.

— Ну вот, Шурёнок, ещё одна радостная весть сегодня. Толик очнулся. Уже встаёт, даже ходит. Ребята твои уже знают, сейчас все соберутся у больницы.

— Папа, съездим?

— Съездим, сынок!

Когда мы приехали к больнице, там уже собралось не меньше половины нашей стаи. Даже Вовчик с рукой на перевязи был здесь. Ребята оживлённо переговаривались с кем-то, кто стоял по ту сторону окна.

Я раздвинул ребят и подошёл поближе. Ребята у окна обернулись и отошли. Мы с Толиком оказались друг напротив друга. Секунду помолчали, и вдруг лицо Толика исказилось гримасой боли, и он повернулся и выбежал из палаты. Ничего не понимая, я перескочил через подоконник, не обратив внимания на его высоту, и бросился в погоню.

Нашёл я его за металлическим шкафом в коридоре.

Он сидел на полу, закрыв голову руками.

— Ты чего? — спросил я его, присаживаясь рядом.

Толик помолчал, потом обречённо посмотрел на меня, и сказал:

— Я обещал тебе всё рассказать.

— Что рассказать?

— Всю правду.

— Какую правду?

— Про фотоателье.

— Мы уже знаем, что там была детская порно студия.

— Значит, взяли их?

— Взяли.

— Теперь слушай про меня.

— Да зачем мне сейчас слушать про тебя. Пойдём отсюда.

— Саша, ты знаешь, как мне хотелось есть?! Папа с друзьями пили водку, сидел у себя в комнатке, и ждал, когда они уснут. Тогда я рылся в помойном ведре, разыскивая объедки. Знаешь, какие вкусные головы копчёной селёдки? Я их съедал целиком, вместе с жабрами! Помнишь, ты чистил

селёдку? Меня так и подмывало попросить у тебя голову, которую ты выбросил. Картофельные очистки с кожурой от колбасы тоже нравились. Меня ветром качало, я просто не жаловался. И, когда на улице мне предложили заработать, просто позируя, как я мог отказаться?

Тем более, ничего больше не предлагали, только переодеться в костюмчик, принять соответствующую позу, и тебе дают тыщу, а то и две!

Ты представляешь, какое это богатство! Впервые за долгое время я был сыт.

Потом мне предложили привести друга. Друг у меня был один — ты.

Ты согласился мне помочь, даже бесплатно, ты отдавал все деньги мне.

Дальше — больше. Они предложили сняться в трусиках, в плавочках, в купальниках. А когда они увидели, какой ты, они даже затряслись, выкатили мне сразу 10 тысяч! Если бы я знал!

Потом они предложили нам сняться голышом. Я согласился, ты тоже. Хорошо заплатили. Ты так смеялся, когда они показали тебе фотку с писью!

В следующий раз нам сначала налили чаю. Я выпил, мне понравилось. Ты выпил, и осоловел.

С тобой могли делать, что хотели. Хотели они, чтобы я тебя... с тобой...

Но я не смог, я кричал и вырывался. Тогда один из них сказал, что, если я не хочу, тогда он сам. И начал раздеваться. Меня держали, а я кричал, пока не охрип. Тогда хозяин сказал, чтобы тебя не трогали, что у него есть заказчик на экзотику, когда будет заказ, они отловят нас, и продадут.

Они поставили тебя в позу, и сфотографировали, потом поставили на колени, засунули в рот огромный банан, и снова сделали снимок.

Никто тебя не насиловал, хозяин сказал, что им нужна девственность, без повреждений.

Я слушал, это всё, как жуткий бред, Это было со мной?

Меня хотели использовать? Я оглянулся, чтобы убедиться, что это не сон.

Рядом стоял Максим, закусивший руку.

— Они отдали нам флешки с фото, и сказали, чтобы мы помалкивали, иначе они выложат эти фото в интернете.

Дома я посмотрел. На этом бы всё и кончилось, но за тобой стал ухаживать Вовчик, и ты с ним стал дружить.

Тогда я совершил подлость.

Я подкинул Вовчику флешку с твоими фотографиями. Я думал, он просто отстанет от тебя, но он начал тебя бить, обзывать всякими словами, ты ничего не понимал, но терпел. Меня не били. Зачем? Я смотрел, и обсыкался. Они смеялись надо мной, а я понимал, что так мне и надо.

У меня были деньги, и я купил себе памперсы.

Кто-то догадался, и один раз меня раздели... я не сопротивлялся.

Вовчик понял, кто сделал подлость по моему поведению, начали надо мной потихоньку измываться, но большей всего мне было видеть, как они бьют тебя. Ребята заставляли смотреть. Замахивались на меня, и я опять был мокрый и дрожащий, пока ты им не отомстил.

Наверно, это всё. Когда ты сказал, что ничего не помнишь, я так обрадовался! Но теперь, когда ты вытащил меня, ты должен знать всё.

Я сидел, как оплётанный. Зачем Толику, моему Толику, ворошить эту грязь? Ведь всё кончилось. В день моего рождения так поступить со мной.

Я с трудом поднялся на ноги. Что-то тело плохо меня слушается.

— Прости нас, Саша, — тихо попросил Максим.

— Пойду, подышу свежим воздухом. Душно, — ответил я, и пошёл на выход.

Выйдя на улицу, совсем потерял контроль над телом и упал на руки подбежавшему отцу. Он посмотрел в мои широко открытые глаза и закричал: — Доктор! Есть тут доктор?!

Пришёл доктор, посмотрел на меня и сказал:

— Сильное нервное истощение. У вас дома всё в порядке?

— Конечно, нет, — ответил папа.

Следом вышел папа Толика с бесчувственным Толиком на руках.

Нас обоих положили в одну палату.

Я всё видел и слышал, но мне было всё безразлично. Потом мне стало скучно, и я закрыл глаза.

Чёрный Щенок подбежал ко мне и начал лизать рану. Стало легче.

Я повернул к нему голову и спросил: — ну и что?

— Сейчас пойдём гулять! — сказал он.

— Как это?

— А вот так! — Чёрный Щенок взял, и отделил меня от волчонка на цепи.

Тот остался на месте, а мы — рядом.

— Это как получилось? — удивился я.

— Получилось. Твои связи ослабли. Я отделил от материальной части души волновую. Теперь можно побегать по Мирам.

И мы побежали, гоняясь друг за другом.

Бегали мы по звёздным скоплениям и туманностям, из-под лап разлеталась звёздная пыль, пока не добежали до цветных клубящихся столбов. Я встал, как вкопанный.

— Ты чего? — досадливо спросил меня Чёрный Щенок.

— Красота какая! — восхищённо сказал я.

— А, это. Я уже давно не удивляюсь. Здесь много такого. Кстати, знаешь, что высота столбов — несколько миллионов световых лет?

Побежали дальше!

Так мы и бегали, пока я не проснулся. Открыл глаза и оказался в унылой больничной палате. Мне стало мерзко, и я снова закрыл глаза. Кто-то сидел рядом, и что-то бубнил.

Потом я понял, что папа мне что-то рассказывает. Ночные видения потихоньку развеялись. Я опять слышал и всё видел,

но не чувствовал своего тела. Папа говорил, что маму отвезли в роддом на сохранение, и, возможно, дети родятся недоношенными.

Мне было всё равно. Скорее бы уснуть.

Когда я снова заснул, Чёрный Щенок снова меня ждал. На этот раз мы побежали в Галактику, бегали по Млечному Пути.

«Мы катимся на санках по Млечному Пути»

Щенок засмеялся, и появились санки с загнутыми полозьями, похожие на хрустальные. Мы вскочили на них, и помчались, как с горки.

Накатавшись, мы поиграли в догонялки между спиралей, поиграли в прятки. Было очень весело.

Когда я проснулся, в палате была куча народу. Какие-то маленькие люди.

они что-то кричали, махали руками, что-то рассказывали. Что они суетятся?

Никакого смысла в их движениях я не видел, куда интереснее было среди звёзд. Чёрный Щенок показывал такую красоту, что дух захватывало.

Легендарную Конскую голову я разглядывал со всех сторон, причём это было не голография, а реальный космос. Щенок показал мне Ноосферу, рассказал, как к нему подключаться, не отдавая свои знания, то есть бесплатно. Мне пока это было неинтересно, мне было интересней просто бегать и смотреть. Кончилась и эта ночь. Опять сидел папа, что-то говорил, я не слушал, ожидая новой ночи.

На следующую ночь Чёрный Щенок привёл меня к интересному месту.

— Это твой Мир, — сказал он.

— Почему он так выглядит?

— Потому, что мы смотрим на него со стороны. Каждый Мир имеет своё место в Мегамире. Похоже на пузырьки пены. Только каждый пузырёк — бесконечен, как будто пространство Мёбиуса, сколько ни иди в одну сторону, до края не доберёшься, Мир — пузырёк бесконечен. Он наполнен энергией, как колебательный

контур. Когда энергия кончается, пузырьёк схлопывается, давая место другому миру.

— Сколько живёт пузырьёк?

— Если считать по — Земному, примерно десять миллиардов лет. Но, если смотреть отсюда, пена постоянно обновляется. Хочешь внутрь?

Я кивнул.

Мы проникли внутрь пузырька и очутились в бесконечном Мире, наполненном миллиардами Галактик.

— Чем этот Мир отличается от тех, где мы были?

— Почти ничем. Я тебя не водил по непохожим Мирам. Тебе будет неприятно. Когда здесь тебе надоест, можешь заглянуть.

Теперь посмотрим на твою планету.

Мы зависли на окраине Галактики. Крохотная Солнечная Система пряталась, цепляясь за туманный рукав.

Ещё скачок, и мы возле голубой планеты.

— А сейчас посмотрим так:

Планета растянулась светящейся линией, уходящей в бесконечность.

— А теперь так:

Я вдруг увидел дорогу, на дороге мальчика с портфелем.

— Узнаёшь?

— Это же я!

— Да, это ты. Я произвольно выбрал точку соприкосновения. Мы смотрим из Базового Мира. Отсюда видно Время. Отсюда можно уйти в жизнь любого человека, с любого момента, можно прожить всю его жизнь.

— Хочешь, вселю тебя в тебя маленького, и ты проживёшь всю ту жизнь, умрёшь, проживёшь эту, и здесь мы опять встретимся, причём для тебя пройдёт лет семьдесят, а я могу тебя встретить, сделав лишь один шаг. Или вынуть тебя из этого потока Времени, когда захочу, или ты захочешь.

— Я пока не готов, мне и так жутко интересно.

— Нам пора, приближается утро в твоём новом мире.

Я проснулся. Папа с бородой, в которой серебрилась седина, сидел у моей кровати, и плакал.

— Что я скажу Саше? — говорил он, не вытирая слёз, — Приедет, а ты в коме! — папа взял мою руку и прижался к ней щекой.

— Что?! Что это! — жутко вскрикнул папа.

Я отдёргнул руку:

— У тебя щека колючая.

— Саша! Саня! Выходили!

Я открыл глаза. Было ещё раннее утро.

— Ну Саша!

Я встал и подошёл к окну. На дворе стояла толпа ребят. Среди них я видел Толика, Вовчика, Валю. Тёму...

— Выходиии! — завопили ребята, — мы проиграли, пока ты болел!

— Не выйду! — сказал я, — вы меня побьёте!

— Побьём! — радостно заорали они, — если не выйдешь!

— Да выходи ты! — недовольно сказал папа, — весь дом перебудили.

Я засмеялся и подошёл к кровати, на которой спал Юрик. Самый замечательный братик в мире. Такой милый!

Сбегал, умылся, надел майку и шорты и побежал на улицу, в радостный и счастливый мир детства!

Был ещё один повод для радости: ко мне ехал Саша!

ОГЛАВЛЕНИЕ

в Куда я попал?!	4
Домашние заботы	19
Школа	47
Меня вгоняют в краску	77
Операция «Тренер»	98
Осенний бал. Наваждение	120
Бедная Саша!	143
Новый год	160
Спортивные сборы	217
Я болею	241
Мне 13 лет. Вот такой праздник	363

Машков Александр

Отклонение от нормы, или приключения томбоя,
обыкновенные и невероятные
Книга первая

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero